

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

3 (69)

Июль – Август – Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2020

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2020
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2020
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

3 (69)

July – August – September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 r.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2020

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem), Prof. *Carlo Lippolis* (Torino),
Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow), Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow),
Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow), Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow),
Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow), Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk),
Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk), Prof. *Alexsey Zavoykin* (Moscow),
Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2020), 5–48
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2020), 5–48
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-5–48

РИМСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ТАЗЫ EGGERS 99–106 В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

М.Ю. Трейстер

Германский археологический институт, Берлин, Германия
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Аннотация. Рассмотренные в этой работе римские бронзовые тазы типов Eggers 99–106, преобладающее большинство находок которых происходит из Помпей, получили довольно широкое распространение как в Свободной Германии, так и в образовавшихся в первой половине I в. н.э. римских провинциях Нижней Мезии и Фракии. Находки таких тазов в Иудее, Хадрамауте и Западной Индии, свидетельствуют о том, что такие тазы распространялись и в Восточном Средиземноморье и, вероятно, по морским путям доходили до Южной Азии. Количество находок на территории Восточной Европы (33) превышает аналогичные данные для территории *Germania magna* (21 экз.) и Фракии (18 или 21 экз.). Обращает на себя внимание также полное отсутствие находок таких тазов или отдельных ручек в античных центрах Северного Причерноморья и их географическую концентрацию в погребениях кочевников на Нижнем Дону и в Прикубанье, которую можно сопоставить лишь с близкой концентрацией находок таких тазов во Фракии.

Данные об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, научный сотрудник Германского археологического института.

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. – III в. н. э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Соответственно данная статья проиллюстрирована материалами из погребений с территории Азиатской Сарматии. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов из которых представлены здесь: О.В. Григоренко (Аксаи, АВИМ), М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), Н.В. Хабаровой†, А.В. Жадаевой (Волгоград, ВОКМ), А.Г. Язовских (Ростов-на-Дону, РОМК), В.П. Копылову и А.Н. Коваленко (Ростов-на-Дону, ЮФУ), М.В. Герасименко (Таганрог, ГЛИАМЗ), С.А. Науменко и Н.С. Щербаковой (Танаис, АМЗ), Е.Н. Плаховой (Энгельс, ЭКМ). Моя искренняя благодарность Е.А. Величко (Киев, Музей исторических драгоценностей Украины) за предоставленные мне фотографии таза из Чугуно-Крепинки и Ю.П. Зайцеву (Симферополь, Музей Неаполь Скифский) за предоставление рисунка таза из Усть-Альминского могильника.

Эти тазы начинают поступать в Сарматия не позднее второй половины I в. н.э., при этом они найдены в комплексах, датирующихся от второй половины I до первой половины III в. н.э. Возможно, столь длительное бытование некоторых тазов является дополнительным фактором, объясняющим факт полного или частичного отсутствия ручек и ремонта некоторых тазов, который мог производиться как в мастерских ближайших боспорских центров, прежде всего Танаиса, так и непосредственно кочевниками.

За редкими исключениями в тех случаях, когда известно определение пола погребенных, тазы были найдены в мужских погребениях. Кроме того, в одном случае фрагменты таза были найдены в тризне кургана с женским погребением. Как именно использовали эти тазы сарматы мы не знаем, но вряд ли по их первоначальному назначению, также как и германцы. Тем не менее отметим, что в погребениях кочевников Азиатской Сарматии абсолютно преобладали крупные (диаметром 33,5–38 см) и очень крупные (40–45 см в диаметре) тазы. При этом среди найденных в Крыму, Северо-Западном Причерноморье и Приднепровье тазов абсолютно преобладали малые тазы диаметром 25–30 см, а в Прикубанье встречались, как крупные, так и мелкие тазы. Наиболее часто тазы были найдены вместе с коваными кувшинами (*Blechkanne*), реже – с цедилками и черпаками типа Eggers 160 и ковшами.

По сравнению с распределением других категорий римской бронзовой посуды, в частности более ранних ковшей первой половины I в. н.э., отметим чрезвычайную редкость находок тазов как в могильниках Юго-Западного Крыма, так и в сарматских погребениях Среднего Приднепровья, а также отсутствие их находок в Южном Приуралье и Зауралье.

Ключевые слова: римская бронзовая посуда, тазы, римские импорты, Римская империя, Свободная Германия, Фракия, Северное Причерноморье, Азиатская Сарматия

1. Общие замечания о типологии тазов

Х. Эггерс разделял тазы типов 99–100 «среднего» времени на два типа по форме атташей, выделяя в тип 99 тазы с атташами в форме змеиных головок, а к типу 100 относя атташи „mit vergrößerten Konturen“¹. Исследователи уже справедливо отмечали проблематичность такого разделения тазов по форме атташей, тем более что у многих тазов ручки повреждены или утрачены, и предложили рассматривать их как тип Eggers 99/100².

Подобно тазам типов 99 и 100, и тазы последующих типов были разделены Х. Эггерсом преимущественно по форме атташей. Вызывает вопрос существование формы Eggers 101, которая определяется как аналогичная предыдущей, т.е. Eggers 100, но без ручек. К типу 102 отнесен один таз с атташами изображающими «морских собак», к типу 103 – один таз с атташами в форме лебедей, типу 104 – один таз с атташами в форме козлов, 105 – без ручек, с рельефным дном, 106 – без ручек, с гладким дном³. Тазы типов Eggers 102–104, которые в настоящее время рассматривают в целом, без выделения отдельных типов⁴ или с разделением

¹ Eggers 1951, 169, Taf. 10.

² Kunow 1983, 22–23, 60, 72; Wielowiejski 1985, 199–200; Lund Hansen 1987, 52; Паев, Наumenko 1993, 154–155; Petrovsky 1993, 114; Bienert 2007, 158; Schuster 2010, 47; Паев 2013, 168–170; Mustăță 2017, 130–132.

³ Eggers 1951, 169.

⁴ Berke 1990, 24–25 (отмечает сложность разделения между собой тазов типов 99–100 и 102–104); Mustăță 2017, 131–132.

всех тазов типов 99–106 на крупные и мелкие⁵, в отличие от тазов типов 99–100 не встречаются ни в Помпеях, ни в других памятниках окрестностей Везувия, что дает основания предполагать возможность их изготовления в мастерских Рейнской области и Паннонии⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что помимо формы и пропорций, а также использования омеговидных ручек рассматриваемые тазы, как правило, объединяет характерное оформление края – утолщенного с ровной или скошенной внутрь верхней площадкой, образующей закраину с внутренней стороны. На этом фоне выделяются оба таза, найденные в «Пещере писем» в Иудейской пустыне, с широким отогнутым наружу и плавно загнутым вниз краем⁷. Хотя среди тазов, найденных в Помпеях, есть вариант с отогнутым наружу краем – он либо закругленный или ровный, но не отогнутый вниз и, как правило, не такой широкий⁸. Кроме того, обращают на себя внимание необычно высокие цилиндрические поддоны тазов из Иудеи с канавками с внешней стороны. Возможно, эти особенности свидетельствуют в пользу изготовления этих тазов в другом центре?

Показательно, что в монографии 2008 г. все четыре бронзовых таза, найденных на территории Украины, были отнесены А.В. Симоненко к типу Eggers 100⁹, а в книге, опубликованной в 2011 г., два таза отнесены к типу Eggers 100, а два других (из Чугуно-Крепинки и Вербков – к типу 102)¹⁰, при этом таз из погребения № 1 кургана № 1 группы 4 у села Вербки¹¹ в тексте книги А.В. Симоненко 2011 отнесен к типу Eggers 102¹², а в каталоге той же книги – к типу Eggers 100¹³. Не очень понятно на каком основании А.В. Симоненко изменил (частично изменил) атрибуцию тазов из Чугуно-Крепинки и Вербков, если ручки обоих тазов имеют атташи в форме птичьих головок, а не морских собак!

С учетом отмеченного выше, все тазы на поддонах с припаянными к ним парными омеговидными ручками будут рассмотрены здесь вместе. Безусловно отдельно я останавлиюсь на особенностях их формы и атташей.

Тазы типов Eggers 99–100 (Petrovsky XV, 1–2, Tassinari S4000) появляются не ранее позднего этапа правления Тиберия и производятся в течение довольно длительного времени: от ок. 25/35 до 115/130 гг. н.э.¹⁴ Тазы, представленные в Помпеях и Боскореале многочисленными находками с омеговидными ручками, оформленными в центре тремя валиками, и с атташами в форме головок птиц, змей, гиппокампов и грифонов (по сведениям, приведенным Р. Петровски, в Помпеях было найдено 34 экз., по данным С. Тассинари – 71 экз., включая 20 отдельных ручек¹⁵; при этом в статистику не включены сосуда из Помпей, хранящиеся

⁵ Bienert 2007, 157–165, формы 55–56.

⁶ Kunow 1983, 23, 61; Mustățã 2017, 132.

⁷ Yadin 1963, 46–48, nos. 1–2, fig. 10, pls. XII–XIV (дм. 37,6 и 40 см).

⁸ Tassinari 1993, I, 96; II, 234–235, S4321–4322.

⁹ Simonenko 2008, 19.

¹⁰ Симоненко 2011, 57–60.

¹¹ Simonenko 2008, 19, 62, Nr. 49.1; Taf. 39, 2; 89, 1.

¹² Симоненко 2011, 57, 59, рис. 37.

¹³ Симоненко 2011, 181, № 32.1.

¹⁴ Petrovsky 1993, 114–118, Typ XV, 1–2; Erdrich 2001, 44; Bienert 2007, 158–159; Luik 2016, 216, 217, Abb. 1, 9–10; 218.

¹⁵ Помпеи: Tassinari 1993, I, 95–97, II, S4000, 221–238, tav. LVII–LXIX. – Боскореале: Oettel 1991, 47, Nr. 18–19, Taf. 18; Gorecki 1993, 235, Nr. B18; 240, Abb. 3, 18; Petrovsky 1993, 115.

в европейских музеях и коллекциях – только в Эрмитаже таких четыре экземпляра¹⁶), получили довольно широкое распространение, в частности на территории *Germania magna* (21 экз.)¹⁷. Впрочем, известны они в Подунавье¹⁸, в Рейнской области¹⁹, в Нижней Мезии и Фракии²⁰ и в сарматских комплексах Северного Причерноморья²¹, где их особенно много в Прикубанье²². Таз этого типа был найден при раскопках дворца в Дедоплис Гора в центральной Иберии²³, два таза – в «Cave of Letters» – в Иудейской пустыне²⁴. Еще одна находка происходит из погребения

¹⁶ Волкович 1941, 229, табл. V, 1.

¹⁷ Petrovsky 1993, 116. См. карты их распространения в Западной Европе: Sedlmayer 1999, 62, Karte 9 (с разделением, в тех случаях, когда возможно на типы 99 и 100); Schuster 2010, 47, 48, Abb. 14 = 2016, 97, Abb. 3 (только на территории *Germania magna*) – судя по карте, на территории *Germania magna* найден 21 экз. сосудов.

¹⁸ Karasová 1998, 26–27, Karte X; Taf. III, 100; Hrnčiarik 2013, 54, Taf. XXXVIII, 389.

¹⁹ Holliger, Holliger 1985, 7, Taf. 9; 9, Nr. 72–73; Koster 1997, 86–87, no. 117 (дм. 25,3 см, в. 9,9 см); Kapeller 2003, 89, 111, pl. 10; 136, nos. 69–72; Bienert 2007, 157–165; См. также ручки с атташами в форме гиппокампов и протом собак из Бельгии: Faider-Feytmanns 1979, 172, nos. 350–351, pl. 132.

²⁰ Raev 1977a, 624–626, Beil. 4; Onurkan 1988, 41–42, nos. 34–37, figs. 6–8; Petrovsky 1993, 116–117; Nenova-Merdjanova 2011, 119, fig. 7a. – Чаталка, 6 экз.: Raev 1977a, 636, Nr. 16–20, Taf. 37, 5; 39, 3; 40, 4; Рошава Драгана, могила № 1: Кат. Стара Загора 1984, № 52; Буюклиев 1986, 35, 65, № 21, табл. 2 (дм. 35,0 см, в. 11,8 см), рис. 15, B1; Курган № 4, центральное погребение: Кат. Стара Загора 1984, № 55; Буюклиев 1986, 75, № 145; Курган № 5: Кат. Стара Загора 1984, № 56–57; Буюклиев 1986, 81, № 237–238; Курган № 6: Кат. Стара Загора 1984, № 58; Буюклиев 1986, 85, № 287, табл. 23 (дм. 29,0 см, в. 12,5 см), рис. 15, B2; Курган № 7: Кат. Стара Загора 1984, № 59; Буюклиев 1986, 89, № 348, табл. 26 (дм. 31,2, в. 11,6 см) рис. 15, B3. – Карагач в районе Анхиало, курган (дм. 32,5 см): Велков 1928–29, 22–23, № 6, рис. 18–19 (атташи украшены головками Силена); Raev 1977a, 637, Nr. 38. – Пловдив: Raev 1977a, 639, Nr. 56. – Садово, погребение 2/1958: Жуглев, Калудова 1963, 37, № 1 (найден во фрагментированном состоянии, не изображен, сопоставлен с тазом из Карагача); Raev 1977a, 639, Nr. 65. – Карагач: Onurkan 1988, 39–40, no. 34, pl. 18b (дм. 25,2 см, в. 7,5 см, без ручек), рис. 15, B4. – Поморие, курган II: таз и ручка от второго таза: Raev 1977a, 639, Nr. 60, Taf. 23, 3. – Смочан, трупосожжение № 2/1975: Raev 1977a, 639, Nr. 68, Taf. 35, 5. – Визе А: Raev 1977a, 641, Nr. 99; Onurkan 1988, 40, no. 35, pl. 19, a–c (дм. 28 см, в. 10,7 см), рис. 15, B5. – Умурча B2: Onurkan 1988, 40, no. 36, pl. 20, a–d (дм. 34,5 см, в. 13 см), рис. 15, B6. – Визе В: Raev 1977a, 638, Nr. 44; Onurkan 1988, 40–41, no. 37, pl. 23, b (ручка). С учетом вероятнее всего относящихся к этому типу нижних частей двух тазов из гробницы у с. Мадрец (Raev 1977a, 638, Nr. 46 (определенно относится к ним); Буюклиев 1984, 11, № 3–4, рис. 7), а также новых находки в Тутраканци в Варненской области на северо-востоке Болгарии (дм. 40,8 см, в. 13,3 см, одна ручка утрачена), рис. 15, B7 (Лазаров, Митков 1993, 67–68, № 2, табл. II, 1–2), в Караново в районе Новой Загоры (по любезной информации К. Господинова, одна ручка таза утрачена, в. 12,6 см, дм. 35 см, рис. 15, B8) (Ignatov, Gospodinov 2013, 32, 35, Abb. 17, 4) и в Кочериново, «Большой» курган, раскопки 1992: фрагментированный таз с ручками с атташами с фигурками птиц, отнесен в публикации к типу Eggers 104 (Bojkova 1997, 72–73, fig. 1), а также с наибольшей вероятностью происходящего с территории Болгарии таза из коллекции В. Божкова (дм. 31,5 см, в. 12 см), рис. 15, B9: Marazov et al. 2005, 175, no. 210–18 (21) экз.

²¹ Олонешты: Мелюкова 1962, 197–199, № 1, рис. 2, 2; Кропоткин 1970, 24, № 33; 98, № 851, рис. 67, 10; Petrovsky 1993, 117; Курчатов, Бубулич 2003, 299, рис. 6, 2; Simonenko 2008, 19; Bărcă 2009, 78, fig. 7, 4; Pora 2010, 58, Abb. 3; 2016, 426, Abb. 4; Симоненко 2011, 59–60, рис. 33–34, 35, 1. См. также таз из могилы № 700/1998 некрополя Усть-Альминского городища, ошибочно атрибутированный как патера типа Eggers 155: Пуздровский 2007, 169, № 1, рис. 149, 1 (дм. 31,2 см, в. реконстр. ок. 11,0 см по рисунку с масштабом; Puzdrovskij 2013, 299 (упомянута). См. также с правильной атрибуцией: Труфанов 2009, 130, рис. 3, 6; 133. Таз был поставлен в могилу целым; его нижняя часть с поддоном разложились из-за контакта с органикой (любезное сообщение Ю.П. Зайцева) (рис. 4, 1).

²² Marčenko, Limberis 2008, 279–280.

²³ Löhr 2008, 156, 160, no. 3, pls. 60, 64 (дм. реконстр. ок. 33 см, в. ок. 13 см).

²⁴ См. выше прим. 7.

некрополя II в. н.э. Хаджар ам Дхабийя (Hajar-am-Dhabiyu) в Хадрамауте²⁵. Наконец, самой восточной находкой являются два таза, найденные при раскопках Колхапура в Махараштре, в Западной части Индии²⁶.

2. Тазы в Азиатской Сарматии

Если тазы из сарматских памятников Украины и Прикубанья опубликованы полностью, то с находками из комплексов Азиатской Сарматии дело обстоит иначе. Б.А. Раевым были учтены два таза этого типа в Нижнем Подонье²⁷: из кургана № 2/1974 Кирсановского могильника-III²⁸ и кургана № 20 могильника Центральный-IV²⁹ с омеговидными ручками, оформленными на концах головками змей³⁰. В настоящее время в погребениях кочевников Азиатской Сарматии насчитывается 16 находок таких тазов (включая находки отдельных ручек). Ниже в алфавитном порядке:

1) Бердия, курган № 3/1991, погребение № 1 – таз с одной ручкой с атташами в виде извивающихся змей (дм. 40,2 см, в. 15,8 см)³¹ (рис. 1–2).

2) Валовый-I, курган № 25/1987, погребение № 1, с одной утраченной ручкой и со следами ремонта (дм. по краю 33,5 см, в. 13,3 см)³² (рис. 3, 2).

3) Горелый-I, курган № 1/2003, погребение № 1 – фрагмент корпуса таза с поддоном и ручки (дм. 37,0 см, в. 15,9 см)³³ (рис. 4, 2; 5–6).

4) Кирсановский-III, курган № 2/1974 (дм. ок. 38 см, в. ок. 12,5 см, по рисунку с масштабом в публикации)³⁴.

5) Кобяковский, курган № 3/1983, погребение № 1, таз без ручек, со следами ремонта (дм. 35 см, в. 13 см)³⁵ (рис. 7–8).

6) Кобяковский, курган № 10/1987 – верхняя часть таза и ручки³⁶ (рис. 9).

7) Котлубань, курган № 2/1973 – ручка³⁷.

8) Мокро-Чалтырский I, курган № 2 (раскопки В. Яценко 2015 г), тайник – таз без ручек³⁸.

²⁵ Breton, Bâfaqih 1993, 27, nos. 20, 21, 23; 49, pls. 13, figs. 32, 34; 26, fig. 78 (дм. 36,5 см, в. 12,5 см).

²⁶ De Puma 1991, 91–95, figs. 5.13–18 (дм. одного из тазов – 32,8 см, в. 10,1 см).

²⁷ Raev 1986, 27.

²⁸ Раев 1979, 202, рис. 2, 1; Raev 1986, pl. 20.

²⁹ Raev 1986, 27; Раев, Науменко 1993, 151–152, № 2, рис. 3, 1 (здесь атташи определяются как головки грифонов, под вопросом); Кривошеев 2014, 109, рис. 2, 10.

³⁰ Место хранения обеих тазов в настоящее время не известно. Я их не видел. Об атташах таза из Кирсановского могильника, опубликованного в виде небольшого рисунка без деталей, Б.А. Раев (1979, 202) пишет: «поверхность атташей обработана бессистемно расположенными насечками, которые имитируют змеиную кожу».

³¹ Сергацков 1994, 23; Sergackov 1994, 268; Мордвинцева, Сергацков 1995, 118, рис. 6, 1; Сергацков 2000, 70, 124, рис. 86, 2; Сергацков 2004б, 110, рис. 2, 10; Сергацков 2009, 236–237, рис. 6 (здесь дм. по краю указан на 42 см); Археологическое наследие 2013, 113 (илл. внизу), № 230; Treister 2019a, 317, 339, fig. 4, 1; 2019b, 177, 178, fig. 19.2, 1.

³² Беспалый и др. 2007, 62, № 29, табл. 76, 2; Безуглов и др. 2009, 53, рис. 29, 2; 56, 58, 82.

³³ Балановский, Тихонов, 2009, 14, № 2, рис. 4–5.

³⁴ Раев 1979, 202, рис. 2, 1; Raev 1986, pl. 20.

³⁵ Guguev 1986, 72, no. 1, pl. 48, 1; Гугуев 2018, 64–65, № 1; рис. 7, 4; 8, 3; Treister 2019a, 317, 339, fig. 4, 6; 2019b, 177–179, fig. 19.2, 3; 19.5, 1–4.

³⁶ Прохорова, Гугуев 1992, 142, 145, рис. 3, 11–12; 158; Трейстер 2019, 147–148, рис. 1.

³⁷ Скрипкин 1989, 173, рис. 1, 15.

³⁸ Не опубликован. Упомянут: Гугуев 2018, 65.

1

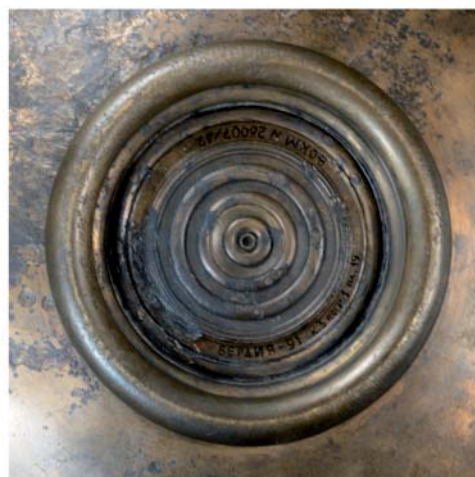
2

3

4

5

6

Рис. 1. Таз бронзовый. Общие виды и детали. Бердия. Курган № 3/1991. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ, инв. № 28007/22. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Fig. 1. Bronze basin. General views and details. Berdiya. Burial-mound no. 3/1991. Burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 28007/22. Photos, Mikhail Treister, 2015

1

2

3

Рис. 2. Таз бронзовый. Детали. Бердия. Курган № 3/1991. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ, инв. № 28007/22. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Fig. 2. Bronze basin. Details. Berdiya. Burial-mound no. 3/1991. Burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 28007/22. Photos, Mikhail Treister, 2015

Рис. 3. 1 – Фрагмент атташа ручки бронзового таза (?). Новый. Курган № 28/1982. Погребение № 1. Аксай, АВИМ, инв. № 17910/703. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015. 2 – Таз бронзовый. Деталь. Валовый-I. Курган № 25/1987. Погребение № 2. Азов, АИАПМЗ, инв. № 25309/485. Фото, Музей

Fig. 3. 1 – A fragment of handle attachment of a bronze basin (?). Novyi. Burial-mound no. 28/1982. Burial no. 1. Aksai, Military-Historical Museum, inv.-no. 17910/703. Photos, Mikhail Treister, 2015. 2 – Bronze basin. Detail. Valovyi-I. Burial-mound no. 25/1987. Burial no. 1. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 25309/485. Photo, Museum

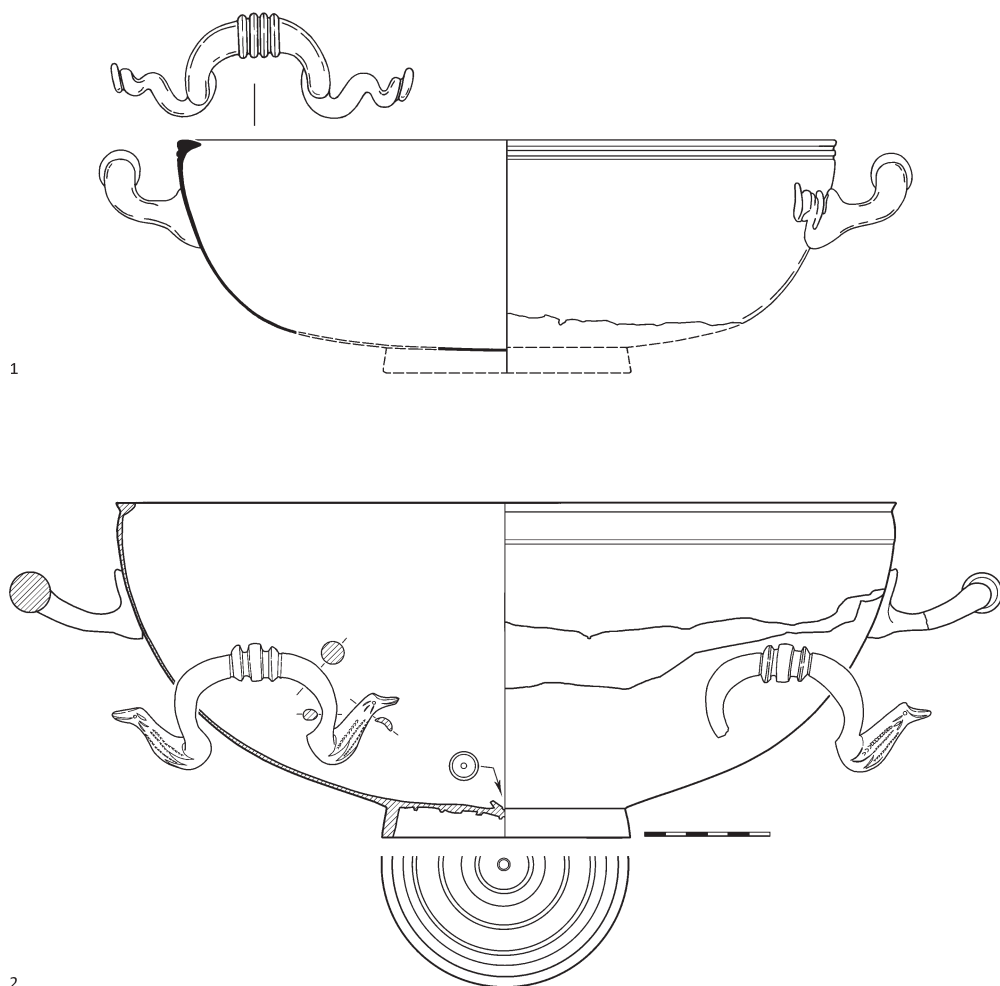

Рис. 4. Тазы бронзовые. Общие виды и детали. 1 – Усть-Альминский некрополь. Погребение № 700/1998. Бахчисарай, БИКАМЗ; 2 – Горелый-I. Курган № 1/2003. Погребение № 1. Энгельс, ЭКМ, инв. № 15883/1–4. Рисунки Ю.П. Зайцева (1) и Н.Е. Беспалой (2)
 Fig. 4. Bronze basins. General views and details. 1 – Ust'-Alma necropolis. Burial no. 700/1998. Bakhchisarai, Historical-Cultural and Archaeological Museum-Reserve; 2 – Gorelyi-I. Burial-mound no. 1/2003. Burial no. 1. Engels, Local Lore Museum, inv.-no. 15883/1–4. Drawings, Yuri Zaitsev (1) and Natalya Bespalaya (2)

Рис. 5. Таз бронзовый. Фрагменты тулова. Горелый-І. Курган № 1/2003. Погребение № 1. Энгельс, ЭКМ, инв. № 15883/1–2. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015
Fig. 5. Bronze basin. Body fragments. Gorelyi-I. Burial-mound no. 1/2003. Burial no. 1. Engels, Local Lore Museum, inv.-no. 15883/1–2. Photos, Mikhail Treister, 2015

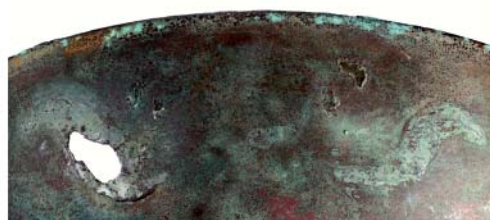
Рис. 6. Таз бронзовый. Ручки. Горелый-І. Курган № 1/2003. Погребение № 1. Энгельс, ЭКМ, инв. № 15883/3–4. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Fig. 6. Bronze basin. Handles. Gorelyi-I. Burial-mound no. 1/2003. Burial no. 1. Engels, Local Lore Museum, inv.-no. 15883/3–4. Photos, Mikhail Treister, 2015

Рис. 7. Таз бронзовый. Общие виды. Кобяковский могильник. Курган № 3/1983. Погребение № 1. Танаис, АМЗ, инв. № 394. АО 25/8. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Fig. 7. Bronze basin. General views. Kobyakovskii necropolis. Burial-mound no. 3/1983. Burial no. 1. Tanais, Archaeological Museum, inv.-no. 394. AO 25/8. Photos, Mikhail Treister, 2015

1

2

3

4

5

Рис. 8. Таз бронзовый. Детали. Кобяковский могильник. Курган № 3/1983. Погребение № 1. Танаис, АМЗ, инв. № 394. АО 25/8. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Fig. 8. Bronze basin. Details. Kobyakovskii necropolis. Burial-mound no. 3/1983. Burial no. 1. Tanais, Archaeological Museum, inv.-no. 394. AO 25/8. Photos, Mikhail Treister, 2015

Рис. 9. Таз бронзовый. Детали. Кобяковский могильник. Курган № 10/1987. Таганрог, ГЛИАМЗ, инв. № 12117/30–31. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015

Fig. 9. Bronze basin. Details. Kobyakovskii necropolis. Burial-mound no. 10/1987. Taganrog, State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 12117/30–31. Photos, Mikhail Treister, 2015

9) Новоалександровка-1, курган № 20/1985, погребение № 1 – таз без ручек (определен автором находок как тип Eggers 97) (дм. 45,0 см, в. 10,0 см)³⁹.

10) Новый, курган № 28/1982, погребение № 1 – фрагмент атташа ручки с головой птицы⁴⁰ (рис. 3, 1).

11) Плоский-I, курган 4/1989, погребение № 1 – таз с одной фрагментированной ручкой (по отчету: дм. 35,5 см, в. 12,5 см)⁴¹.

12) Ростов-на-Дону, ул. Вятская, курган № 6/1983, погребение № 8 – таз с поддоном, залитым свинцом (дм. 41,2 см, в. 13,6 см)⁴² (рис. 10–11).

13) Чеботарев-VII, курган № 1/2014, погребение № 1 – таз без ручек (дм. 35,2–36,2 см, в. 10,5–12,4 см)⁴³.

14) Чугуно-Крепинка, курган № 2/1984, погребение № 1 – сохранился полностью (дм. 26,5 см, в. 9,5 см)⁴⁴ (рис. 12–13).

15) Центральный-IV, курган № 20/1975, погребение № 1 – таз с ручками, с утраченным поддоном (дм. 44,4 см, в. 13,5 см)⁴⁵.

16) Две отдельные ручки неизвестного происхождения хранятся в ЮФУ, Ростов-на-Дону⁴⁶.

3. Формы атташей

3.1. Ручки с атташами в форме головок змеи

Безошибочно можно определить один из сохранившийся атташей ручки кургана № 4/1989 могильника Плоский-I – она оформлена как головка змеи с дополнительной проработкой деталей⁴⁷. Подобным же образом оформлены атташи ручек неизвестного происхождения в собрании Южного Федерального университета⁴⁸. Напротив, атташи ручек таза из кургана № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону лишены каких-то дополнительных деталей и лишь по контуру изгибов можно считать, что изображены змеиные головки (рис. 11)⁴⁹. Судя по сохранившимся следам припоя, примерно такую же форму могли иметь и атташи утраченных ручек таза из кургана № 3/1983 Кобяковского могильника (рис. 8)⁵⁰.

Особенно качественно выполнены атташи единственной сохранившейся ручки таза из кургана № 3/1991 у с. Бердия. Они передают переднюю часть змеи с извивающимся кольцом телом и головкой: чешуя на теле проработана поперечными дуговидными насечками, нанесенными без системы, частично перекрывающими друг друга; детали головки показаны прямыми и дуговидными прочерченными

³⁹ Besspaluy 1986, 77, no. 11, pl. 63, 21; Беспалый, Лукьяшко 2018, 74, № 18; 75, рис. 41, 15.

⁴⁰ Ильюков, Власкин 1992, 51, рис. 10, 7; 52.

⁴¹ Копылов, Коваленко 2016, 128.

⁴² Volkov, Guguev 1986, 73, pl. 53, 4.

⁴³ Не опубликован. Упомянут: Гугуев 2018, 65.

⁴⁴ Simonenko 2008, 19, 66, Nr. 70.4, Taf. 60; Bârcă 2009, 78, fig. 7, 3; Симоненко 2011, 57, 59, рис. 36; 170, № 5.4; Veličko 2013, 419, 423, Nr. XX.4.

⁴⁵ Раев, Науменко 1993, 151–152, № 2, рис. 3, 1.

⁴⁶ Не опубликованы.

⁴⁷ См. выше прим. 41.

⁴⁸ См. выше прим. 46.

⁴⁹ См. выше прим. 42.

⁵⁰ См. выше прим. 35.

линиями (рис. 2)⁵¹. Учитывая высокое качество исполнения атташей ручки таза, И.В. Сергацков справедливо предположил, что это мог быть один из ранних образцов в серии тазов Eggers 100⁵². Хотя точные аналогии атташам ручки таза из Бердии мне неизвестны, проработка деталей напоминает атташи некоторых тазов из Помпей, хотя у последних тело и не завито кольцами⁵³.

3.2. Ручки с атташами в форме головок птиц

Атташи ручки из кургана у пос. Котлубань, по описанию А.С. Скрипкина, изображали головки «какого-то животного, возможно змеи»⁵⁴. Судя по довольно схематичному рисунку, тем не менее, передающему общие контуры и даже детали, – это головки птиц с проработанным оперением на шее, украшающие атташи ручек некоторых тазов из Помпей⁵⁵, а также таза из кургана № 1/2003 могильника «Горелый-I» (рис. 4, 2; 6)⁵⁶.

Детально проработанный атташ ручки с головой птицы, скорее всего, утки, был также найден в погребении № 1 кургана № 28/1982 могильника у хут. Новый (рис. 3, 1)⁵⁷. Аналогии ему мне не известны.

3.3. Ручки с атташами в форме головок грифона

Атташи ручки таза из кургана № 10/1987 Кобяковского могильника (рис. 9)⁵⁸ имеют дополнительную проработку и представляют собой головки грифонов, которые находят параллели на некоторых тазах из Помпей⁵⁹.

3.4. Ручки с атташами в форме фигур попугаев (?), стоящих перед курильницами (?)

У таза со следами ремонта из погребения № 1 кургана № 25/1987 могильника Валовый-I имеется ручка (вторая – утрачена в древности) с атташами с изображениями птиц (рис. 3, 2)⁶⁰. Издатели таза, не определяя, что за птица изображена, но подробно ее описывая: «птица со сложенными крыльями и длинным хвостом, голова резко повернута назад, нос с горбинкой» определяет предмет, изображенный перед ней как гриб мухомор с кольцевыми вдавлениями на шляпке, косыми насечками вдоль края шляпки и сетчатым декором на ножке⁶¹.

Есть основания полагать, что на атташах изображен попугай. Об этом свидетельствуют и форма головы и клюва, и длинный хвост, и повернутая назад го-

⁵¹ См. выше прим. 31.

⁵² Сергацков 2000, 124.

⁵³ Ср. Tassinari 1993, 225–226, S4121a, nos. 3088, 7261; 234, S4321, no. 7067; 236, S4000, no. 13541B; tav. LXII, 2, 4;

⁵⁴ Скрипкин 1989, 173, рис. 1, 15; Кривошеев 2014, 109, рис. 2, 11.

⁵⁵ Ср. Tassinari 1993, II, 232, S4210, no. 2590; 234, S4310, no. 11638; 238, S4000, no. 2200.

⁵⁶ См. выше прим. 33.

⁵⁷ См. выше прим. 40.

⁵⁸ См. выше прим. 36.

⁵⁹ Ср. Tassinari 1993, I, tav. LXVI, 2–3; LVII–LVIII.

⁶⁰ См. выше прим. 33.

⁶¹ Беспалый и др. 2007, 62, № 29.

лова. Считается, что греческий мир впервые познакомился с попугаями, о которых писал Ктесий в «Индике» после того, как те (*Psittacula krameri borealis*) были получены в подарок Александра Великим в Индии, а впоследствии в результате нильской экспедиции Нерона и из Судана (*Psittacula krameri parvirostris*)⁶². Попугаи в императорском Риме были символами роскоши и очень часто изображались на мозаиках (9 изображений на 7 мозаиках) и фресках (43 изображений)⁶³. Известно изображение попугая на мозаике II в. до н.э. из дворца V в Пергаме⁶⁴. В первые века н.э. изображения попугаев украшали геммы⁶⁵, ручки бронзовых сосудов из Помпей, в частности, асков⁶⁶. Близкими параллелями изображениям на атташах таза является изображение александрийского попугая (*Psittacula eupteria*), сидящего вместе с другим попугаем (rose-ringed Parakeet, *Psittacula krameri*) и голубем, на крае стоящего на постаменте бронзового таза, к которому подкрадывается кошка, на датируемой второй четвертью или концом I в. до н.э. мозаике из Капуи⁶⁷, попугая, сидящего с другими птицами вокруг бронзового таза, на мозаике из Остии⁶⁸, а также попугая, изображенного вместе с цесаркой, на мозаике в ГМИИ им. А.С. Пушкина, датированной III в. н.э.⁶⁹

Маловероятно, что рядом с попугаями изображены мухоморы. И соотношения «ножек» и «шляпок», и оформление ножек сетчатым декором, свидетельствуют против этого. Скорее всего, эти предметы представляют собой курильницы, а кольцевидные вдавления обозначают отверстия.

Точные аналогии этим атташам мне не известны, хотя нельзя не отметить, что ручки некоторых тазов из Рейнской области, Паннонии и Дакии (из Комитата Берег в Паннонии⁷⁰, Бонна⁷¹, Энса⁷² и Герлы⁷³) украшены изображениями летящих лебедей. А. Радноти приводит и другие примеры необычных атташей⁷⁴, в том числе и ручку таза из Трира (?) с атташами в форме лежащих тритонов⁷⁵. На ручках тазов из Подунавья встречаются также атташи с изображением лежащих горных козлов⁷⁶. *Seepferde oder Hunden*⁷⁷. Уникальна и ручка из Ниды-Хеддернхайм

⁶² Toynbee 1973, 247; Bigwood 1993, 321–327; Kinzelbach 1997, 33; Lewis, Llewellyn-Jones 2018, 270.

⁶³ Toynbee 1973, 247–249; Tammisto 1997, 82–84, 294–296, notes 585–595.

⁶⁴ Tammisto 1997, 395–397, SP1, pls. 41–42; Kielau 2004, 501, Abb. 8; Kat. Berlin 2011, 521–522, Nr. 5.47; Lewis, Llewellyn-Jones 2018, 271–272.

⁶⁵ Например, Британский музей, 1814.0704.1434

⁶⁶ Stefanelli 1990, 226, fig. 208; no. 102; Tassinari 1993, I, 85, tav. LXXXVIII–LXXXIX; CLXVI, 1–2; II, 181, P1100, 1200, nos. 2551, 14114.

⁶⁷ Stefanelli 1990, 211, fig. 189; Tammisto 1997, 73, 380–381, DM4, pl. 32, DM4,1 (ок. 80–60 гг. до н.э.); Andreae 2003, 166–167, Abb. 167 (конец I в. до н.э.).

⁶⁸ Tammisto 1997, 73, 382–384, DM6, pl. 34, DM6,1 (третья четверть I в. н.э.).

⁶⁹ Шедевры античного искусства 2011, 282–283, № 137.

⁷⁰ Radnóti 1938, 129, Taf. XII, 60; XXXVIII, 1b; Eggers 1951, 147, Nr. 1941; Sedlmayer 1999, 61; Mustăț 2017, 131.

⁷¹ Radnóti 1938, 129; Sedlmayer 1999, 61; Mustăț 2017, 131, note 972.

⁷² Sedlmayer 1999, 56, 61, Taf. 24, 11.

⁷³ Mustăț 2017, 130–131, no. 59, pl. LXXXII.

⁷⁴ Radnóti 1938, 129. См. также Bienert 2007, 158.

⁷⁵ Bienert 2007, 164–165, Nr. 185.

⁷⁶ Чеке (Чейков): Beninger 1931, 188, Taf. XI–XII; Radnóti 1938, 127, 129; Kraskovská 1978, 76, fig. 9, 4; Fodor 1990, 57, Abb. 3; 58; Hrnčiarik 2013, 54, Taf. XXXVIII, 2447. – Хайдудорог: Fodor 1990, 53–60, Abb. 1–2; Bene et al. 2016, 750, fig. 5, 7; 755–756, no. 7.

⁷⁷ Faider-Feytmans 1979, 172, no. 350f, Taf. 132.

Рис. 10. Таз бронзовый. Общие виды и детали. Ростов-на-Дону. Ул. Вятская. Курган № 6/1983. Погребение № 8. Азов, АИАПМЗ, инв. № 26454/64. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015
Fig. 10. Bronze basin. General views and details. Rostov-on-Don. Vyatskaya st. Burial-mound no. 6/1983. Burial no. 8. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 26454/64. Photos, Mikhail Treister, 2015

Рис. 11. Таз бронзовый. Общий вид и деталь. Ростов-на-Дону. Ул. Вятская. Курган № 6/1983. Погребение № 8. Азов, АИАПМЗ, инв. № 26454/64. Фото, М.Ю. Трейстер, 2015
Fig. 11. Bronze basin. General view and detail. Rostov-on-Don. Vyatskaya st. Burial-mound no. 6/1983. Burial no. 8. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. 26454/64. Photos, Mikhail Treister, 2015

Рис. 12. Таз бронзовый. Общие виды и деталь. Чугуно-Крепинка. Курган № 2/1984. Погребение № 1. Киев, МИДУ, инв. № АЗС-3832. Фото, Д.В. Клочко
Fig. 12. Bronze basin. General views and detail. Chuguno-Krepinka. Burial-mound no. 2/1984. Burial no. 1. Kiev, Museum of Historical Treasures of the Ukraine, inv.-no. AZS-3832. Photos, Dmitrii Klochko

Рис. 13. Таз бронзовый. Общий вид и детали. Чугуно-Крепинка. Курган № 2/1984. Погребение № 1. Киев, МИДУ, инв. № АЗС-3832. Фото, Д.В. Клочко
Fig. 13. Bronze basin. General view and details. Chuguno-Krepinka. Burial-mound no. 2/1984. Burial no. 1. Kiev, Museum of Historical Treasures of the Ukraine, inv.-no. AZS-3832. Photos, Dmitrii Klochko

с атташами, изображающими пегасов, происходящая из подвала с керамическим материалом III в. н.э., но вероятно датирующаяся предшествующим столетием⁷⁸. Очень необычно оформление атташей ручек таза из кургана в районе с. Карагач в Юго-Восточной Болгарии – они украшены головками Силена⁷⁹.

4. Размеры тазов и их функциональное использование

На то, что тазы рассматриваемых типов и пропорций имеют различные размеры и соотношения высоты и диаметра, обратил внимание еще Р. Де Пума, публикуя тазы из Колхапура и собрав доступные ему метрические сведения о 14 тазах в таблицу, обратив внимание на то, что при разнице размеров соотношение высоты к диаметру составляет примерно 0,31–0,33⁸⁰. Попытка Б. Бинерта разделить тазы на большие и маленькие, в которой за верхнюю границу малых тазов принимается диаметр 30 см, подтверждает построенный нами на материалах из Восточной Европы корреляционный график, на котором выделяются две основные группы, одна – с диаметром 25–30 см и вторая – с диаметром 33,5–38 см, при этом имеются отдельные сосуды с диаметром от 40 до 45 см, которые в других регионах практически не известны (рис. 14)⁸¹. Аналогичные группы выделяются и на материалах из Фракии⁸².

Если предположить возможное хронологическое различие двух групп, то не смотря на то, что среди ранних комплексов, датирующихся временем около середины I в. н.э., имеются тазы малого размера: Визе А – дм. 28 см. В то же время тазы из датирующихся эпохой Нерона погребения № 5 в Зохоре имеет диаметр 39 см⁸³, а из погребения в Лег Пекарски – 35,0–36,5 см⁸⁴. Наконец клейменные тазы из Ахтиала⁸⁵ и Чугуно-Крепинки (рис. 12–13)⁸⁶, которые, судя по клеймам, датируются, соответственно, 60–90 и 80–100 гг., относятся к группе малых тазов. Вероятнее всего выделенные группы, как справедливо предположил Б. Бинерт, связаны с различным функциональным назначением малых и больших тазов. Если крупные тазы могли иметь различное назначение, как сосуды для мытья, в том числе ног,

⁷⁸ Kohlert-Németh 1990, 76–77, Nr. 43.

⁷⁹ Велков 1928–29, 22–23, № 6, рис. 19.

⁸⁰ De Puma 1991, 91, 94, table 5.1.

⁸¹ Помимо приведенных в тексте примеров, см. тазы из Доорверта и Вааля, хранящиеся в Ниймегене с диаметрами 39,1 и 33,7 см: den Boesterd 1956, 52–53, nos. 172–173. – Лутон, Британский Музей: дм. 32 см: Eggers 1966, 102, Nr. 3a. Тазы, найденные в Польше: Wielowiejski 1985, 199–200, 282–284, Nr. 169–177, Taf. 13, 1–2; 14. Здесь был найден один малый таз, дм. 24,9 см (Wielowiejski 1985, 283, Nr. 174, Taf. 14). В основном тазы имеют диаметр от 32,5 до 37,5 см, лишь один таз (Wielowiejski 1985, 284, Nr. 177) имеет диаметр 41 см, при выс. 9 см, необычной для таких больших тазов, поскольку таз сохранился во фрагментах, не исключена ошибка в измерении диаметра таза). Более достоверны размеры таза из Тутраканцев в Болгарии с диаметром 40,8 см при выс. 13,3 см (см. выше прим. 20).

⁸² См. выше прим. 20.

⁸³ Kraskovská 1959, 110–111, Abb. 32–35; 113–114; 1978, 15, no. 3, fig. 8, 3–4; Hrnčiarik 2013, 54, Taf. XXXVIII, 389.

⁸⁴ Wielowiejski 1985, 283, Nr. 175, Taf. 13, 2; Schuster 2016, 94, Abb. 1, 2.

⁸⁵ Волкович 1941, 228–230, табл. IV, 1–3; Шелов 1965, 268, 271, рис. 10, 4; Кропоткин 1970, 25, № 58; 94, № 809 (ошибочно как «серебряная чаша»), рис. 61, 7; Schelow 1982, 70; Безруков 1999, 56; Petrovsky 1993, 117, 142, Nr. A.06.02; Bienert 2007, 159.

⁸⁶ См. выше прим. 44.

Рис. 14. Карта. Распространение бронзовых тазов типов Eggers 99–106 в Восточной Европе. 1 – Олонешты, 2 – Усть-Альма, 3 – Константиновка, 4 – Павловка, 5 – Вербки, 6 – Чугуно-Крепинка, 7 – Мокрый Чалтырь, 8 – Валовый, 9 – Новоалександровка-I, 10 – Ростов-на-Дону, ул. Вятская, 11 – Кобяковский, 12 – Чеботарев-V, 13 – Кирсановский-III, 14 – Плоский-I, 15 – Новый, 16 – Центральный-IV, 17 – Кунчукохабль, 18 – Городской, 19 – Усть-Лабинская, 20 – Тифлисская, 21 – между Казанской и Тбилисской, 22 – Казанская, 23 – Котлубань, 24 – Бердия, 25 – Горелый-I, 26 – Ахтиал. Подоснова – Г.П. Гарбузов, 2016, карта – М.Ю. Трейстер. 2019

Fig. 14. Map. Distribution of the bronze basins of types Eggers 99–106 in Eastern Europe. 1 – Oloneshty, 2 – Ust'-Alma, 3 – Konstantinovka, 4 – Pavlovka, 5 – Verbki, 6 – Chuguno-Krepinka, 7 – Mokryi Chaltyr', 8 – Valovyi-I, 9 – Novo-Aleksandrovka-I, 10 – Rostov-on-Don, Vyatskaya st., 11 – Kobyakobskii necropolis, 12 – Chebotarev-V, 13 – Kirsanovskii-III, 14 – Ploskii-I, 15 – Novyi, 16 – Tsentral'nyi-IV, 17 – Kunchukokhabl', 18 – Gorodskoi, 19 – Ust'-Labinskaya, 20 – Tiflisskaya, 21 – between Kazanskaya and Tiflisskaya, 22 – Kazanskaya, 23 – Kotluban', 24 – Berdiya, 25 – Gorelyi-I, 26 – Akhtial. Base map – Gennadii Garbuzov, 2016, map – Mikhail Treister, 2019

так и в качестве ванн для купания детей, емкостей для мытья посуды, то малые тазы, скорее, использовались в качестве столовой посуды, в частности для охлаждения сосудов для вина⁸⁷. Впрочем, такое функциональное различие двух групп тазов, основанное в том числе на контекстах находок тазов в Помпеях, где были найдены тазы диаметром от 27 до 39 см⁸⁸, и их изображениях на фресках, конечно нельзя механически переносить на кочевое общество.

Как именно использовали эти тазы сарматы мы не знаем. Тем не менее отметим, что в погребениях кочевников Азиатской Сарматии абсолютно преобладали крупные и очень крупные (40–45 см в диаметре) тазы (лишь оба отмеченных выше клейменных таза из Чугуно-Крепинки (рис. 12–13) и Ахтиала – малые. При этом среди найденных в Крыму, Северо-Западном Причерноморье и Приднепровье тазов абсолютно преобладали малые тазы (за исключением таза из Константиновки⁸⁹), а в Прикубанье встречались, как крупные, так и мелкие тазы, при этом все три таза из курганов у ст. Тифлисской⁹⁰ – мелкие.

5. Совместные находки

Как следует из приведенной ниже таблицы, наиболее часто тазы рассматриваемых типов в сарматских погребениях были найдены вместе с коваными кувшинами (*Blechkanne*)⁹¹, реже – с цедилками и черпаками типа Eggers 160 и ковшом типов Eggers 144 и подражаниями типу 140. Несколько реже их сопровождали котелки типа Дебелт и амфоры типа Eggers 129. Наиболее полные комплекты были найдены в Олонештах⁹², и в могильниках Центральный-IV⁹³ и на ул. Вятской в Ростове-на-Дону⁹⁴. На этом фоне выделяется набор сосудов из Кунчукохабля, где вместе с тазом были найдены кувшин Eggers 127 и амфора Eggers 129⁹⁵ и из ограбленного погребения в кургане могильника «Горелый-I», в котором кроме таза были найдены *Blechkanne* и амфора Eggers 129⁹⁶.

⁸⁷ Bienert 2007, 160.

⁸⁸ Tassinari 1993, I, 95–96.

⁸⁹ Орлов, Скорый 1989, 63–65, № 1, рис. 1. 1–3; Kat. Heidelberg 1999, 111, Nr. A2.4.1, Abb. 106 (справа); Simonenko 2008, 72, Nr. 95.1, Taf. 97. 1; Труфанов 2009, 130, рис. 3, 7; 133; Симоненко 2011, 57, рис. 34; 58, рис. 35, 1; 216–217, № 107.1.

⁹⁰ См ниже прим. 126, 133, 134.

⁹¹ См. Трейстер 2018а, 228, 229, табл. 1.

⁹² См. выше прим. 21.

⁹³ См. выше прим. 29.

⁹⁴ См. выше прим. 42.

⁹⁵ Кропоткин 1970, 90, № 769, рис. 59, 5. 7; Marčenko, Limberis 2008, 356, Nr. 74.1–3, Taf. 108–109; Раев 2013, 163–170, рис. 2–4.

⁹⁶ Балановский, Тихонов 2009, 14, № 1–3, рис. 3–6; Трейстер 2018а, 219, 224–225, рис. 6–7; 2018б, 11, прим. 1.

Совместные находки импортных бронзовых сосудов в погребальных комплексах Северного Причерноморья и Сарматии⁹⁷

№	Тазы Eggers 99–106	Кувшины и ойнохои					Амфоры Eggers 129	Ковши	Цедилки и черпаки Eggers 160	Котелки Дебелт	Примечание
		Blechkanne	Tassinari B1221	Tassinari C2200	Eggers 125	Eggers 127					
1	X	X							X		
3	X	X									
4	X	X									
6	X	X	X					Е 144	X		
10	X	X						Подражание Е 140	X	X	
16	X	X						Е 144	X	X	
17	X					X	X				
20b	X				X					X	Курган № 15
23	X								X		ограблено
24	X			X							
25	X	X					X				ограблено

6. Датировка комплексов с тазами в Восточной Европе

А.В. Симоненко датировал комплексы с такими тазами из Павловки, Чугуно-Крепинки и Константиновки в рамках конца I – середины II в. н.э.⁹⁸ При этом в Константиновке были найдены две светлоглиняные амфоры типа В, как считал Симоненко в 2008 г, или CIVa2, как он их определял в монографии 2011 г. (впрочем, и издатели комплекса и А.А. Труфанов сразу относили их к типу С или CIVC)⁹⁹. В могилах № 700/1998 Усть-Альминского некрополя¹⁰⁰ и в погребении кургана № 1/2003 могильника «Горелый-I» тазы были найдены вместе со светлоглиняными амфорами типа CIVC. Узкогорлая светлоглиняная амфора из кургана № 1/2003 могильника «Горелый-I»¹⁰¹ типа С (по классификации Д.Б. Шелова) или CIVC (по классификации С.Ю. Внукова) датируется, соответственно, концом последней трети I – первой половиной II в. н.э. или второй четвертью – концом II в. н.э.¹⁰² Краснолаковая чашка¹⁰³ формы 30¹⁰⁴, по мнению Д.В. Журавлева¹⁰⁵, относится к середине II в. н.э. Таким образом, есть достаточно веские основания для датировки погребения серединой II в. н.э.

⁹⁷ Номера комплексов соответствуют номерам на карте, рис. 14.

⁹⁸ Симоненко 2011, 65.

⁹⁹ Орлов, Скорый 1989, 66, рис. 2, 1–2; 67, № 4–5; Simonenko 2008, 29, 72–73, Nr. 95.3–4, Taf. 98, 2–3; Труфанов 2009, 128; Симоненко 2011, 144, рис. 86, 3–4; 145; 217, № 107.3–4.

¹⁰⁰ Труфанов 2009, 131, 313–314; Puzdrovskij 2013, 297–299 с датировкой погребения первой третью II в. н.э.

¹⁰¹ Балановский, Тихонов 2009, 14–15, № 4, рис. 7.

¹⁰² Внуков 2016, 41–43.

¹⁰³ Балановский, Тихонов 2009, 10, № 1, рис. 8.

¹⁰⁴ Журавлев 2010, форма 30.

¹⁰⁵ Определение Д.В. Журавлева, которому мы выражаем нашу искреннюю признательность.

Скорее всего, прав В.К. Гугуев, который пришел к выводу о том, что рассматриваемые тазы представлены находками, как в средне-, так и в позднесарматских погребениях¹⁰⁶. Во всяком случае проанализировав контекст находки таза в погребении кургана № 3/1983 в Кобяковского могильника, включающий и краснолаковый кубок, он пришел к выводу о датировке комплекса второй половиной I в. н.э., возможно началом II в. н.э.¹⁰⁷ Также в пределах еще второй половины I в. н.э. следует датировать комплекс с тазом из погребения в кургане могильника Чеботарев-VII, в котором были найдены две светлоглиняные амфоры типа CIVa. В этому же времени относят и погребения в курганах № 17 у ст. Казанской и № 9 и 15 у ст. Тифлисской и в кургане № 44 между ст. Казанской и Тифлисской¹⁰⁸.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что тазы рассматриваемых типов начинают поступать в Сарматия, прежде всего получая распространение на Нижнем Дону и в Прикубанье (рис. 15), не позднее второй половины I в. н.э., при этом они найдены в комплексах, датирующихся от второй половины I до середины – второй половины II в. н.э. К наиболее поздним комплексам с тазами следует относить датирующееся не ранее конца II в. н.э., а скорее первой половиной III в. н.э., погребение № 2 могильника у хут. Городской¹⁰⁹ и датирующееся не ранее первой половины III в. н.э. погребения в кургане на ул. Вятской¹¹⁰. Ограбленное погребение в Котлубани, в котором была найдена ручка таза, судя по найденным здесь пряжками и наконечникам ремней, также относится к этому же времени¹¹¹.

7. Свидетельства использования и древнего ремонта тазов

За редкими исключениями (Чугуно-Крепинка, Новоалександровка, Городской), в тех случаях, когда известно определение пола погребенных, тазы были найдены в мужских погребениях. Кроме того, в одном случае фрагменты таза были найдены в тризне кургана с женским погребением (Кобяковский могильник, курган № 10/1987).

У тазов данного типа имеются кольцевидные поддоны, как правило, низкие, вертикальные или слегка расширяющиеся книзу. Дно в пределах кольцевого под-

¹⁰⁶ Гугуев 2018, 65.

¹⁰⁷ Гугуев 2018, 67.

¹⁰⁸ Marčenko, Limberis 2008, 279.

¹⁰⁹ Сазонов 1992, 244–246, рис. 3; Marčenko, Limberis 2008, 375–376, Nr. 192, Taf. 200; ср. Малашев 2000, 208; Кропотов 2010, 326, № 8; 327, № 14.

¹¹⁰ Здесь был найден, в частности, фрагментированный стеклянный кувшин с туловом грушевидной формы с рядами овального шлифованного орнамента (Volkov, Guguev 1986, pl. 52, 2). Подобные кувшины получили распространение на Боспоре, где они найдены, в частности, в комплексах пожара середины III в. н.э. в Танаисе, а также в погребениях и слоях Пантикапея и Горгиппии первой половины – середины III в. н.э. (см. Сорокина 1965, 217–219, рис. 7, 6; 9; Кунина 1997а, 308, 310, № 278–279; Алексеева, Сорокина 2007, 79–80, К.Ф8, рис. 19, табл. 62, 3; Яценко 2007б, 189 с лит., № 104–107, табл. 9). Лучковая подвижная фибула варианта 4 с обмоткой (Volkov, Guguev 1986, pl. 50, 8; Безуглов 2000, 191, рис. 5, 18; Малашев 2000, 223, рис. 4Б, 7; Кропотов 2010, 125, № 493), подтверждает датировку не ранее конца II в. н.э., скорее первой половиной III в. н.э. (Кропотов 2010, 77–80). Датировку подтверждают и фасетированные пряжки из этого комплекса (Volkov, Guguev 1986, pls. 51, 4–5; 57; Малашев 2000, 223, рис. 4Б, 1–6), относящиеся к группе IIa, по классификации В.Ю. Малашева, датирующего их первой половиной – серединой III в. н.э. (Малашев 2000, 208, 211).

¹¹¹ Скрипкин 1989, 172–173, рис. 1, 6–14; 176; Малашев 2000, 223, рис. 4А.

дона проточено концентрическими канавками¹¹². На этом фоне выделяется поддон таза из кургана № 6/1983 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону, припаянный к тулову сосуда. Он скошен к центру и имеет очень мелкое углубление с валиками, канавками и точкой от фиксации на станке (рис. 11). Общее впечатление – поддон не принадлежал изначально этому тазу. Это подтверждается и наблюдениями автора раскопок, отмечавшего, что полость внутри поддона была вероятно заполнена свинцом, который из-за коррозии прорвал дно таза с внутренней стороны¹¹³. Скорее всего, аналогичную конструкцию имел и поддон таза из кургана № 20/1975 могильника Центральный-IV; судя по рисунку, он высокий, сужающийся книзу. В первой публикации было отмечено, что поддон этого таза утрачен, сохранилась лишь свинцовая шайба его заполнения¹¹⁴. Относительно недавно Б.А. Раев отметил, что согласно «дополнительным исследованиям», имеющийся поддон является результатом доделки взамен изначально, утраченного, а валики и бородки на нижней поверхности имитировали оформление изначально поддона¹¹⁵. Использование свинцовых кружков в качестве заполнения полых поддонов известно – подобным же образом был выполнен поддон бронзовой чаши из склепа кургана в Дарданосе в Троаде¹¹⁶.

Запутанным оказался вопрос с ручками тазов. Р. Петровски, обращая внимание на то, что вопрос о том, существовали ли тазы без ручек или они могли быть утрачены в процессе использования в древности, не был решен, написал следующее: „Unklar bleibt auch, ob Becken ohne Griff existierten oder diese nur nachträglich abhanden gekommen sind. Da in der Literatur diesbezüglich nichts erwähnt wird, aber zugleich ein gestempeltes Becken ohne (erhaltene?) Henkel gibt, habe ich hier eine Variante XV1b abgetrennt“¹¹⁷. Мне кажется, что здесь произошла логическая ошибка. О том, что такие тазы в древности могли существовать без ручек свидетельствуют находки тазов без ручек. Однако это не означает, что эти крупные и довольно тяжелые сосуды диаметром 35–40 см были изготовлены без ручек¹¹⁸. В Помпеях при преобладании находок тазов с ручками известны экземпляры без ручек¹¹⁹, с одной ручкой¹²⁰ и 20 находок отдельных ручек¹²¹. Находки тазов без ручек известны и в провинциях Римской империи¹²².

Еще чаще тазы без ручек или с одной ручкой были найдены в Сарматии. Полностью сохранились лишь пять малых тазов: из погребения № 700/1998 Усть-Альминского некрополя (рис. 4, 1)¹²³, из Чугуно-Крепинки, курган № 2/1984

¹¹² См. Mutz 1972, 90–93, Abb. 219, 224, 228.

¹¹³ Волков 1984, 49.

¹¹⁴ Раев, Науменко 1993, 152.

¹¹⁵ Раев 2013, 169.

¹¹⁶ Sevinç, Treister 2003, 231, no. 66(7), pl. 9, figs. 76–77.

¹¹⁷ Petrovsky 1993, 115. Это высказывание было повторено Б.А. Раевым (2012, 169).

¹¹⁸ Tassinari 1993, 231, no. 10295.

¹¹⁹ Tassinari 1993, 221, no. 12672; 224, no. 13195B; 228, no. 892; 231, no. 10295.

¹²⁰ Tassinari 1993, 225, no. 944; 235, no. 7389.

¹²¹ Tassinari 1993, 236–238; tav. LVII–LIX.

¹²² Лутон: Eggers 1966, 102, Nr. 3a, Abb. 56; Lundock 2014, table XIV, K0020. – Мальтон: Eggers 1966, 107, Nr. 56a, Abb. 60; Lundock 2014, table LVII, NYR0031. – Прествик Кар: Eggers 1966, 108, Nr. 65g, Abb. 24, 9; Lundock 2014, table XXIII, NU0025.

¹²³ См. выше прим. 21.

(рис. 12–13)¹²⁴, Тифлисской, курган № 15/1902 (26,5 см, в. 9 см)¹²⁵, погребения № 2 могильника у хут. Городской (дм. 29 см, в. 10,5 см)¹²⁶, из погребения пьяноборской культуры близ д. Ахтиал в бассейне Камы в районе Елабуги, с клеймом Africanus, мастерской в Италии или в Галлии, которая работала в эпоху Флавиев, ок. 60–90 гг. н.э. (дм. 30,0 см, в. 10,5 см)¹²⁷.

Полностью утрачены ручки у 10 из 26 – целых или частично фрагментированных тазов: из Константиновки (34,5 см, в. 10,8 см)¹²⁸, Павловки (дм. 30 см, в. 10,75 см)¹²⁹, кургана № 17/1901 у ст. Казанской (дм. 35,8 см, в. 13 см)¹³⁰, кургана № 44/1901 между ст. Казанской и Тифлисской, (дм. 36,0 см, в. 13,7 см)¹³¹, курганов № 9/1902 (дм. 25,0 см, в. 10 см)¹³² и № 17/1902 у ст. Тифлисской (дм. 30,0 см, в. 11 см)¹³³, Кунчукохабля (дм. 40 см, в. 10,5 см)¹³⁴, кургана № 3/1983 Кобяковского могильника (рис. 7–8)¹³⁵, кургана № 20/1985 могильника Новоалександровка-1¹³⁶, кургана № 2/2015 могильника Мокро-Чалтырский-1¹³⁷.

По одной ручке утрачено у 3 тазов: из кургана № 4/1989 могильника Плоский-1¹³⁸, кургана № 3/1991 у ст. Бердия (рис. 1–2)¹³⁹, и кургана № 4/1960 у пос. Олонешты (дм. 29,8, в. 12,0 см)¹⁴⁰.

Не очень понятно была ли утрачена ручка у таза из погребения № 1 кургана № 1 группы 4 у села Вербки (дм. 22,5 см, в. 10 см). На профильных чертежах таза и на фотографии этот таз изображен лишь с одной ручкой, однако на рисунке – вид снизу в книге 2011 г. с двумя ручками и из описания в тексте каталога этой книги следует, что у таза – две ручки¹⁴¹.

В тех случаях, когда поверхность тазов внимательно исследуется, следы припомянутых утраченных в древности ручек хорошо видны, как, например, на тазе из кургана № 3/1983 Кобяковского могильника (рис. 8, *l. 3*)¹⁴². Вопрос очевидно следует

¹²⁴ См. выше прим. 44.

¹²⁵ Гущина, Засецкая 1994, 58, № 271, табл. 28; Marčenko, Limberis 2008, 279, 349, Nr. 48.2, Taf. 76, 2.

¹²⁶ Сазонов 1992, 248, № 3, рис. 2, 9; Marčenko, Limberis 2008, 279, 376, Nr. 192.4, Taf. 192, 4.

¹²⁷ См. выше прим. 85.

¹²⁸ См. выше прим. 89.

¹²⁹ Супруненко 1994, 65–66, рис. 24–25; Simonenko 2008, 78, Nr. 114.2, Taf. 125; Симоненко 2011, 56, рис. 33; 166, № 1.2.

¹³⁰ Гущина, Засецкая 1994, 45, № 72, табл. 8; Marčenko, Limberis 2008, 279, 347, Nr. 36.2, Taf. 66, 4.

¹³¹ Гущина, Засецкая 1994, 49, № 120, табл. 13; Marčenko, Limberis 2008, 279, 347, Nr. 40.1, Taf. 69, 1.

¹³² Гущина, Засецкая 1994, 55, № 222, табл. 23; Marčenko, Limberis 2008, 279, 348, Nr. 46.1, Taf. 69, 1.

¹³³ Гущина, Засецкая 1994, 59, № 289, табл. 30; Marčenko, Limberis 2008, 279, 349, Nr. 50.1, Taf. 77, 3 (судя по архивным данным была одна ручка)

¹³⁴ Кропоткин 1970, 90, № 769а, Marčenko, Limberis 2008, 279, 356, Nr. 74.3, Taf. 109, 2; Паев 2013, 165, рис. 3, 3; 168–170.

¹³⁵ См. выше прим. 35.

¹³⁶ См. выше прим. 39.

¹³⁷ См. выше прим. 38.

¹³⁸ См. выше прим. 41.

¹³⁹ См. выше прим. 31.

¹⁴⁰ См. выше прим. 21.

¹⁴¹ См. выше прим. 11.

¹⁴² См. выше прим. 35. См. также тазы из Каракоч в турецкой Фракии (Onurkan 1988, 39–40, no. 34, pl. 18b) и Гроново в Польше (Wielowiejski 1985, 283, Nr. 174, Taf. 14).

ставить в другой плоскости – почему такие сосуды часто находят без ручек. Ответ на этот вопрос очевиден. При существенных размерах (диаметр крупных тазов колеблется от 33,5 до 45 см) тазы вмещали довольно большой объем жидкости и с учетом собственного веса были очень тяжелыми. Припаянные, а не приклепанные, ручки становились слабым местом и часто отваливались. Неслучайно довольно часто находят отдельные ручки таких тазов.

У двух тазов сохранились следы ремонты в форме прямоугольных заплаток, приклепанных к корпусу с внутренней стороны, как на тазе из кургана № 3/1983 Кобяковского могильника (рис. 8, 2, 5)¹⁴³. На тазе из кургана № 25/1987 г. могильника Валовый-I с внешней стороны наложены бронзовая и свинцовая заплатки, скрепленные с туловом бронзовыми заклепками. Кроме того, под венчиком на трещину были с двух стороны наложены узкие прямоугольные накладки, скрепленные двумя заклепками (рис. 3, 2)¹⁴⁴. Ремонт бронзовых сосудов при помощи приклепанных заплаток получил широкое распространение в Римской империи, однако, есть основания предполагать, что и кочевники в рассматриваемый период могли подобным образом ремонтировать бронзовую посуду¹⁴⁵.

8. Выводы

Рассмотренные в этой работе римские бронзовые тазы типов Eggers 99–106, преобладающее большинство находок которых происходит из Помпей, относятся к категории сосудов, получивших довольно широкое распространение как в Свободной Германии, так и в образовавшихся в первой половине I в. н.э. римских провинциях Нижней Мезии и Фракии. Находки таких тазов в Иудее, Хадрамауте и Западной Индии, свидетельствуют о том, что такие тазы распространялись и в Восточном Средиземноморье и, вероятно, по морским путям доходили до Южной Азии.

Из 33 находок на территории Восточной Европы, происхождение 32 из которых известно, 26 – целых или частично фрагментированных тазов, а также 7 отдельных находок ручек и их фрагментов. Таким образом, их количество превышает количество находок на территории *Germania magna* (21 экз.) и Фракии (18 или 21 экз.). Обращает на себя внимание также полное отсутствие находок таких тазов или отдельных ручек в античных центрах Северного Причерноморья и их географическую концентрацию в погребениях кочевников на Нижнем Дону и в Прикубанье, которую можно сопоставить лишь с близкой концентрацией находок таких тазов во Фракии.

Тазы рассматриваемых типов начинают поступать в Сарматия не позднее второй половины I в. н.э., при этом они найдены в комплексах, датирующихся от второй половины I до первой половины III в. н.э. Возможно, столь длительное во многих случаях бытование тазов, в частности, по сравнению с Фракией, является дополнительным фактором, объясняющим факт полного или частичного отсутствия ручек и ремонта некоторых тазов, включающего как установку заплаток, так и изготовление новых, кустарно выполненных поддонов, который мог произ-

¹⁴³ См. выше прим. 35.

¹⁴⁴ См. выше прим. 32.

¹⁴⁵ Treister 2019a, 317–319; 2019b, 182–183.

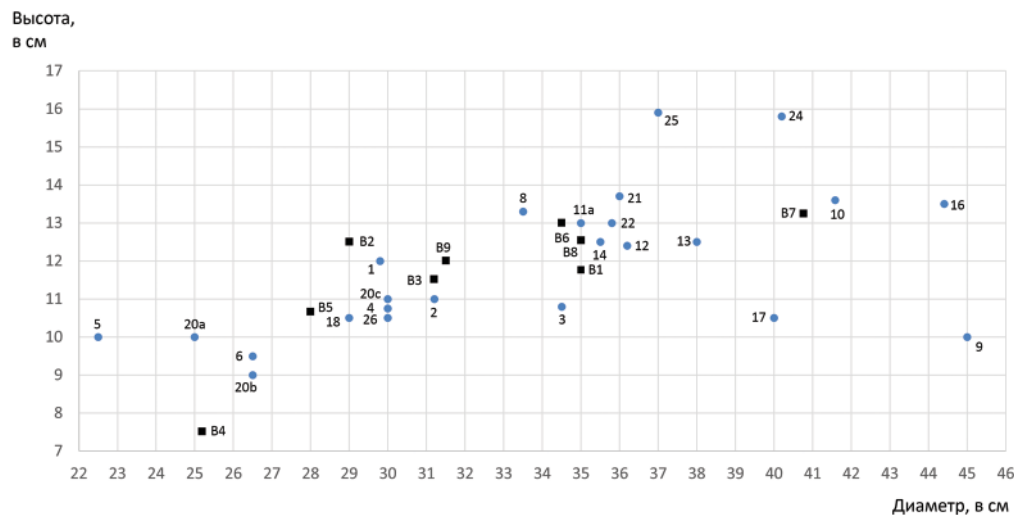

Рис. 15. Соотношение высоты и диаметра бронзовых тазов типов Eggers 99–106 из Сарматии и Фракии. Круги – тазы из Сарматии, квадраты – из Фракии. Номера на графике соответствуют номерам карты рис. 14. 11a – Кобыковский, курган № 3/1983; 20a – Тифлисская, курган № 9/1902; 20b – курган № 15/1902; 20c – курган № 17/1902. Номера тазов из Фракии – см. прим. 20. График, М.Ю. Трейстер, 2019

Fig. 15. The ratio of height and diameter of bronze basins of Eggers types 99–106 from Sarmatia and Thrace. Circles – basins from Sarmatia, squares – basins from Thrace. The numbers on the chart correspond to the numbers of the map fig. 14. 11a – Kobyakovskii, Burial-mound no. 3/1983; 20a – Tiflisskaya, Burial-mound no. 9/1902; 20b – Burial-mound no. 15/1902; 20c – Burial-mound no. 17/1902. The numbers of the basins from Thrace – see text note 20. Chart, Mikhail Treister, 2019

водиться как в мастерских ближайших боспорских центров, прежде всего Танаиса, так и непосредственно кочевниками.

За редкими исключениями в тех случаях, когда известно определение пола погребенных, тазы были найдены в мужских погребениях. Кроме того, в одном случае фрагменты таза были найдены в тризне кургана с женским погребением. Как именно использовали эти тазы сарматы мы не знаем, но вряд ли по их первоначальному назначению, также как и германцы¹⁴⁶. Тем не менее отметим, что в погребениях кочевников Азиатской Сарматии абсолютно преобладали крупные (дм. 33,5–38 см) и очень крупные (40–45 см в диаметре) тазы. При этом среди найденных в Крыму, Северо-Западном Причерноморье и Приднепровье тазов абсолютно преобладали малые тазы диаметром 25–30 см, а в Прикубанье встречались, как крупные, так и мелкие тазы. Наиболее часто тазы были найдены вместе с коваными кувшинами (Blechkanne), реже – с цедилками и черпаками типа Eggers 160 и ковшами.

¹⁴⁶ Cp. Schuster 2016, 95–96.

По сравнению с распределением других категорий римской бронзовой посуды, в частности более ранних ковшей первой половины I в. н.э., отметим чрезвычайную редкость находок тазов как в могильниках Юго-Западного Крыма¹⁴⁷, так и в сарматских погребениях Среднего Приднепровья, а также отсутствие их находок в Южном Приуралье и Зауралье.

Приложение 1. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа (%) бронзовых тазов. Анализ на спектрометре Brüker (аналитик С.В. Хаврин, 2016).

№ пробы	Инв. №	Происхождение	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Zn	Fe	Ni	Рис.
BR7	АМЗ, 394, А025/8	Кобяковский, курган № 3/1983, погребение № 1	осн.	<0,2	12–15	2–3	–	сл.	–	<0,3	–	7–8
BR10	ЮФУ, б/№	Плоский-И, курган № 4, погребение № 1	осн.	–	2–4	сл.	–	–	–	<0,3	–	
BR34	ЭКМ, 15883/1–2	Горелый-И, курган № 1/2003, погребение № 1	осн.	<0,3	12–15	5–7	сл.	–	–	<0,5	сл.	4, 2; 5

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М., Сорокина, Н.П. 2007: *Коллекция стекла античной Горгиипии*. М.
- Балановский, А.В., Тихонов, В.В. 2009: Погребение знатной сарматки из курганного могильника «Горелый I». В сб.: *Наша малая Родина: ее история, развитие, проблемы*. Балашов, 8–22.
- Безруков, А.В. 1999: Римская бронзовая посуда на территории Урала, Поволжья и Прикамья. *ПИФК* VIII, 54–61.
- Безуглов, С.И. 2000: Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). В сб.: Ю.К. Гугуев (ред.), *Сарматы и их соседи на Дону* (Материалы и исследования по археологии Дона, 1). Ростов-на-Дону, 169–192.
- Безуглов, С.И., Глебов, В.П., Парусимов, И.Н. 2009: *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону.
- Беспалый, Е.И., Беспалая, Н.Е., Раев, Б.А. 2007: *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый I»* (Материалы и исследования по археологии Юга России, 2). Ростов-на-Дону.
- Беспалый, Е.И., Лукьяшко, С.И. 2018: *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Новоалександровка* (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I. Т. 2). Ростов-на-Дону.
- Буюклиев, Х. 1984: Тракийска могила гробница от с. Мъдрец, Старозагорски окръг. *Разкопки и проучвания* 10, 7–33.
- Буюклиев, Х. 1986: *Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг* (Разкопки и проучвания XVI). София.

¹⁴⁷ Помимо рассмотренных в статье тазов из Константиновки и Усть-Альминского могильника укажем также на новую находку таза Eggers 70 в могильнике Опушки: Храпунов, Стоянова 2019а, 324, рис. 3.П, 6; 2019б, 315, рис. 2; Стоянова, Храпунов 2020, 296, рис. 3, 1.

- Внуков, С.Ю. 2016: Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36–47.
- Волков, И.В. 1984: *Отчет о спасательных раскопках курганного могильника на Вятской улице в г. Ростове-на-Дону в 1983 году*. Архив ИА РАН, Р-1, № 9838.
- Волкович, А.М. 1941: К южным связям Прикамья в последние века до и. э. и первые века н.э. *Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа* 1. Л., 219–236.
- Гугуев, В.К. 2018: Два погребения с западными и восточными импортами с территории Кобяковского курганного могильника. В кн.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху* III. Симферополь, 58–84.
- Гущина, И.И., Засецкая, И.П. 1994: *«Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье*. СПб.
- Жуглев, К., Калудова, Й. 1963: Могилни находки от с. Садово, Асеновградско. *Археология* 4, 33–39.
- Журавлев, Д.В. 2010: *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)* (МАИЭТ. Suppl. 9). Симферополь.
- Илюков, Л.С., Власкин, М.В. 1992: *Сарматы междуречья Сала и Маныча*. Ростов-на-Дону.
- Кат. Стара Загора 1984: Д. Николов, Д. Янков, К. Калчев, Х. Буюклиев. *Античная бронза. Окружной Исторический музей. Стара Загора*. София.
- Копылов, В.П., Коваленко, А.Н. 2016: О формировании элитарной культуры у племен среднесарматского времени. В сб.: С.И. Лукьяшко (ред.), *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию юбилею Б.А. Раева*. Кагальник, 20–21 октября 2016 г. Ростов-на-Дону, 125–130.
- Кривошеев, М.В. 2014: Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени. В сб.: Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (ред.), *Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Уфимский археологический вестник 14. Уфа, 105–112.
- Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.)* (САИ Д1-27). М.
- Кропотов, В.В. 2010: *Фибулы сарматской эпохи*. Киев.
- Кунина, Н.З. 1997а: *Античное стекло в собрании Эрмитажа*. СПб.
- Курчатов, С., Бубулич, В. 2003: «Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты» – 40 лет спустя. В сб.: Е. Сава (ред.), *Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона*. Кишинёв, 285–312.
- Лазаров, Л., Митков, Н. 1993: Гробни находки от могила при с. Тутраканци, Провадийско. *Известия Народния музей – Варна*, 29 (44), 64–80.
- Малашев, В.Ю. 2000: Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. В сб.: Ю.К. Гугуев (ред.), *Сарматы и их соседи на Дону* (Материалы и исследования по археологии Дона, 1). Ростов-на-Дону, 194–232.
- Мелюкова, А.И. 1962: Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты. *СА* 1, 195–208.
- Мордвинцева, В.И., Сергацков, И.В. 1995: Богатое сарматское погребение у станции Бердия. *РА* 4, 114–124.
- Орлов, К.К., Скорый, С.А. 1989: Комплекс с бронзовым посудом римского часу с поховання в Центральному Криму. *Археологія* 2, 63–74.
- Прохорова, Т.А., Гугуев, В.К. 1992: Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника. *СА* 1, 142–161.

- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Раев, Б.А. 2013: Комплекс из кургана у аула Кончукохабль: взгляд через 50 лет. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 39, 162–184.
- Раев, Б.А., Науменко, С.А. 1993: Погребение с римскими импортами в Ростовской области. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева)*. Новочеркасск, 151–160, 183–187.
- Сазонов, А.А. 1992: Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского. В сб.: Д.Х. Меркулов (ред.), *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп, 244–274.
- Сергацков, И.В. 1994: Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первых веках нашей эры. В сб.: Д.М. Туган-Барановский (ред.), *Проблемы всеобщей истории. Материалы научной конференции. Волгоград, сентябрь 1993*. Волгоград, 19–29.
- Сергацков, И.В. 2000: *Сарматские курганы на Иловле*. Волгоград.
- Сергацков, И.В. 2004: К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, 107–116.
- Сергацков, И.В. 2009: *Сарматские погребения близ станции Бердия на Иловле*. В сб.: Н.А. Макаров (ред.), *Археологические открытия. 1991–2004. Европейская Россия*. М., 235–244.
- Симоненко, А.В. 2011: *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. СПб.
- Скрипкин, А.С. 1989: Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов. *СА* 4, 172–181.
- Скрипкин А.С. (ред.) 2013: *Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея*. Волгоград.
- Сорокина, Н.П. 1965: Стекланные сосуды из Танаиса. *Древности Нижнего Дона* (МИА 127). М., 202–255.
- Стоянова, А.А., Храпунов, И.Н. 2020: Римские импорты из Опушкинского могильника в Крыму. *Археологическое наследие* 1(3), 294–303.
- Супруненко, А.Б. 1994: *Курганы Нижнего Поворскля. М.–Полтава*.
- Трейстер, М.Ю. 2018а: Blechkanne. Медные кованые кувшины первых веков н.э. в Северном Причерноморье и Сарматии. *ДБ* 22, 216–238.
- Трейстер, М.Ю. 2018б: Персонификация Африки на атташах ручек амфоры из Нижнего Подонья (о римских бронзовых амфорах в Сарматии). *ПИФК* 3, 10–30.
- Трейстер, М.Ю. 2019: Бронзовые сосуды из тризны Кобяковского кургана № 10/1987. *Вестник Танаиса*. Вып. 5. Том 2. Ростов-на-Дону, 146–159.
- Труфанов, А.А. 2009: Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. *Stratum plus* 4 (2005–2009), 117–328.
- Храпунов, И.Н., Стоянова, А.А. 2019а: Исследование могильника Опушки в 2018 г. *История и археология Крыма* XI, 323–328.
- Храпунов, И.Н., Стоянова, А.А. 2019б: Погребение с римскими импортами из могильника Опушки. В сб.: Д.А. Костромичев (ред.), *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 17–19 сентября 2019 года*. Севастополь, 314–319.
- Шелов, Д.Б. 1965: Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н.э. *Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae* XXV, 251–274.
- Яценко, Е.Г. 2007: Стекланные сосуды римского и позднеантичного времени из Танаиса (по материалам из раскопа XIX, исследования 1993–2000 гг.). *Вестник Танаиса* 2, 173–210.
- Andreae, B. 2003: *Antike Bildmosaiken*. Mainz.

- Bărcă, V. 2009: Câteva considerații privind vasele metalice de import din mediul sarmatic nord-pontic / A few remarks on the import metal ware within the north-pontic sarmatian environment. In: O. Țentea, I.C. Opriș (eds.), *Near and Beyond the Roman Frontier. Proceedings of a Colloquium held in Târgoviște, 16–17 October 2008* (Supplementum Cercetări Arheologice, XVI). București, 85–124.
- Bene, Z., Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2016: Some characteristic Types of Roman Imports in Sarmatian Barbaricum in the Carpathian Basin (Caskets decorated with Bronze Mounts, Bronze Vessels, Mirrors). In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 743–760.
- Beninger, E. 1931: Der Wandalfund von Czéke-Cejkov. *Annalen des Naturhistorischen Museums in Wien* 45, 183–224.
- Berke, S. 1990: *Römische Bronzegefäße und Terra Sigillata in der Germania libera* (Boreas Beih. 17). Münster.
- Bespaly, E.I. 1986: Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84. In: *Roman Imports*, 75–78.
- Bienert, B. 2007: *Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier*. Trier.
- Bigwood, J.M. 1993: Ctesias' parrot. *Classical Quarterly* 43, 321–327.
- den Boesterd, M.P.H. 1956: *The Bronze Vessels* (Description of the Collection in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen. V.). Nijmegen.
- Bojkova, A. 1997: Burial Mound near Kotcherinovo in the Valley of Upper Strouma. *Archaeology in Bulgaria*. Vol. 1. No. 1, 67–76.
- Breton, J.-F. Bâfaqîh, M.A. 1993: *Trésors du Wâdî Dura' (République du Yemen). Fouilles franco-yéménites de la nécropole de Hajar am-Dhabiyya* (Institute français d'archéologie du Proche-Orient; Bibliothèque archéologique et historique. Vol. 141). Paris.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Eggers, H.J. 1966: Römische Bronzegefäße in Britannien. *JbRGZM* 13, 67–164.
- Erdrich, M. 2001: *Rom und die Barbaren* (Römisch-Germanische Forschungen 58). Mainz.
- Faider-Feytmans, G. 1979: *Les bronzes romains de Belgique*. Mainz.
- Fodor, I. 1990: Spätkaiserzeitlicher bronzener Gefäßhenkel aus Hajdúdorog. *Folia archaeologica* 41, 53–60.
- Gorecki, J. 1993: Metallgefäße und -objekte aus der Villa des N. Popidius Florus (Boscovale) im J. Paul Getty Museum, Malibu, Kalifornien. In: J. Arce, F. Burkhalter (eds.), *Bronces y religion romana (Actas del XI Congreso Internacional de Bronces antiguos, Madrid, mayo-junio 1990)*. Madrid, 229–246.
- Guguev, V.K. 1986: The Burials in the Kobyakovo Barrow-Cemetery. In: *Roman Imports*, 71–72.
- Holliger, Ch., Holliger, C. 1985: Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 2. *Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa*, 5–44.
- Hrnčiarik, E. 2013: *Römisches Kulturgut in der Slowakei. Herstellung, Funktion, und Export römischer Manufakturzeugnisse aus den Provinzen in der Slowakei* (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 222). Bonn.
- Ignatov, V., Gospodinov, K. 2013: Eine reiche Bestattung eines thrakischen Aristokraten aus dem 1. Jh. n. Chr. bei Karanovo, Kreis Nova Zagora, Südbulgarien. *Archaeologia bulgarica* XVII.1, 27–48.
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.
- Karasová, Z. 1998: *Die römischen Bronzegefäße in Böhmen* (Fontes Archaeologici Pragenses 22). Praga.
- Kat. Berlin 2011: R. Grüßinger, V. Kästner, A. Scholl. *Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Begleitbuch zur Ausstellung*. Berlin.
- Kat. Heidelberg 1999: T. Werner (Hrsg.), *Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden*. Heidelberg.

- Kielau, S. 2004: Das Taubenmosaik aus der Villa Hadriana und seine Beziehungen zu Pergamon. Neue Beobachtungen. *Istanbuler Mitteilungen* 54, 491–505.
- Kinzelbach, R. 1997: Vögel in römischer Zeit. *Beiträge zur Archäozoologie und Prähistorischen Anthropologie* 1, 30–41.
- Kohlert-Németh, M. 1990: *Römische Bronzen II aus Nida-Heddernheim. Fundsachen aus dem Hausrat. Auswahlkatalog* (Archäologische Reihe 14). Frankfurt am Main.
- Koster, A. 1997: *The Bronze Vessels*, 2. 2. Acquisitions, 1954–1996 (including vessels of pewter and iron) (Description of the Collections in the Provinciaal Museum G.M. Kam at Nijmegen 13). Nijmegen.
- Kraskovská, L. 1959: Hroby z doby rímskej v Zohore. *Slovenská archeológia* VII.1, 99–143.
- Kraskovská, L. 1978: *Roman Bronze Vessels from Slovakia* (BAR Suppl. Ser. 44). Oxford.
- Kunow, J. 1983: *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen* (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte, Band 21). Neumünster.
- Lewis, S., Llewellyn-Jones, L. 2018: *The Culture of Animals in Antiquity: A Sourcebook with Commentaries*. New York.
- Löhr, H. 2008: Metal Vessels and Furniture. In: A. Furtwängler, I. Gagoshidze, H. Löhr, N. Ludwig (eds.), *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, 155–164.
- Luik, M. 2016: Buntmetallgefäße der mittleren Kaiserzeit zwischen Rhein und Pyrenäen. Ein Forschungsüberblick. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 215–228.
- Lund Hansen, U. 1987: Römischer Import im Norden. *Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien* (Nordiske Fortidsminder, B/10). København.
- Lundock, J.R. 2014: *A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain*. Thesis by Jason Lundock for King's College London in completion of degree Doctor of Philosophy in Classics Research. London.
- Marazov, I., Kabakchieva, G., Lazov, G., Shalganova, T. 2005: *Vassil Bojkov Collection*. Sofia.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Mustață, S. 2017: *The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis* (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12). Cluj-Napoca.
- Mutz, A. 1972: *Die Kunst des Metall-drehens bei den Römern. Interpretationen antiker Arbeitsverfahren auf Grund von Werkspuren*. Stuttgart.
- Nenova-Merdjanova, R. 2011: Production and Consumption of Bronzework in Roman Thrace. In: I.P. Haynes (ed.), *Early Roman Thrace: New Evidence from Bulgaria* (Journal of Roman Archaeology Supplementary Series, 82). Portsmouth, 115–134.
- Oettel, A. 1991: *Bronzen aus Boscoreale in Berlin*. Berlin.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. Istanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Petrovsky, R. 1993: *Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln* (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen, 1). Buch am Erlbach.
- Popa, A. 2010: Einige Bemerkungen zu den provinzial-römischen Gefäßen aus dem kaiserzeitlichen Grabkomplex von Olănești in der Republik Moldau. In: S. Musteață, A. Popa, J.P. Abraham (ed.), *Arheologia între știință, politică și economia de piață*. Chișinău, 58–84.
- Popa, A. 2016b: Bronzenes Wasch- und Badegeschirr am Rande der römischen Welt: Überlegungen zu einer Gruppe römischer Bronzegefäße jenseits der Provinzgrenzen Dacia und Moesia Inferior. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 423–432.
- De Puma, R.D. 1991: The Roman Bronzes from Kolhapur. In: V. Begley, R.D. De Puma (eds.), *Rome and India. The Ancient Sea Trade*. Madison, 84–112.

- Puzdrovskij, A. 2013: Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In: *Kat. Bonn* 2013, 290–323.
- Radnóti, A. 1938: *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien* (Dissertationes Pannonicae, II/6). Budapest.
- Raev, B.A. 1977: Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *Ber.RGK* 58.II, 605–643.
- Raev, B.A. 1979: Metal Vessels from "Hohlač" (Novocherkassk). In: *Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du Ve Colloque international sur les bronzes antiques, Lausanne, 8–13 mai 1978* (Cahiers d'archéologie romande 17). Lausanne, 235–240.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford.
- Schelou, D.B. 1982: Römische Bronzegefäße in Osteuropa. *Eirene* 18, 61–76.
- Schuster, J. 2010: *Lübsow – Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa* (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie 12). Bonn.
- Schuster, J. 2016: Die Gräber von Lübsow (Lubieszewo) – Anmerkungen zu älterkaiserzeitlichen Prunkbestattungen und zum römischen Import. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 93–106.
- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum, 10). Montagnac.
- Sergackov, I.V. 1994: The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD. In: B. Genito (ed.), *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992* (Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di studi asiatici, series Minor XLIV). Napoli, 263–277.
- Sevinç, N., Treister, M. 2003: Metalwork from the Dardanos Tumulus. *Studia Troica* 13, 215–260.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 1–264.
- Stefanelli, L.P.B. 1990: *Il bronzo dei Romani*. Roma.
- Tammisto, A. 1997: *Birds in Mosaics: A Study on the Representation of Birds in Hellenistic and Romano-Campanian Tesselated Mosaics to the Early Augustan Age* (Acta Instituti Romani Finlandiae 18). Rome.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Toynbee, J.M.C. 1973: *Animals in Roman Life and Art*. London.
- Treister, M. 2019a: Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In: V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20–24, 2018* (Pontica et Mediterranea VIII). Cluj-Napoca, 313–345.
- Treister, M. 2019b: Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In: P. Baas (ed.), *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes. Tübingen, 17.–21.04.2018* (BAR S 2958). Oxford, 177–187.
- Veličko, E. 2013: Das sarmatische Grab von Čuguno-Krepinka. In: LVR – Landesmuseum Bonn (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, 418–423.
- Volkov, I.V., Guguev, Yu.K. 1986: A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don. In: *Roman Imports*, 73–74.
- Wielowiejski, J. 1985: Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *Ber.RGK* 66, 123–320.
- Yadin, Y. 1963: *The Finds from the Bar Kokhba Period in the Cave of Letters. Metal Utensils* (Judean Desert Studies 1). Jerusalem.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M., Sorokina, N.P. 2007: *Kollektsiya stekla antichnoy Gorgippii* [The Collection of Glass of Ancient Gorgippia]. Moscow.
- Andreae, B. 2003: *Antike Bildmosaiken*. Mainz.
- Balanovskiy, A.V., Tikhonov, V.V. 2009: Pogrebenie znatnoj sarmatki iz kurgannogo mogil'nika «Gorelyy I» [A Burial of a Noble Sarmatian Woman from the Kurgan Necropolis "Gorelyy I"]. In: *Nasha malaya Rodina: eye istoriya, razvitie, problemy* [Our Small Motherland: Its History, Development, Problems]. Balashov, 8–22.
- Bărcă, V. 2009: Câteva considerații privind vasele metalice de import din mediul sarmatic nord-pontic / A few remarks on the import metal ware within the north-pontic sarmatian environment. In: O. Țentea, I.C. Opriș (eds.), *Near and Beyond the Roman Frontier. Proceedings of a Colloquium held in Târgoviște, 16–17 October 2008* (Supplementum Cercetări Arheologice, XVI). București, 85–124.
- Bene, Z., Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2016: Some characteristic Types of Roman Imports in Sarmatian Barbaricum in the Carpathian Basin (Caskets decorated with Bronze Mounts, Bronze Vessels, Mirrors). In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 743–760.
- Beninger, E. 1931: Der Wandalfund von Czéke-Cejkov. *Annalen des Naturhistorischen Museums in Wien* 45, 183–224.
- Berke, S. 1990: *Römische Bronzegefäße und Terra Sigillata in der Germania libera* (Boreas Beih. 17). Münster.
- Bespalyy, E.I. 1986: Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84. In: *Roman Imports*, 75–78.
- Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2018: *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik u s. Novoaleksandrovka* [The Ancient Population of the Interfluvium of Don and Kagal'nik. The Kurgan Necropolis near the Village of Novoaleksandrovka] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of South Russia]. Iss. I. Vol. 2). Rostov-on-Don.
- Bespalyy, E.I., Bepalaya, N.E., Raev, B.A. 2007: *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyi mogil'nik "Valovyy I"* [The Ancient Population of the Lower Don. The Kurgan Necropolis "Valovyy I"] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of South Russia] 2). Rostov-on-Don.
- Bezrukov, A.V. 1999: Rimskaya bronzovaya posuda na territorii Urala, Povolzh'ya i Prikam'ya [Roman Bronzeware in the Territory of the Urals, Volga and Kama Basins]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] VIII, 54–61.
- Bezuglov, S.I. 2000: Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podon'ya) [Late Sarmatian Swords (after the Materials from the Don Area)]. In: Yu.K. Guguev (ed.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [The Sarmatians and their Neighbors in the Don Area] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona [Materials and Investigations in the Archaeology of the Don Area] 1). Rostov-on-Don, 169–192.
- Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N. 2009: *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyi mogil'nik Valovyy I)* [Late Sarmatian Burials in the Estuary of Don (the Kurgan Necropolis Valovyy I)]. Rostov-on-Don.
- Bienert, B. 2007: *Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier*. Trier.
- Bigwood, J.M. 1993: Ctesias' parrot. *Classical Quarterly* 43, 321–327.
- Bojkova, A. 1997: Burial Mound near Kotcherinovo in the Valley of Upper Strouma. *Archaeology in Bulgaria*. Vol. 1. No. 1, 67–76.
- Breton, J.-F. Bâfaqih, M.A. 1993: *Trésors du Wâdî Dura' (République du Yémen). Fouilles franco-yéménites de la nécropole de Hajar am-Dhabiyya* (Institute français d'archéologie du Proche-Orient; Bibliothèque archéologique et historique. Vol. 141). Paris.

- Buyukliev, Kh. 1984: Trakiiska mogilna grobnitsa ot s. Mydrets, Starozagorski okryg [The Thracian Tumulus Tomb near the Village of Mydrets]. *Razkopki i prouchvaniya* [Fouilles et recherches] 10, Sofia, 7–33.
- Buyukliev, Kh. 1986: *Trakiiskiyat mogilen nekropol pri Chatalka, Starozagorski okryg* [The Thracian Kurgan Necropolis near Chatalka, Stara Zagora Region]. (Razkopki i prouchvaniya [Fouilles et recherches] XVI). Sofia.
- Cat. Stara Zagora 1984: D. Nikolov, D. Yankov, K. Kalchev, Kh. Buyukliev. *Antichnaya bronza. Okruznoi Istoricheskii muzei. Stara Zagora* [Ancient Bronzes. Regional Historical Museum. Stara Zagora]. Sofia.
- De Puma, R.D. 1991: The Roman Bronzes from Kolhapur. In: V. Begley, R.D. De Puma (eds.), *Rome and India. The Ancient Sea Trade*. Madison, 84–112.
- den Boesterd, M.P.H. 1956: *The Bronze Vessels* (Description of the Collection in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen. V.). Nijmegen.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte 1). Hamburg.
- Eggers, H.J. 1966: Römische Bronzegefäße in Britannien. *JbRGZM* 13, 67–164.
- Erdrich, M. 2001: *Rom und die Barbaren* (Römisch-Germanische Forschungen 58). Mainz.
- Faider-Feytmans, G. 1979: *Les bronzes romains de Belgique*. Mainz.
- Fodor, I. 1990: Spätkaiserzeitlicher bronzener Gefäßhenkel aus Hajdúdorog. *Folia archaeologica* 41, 53–60.
- Gorecki, J. 1993: Metallgefäße und -objekte aus der Villa des N. Popidius Florus (Boscovale) im J. Paul Getty Museum, Malibu, Kalifornien. In: J. Arce, F. Burkhalter (eds.), *Bronces y religion romana (Actas del XI Congreso Internacional de Bronces antiguos, Madrid, mayo-junio 1990)*. Madrid, 229–246.
- Guguev, V.K. 1986: The Burials in the Kobayakovo Barrow-Cemetery. In: *Roman Imports*, 71–72.
- Guguev, V.K. 2018: Dva pogrebeniya s zapadnymi i vostochnymi importami s territorii Kobayakovskogo kurgannogo mogil'nika [Two Burials with Western and Eastern Imports from the territory of the Kobayakovo Kurgan Necropolis]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu* [The Crimea in the Sarmatian Period] III. Simferopol, 58–84.
- Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1994: «Zolotoe kladbishche» rimskoi epokhi v Prikuban'e [The „Golden Cemetery“ of the Roman Period in the Kuban Area]. Saint Petersburg.
- Holliger, Ch., Holliger, C. 1985: Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 2. *Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa*, 5–44.
- Hrnčiarik, E. 2013: *Römisches Kulturgut in der Slowakei. Herstellung, Funktion, und Export römischer Manufakturzeugnisse aus den Provinzen in der Slowakei* (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 222). Bonn.
- Ignatov, V., Gospodinov, K. 2013: Eine reiche Bestattung eines thrakischen Aristokraten aus dem 1. Jh. n. Chr. bei Karanovo, Kreis Nova Zagora, Südbulgarien. *Archaeologia bulgarica* XVII.1, 27–48.
- Ilyukov, L.S., Vlaskin, M.V. 1992: *Sarmaty mezhdu rech'ya Sala i Manycha* [The Sarmatians of the Interfluvium of Sal and Manych Rivers]. Rostov-on-Don.
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.
- Karasová, Z. 1998: *Die römischen Bronzegefäße in Böhmen* (Fontes Archaeologici Pragenses 22). Praga.
- Kat. Berlin 2011: R. Grüßinger, V. Kästner, A. Scholl. *Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Begleitbuch zur Ausstellung*. Berlin.
- Kat. Heidelberg 1999: T. Werner (Hrsg.), *Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden*. Heidelberg.
- Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A. 2019a: Issledovanie mogil'nika Opushki v 2018 g. [Investigations of Opushki Necropolis in 2018]. *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] XI, 323–328.

- Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A. 2019b: Pogrebenie s rimskimi importami iz mogil'nika Opushki [A Burial with Roman Imports from Opushki Necropolis]. In: D.A. Kostromichev (ed.), *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sevastopol', 17–19 sentyabrya 2019 goda* [Classical Relics of Chersonesos: Discoveries, Finds, Theories. Materials of the International Conference. Sevastopol, 17–27 September 2019]. Sevastopol, 314–319.
- Kielau, S. 2004: Das Taubenmosaik aus der Villa Hadriana und seine Beziehungen zu Pergamon. Neue Beobachtungen. *Istanbuler Mitteilungen* 54, 491–505.
- Kinzelbach, R. 1997: Vögel in römischer Zeit. *Beiträge zur Archäozoologie und Prähistorischen Anthropologie* 1, 30–41.
- Kohlert-Németh, M. 1990: *Römische Bronzen II aus Nida-Hedderheim. Fundsachen aus dem Hausrat. Auswahlkatalog* (Archäologische Reihe 14). Frankfurt am Main.
- Kopylov, V.P., Kovalenko, A.N. 2016: O formirovaniy elitarnoy kul'tury u plemen srednesarmatskogo vremeni [On the Formation of the Elitist Culture of the Tribes of the Middle Sarmatian Period]. In: S.I. Lukyasho (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarkii mir Ponto-Kaspiiskogo regiona. Materialy Vserossiiskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 70-letnemu yubileyu B.A. Raeva. Kagal'nik, 20–21 oktyabrya 2016 g.* [The Ancient Civilization and the Barbarian World of the Pontic-Caspian Region. Materials of the All-Russian with International Participation Conference dedicated to 70-th Anniversary of B.A. Raev. Kagal'nik, 20–21 October 2016]. Rostov-on-Don, 125–130.
- Koster, A. 1997: *The Bronze Vessels*, 2. 2. Acquisitions, 1954–1996 (including vessels of pewter and iron) (Description of the Collections in the Provinciaal Museum G.M. Kam at Nijmegen 13). Nijmegen.
- Kraskovská, L. 1959: Hroby z doby rímskej v Zohore. *Slovenská archeológia* VII.1, 99–143.
- Kraskovská, L. 1978: *Roman Bronze Vessels from Slovakia* (BAR Suppl. Ser. 44). Oxford.
- Krivosheev, M.V. 2014: Importnaya metallichesкая posuda kak marker znatnykh pogrebeniy pozdnesarmatskogo vremeni [Imported Metalware as a Marker of the Elite Burials of the Late Sarmatian Period]. In: L.T. Yablonskii, N.S. Savelev (eds.), *Sarmaty i vneshniy mir: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Sarmatians and the Outside World: The Materials of the VIII International Conference “The Problems of the Sarmatian Archaeology and History”] (Ufimskiy arkheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald] 14). Ufa, 105–112.
- Kropotkin, V.V. 1970: *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Roman Imports in the Eastern Europe (2nd Century BC – 5th Century AD)] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources]. – D1-27). Moscow.
- Kropotov, V.V. 2010: *Fibuly sarmatskoy epokhi* [The Fibulas of the Sarmatian Period]. Kiev.
- Kunina, N.Z. 1997: *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha* [The Ancient Glass from the Collection of the Hermitage]. Saint Petersburg.
- Kunow, J. 1983: *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen* (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte, Band 21). Neumünster.
- Kurchatov, S., Bubulich, V. 2003: «Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana u s. Oloneshty» – 40 let spustya [“Sarmatian Burial from the Kurgan near the Village of Oloneshty” – 40 Years Later]. In: E. Sava (ed.), *Vzaimodeistvie kul'tur i khronologiya Severo-Pontiiskogo regiona* [The Interaction of Cultures and the Chronology of the North Pontic Region]. Kishinev, 285–312.
- Lazarov, L., Mitkov, N. 1993: Grobni nakhodki ot mogila pri s. Tutrakantsi, Provadiisko [The Grave Finds from the Kurgan near the Village of Tutrakantsi, Provadiya Region]. Известия на Народния музей Варна [Bulletin du musée national du Varna] 29 (44), 64–80.
- Lewis, S., Llewellyn-Jones, L. 2018: *The Culture of Animals in Antiquity: A Sourcebook with Commentaries*. New York.

- Löhr, H. 2008: Metal Vessels and Furniture. In: A. Furtwängler, I. Gagoshidze, H. Löhr, N. Ludwig (eds.), *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach, 155–164.
- Luik, M. 2016: Buntmetallgefäße der mittleren Kaiserzeit zwischen Rhein und Pyrenäen. Ein Forschungsüberblick. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 215–228.
- Lund Hansen, U. 1987: Römischer Import *im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien* (Nordiske Fortidsminder, B/10). København.
- Lundock, J.R. 2014: *A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain*. Thesis by Jason Lundock for King's College London in completion of degree Doctor of Philosophy in Classics Research. London.
- Malashev, V.Yu. 2000: Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [The Chronology of the Belts of the Late Sarmatian Period]. In: Yu.K. Guguev (ed.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [The Sarmatians and their Neighbors in the Don Area] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona [Materials and Investigations in the Archaeology of the Don Area] 1). Rostov-on-Don, 194–232.
- Marazov, I., Kabakchieva, G., Lazov, G., Shalganova, T. 2005: *Vassil Bojkov Collection*. Sofia.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Melyukova, A.I. 1962: Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana u s. Oloneshty [The Sarmatian Burial in the Kurgan near the Village of Oloneshty]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 195–208.
- Mordvintseva, V.I., Sergatskov, I.V. 1995: Bogatoe sarmatskoe pogrebenie u stantsii Berdiya [A Rich Sarmatian Burial near the Berdiya Station]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 4, 114–124.
- Mustăță, S. 2017: *The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis* (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12). Cluj-Napoca.
- Mutz, A. 1972: *Die Kunst des Metaldrehens bei den Römern. Interpretationen antiker Arbeitsverfahren auf Grund von Werkspuren*. Stuttgart.
- Nenova-Merdjanova, R. 2011: Production and Consumption of Bronzework in Roman Thrace. In: I.P. Haynes (ed.), *Early Roman Thrace: New Evidence from Bulgaria* (Journal of Roman Archaeology Supplementary Series, 82). Portsmouth, 115–134.
- Oettel, A. 1991: *Bronzen aus Boscoreale in Berlin*. Berlin.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. Istanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Orlov, K.K., Skorii, S.A. 1989: Kompleks z bronzovim posudom rims'kogo chasu z pokhovan'nyya v Tsentral'nomu Krimu [A Complex with Bronze Vessels of the Roman Period from the Burial in the Central Crimea]. *Arkheologiya* [Archaeology (Kiev)] 2, 63–74.
- Petrovsky, R. 1993: *Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln* (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen 1). Buch am Erlbach.
- Popa, A. 2010: Einige Bemerkungen zu den provinzial-römischen Gefäßen aus dem kaiserzeitlichen Grabkomplex von Olănești in der Republik Moldau. In: S. Musteață, A. Popa, J.P. Abraham (eds.), *Arheologia între știință, politică și economie de piață*. Chișinău, 58–84.
- Popa, A. 2016b: Bronzenes Wasch- und Badegeschirr am Rande der römischen Welt: Überlegungen zu einer Gruppe römischer Bronzegefäße jenseits der Provinzgrenzen Dacia und Moesia Inferior. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 423–432.
- Prokhorova, T.A., Guguev, V.K. 1992: Bogatoe sarmatskoe pogrebenie v kurgane 10 Kob'yakovskogo mogil'nika [A Rich Sarmatian Burial in the Kurgan 10 of the Kob'yakovo Necropolis]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 142–161.
- Puzdrovskiy, A. 2013: Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In: *Kat. Bonn* 2013, 290–323.

- Puzdrowskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia. 2nd Century BC. – 3rd Century AD. Funeral monuments]. Simferopol.
- Radnóti, A. 1938: *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien* (Dissertationes Pannonicae, II/6). Budapest.
- Raev, B.A. 1977: Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *Ber.RGK*. 58.II, 605–643.
- Raev, B.A. 1979: Metal Vessels from “Hohlač” (Novocherkassk). In: *Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du Ve Colloque international sur les bronzes antiques, Lausanne, 8–13 mai 1978* (Cahiers d'archéologie romande 17). Lausanne, 235–240.
- Raev, B.A. 2013: Kompleks iz kurgana u aula Konchukokhabl': vzglyad cherez 50 Let [A Complex from the Kurgan near Aul Konchukokhabl': a View 50 Years Later]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The Collection of Articles on Archaeology of the State Hermitage] 39, 162–184.
- Raev, B.A., Naumenko, S.A. 1993: Pogrebenie s rimskimi importami v Rostovskoy oblasti [A Burial with Roman Imports in the Rostov Region]. In: B.A. Raev (ed.), *Skifiya i Bospor (materialy konferentsii pamyati akademika M.I. Rostovzeva)* [Scythia and the Bosphorus (the Materials of the Conference dedicated to the Memory of the Academician M.I. Rostovzeff)]. Novocherkassk, 151–160, 183–187.
- Sazonov, A.A. 1992: Mogil'nik pervykh vekov nashey ery bliz khutora Gorodskogo [The Necropolis of the First Centuries AD near Gorodskoy Farmstead]. In: D.Kh. Merkulov (ed.), *Voprosy arkheologii Adygei* [The Problems of Archaeology of Adygeya]. Maikop, 244–274.
- Schelow, D.B. 1982: Römische Bronzegefäße in Osteuropa. *Eirene* 18, 61–76.
- Schuster, J. 2010: *Lübsow – Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa* (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie 12). Bonn.
- Schuster, J. 2016: Die Gräber von Lübsow (Lubieszewo) – Anmerkungen zu älterkaiserzeitlichen Prunkbestattungen und zum römischen Import. In: *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*, 93–106.
- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum, 10). Montagnac.
- Sergackov, I.V. 1994: The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD. In: B. Genito (ed.), *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992* (Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di studi asiatici, series Minor XLIV). Napoli, 263–277.
- Sergatskov, I.V. 1994: Sarmaty Volgo-Donskikh stepey i Rim v pervykh vekakh nashey ery [The Sarmatians of the Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD]. In: D.M. Tugan-Baranovskii (ed.), *Problemy vseobshchey istorii. Materialy nauchnoy konferentsii. Volgograd, sentyabr' 1993* [Problems of World History. Materials of the scientific conference. Volgograd, September 1993]. Volgograd, 19–29.
- Sergatskov, I.V. 2000: *Sarmatskie kurgany na Ilovle* [Sarmatian Burial-mounds in the Ilovlya Basin]. Volgograd.
- Sergatskov, I.V. 2004: K khronologii srednesarmatskoy kul'tury Nizhnego Povolzh'ya [To the Chronology of the Middle Sarmatian Culture of the Lower Volga]. In: B.A. Raev (ed.), *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5 mezhdu-narodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii»* [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Papers for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Krasnodar, 107–116.
- Sergatskov, I.V. 2009: Sarmatskie pogrebeniya bliz stantsii Berdiya na Ilovle [The Sarmatian Burials near the Station of Berdiya on Ilovlya]. In: N.A. Makarov (ed.), *Arkheologicheskie otkrytiya. 1991–2004. Evropeiskaya Rossiya* [Archaeological Discoveries. 1991–2004. European Russia]. Moscow, 235–244.
- Sevinç, N., Treister, M. 2003: Metalwork from the Dardanos Tumulus. *Studia Troica* 13, 215–260.

- Shelov, D.B. 1965: Italiiskie i zapadnorimskie izdeliya v trgovle Tanaisa pervykh vekov n.e. [Italic and Western-Roman Items in the Trade of Tanais in the First Centuries AD]. *Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae* XXV, 251–274.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 1–264.
- Simonenko, A.V. 2011: *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Import by the Sarmatians of the North Pontic Area]. Saint Petersburg.
- Skripkin A.S. (ed.) 2013: *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Regional Local Lore Museum]. Volgograd.
- Skripkin, A.S. 1989: Pogrebal'nyy kompleks s uzdechnym naborom iz Kotlubani i nekotorye voprosy etnicheskoi istorii sarmatov [The Burial Complex with Horse-Harness Set from Kotluban' and Some Questions of the Ethnic History of the Sarmatians]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 172–181.
- Sorokina, N.P. 1965: Steklyannye sosudy iz Tanaisa [Glass Vessels from Tanais]. In: D.B. Shelov (ed.), *Drevnosti Nizhnego Dona* [Antiquities of the Lower Don Area] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSR [Materials and Investigations in the Archaeology of the USSR] 127). Moscow, 202–255.
- Stefanelli, L.P.B. 1990: *Il bronzo dei Romani*. Roma.
- Stoyanova, A.A., Khrapunov, I.N. 2020: Rimskie importy iz Opushkinskogo mogil'nika v Krymu [Roman Imports from the Opushki Necropolis in the Crimea]. *Arkheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage] 1(3), 294–303.
- Suprunenko, A.B. 1994: *Kurgany Nizhnego Povorskl'ya* [The Burial-mounds of the Lower Voroskla Basin]. Moscow–Poltava.
- Tammisto, A. 1997: *Birds in Mosaics: A Study on the Representation of Birds in Hellenistic and Romano-Campanian Tesselated Mosaics to the Early Augustan Age* (Acta Instituti Romani Finlandiae 18). Rome.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Toynbee, J.M.C. 1973: *Animals in Roman Life and Art*. London.
- Treister, M.Yu. 2018a: Blechkanne. Mednye kovanye kuvshiny pervykh vekov n.e. v Severnom Prichernomor'e i Sarmatii [Copper Hammered Jugs of the First Centuries AD in the North Pontic Area and in Sarmatia]. *Drevnosti Bospora* [The Antiquities of the Bosporus] 22, 216–238.
- Treister, M.Yu. 2018b: Personifikatsiya Afriki na attashakh ruchek amfory iz Nizhnego Podon'ya (o rimskikh bronzovykh amforakh v Sarmatii) [The Personification of Africa on the Handle Attachments of the Amphora from the Lower Don Region (on the Roman Bronze Amphoras in Sarmatia)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 10–30.
- Treister, M. 2019a: Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In: V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20-24, 2018* (Pontica et Mediterranea VIII). Cluj-Napoca, 313–345.
- Treister, M. 2019b: Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In: P. Baas (ed.), *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes. Tübingen, 17.-21.04.2018* (BAR S 2958). Oxford, 177–187.
- Treister, M. 2019c: Bronzovye sosudy iz trizny Kobaykovskogo kurgana no. 10/1987 [Bronze Vessels from the Funeral Feast in the Burial-mound no.10/1987 of the Kobaykovo Necropolis]. *Vestnik Tanaisa* [Tanais Herold]. Iss. 5. Vol. 2. Rostov-on-Don, 146–159.

- Trufanov, A.A. 2009: Khronologiya mogil'nikov predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. [The Chronology of the Necropoleis of the Crimean Foothills]. *Stratum plus* 4 (2005–2009), 117–328.
- Veličko, E. 2013: Das sarmatische Grab von Čuguno-Krepinka. In: LVR – Landesmuseum Bonn (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, 418–423.
- Vnukov, S.Yu. 2016: Eshcho raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozднегераклевских) узкогорлыkh амфор [Once More on Typology, Evolution and Chronology of Light-Clay (Late Herakleian) Amphoras with narrow Necks]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 36–47.
- Volkov, I.V. 1984: *Otchet o spasatel'nykh raskopkakh kurgannogo mogil'nika na Vyatskoy ulitse v g. Rostove-na-Donu v 1983 godu* [The Report on Rescue Excavations of the Kurgan Necropolis on the Vyatskaya Street in Rostov-on-Don in 1983]. Archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, P-1, no. 9838.
- Volkov, I.V., Guguev, Yu.K. 1986: A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don. In: *Roman Imports*, 73–74.
- Volkovich, A.M. 1941: K yuzhnykh svyazyam Prikam'ya v poslednie veka do n. e. i pervye veka n.e. [To the Southern Connections of the Kama Region in the last Centuries BC and First Centuries AD]. *Trudy Otdela istorii pervobytnoy kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the Department of the Prehistoric Culture of the State Hermitage] I. Leningrad, 219–236.
- Wielowiejski, J. 1985: Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *Ber.RGK* 66, 123–320.
- Yadin, Y. 1963: *The Finds from the Bar Kokhba Period in the Cave of Letters. Metal Utensils* (Judean Desert Studies 1). Jerusalem.
- Yatsenko, E.G. 2007: Steklyannye sosudy rimskogo i pozднеantichnogo vremeni iz Tanaisa (po materialam iz raskopa XIX, issledovaniya 1993–2000 gg.) [Glass Vessels of the Roman and Late Antique Period from Tanais (after the Materials from Section XIX, Excavations of 1993–2000)]. *Vestnik Tanaisa* [Tanaïs Herald] 2, 173–210.
- Zhuglev, K., Kaludova, I. 1963: Mogilni nakhodki ot s. Sadovo, Asenovgradsko [Finds from Tumuli from the Village of Dadovo, Asenovgrad Region]. *Arkheologia* [Archaeology (Sofia)] 4, 33–39.
- Zhuravlev, D.V. 2010: *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma pervykh vekov n.e. (po materialam pozднескифских некролей Бел'бекской долины)* [Red-Slip Ware of the South-Western Crimea (after the Materials of the Necropoleis of the Belbek Valley)] (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials of Archaeology, History and Ethnography of Tavria]. Suppl. 9). Simferopol.

EGGERS 99–106 ROMAN BRONZE BASINS IN EASTERN EUROPE

Mikhail Yu. Treister

German Archaeological Institute, Berlin, Germany
 mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Abstract. The Roman bronze basins of the Eggers 99–106 types discussed in this paper, the overwhelming majority of which was found in Pompeii, were quite widespread both in Free Germany and in the Roman provinces of Lower Moesia and Thrace, which were established in the first half of the 1st century AD. The finds of such basins in Judea, Hadramaut and Western

India indicate that they were also distributed in the Eastern Mediterranean and probably reached South Asia via sea route. The number of finds in Eastern Europe (33) exceeds the similar data for the territory of Germania magna (21) and Thrace (18 or 21). Noteworthy is the complete absence of finds of such basins or their handles in the ancient centers of the North Pontic coast and their geographical concentration in the burials of the nomads in the Lower Don and the Kuban regions, which can only be compared with a concentration of finds of such basins in Thrace.

These basins first appeared in Sarmatia not later than in the second half of the 1st century AD, while they are found in complexes dating from the second half of 1st to the first half of the 3rd century AD. Perhaps such a long usage of some basins is an additional reason explaining the fact of complete or partial lack of handles and repair of some of them, which could be carried out both in the workshops of the nearest Bosporan centers, especially Tanais, and directly by the nomads.

With rare exceptions, in cases where the determination of the sex of the deceased is known, basins were found in male burials. In addition, in one case, fragments of the basin were found in the Burial-mound with a female burial among the rests of the funeral feast. We do not know how exactly the Sarmatians used these basins, but it is unlikely for their original purpose, as well as the Germans used them differently than the Romans. It is worth mentioning that in the burials of the nomads of Asian Sarmatia, large (33.5–38 cm in diameter) and very large (40–45 cm in diameter) basins dominated absolutely. At the same time, among the basins found in the Crimea, the North-Western Pontic area and in the Dnieper basin, small basins with a diameter of 25–30 cm predominated, and in the Kuban basin there were both large and small basins. Most often, the basins were found with hammered jugs (Blechkanne), less often with strainers of the Eggers 160 type and ladles.

Compared with the distribution of other categories of Roman bronzeware, in particular the earlier casseroles of the first half of the 1st century AD, one should note the extreme rarity of the finds of the basins both in the burial grounds of the South-Western Crimea, and in the Sarmatian burials of the Middle Dnieper area, as well as the absence of their finds in the South Urals and the Trans-Urals.

Keywords: Roman bronze vessels, basins, Roman imports, Roman Empire, Germania magna, Thrace North Pontic area, Asian Sarmatia

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-49–76

СЛЕДЫ СЕЙСМИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ В РУИНАХ УСАДЕБНЫХ КОМПЛЕКСОВ IV–III вв. до н.э. В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

А.М. Корженков¹, А.А. Масленников², А.Н. Овсяченко¹, А.С. Ларьков¹,
С.Н. Родина¹

¹ *Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта Российской академии наук, Москва, Россия*

amkor61@yandex.ru; ovs@ifz.ru; las119@yandex.ru; rodina@ifz.ru

² *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия*
iscander48@mail.ru

Аннотация. Авторами были проведены исследования деформаций строительных остатков на усадебном комплексе IV–III вв. до н.э. в районе Генеральской бухты в Крымском Приазовье. Весь полученный материал по разрушениям и повреждениям строительных конструкций показывает систематическое развитие деформаций. Все стены субмеридионального простирания испытывали сильнейшие динамические воздействия, направленные перпендикулярно этим строительным элементам. Меридиональные стены демонстрируют наклоны, выгибания в плане (иногда приводящие к разрывам стен) в западном направлении. Все это говорит о расположении источника сейсмической энергии к западу от данного археологического комплекса. Однако разворот участка меридиональной стены против часовой стрелки подразумевает направление прихода сейсмических подвижек скорее с З/СЗ. Судя по степени деформаций, местная интенсивность сейсмических колебаний была не менее $I \geq IX$ баллов. Об этом сильном землетрясении свидетельствуют также прослойки морских отложений – раковин – среди слоя насыпного грунта с артефактами. Подобные находки явно говорят о нагонных волнах «цунами» высотой до 4 м. Цунамигенные отложения однозначно указывают на факт нахождения очага этого землетрясения в акватории Азовского моря. Были также отмечены выдвигание верхней части стены СВ простирания на юго-восток и отхождение стен-контрфорсов на юг и на запад. Эти деформации, возможно, свидетельствуют еще об одном, более позднем землетрясении. По-видимому, нахождение больших и очень больших скальных глыб, скатившихся

Данные об авторах: Корженков Андрей Михайлович – доктор геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией палеосейсмологии и палеогеодинамики ИФЗ РАН; Масленников Александр Александрович – доктор исторических наук, заведующий отделом полевых исследований ИА РАН; Овсяченко Александр Николаевич – кандидат геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией сейсмотектоники и сейсмического микрорайонирования ИФЗ РАН; Ларьков Александр Сергеевич – научный сотрудник лаборатории методов прогноза землетрясений ИФЗ РАН; Родина Светлана Николаевна – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник лаборатории методов прогноза землетрясений ИФЗ РАН.

Исследования проведены при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18–05–01004А «Динамика тектонических процессов Керченско-Таманского сегмента Альпийско-Гималайского подвижного пояса во второй половине голоцена». Камеральная обработка материалов осуществлялась в рамках Государственной программы исследований Института физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН.

с близрасположенных возвышенностей и покоящихся на остатках каменных кладок, вымостках и культурном слое, является еще одним доводом в пользу такого предположения. Малое количество выявленных случаев разрушений и повреждений и отсутствие систематического характера деформаций не позволяет прийти к заключению о направлении прихода этих сейсмических колебаний. Вероятно, сейсмический очаг – сейсмогенный разрыв – находился поблизости от археологического памятника. Полученные материалы должны быть учтены при построении новой карты сейсмической опасности Крыма, а также могут быть полезны археологам для анализа особенностей цивилизационного развития региона. Датировка возможного землетрясения/ий на этих памятниках: начало посл. четв. IV в. до н.э. и следующего, что более вероятно, где-то до кон. II в. или еще позднее 63 г. до н.э.

Ключевые слова: классическая археология, Крымское Приазовье, Генеральская бухта, усадебный комплекс, археосейсмология, палеосейсмология, сейсмические деформации

Сейсмические колебания большой силы уже давно признаны специалистами, в том числе археологами, в числе причин тех или иных существенных разрушений строительных конструкций и даже кризисов древних обществ. Античные «хроники» пестрят соответствующими упоминаниями на протяжении по крайней мере тысячи лет. Да и как иначе: практически весь регион античной цивилизации – греко-римская Ойкумена (прежде всего – Средиземноморье) и многие сопредельные с ним районы, – приходятся на территории с существенной или даже повышенной сейсмоактивностью. Не исключение в этом отношении и Крымский п-ов, а также соседняя Тамань и Северо-Западный Кавказ. Более чем двухсотлетняя практика полевых исследований, позволившая в той или иной мере открыть для науки сотни разнотипных и разновременных памятников археологии и, прежде всего, поселенческих структур, предоставляет достаточно возможностей для соответствующих археосейсмологических и палеосейсмологических изысканий. Напомним, что:

– Крым – это продолжение Кавказа на запад. Сильная сейсмичность Кавказа не подлежит сомнению;

– Крымские горы, хоть и не очень высокие, созданы интенсивными вертикальными и горизонтальными тектоническими движениями, которые всегда сопровождаются тектонической (а значит и сейсмической) активностью. Работами наших предшественников и нашими исследованиями выявлены и доказаны сейсмоактивные разломы на самом Крымском полуострове;

– в 1927 г. произошли два значительных землетрясения (с M до 6.8 и интенсивностью сейсмических колебаний до VIII баллов), эпицентральные области которых располагались в море, к югу от Ялты. Небольшие толчки чувствуются в Крыму раз в несколько лет. Следовательно, возможны сильные землетрясения, происходящие раз в несколько сот лет.

Разумеется, при всех соответствующих исторических реконструкциях либо объяснениях тех или иных археологических и исторических реалий данный фактор не только не является единственным, но и не всегда основным. Никто не «сбрасывает со счетов» и военные конфликты, и социальные потрясения, и резкие изменения климата, и чисто человеческий аспект. Но коллектив авторов данной серии публикаций, в силу своих научных интересов и специализации, уделяет внимание главным образом этой области знаний, т.е. археосейсмологии и палео-

сейсмологии. При всем этом считаем необходимым отметить, что настоящая публикация завершает собой серию (по материалам Крымского Приазовья) статей, посвященных этой интереснейшей и, надеемся, полезной для специалистов и не только тематике. Хотя в силу хронологии было бы логичнее начать серию именно с этой работы.

1. СЕЙСМОТЕКТОНИКА РЕГИОНА

Крымское Приазовье расположено в Керченско-Таманском регионе (рис. 1), который отличается в сеймотектоническом отношении целым рядом особенностей. От прилегающих горных массивов он резко выделяется как глубинным строением, так и формами проявления молодых тектонических движений. По основным показателям уровень современной тектонической активности Керченско-Таманского района аналогичен Горному Крыму и Большому Кавказу. Отсутствие здесь выразительного горного рельефа можно объяснить тем, что глинистые толщи майкопской серии, слагающие верхнюю часть осадочного чехла до глубины примерно 6 км, не в состоянии формировать и удерживать горный рельеф¹. Молодые тектонические поднятия в таких условиях компенсируются взаимосвязанными, весьма активными процессами площадного смыва и гравитационных перемещений рыхлого чехла (денудации), крупномасштабного растекания глинистого субстрата и грязевого вулканизма.

Древние городища и активные разломы в районе Караларского побережья Крымского Приазовья. В Крымском Приазовье следы сильных землетрясений несут на себе не только архитектурно-строительные памятники древности. Большое разнообразие последствий таких сейсмических воздействий (аномальных обвалов, оползней, выбросов, разворотов крупных глыб, деформаций встряхивания и т.п.) можно наблюдать и в природной среде. Наиболее убедительные из них – сеймотектонические разрывы, которые образуются в случае выхода очага сильного землетрясения на поверхность и обладающие всеми признаками тектонических деформаций.

Молодые тектонические деформации в Керченском Приазовье проявлены весьма выразительно – побережье Азовского моря следует вдоль зоны Южно-Азовского активного разлома. Сейсмогенерирующая роль разлома была установлена уже в конце 1980-х гг., во время работ по оценке сейсмической опасности для проектируемой Крымской АЭС². Позже одноактные сеймотектонические разрывы нескольких генераций возрастом в несколько сотен тысяч лет были детально обследованы нами во многих местах Азовского побережья Керченского и Таманского полуостровов³. В результате относительно уверенно датированы следы пяти сильных землетрясений: 3.0–3.5 тыс. лет назад; первой половины – середины III в. до н.э.; конца II в. до н.э.; середины I в. до н.э. (63 г. до н.э.?) и XVIII в. (1751 г.?), с положением очага в зоне Южно-Азовского разлома. Менее определено восстанавливаются землетрясения предположительно рубежа VI–V вв. до н.э.,

¹ Юдин 2011, 273; Тевелев 2018, 257.

² Геология 1992, 96–118; Никонов 1994, 23–26; Клюкин 1995, 113–114; Борисенко и др. 1999, 115–116.

³ Овсяченко и др. 2015, 33–54, 2017, 89–90, 2019, 136–138; Масленников и др. 2017, 280–289; Корженков и др. 2019, 380–394.

второй пол. IV – нач. III в. до н.э., а также «события» рубежа I в. до н.э. – I в. н.э. и около середины III и VI вв. н.э.

Молодой разрыв был прослежен и в районе рассматриваемых ниже памятников (рис. 2, 3). К западу от античного поселения Генеральское-Западное, в районе объекта Пустынный берег II наблюдается несколько нешироких террас. Вероятнее всего, в древности они использовались под виноградные посадки, а упомянутый ОАН являлся сезонным винодельческим комплексом, которым перестали пользоваться где-то в конце IV в. до н.э.⁴ Здесь наблюдается прямолинейный уступ, не совпадающий с простиранием террас (рис. 2). Он имеет более свежий облик – в его склоне залегают многочисленные беспорядочные глыбы известняков; он задернован и сглажен склоновыми процессами гораздо в меньшей степени, по сравнению с уступами террас. На тектоническую природу этого уступа определенно указывает то, что он одновременно рассекает и смещает террасы, скальный гребень и долину мелкой балки с одинаковой направленностью. Протяженность уступа небольшая – около 700 м (рис. 3). На окончаниях он исчезает в более молодом песчаном заполнении мелких бухт. Возможно, уступ протягивается и на восток от рассмотренного участка, однако здесь его прослеживание затрудняется более молодыми оползнями и обвалами.

2. ИСТОРИКО–АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Крымское Приазовье занимает побережье от Арабатской стрелки на западе до входа в современный Керченский пролив на востоке. На всем своем протяжении его географическая, геоморфологическая, а также природно-демографическая (в том числе и в историческом аспекте) характеристики не однородны. Это не могло ни сказаться на соответствующей историко-археологической конкретике региона. Не останавливаясь на всем этом, а равно и истории изучения местных археологических памятников сколь-либо подробно, скажем лишь, что к настоящему времени это один из наиболее изученных регионов в районе Северного Причерноморья⁵. Благодаря интенсивным полевым работам последнего полувека здесь были открыты и в той или иной степени раскопаны сотни разновременных и разнотипных объектов. Среди них наиболее яркие и информативные именно античного (условно V–IV вв. до н.э. – IV–VI вв. н.э.) времени. Некоторые из них были исследованы полностью или почти полностью на достаточно большой (до нескольких тысяч кв. м) площади. Данное обстоятельство, наряду с прослеженной стратиграфией, а главное, уточненной на современном уровне хронологией, открывает большие возможности для соответствующих археосейсмологических и палеосейсмологических изысканий. Однако, возможности эти не всегда удается реализовать в полной мере: на большинстве из привлекаемых в настоящих работах памятников археологические раскопки были завершены или прерваны либо несколько лет назад, либо очень давно. При этом на поселениях, как правило, наиболее ярких и хорошо сохранившихся, открытые строительные остатки в целях консервации были полностью или частично вновь засыпаны до их осмотра и соответствующего анализа специалистами-сейсмологами. Конечно, есть в той или иной степени информативные полевые отчеты, но они не могут заменить не-

⁴ Масленников 2010, 193.

⁵ Масленников 2007, 181.

посредственного «общения с источником». Вместе с тем из положительных моментов назовем в целом неплохую сохранность рассматриваемых объектов, что в значительной степени объясняется широким использованием в строительстве местного камня, а также относительной пустыннойостью этого района еще в недавнее время. Должно отметить, что для раннего периода местной античной эпохи (VII–V вв. до н.э.) известны только отдельные находки и непритязательные следы присутствия некоего, вероятно, непостоянного населения. Подлинный же расцвет жизнедеятельности приходится на следующий период – примерно рубеж первой и второй четв. IV – кон. первой трети III вв. до н.э. С ним связана целая серия поселенческих объектов (Казантип-Западный; Крутой берег I, II и III; Генеральское-Западное; Генеральское-Западное (ЮЗ склон); Бакланья скала; Чокракский мыс; Салачик), которые ввиду их ярко-выраженного античного облика (правильная планировка, высокий уровень строительного дела, характерный для древних греков набор разнообразных предметов быта, торговли и некоторые иные признаки и артефакты) предложено рассматривать как объекты т.н. царской хоры Боспора⁶. К сожалению, наиболее примечательные во всех отношениях места и участки этих памятников (юго-восточная часть усадебного комплекса Генеральское-Западное (рис. 4, 5), большая часть «поселения» Генеральское-Западное (ЮЗ склон), аналогично – Бакланья скала и в меньшей степени – Салачик и Чокракский мыс) к настоящему времени недоступны для обозрения. Тем не менее авторы в полной мере использовали как отчетный материал, так и свои «впечатления на пленере». При этом следует отметить, что жизнь на памятниках этой «серии» прервалась практически одновременно, за исключением некоторых наблюдений и находок (Генеральское-Западное) не в результате непосредственных военных действий. Нет на них и следов «финальных» пожаров или внезапных разрушений. Особенно хорошо сохранились, причем без сколь-либо заметных деформаций, стены (до 2 м. высотой) и хозяйственно-производственные (винодельня, склад пифосов) объекты центральной части усадебного комплекса Бакланья скала.

Но впоследствии, уже будучи оставленными, но еще окончательно не «загрунтовыми» и «задернованными», они вполне могли испытывать на себе действия природных, в том числе и интересующих нас «стихий». Данное обстоятельство необходимо учитывать при соответствующих хронологических выводах. Это кратко об археологической «составляющей» настоящего исследования.

3. ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ. АРХЕОСЕЙСМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сильные землетрясения, как современные, так и древние, приводят, как известно, к повреждениям и разрушениям строительных конструкций. Похожие деформации построек возникают и при военных действиях, и в ходе разного рода «сопутствующих» инженерно-строительных работ, и вследствие некоторых геологических процессов на подстилающих грунтах. Однако сейсмические подвижки приводят к формированию специфических деформаций, имеющих максимальное проявление в стенах одного направления и гораздо менее заметных, интенсивных либо вообще другого типа в перпендикулярных стенах. Этот подход

⁶ Масленников 2007, 181–218, 2010, 243, 2012, 232; Ломтадзе 2015, 208.

подробно описан в наших методологических статьях⁷, а также последующих работах, к которым мы и отсылаем читателя.

Разрывы в стенах и других строительных конструкциях. Разрывы в стенах и других строительных конструкциях могут иметь различную природу:

1) сейсмический разрыв (очаг землетрясения) вышел на поверхность на протяжении, по крайней мере, нескольких сотен метров и сместил все строительные конструкции в латеральном направлении или/и по вертикали. Такое в археосейсмологической практике бывает крайне редко, однако в нашей – зафиксировано⁸;

2) заколы на склонах, которые только зародились, но не превратились еще в воронки отрыва оползней;

3) сильное сжатие, возникшее во время землетрясения и направленное вдоль простирания стены, может вызвать косой – сколовый – разрыв в строительной конструкции. Наглядным примером такой деформации, отмеченной нами впервые в 2015 г., является сжатие в западной стене Мангупской базилики⁹ в Горном Крыму;

4) стену могут разорвать и сильные латеральные колебания, направленные перпендикулярно простиранию длинной стены. Длинная стена имеет большую свободу/амплитуду колебаний в своей центральной части, что может привести к ее разрыву. Примеры такого «поведения» строительных конструкций при сильных древних землетрясениях были зафиксированы нами на «фабрике» эпохи ранней бронзы Худжайрат аль-Гузлан близ современного города Акаба в Иордании¹⁰.

Возможно, четвертая модель деформации имела место на 3-м участке объекта Генеральское-Западное. Здесь был отмечен разрыв на всю высоту строительной конструкции в одной из субмеридиональных стен (рис. 6 и 7). При этом северная часть стены наклонилась на 3°, в то время как южная устояла. Азимут простирания последней стены – 13°, деформированной – 25°. Таким образом, имел место и разворот по часовой стрелке северного участка стены вокруг вертикальной оси на 12°. Из-за наклона-поворота южного окончания этого участка стены в ней образовался выступ в 20–25 см на запад.

Важно отметить, что и параллельная субмеридиональная стена, расположенная к 3 от вышеописанной, имеет такие же деформации, но меньшего размера. В месте разрыва ее северный участок наклонился в своей верхней части на 3° под углом в 70° и выдвинулся к 3 же до 15 см (рис. 8).

Важно, что далее к западу, на том же раскопе, наблюдается аналогичный разворот и наклон. Северная часть субмеридиональной стены наклонилась и выдвинулась к 3 (рис. 9), а южная часть – к В. В районе разрыва стены, судя по нижнему ряду камней, имеет место разворот по часовой стрелке. В плане сверху эта деформация выглядит как сигмоидное искривление стены.

Все вышеприведенные примеры деформаций свидетельствуют о значительных горизонтальных сейсмических колебаниях, направленных в целом как бы перпендикулярно простиранию описанных стен. Однако наличие в этих стенах

⁷ Korzhenkov and Mazor 1999, 62–74; Корженков и Мазор 2001, 108–125.

⁸ Korzhenkov et al. 2006, 431–442; Овсюченко и др. 2020, 1–5.

⁹ Корженков и др. 2020 6, 326–321.

¹⁰ Korzhenkov and Schmidt 2009, 79–97.

поворотов участков кладок по часовой стрелке является доказательством прихода сейсмических волн под углом их простиранию, т.е. по оси СВ–ЮЗ.

Мы указывали выше на возможность разрыва строительной конструкции, если она попала на трассу «закола» на склоне – плоскости отрыва будущего оползня. Проявление подобного механизма деформации было отмечено в вымостке т.н. Форта близ поселения Генеральское-Западное (рис. 10). Здесь в каменных плитах образовался субмеридиональный «ров», куда провалились как сами плиты, так и камни расположенных рядом стен.

Другой разрыв в стене мы обнаружили на раскопе к 3 от перистильного двора с остатками монументального алтаря (Генеральское-Западное). Здесь из-за сильнейших горизонтальных колебаний имел место отрыв верхнего ряда каменной кладки от нижних (рис. 11) в стене ССВ простирания (азимут простирания 20^0). Произошло смещение оторванного ряда на 3 до 50 см и его излом. Ко всему этому, наблюдается разрыв в кладке этого верхнего ряда и разворот против часовой стрелки на 20^0 южной части смещенного участка стены. Такие серьезнейшие деформации свидетельствуют об очень большой интенсивности сейсмических колебаний при древнем землетрясении: никак не менее $I_s \geq IX$ баллов.

Систематический наклон стен определенной ориентировки в одном и том же направлении. Длинные стены зданий во время сильных землетрясений испытывают значительные латеральные колебания, если сейсмические подвижки направлены перпендикулярно к их простиранию. В результате стены определенной ориентировки систематически обрушаются, наклоняются или выдвигаются. Например, в направлении к эпицентральной сейсмической зоне. Стены перпендикулярного простирания тоже могут немного наклоняться, но эти наклоны не имеют систематического одностороннего характера и менее распространены¹¹. Так, например, стены построек византийского времени субширотного простирания в древнем городе Авдат в пустыне Негев (Израиль) наклонились на Ю, в сторону сейсмогенного разрыва. Наклоны субмеридиональных стен этих же строений редки и не имеют систематической картины.

Итак, все субмеридиональные стены на участке № 3 упомянутого памятника имеют очевидный наклон к 3. Особенно наглядным примером (наклон до 25^0 (!)) является четвертая к 3 субмеридиональная стена (рис. 12а). По-видимому, чтобы предотвратить дальнейший наклон и последующее обрушение первичной стены, к данной стене с 3 была пристроена стена-контрфорс (рис. 12б). Азимут простиранения обеих стен 175^0 , средний наклон первичной стены на запад – 75^0 . Ширина первичной стены без подпорки – 70 см, с подпоркой – до 100 см. Длина деформированной стены – 10 м.

Выдвижения отдельных каменных блоков и участков стен. Как и в случае с наклонами и обрушениями стен, их выдвижение является следствием сил инерции, которые действуют противоположно направлению смещения грунта при сильных сейсмических подвижках¹². Примеры таких выдвигений были описаны нами при изучении руин древних городов византийского и римского времени на «Пути пряностей» в пустыне Негев (Израиль)¹³.

¹¹ Korjenkov and Mazor 1999 6, 193–226.

¹² Korzhenkov and Mazor 1999, 62–74.

¹³ Korjenkov and Mazor 1999a, 265–282, 1999b, 193–226, 2003, 51–82, 2005, 1–15, 2014, 75–95.

Западный участок внешней стены восточной секции прибрежного блока строений на поселение Генеральское-Западное демонстрирует комплекс деформаций, наиболее значительные из которых – это выдвижение и выбивание больших каменных блоков к Ю (рис. 13). Подобный тип деформации является свидетельством значительных горизонтальных сейсмических колебаний, вызванных сильным землетрясением и действовавших вдоль субмеридиональной оси. Соседние к В каменные блоки были также повреждены: нижние растрескались, а верхний почти полностью раскрошился.

Другой пример выдвигений был выявлен на СЗ участке западной секции восточного блока строений все того же поселения. Здесь имело место выдвижение нижнего ряда каменной кладки субмеридиональной стены на З на расстояние до 10 см (рис. 14). Нижняя часть стены сместилась на З вместе с подстилающим грунтом. В то же время верхняя «осталась на месте» вследствие сил инерции. Важно отметить также латеральный в плане изгиб этой стены в западном же направлении. Сейсмические колебания были настолько сильны, что стена раскачивалась перпендикулярно направлению своего простираения. При уменьшении силы колебаний верхняя часть стены осталась латерально деформированной. Обе эти деформации свидетельствуют о сильном землетрясении, сейсмические подвиги которого распространялись вдоль субширотной оси.

Выдвижение верхних частей стен обычно объясняется «эффектом небоскреба» – максимальной свободой и величиной колебаний верхних частей строительных конструкций. Однако не следует забывать, что верхние и нижние части стен могут иметь разный возраст и (обычно) небольшое несовпадение простираций. Остаток стены в раскопе может хранить следы различных деформаций в своей верхней и нижней частях¹⁴. При ремонте и перестройке нижние части старых стен могут оказаться глубоко вкопанными (заглубленными) в грунт, в результате чего они перестают быть объектом сейсмоинерционной деформации, в то время как выступающие части могут разрушаться и повреждаться. По всей видимости, подобный случай имел место на комплексе построек Генеральское-Западное (ЮЗ склон). Здесь верхняя часть внешней стены южной секции строений блока № 1 выдвинулась на ЮВ. Нижняя же ее часть не подверглась деформации из-за того, что была существенно впущена в утрамбованный грунт, о чем свидетельствует примыкающий к ней участок черепичной вымостки (рис. 15 слева).

Еще один пример выдвижения верхней части стены приводится в книге А.А. Масленникова¹⁵ (помещении с размерами 2,8×3,76 м, рис. 93 план с цистерной). Западная его стена – это одновременно крайняя торцовая стена всей секции. По своей конструкции и материалу она схожа с внешней продольной стеной данной секции и при этом построена с ней впереплет. Условно в направлении с севера на юг она прослежена на 10,8 м, но южный участок разрушен рвом, поэтому первоначальная длина ее не ясна. Ширина стены 0,76–0,86 м при сохранившейся высоте 0,69–0,96 м. Кладка двухрядная, в основном трехслойная из отдельных крупных (на юге), средних и мелких камней на растворе глины. Основание лежит на или немного впущено в упомянутую подсыпку (нивелировку). Участок кладки верхних сохранившихся рядов на протяжении почти 2,6 м (непосредственно от

¹⁴ Korjenkov and Mazor 2003, 51–82.

¹⁵ Масленников 2010, 110.

места сочленения с внешней продольной стеной секции) по непонятной причине оказался сдвинутым к З, причем на Ю это «отклонение» достигло 0,65 м и камни зависли «козырьком».

На объекте Салачик в нижнем (южном) раскопе одна из субширотных стен (общий магнитный азимут простираения по компасу Брантон в 2018 г. – 160⁰) имеет изгиб в направлении на В до 15 см (рис. 16, 17). Описываемая стена сохранилась в высоту лишь на один ряд кладки (0.4 м) при ширине до 0.6 м и длине 2.5 м. Время строительства данной стены относится к первым векам нашей эры. Подобный тип деформации подразумевает приход сейсмических волн сжатия с В.

Повороты элементов строительных конструкций. Сильные сейсмические колебания, имеющие значительную горизонтальную составляющую сейсмических движений, приводят к разрывам стен, отделениям их частей от основной строительной конструкции и разворотам этих отделившихся участков по или против часовой стрелки вокруг вертикальной оси¹⁶. Подобные повороты отдельных каменных блоков или их «пакетов» происходят в случае прихода максимальных сейсмических подвижек под углом к простираению стен. Обычно стены одной ориентировки поворачиваются по часовой стрелке, а перпендикулярные – против.

Такой поворот наблюдался также на южном раскопе объекта Салачик, где стена была сломана в двух местах и средняя ее часть единым пакетом повернулась против часовой стрелки (рис. 18). Общее простираение стены, построенной в первые века нашей эры, – 182⁰. Повернутая часть стены имеет азимут простираения 172⁰. Таким образом, имел место поворот средней части стены против часовой стрелки на 10⁰. Сама стена сохранилась на высоту 2–3 камня. Ее видимая высота над заплывшим в 2018 г. дном раскопа – до 0.5 м. Толщина стены – 0.7 м. Подобная деформация означает приход максимальных сейсмических колебаний с ЮВ направления.

Еще один разрыв и разворот стены против часовой стрелки имел место в стене субширотного простираения в СВ части раскопа усадьбы Генеральское-Западное. В движение пришел «пакет» каменных блоков длиной в 1.5 м (рис. 19). Он повернулся на 12⁰. Описываемая стена сохранилась лишь на высоту одного ряда каменной кладки, ее ширина – 0.7 м. Подобная деформация означает приход сейсмических колебаний с ЮЗ направления.

Деформации верхних частей водных резервуаров, колодцев. Вкопанные/заглубленные части строений: склепы, подвалы, водосборные, рыбозасолочные и винодельческие цистерны, а также колодцы обычно сравнительно неплохо сохраняются. Это, помимо их чисто конструктивных особенностей, объясняется тем обстоятельством, что сейсмические колебания в грунте с нарастанием глубины обычно быстро затухают. Однако верхние части этих сооружений могут сильно деформироваться вследствие сильных землетрясений. Так, например, устья древних колодцев на городищах Нимфей и Горгиппия были сплюснуты¹⁷. Деформациям-цистерн (зернохранилищ?) были отмечены нами на поселениях Генеральское-Западное (западный раскоп) и Генеральское-Западное (ЮЗ склон) (рис. 20, 21).

¹⁶ Korzhnikov and Mazor 1999, 62–74.

¹⁷ Соколова и др. 2017, 506–516; Корженков и др. 2018, 111–138; Корженков и др. 2019б, 15–33; Новичихин и др. 2020, 260–288.

Первая цистерна из них является одним из самых интересных объектов, открытых не только на рассматриваемом блоке усадьбы, но и вообще на памятниках этой «серии». Она располагалась в восточной части некоего двора (но не рядом с обрывом) и представляла собой цилиндрический котлован, стенки которого были обложены однорядной каменной кладкой¹⁸. В целом в ней были использованы средние и небольшие необработанные камни местного известняка. Толщина этой кладки составляла 0,45–0,68 м. Щели частично были заделаны зеленовато-коричневой материковой глиной и заложены щебнем. Впрочем, следов собственно обмазки-штукатурки не выявлено. Фас стены повсеместно ровный, камни уложены аккуратно, но иррегулярно. Диаметр цистерны изнутри: 5,4×5,7 м. Его размеры у пола (ровный горизонтальный слой материковой глины) примерно те же. Сохранившаяся глубина цистерны: 3,4–4,16 м.

Верхний край, вернее, верхний ряд уцелевшей кладки в северной части этого сооружения сместился к Ю на 15 см (рис. 18а). В то же время в западной части цистерны несколько рядов каменной кладки наклонились на 3 под углом 70° (рис. 18б). Подобная деформация может свидетельствовать о направлении максимальных сейсмических колебаний по оси ЮЗ–СВ.

Деформации лестничных пролетов. В специальных брошюрах-проспектах, выпускаемых МЧС для жителей сейсмически опасных регионов, написано, что жителям многоэтажек при сильных землетрясениях не следует выбегать из дому, используя лестничные пролеты. Эти строительные конструкции «висят» друг над другом и могут сложиться при сильных сейсмических колебаниях. Лестницы древних сооружений более устойчивы, так как они по большей части покоятся на грунте. Тем не менее и они получают через грунт сейсмические импульсы и могут быть деформированы.

Так участки лестничного пролета были обследованы нами на северном раскопе объекта Салачик (рис. 22, 23). Этот лестничный марш был построен древними жителями для подхода к колодцу. Две нижние каменные ступени отсоединились от верхних и оказались развернутыми против часовой стрелки на 4° и 9°. Таким образом, между ступенями образовалось пространство шириной 6–13 см (рис. 23). Для того чтобы произвести подобные деформации, необходимы сильные сейсмические колебания, направленные по оси ССВ–ЮЮЗ.

Просадки грунта. Просадки грунта – рядовое явление в инженерной геологии и инженерной сейсмологии. Они возникают повсеместно по ряду причин, главная из которых – нагрузка от вышерасположенной тяжелой строительной конструкции. Тем не менее не надо недооценивать знания и квалификацию как современных, так и древних строителей. И те, и другие знали(ют) об этом и учитывали(ют) данное обстоятельство, особенно при строительстве на насыпных грунтах. Для этого издавна применялись заглубленные фундаменты, трамбовка грунта, бетонирование оснований строений (еще древние римляне использовали особый тип бетона!) или другие приемы. Поэтому просадки, приведшие к деформациям древних монументальных сооружений, вызывают особое внимание археосейсмологов. В случае если таковые сопровождаются значительными систематическими повреждениями и разрушениями древних построек, вполне вероятно, что они вы-

¹⁸ Масленников 2010, 93.

званы сейсмическими колебаниями, приводящими к уплотнению или разуплотнению грунтов, погружению грунтовых блоков вниз в существующие полости (например, карстовые), раскрытию трещин и т.п.

Любопытную деформацию – странное понижение в ряду оставшихся каменных блоков стены к северу от алтарного камня на северном раскопе усадебного комплекса Генеральское-Западное мы отнесли к воздействию просадки грунта (рис. 24, 25). Каменные блоки в стене с простиранием 10^0 опустились на глубину до 15 см. Возможно, что стена и контрфорс, расположенные рядом к СЗ и пристроенные с Ю к первичной стене с простиранием 100^0 , появились не случайно (рис. 26). Первоначальная стена при землетрясении наклонилась в сторону просадки на Ю. Впоследствии жители усадьбы укрепили первичную стену, сложенную из хорошо обработанных каменных блоков, крепидой из мелких камней, возможно, собранных из руин поблизости. Координаты точки наблюдения по приемнику GPS Garmin: h 16 м, N $45^0 28' 16.5''$, E $360 12' 17.0''$, точность определения координат ± 5 м.

Отрыв стен крепид. Стены-контрфорсы или крепиды также должны привлечь внимание археологов и археосейсмологов. Наряду с другими индикаторами сейсмических деформаций на археологическом памятнике, они могут служить свидетельством сильных сейсмических колебаний, приведших к значительному наклону первоначальных стен. Для предотвращения этого или соответствующих последствий они и строились.

Более интересным и важным случаем является «отхождение» контрфорса от первоначальной стены, которую та должна была предохранять от разрушения. Такое возможно лишь в случае повторного землетрясения, сейсмические колебания которого воздействовали на строительную конструкцию уже из другого сейсмического источника. Подобные случаи уже были описаны нами в медеплавильной фабрике Худжайрат аль-Гузлан в Иордании¹⁹, на поселении Полянка²⁰, в неолитическом поселении Дуранкулак (Болгария)²¹.

Так, на поселение Генеральское-Западное (ЮЗ склон) в одном из помещений в восточной части южной секции строений блока № 2 были выявлены странные узкие замкнутые пространства (рис. 27). Трудно себе представить, чтобы они были изначально спроектированы древними строителями: их никак нельзя использовать, да и человеку протиснуться между стенами не получится. Наша интерпретация такова: стены I и III первоначально образовывали небольшое (складское?) помещение. Затем во время первого сейсмического события стена I была повреждена и наклонилась на З. Для ее укрепления с З к ней была пристроена стена II. Второе землетрясение «оторвало» эту крепиду и отодвинуло ее к западу. При этом произошел небольшой поворот на первые градусы оторванного участка стены II против часовой стрелки. Если для первого землетрясения мы предполагаем сейсмический источник колебаний, расположенный к западу от изученного археологического памятника, то при втором – сейсмические колебания располагались вдоль оси СЗ–ЮВ.

¹⁹ Korjenkov and Schmidt 2009, 79–97.

²⁰ Масленников и др. 2017, 265–294.

²¹ Корженков и др. 2020а, 5–27.

Вторичное использование обломков. Разрушенные здания повсеместно служат источником материала для последующего ремонта или нового строительства. На поселении Генеральское-Западное (ЮЗ склон) имеется уникальный пример использования поврежденных (фрагментированных) артефактов при последующем строительстве. Речь идет об употреблении разбитой керамической посуды и черепицы. Боя было так много, что остатки керамики пошли на выравнивание новой «дневной» поверхностей – ее вымостку.

А.А. Масленников²² отмечает разрушения строений поселения не антропогенного характера, после чего площадь выравнивалась сплошным керамическим боем, в котором нет каменных ядер и наконечников стрел. Расчистка территории и строительные датируются временем не позднее последнего десятилетия – кон. IV в. до н.э.²³ Трудно себе представить, что обитатели древнего поселения, озабоченные экологией, на протяжении десятков лет предварительно собирали битую керамику для того, чтобы однажды замостить ее улицы. Скорее всего, бой образовался единовременно, при событии «не антропогенного» характера, был собран и использован при возрождении поселения после катастрофического события – землетрясения.

Перекрытие древних стен каменными глыбами, скатившимися сверху. Еще при изучении поселения Полянка²⁴ было предположено, что огромные глыбы скалы, перекрывавшие местами древнюю каменную кладку или вымостки, появились вследствие сильного землетрясения, приведшего к камнепаду. Аналогичное явление было отмечено А.А. Масленниковым и на объекте Салачик²⁵.

Здесь же можно упомянуть памятник Пустынный Берег III, расположенный в 3,5 км западнее Генеральского-Западного, на западном склоне скалистой гряды²⁶. Его обитатели разместили свои жилища и иные строения на двух–трех террасах. Особенность культурного слоя на памятнике – наличие в нем, прежде всего в верхних горизонтах, большого числа камней. Среди камней завала на поселении встречены и очень большие глыбы, явно не имевшие отношения к постройкам и скатившиеся по склону уже на культурный слой. По-видимому, это поселение было покинуто жителями, где-то в самом кон. IV в. до н.э. или, что вероятнее, два–три десятилетия спустя, возможно, вследствие невосполнимых разрушений, причиненных землетрясением²⁷. Об аналогичных примерах на усадьбе Генеральское–Западное (ЮЗ склон) выше уже писалось (см. рис. 7).

Цунамигенные отложения в Салачике. Известно, что основные очаги сильнейших землетрясений Крымского региона располагались в морской акватории. При этом происходит выход сейсмического очага на поверхность, вследствие чего обычно образуется уступ длиной от сотен метров до сотен километров, а высотой от сантиметров до десятков метров. Вода – несжимаемая жидкость. Резкое изменение поверхности дна приводит к смещению огромных масс воды и образова-

²² Масленников 2010, 105.

²³ Ковальчук, Масленников 2006, 198.

²⁴ Масленников и др. 2017, 265–294.

²⁵ Масленников 2010, 132–133.

²⁶ Масленников 2010, 198–205.

²⁷ Масленников 2010, 201.

нию цунами. В районе Азовского мелководья эта внезапная волна была, конечно, не столь масштабной и разрушительной, но все же, по-своему, экстраординарной.

Следы, по-видимому, подобного «заплеска» были обнаружены А.А. Масленниковым²⁸ на объекте Салачик, где встречен слой-горизонт из сплошных раковин морского гребешка (*cordium*) до 0,4 м толщиной, лежащий примерно на 3–4 м выше современного уровня моря, можно объяснить только очень сильным, хотя и кратковременным его подъемом, вызванным, быть может, неким природным катаклизмом (землетрясение?).

4. ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Весь приведенный выше материал по разрушениям и повреждениям строительных конструкций IV–III вв. до н.э. показывает систематическое развитие деформаций. Практически все стены субмеридионального простираения испытывали сильнейшие динамические воздействия, направленные перпендикулярно этим строительным элементам. Меридиональные стены демонстрируют наклоны, выгибания в плане (иногда приводящие к разрывам стен) в западном направлении (см. рис. 6–9, 11, 12, 14, 20, 21). Есть лишь единичный случай выгибания стены в плане на В (рис. 17). Для субширотных стен имеется единичный участок с выдвиганием и выбиванием строительных блоков на Ю (рис. 13). Все это говорит о расположении источника сейсмической энергии к З от археологического комплекса Генеральское-Западное. Однако разворот участка меридиональной стены против часовой стрелки (рис. 18) подразумевает направление прихода сейсмических подвижек скорее с З–СЗ. Судя по степени деформаций, местная интенсивность сейсмических колебаний была не менее $I_1 \geq IX$ баллов.

Об этом сильном землетрясении, сопровождавшемся резким подъемом уровня моря, свидетельствуют также прослой морских отложений – раковин среди слоя насыпного грунта с артефактами. Цунамигенные отложения однозначно указывают на факт нахождения очага этого землетрясения в акватории Азовского моря.

Следует отметить выдвигание верхней части стены СВ простираения на ЮВ (рис. 15) и отхождение стен-контрфорсов на Ю (рис. 26) и на З (рис. 27). Эти деформации говорят еще об одном, более позднем землетрясении. Возможно, нахождение больших скальных глыб, скатившихся с близрасположенных возвышенностей и покоящихся на остатках каменных конструкций (рис. 10), является еще одним свидетельством последующего землетрясения. Малое количество выявленных случаев разрушений и повреждений и отсутствие систематического характера деформаций не позволяет прийти к заключению о направлении прихода сейсмических колебаний. Возможно, сейсмический очаг – сейсмогенный разрыв находился где-то поблизости от данного археологического памятника.

Полученные материалы должны быть учтены при построении новой карты сейсмической опасности Крыма, а также могут быть полезны археологом для анализа особенностей цивилизационного развития региона в рассматриваемый исторический период.

²⁸ Масленниковым 2010, 131.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисенко, Л.С., Пустовойтенко, Б.Г., Дублянский, В.Н., Вахрушев, Б.А., Клюкин, А.А., Ена, А.В., Китин, М.А. 1999: Сейсмодислокации и палеосейсмичность Крыма. *Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год*, 101–132.
- Гавриленко, Н.М., Чекунов, А.В. (ред.) 1992: *Геология и геодинамика района Крымской АЭС*. Киев
- Клюкин, А.А. 1995: Сейсмодислокации Керченского полуострова. *Сейсмологический бюллетень Украины за 1992 год*, 112–117.
- Ковальчук, А.В., Масленников, А.А. 2006: Керамический комплекс с поселения «Генеральское-Западное» (раскоп юго-западный склон). *ДБ* 9, 198–227
- Корженков, А.М., Мазор, Э. 2001: Структурная реконструкция сейсмических событий: руины древних городов как окаменевшие сейсмографы. *Известия МОН РК, НАН РК* 1, 108–125.
- Корженков, А.М., Ларьков, А.С., Овсяченко, А.Н., Соколова, О.Ю. 2018: Следы сильных землетрясений в руинах боспорского города Нимфея. *БИ* 37, 111–138.
- Корженков, А.М., Масленников, А.А., Овсяченко, А.Н., Ларьков, А.С., Супренков, А.А. 2019: Сейсмические деформации в урочище Сююрташ в Крымском Приазовье. *ДБ* 24, 370–397.
- Корженков, А.М., Новичихин, А.М., Овсяченко, А.Н., Рангелов, Б.К., Рогожин, Е.А., Димитров, О.В., Ларьков, А.С., Лю, Ц. 2019: Поиск следов сильных древних землетрясений на Западном Кавказе: археосейсмологические исследования в древней Горгииппии. *Геофизические процессы и биосфера* 18.4, 15–33.
- Корженков, А.М., Овсяченко, А.Н., Димитров, О.В., Димов, Т., Ларьков, А.С., Рангелов, Б.К., Рогожин, Е.А., Родина, С.Н. 2020: Следы сильных землетрясений энеолита и средневековья в археологическом памятнике Дуранкулак, Северо-Восточная Болгария. *Вулканология и сейсмология* 4, 5–27.
- Корженков, А.М., Овсяченко, А.Н., Ларьков, А.С., Мараханов, А.А., Рогожин, Е.А. 2020: Археосейсмологические исследования в пещерном городе Мангуп-Кале, Крым. В сб.: К.Е. Дегтярев (ред.), *Фундаментальные проблемы геотектоники и геодинамики. Материалы ЛП тектонического совещания*. Москва, МГУ. Т. 1. М., 26–331.
- Ломтадзе, Г.А. 2015: *Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III в. до н.э. «царской хоры» европейского Боспора. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)* (ДБ Suppl. III).
- Масленников, А.А. 2007: Крымское Приазовье в античную эпоху. *Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор*. М. – Киев–Запорожье, 181–218.
- Масленников, А.А. 2010: *Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)*. Т. I. *Археологическая и архитектурная характеристики* (ДБ Suppl. III).
- Масленников, А.А. (ред.) 2012: *Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)*. Т. 2 *Индивидуальные находки и массовый материал* (ДБ Suppl. III).
- Масленников, А.А., Овсяченко, А.Н., Корженков, А.М., Ларьков, А.С., Мараханов, А.В. 2017: Следы сильных землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовский активный разлом. *ДБ* 21, 265–294.
- Никонов, А.А. 1994: Признаки молодой тектонической активности в зонах Южно-Азовского и Керченского разломов. *Геотектоника* 5, 16–28.
- Новичихин, А.М., Корженков, А.М., Овсяченко, А.Н. 2020: Археосейсмологические исследования на территории археологического заповедника «Горгииппия» в 2019 г. *ДБ* 25, 260–288.
- Овсяченко, А.Н., Шварев, С.В., Ларьков, А.С., Мараханов, А.В. 2015: Следы сильных землетрясений Керченско-Таманского региона по геологическим данным. *ВИС* 42.3, 33–54.

- Овсяченко, А.Н., Корженков, А.М., Ларьков, А.С., Мараханов, А.В., Рогожин, Е.А. 2017: Новые сведения об очагах сильных землетрясений в районе Керченского полуострова. *ДАН* 472.1, 89–92.
- Овсяченко, А.Н., Корженков, А.М., Масленников, А.А., Вакарчук, Р.Н., Ларьков, А.С., Сысолин, А.И. 2019: Следы и хронология сильных исторических землетрясений на мысе Зюк в Восточном Крыму. *Физика Земли* 4, 133–152.
- Овсяченко, А.Н., Корженков, А.М., Гаджиев, М.С., Ларьков, А.С., Рогожин, Е.А. 2020: О сейсмотектонической деформации раннесредневековой крепостной стены г. Дербент (Дагестан). *Доклады Российской академии наук. Науки о Земле*. Т. 493/1, 1–5.
- Соколова, О.Ю., Корженков, А.М., Овсяченко, А.Н., Ларьков, А.С., Мараханов, А.В. 2017: Переплетение торгово-экономического и природного факторов в судьбе античного города Нимфей. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути–товары–отношения*, 506–516. (БЧ XVIII).
- Тевелев, А.В. 2018: Глиняный ороген: альпийское развитие Керченского полуострова. В сб.: К.Е. Дегтярев (ред.), *Проблемы тектоники и геодинамики земной коры и мантии*. Т. 2. М., 255–258.
- Юдин, В.В. 2011: *Геодинамика Крыма*. Симферополь.
- Korjenkov, A.M., Arrowsmith, J.R., Crosby, C., Mamurov, E., Orlova, L.A., Povolotskaya, I.E., Tabaldiev, K. 2006: Seismogenic destruction of the Kamenka medieval fortress, northern Issyk-Kul region, Tien Shan (Kyrgyzstan). *Journal of Seismology* 10, 431–442.
- Korjenkov, A.M., Mazar, E. 1999a: Earthquake characteristics reconstructed from archeological damage patterns: Shivta, the Negev Desert. *Israel Journal Earth Sciences* 48, 265–282.
- Korjenkov, A.M., Mazar, E. 1999b: Seismogenic origin of the ancient Avdat ruins, Negev desert, Israel. *Natural Hazards* 18.3, 193–226.
- Korjenkov, A.M., Mazar, E. 2003: Archeoseismology in Mamshit (southern Israel): Cracking a millennia code of earthquakes preserved in ancient ruins. *Archaeologischer Anzeiger* 2, 51–82.
- Korjenkov, A.M., Mazar, E. 2005: Diversity of earthquakes destruction patterns: The Roman-Byzantine ruins of Haluza, Negev desert, Israel. *Archaeologischer Anzeiger* 2, 1–15.
- Korjenkov, A.M., Schmidt, K. 2009: An Archaeoseismological Study at Tall Hujayrāt al-Ghuzlān: Seismic Destruction of Chalcolithic and Early Bronze Age Structures. In: *Prehistoric Aqaba I. Deutsches Archäologisches Institut. Orient–Abteilung. Orient-Archäologie*. Bd. 23. Rahden, 79–97.
- Korzhnikov, A.M., Mazar, E. 1999: Structural reconstruction of seismic events: Ruins of ancient buildings as fossil seismographs. *Science and New Technologies* 1, 62–74.
- Korzhnikov, A.M., Mazar, E. 2014: Archaeoseismological damage pattern at the ancient ruins of Rehovot-ba-Negev, Israel. *Archaeologischer Anzeiger* 1, 75–92.

REFERENCES

- Borisenko, L.S., Pustovoitenko, B.G., Dublyanskiy, V.N., Vahrushev, B.A., Klyukin, A.A., Ena, A.V., Kitin, M.A. 1999: Seysmodislokatsii i paleoseysmichnost' Kryma [Seismic dislocation and paleoseismicity of the Crimea]. *Seysmologicheskii byulleten' Ukraini za 1997 god* [Seismological Bulletin of Ukraine for 1997], 101–132.
- Gavrilenko, N.M., Chekunov, A.V. (eds.) 1992: *Geologiya i geodinamika rayona Krymskoy AES* [Geology and geodynamics of the Crimean NPP area]. Kiev
- Klyukin, A.A. 1995: Seysmodislokatsii Kerchenskogo poluostrova [Seismic dislocation of the Kerch Peninsula]. *Seysmologicheskii byulleten' Ukrainy za 1992 god* [Seismological Bulletin of Ukraine for 1992], 112–117.

- Kovalchuk, A.V., Maslennikov, A.A. 2006: Keramicheskiy kompleks s poseleniya "Generalskoe-Zapadnoe" (raskop yugo-zapadnyy sklon) [Ceramic complex from the Generalskoe-Western Settlement (south-western slope site)]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 9, 198–227.
- Korjenkov, A.M., Arrowsmith, J.R., Crosby, C., Mamyrov, E., Orlova, L.A., Povolotskaya, I.E., Tabaldiev, K. 2006: Seismogenic destruction of the Kamenka medieval fortress, northern Issyk-Kul region, Tien Shan (Kyrgyzstan). *Journal of Seismology* 10, 431–442.
- Korjenkov, A.M., Mazor, E. 1999a: Earthquake characteristics reconstructed from archeological damage patterns: Shivta, the Negev Desert. *Israel Journal Earth Sciences* 48, 265–282.
- Korjenkov, A.M., Mazor, E. 1999b: Seismogenic origin of the ancient Avdat ruins, Negev desert, Israel. *Natural Hazards* 18.3, 193–226.
- Korjenkov, A.M., Mazor, E. 2003: Archeoseimology in Mamshit (southern Israel): Cracking a millennia code of earthquakes preserved in ancient ruins. *Archaeologischer Anzeiger* 2, 51–82.
- Korjenkov, A.M., Mazor, E. 2005: Diversity of earthquakes destruction patterns: The Roman-Byzantine ruins of Haluza, Negev desert, Israel. *Archaeologischer Anzeiger* 2, 1–15.
- Korjenkov, A.M., Schmidt, K. 2009: An Archaeoseismological Study at Tall Hujayrāt al-Ghuzlān: Seismic Destruction of Chalcolithic and Early Bronze Age Structures. In: *Prehistoric Aqaba I. Deutsches Archäologisches Institut. Orient-Abteilung. Orient-Archäologie*. Bd. 23. Rahden, 79–97.
- Korzhenkov, A.M., Larkov, A.S., Ovsyuchenko, A.N., Sokolova, O.Yu. 2018: Sledy sil'nykh zemletryaseniye v ruinakh bosporskogo goroda Nimfeya [Traces of strong earthquakes in the ruins of the Bosporus city of Nymphaeum]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*] 37, 111–138.
- Korzhenkov, A.M., Maslennikov, A.A., Ovsyuchenko, A.N., Larkov, A.S., Suprenkov, A.A. 2019: Seysmicheskie deformatsii v urochishche Syuyurtash v Krymskom Priazovye [Seismic deformations in the Syuyrtash Tract, the Crimean Azov Sea]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 24, 370–397.
- Korzhenkov, A.M., Mazor, E. 1999: Structural reconstruction of seismic events: Ruins of ancient buildings as fossil seismographs. *Science and New Technologies* 1, 62–74.
- Korzhenkov, A.M., Mazor, E. 2001: Strukturnaya rekonstruktsiya seysmicheskikh sobytiy: ruiny drevnikh gorodov kak okamenevshie seysmografy [Structural reconstruction of seismic events: ruins of ancient cities as petrified seismographs]. *Izvestiya MON RK, NAN RK* [*Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, NAS of the Republic of Kazakhstan*] 1, 108–125.
- Korzhenkov, A.M., Mazor, E. 2014: Archaeoseismological damage pattern at the ancient ruins of Rehovot-ba-Negev, Israel. *Archaeologischer Anzeiger* 1, 75–92.
- Korzhenkov, A.M., Novichikhin, A.M., Ovsyuchenko, A.N., Rangelov, B.K., Rogozhin, E.A., Dimitrov, O.V., Larkov, A.S., Lyu, C. 2019: Poisk sledov sil'nykh drevnikh zemletryaseniye na Zapadnom Kavkaze: arheoseysmologicheskie issledovaniya v drevney Gorgippii [*Search for traces of strong ancient earthquakes in the Western Caucasus: archaeoseismological studies in ancient Gorgippia*]. *Geofizicheskie processy i biosfera* [*Geophysical processes and biosphere*] 18.4, 15–33.
- Korzhenkov, A.M., Ovsyuchenko, A.N., Dimitrov, O.V., Dimov, T., Larkov, A.S., Rangelov, B.K., Rogozhin, E.A., Rodina, S.N. 2020: Sledy sil'nykh zemletryaseniye eneolita i srednevekov'ya v arkhologicheskoy pamyatnike Durankulak, Severo-Vostochnaya Bolgariya [Traces of strong earthquakes of the Eneolithic and Middle Ages in the archaeological site of Durankulak, North-East Bulgaria]. *Vulkanologiya i seysmologiya* [*Volcanology and Seismology*] 4, 5–27.
- Korzhenkov, A.M., Ovsyuchenko, A.N., Larkov, A.S., Marakhanov, A.A., Rogozhin, E.A. 2020: Arkheoseysmologicheskie issledovaniya v peshchernom gorode Mangup-Kale,

- Krym [Archaeoseismological studies in the cave city of Mangup-Kale, Crimea]. In: K.E. Degtyarev (ed.), *Fundamental'nye problemy geotektoniki i geodinamiki. Materialy LII tektonicheskogo soveshchaniya*. Moskva: MGU [Fundamental problems of geotectonics and geodynamics. Materials of the LII tectonic meeting, Moscow: MSU. Vol. 1. Moscow, 326–331.
- Lomtadze, G.A. 2015: *Keramicheskaya tara iz raskopok poseleniy IV – pervoy treti III v. do n.e. “tsarskoy khory” evropeyskogo Bospora* [Ceramic containers from the excavations of the settlements of the 4th to the first third of the 3rd century BC] (“Tsarskaya khora Bospora [(The “royal chora” of the European Bosporus)] (Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus] Suppl. III). Moscow.
- Maslennikov, A.A. 2007: *Krymskoe Priazov'e v antichnuyu epokhu* [The Crimean Azov Region in the Antiquity]. In: *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy. Ol'viya, Skifiya, Bospor* [Ancient world and barbarians in the South Russia and Ukraine. Olbia, Scythia, the Bosporus]. Moscow–Kiev–Zaporozhe, 181–218.
- Maslennikov, A.A. 2010: *Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e)* [The royal chora of the Bosporus (based on excavations in the Crimean Azov Sea)]. Vol. 1. *Arkheologicheskaya i arkhitekturnaya kharakteristiki* [Archaeological and architectural characteristics]. (Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus] Suppl. III). Moscow.
- Maslennikov A.A. (ed.) 2012: *Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e)* [The royal chora of the Bosporus (based on excavations in the Crimean Azov Sea)]. Vol. 1. *Individual'nye nakhodki i massovyy material* [Individual finds and bulk material]. (Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus] Suppl. III). Moscow.
- Maslennikov, A.A., Ovsyuchenko, A.N., Korzhenkov, A.M., Larkov, A.S., Marakhanov, A.V. 2017: *Sledy sil'nykh zemletryaseniy na gorodishche Polyanka i Yuzhno-Azovskiy aktivnyy razlom* [Traces of strong earthquakes in the settlement Polyanka and the South Azov active fault]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 21, 265–294.
- Nikonov, A.A. 1994: *Priznaki molodoy tektonicheskoy aktivnosti v zonakh Yuzhno-Azovskogo i Kerchenskogo razlomov* [Signs of young tectonic activity in the zones of the South Azov and Kerch faults]. *Geotektonika* [Geotectonics] 5, 16–28.
- Novichikhin, A.M., Korzhenkov, A.M., Ovsyuchenko, A.N. 2020: *Arkheoseismologicheskie issledovaniya na territorii arkhologicheskogo zapovednika “Gorgippiya” v 2019 g.* [Archaeoseismological studies on the territory of the Gorgippia Archaeological Reserve in 2019]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 25, 260–288.
- Ovsyuchenko, A.N., Shvarev, S.V., Larkov, A.S., Marakhanov, A.V. 2015: *Sledy sil'nykh zemletryaseniy Kerchensko-Tamanskogo regiona po geologicheskim dannym* [Traces of strong earthquakes in the Kerch-Taman region according to geological data]. *Voprosy inzhenernoy seysmologii* [Issues of engineering seismology] 42.3, 33–54.
- Ovsyuchenko, A.N., Korzhenkov, A.M., Larkov, A.S., Marakhanov, A.V., Rogozhin, E.A. 2017: *Novye svedeniya ob ochagah sil'nykh zemletryaseniy v rayone Kerchenskogo poluostrova* [New information on the centers of strong earthquakes in the area of the Kerch Peninsula]. *Doklady Akademii nauk* [Reports of the Academy of Sciences]. Vol. 472.1, 89–92.
- Ovsyuchenko, A.N., Korzhenkov, A.M., Maslennikov, A.A., Vakarchuk, R.N., Larkov, A.S., Sysolin, A.I. 2019: *Sledy i khronologiya sil'nykh istoricheskikh zemletryaseniy na myse Zyuk v Vostochnom Krymu* [Traces and chronology of strong historical earthquakes at Cape Zyuk in the Eastern Crimea]. *Fizika Zemli* [Physics of the Earth] 4, 133–152.
- Ovsyuchenko, A.N., Korzhenkov, A.M., Gadzhiev, M.S., Larkov, A.S., Rogozhin, E.A. 2020: *O seysmotektonicheskoy deformatsii rannesrednevekovoy krepostnoy steny g. Derbent (Dagestan)* [On the seismotectonic deformation of the early medieval fortress wall of Derbent (Dagestan)]. *Doklady Rossiyskoy akademii nauk. Nauki o Zemle* [Reports of the Russian Academy of Sciences. Earth Sciences]. Vol. 493.1, 1–5.

- Sokolova, O.Yu., Korzhenkov, A.M., Ovsyuchenko, A.N., Larkov, A.S., Marakhanov, A.V. 2017: Perepletenie trgovno-ekonomicheskogo i prirodnogo faktorov v sud'be antichnogo goroda Nimfeya [The interweaving of trade, economic and natural factors in the fate of the ancient city of Nymphaeum]. In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti-tovary-otnosheniya* [The Cimmerian Bosporus and barbarian world in the Antiquity and Middle ages. Trade: routs-goods-relationships] (XVIII Bosporskie Chteniya [Bosporan Readings]). Simferopol-Kerch, 506–516.
- Tevelev, A.V. 2018: Glinyanyy orogen: al'piyskoe razvitiye Kerchenskogo poluostrova [Clay orogen: Alpine development of the Kerch Peninsula]. In: K.E. Degtyarev (ed.), *Problemy tektoniki i geodinamiki zemnoy kory i mantii* [Problems of tectonics and geodynamics of the earth's crust and mantle]. Vol. 2. Moscow, 255–258
- Yudin, V.V. 2011: *Geodinamika Kryma* [Geodynamics of the Crimea]. Simferopol.

TRACES OF SEISMIC DISASTERS IN RUINS OF THE FORTH AND THIRD CENTURIES BC MANORS (THE CRIMEAN AZOV)

Andrey M. Korzhenkov¹, Aleksandr A. Maslennikov², Aleksandr N. Ovsyuchenko¹, Aleksandr S. Larkov¹, Svetlana N. Rodina¹

¹*Schmidt Institute of Earth Physics RAS, Moscow, Russia*

amkor61@yandex.ru, ovs@ifz.ru, las119@yandex.ru, rodina@ifz.ru

²*Institute of archaeology RAS, Moscow, Russia*

amkor61@yandex.ru, iscander48@mail.ru, ovs@ifz.ru, las119@yandex.ru, rodina@ifz.ru

Abstract. The authors conducted research on deformations of construction remains excavated at the estate complex of the 4th – 3rd cc. BC in the area of Generalskoe Bay (the Crimean Azov littoral). All the obtained material on the destruction and damage of building structures shows the systematic development of deformations. Almost all the walls of the submeridional strike experienced the strongest dynamic effects directed perpendicular to these building elements. The meridional walls show slopes, arching in the plan (sometimes leading to breaks in the walls) in the western direction. All this indicates the location of the source of seismic energy west of this archaeological complex. However, turning the section of the meridian wall counterclockwise implies the direction of arrival of seismic movements rather from the west/northwest. Judging by the degree of deformation, the local intensity of seismic vibrations was not less than II \geq IX points. This strong earthquake is also evidenced by layers of marine sediments-shells among the layer of bulk soil with artifacts. Such findings clearly indicate “tsunami” surge waves up to 4 m high. Tsunamigenic deposits clearly indicate the fact that the source of this earthquake was located in the water area of the sea of Azov. The extension of the upper part of the northeastern strike wall to the southeast and the departure of the buttress walls to the south and west were also noted. These deformations, possibly, may indicate another, later earthquake. Apparently, the finding of large and very large rock blocks that rolled down from nearby hills and resting on the remains of masonry, pavements and the cultural layer is another argument in favor of this assumption. The small number of identified cases of destruction and damage, and the lack of systematic character of deformations does not allow us to conclude about the direction of arrival of these seismic vibrations. Probably, the seismic focus – a seismogenic gap was located near the archaeological site. The obtained materials should be taken into account when constructing

a new map of the seismic hazard of the Crimea, and can also be useful for an archaeologist to analyze the features of civilizational development of the region. The dating of a possible earthquake(s) on these sites is the beginning of the last quarter of the 4th c. BC and the next, more likely, somewhere until the end of the 2nd c. BC or even later 63 BC.

Keyword: Classical archaeology, Crimean Azov, General Bay, estates, archeoseismology, paleoseismology, seismic deformations

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Древние городища и активные разломы в районе Караларского побережья Крымского Приазовья. 1 – памятники, обследованные археосейсмологическими методами в 2014–2018 гг.; 2 – активные разломы (сегменты Южно-Азовского разлома) с изученными следами сейсмотектонических подвижек прошлого; 3 – предполагаемые активные разломы по структурно-геоморфологическим и дистанционным данным.

Fig. 1. Ancient settlements and active faults in the Karalar coastal region (the NE Crimea). 1 – sites investigated in 2014–2018 by archeoseismological methods; 2 – active faults (Southern Azov Faults segments) with studied traces of ancient seismotectonic movements; 3 – supposed active faults according to tectonic geomorphology and remote data.

Рис. 2. Тектонический уступ в районе памятника Пустынный берег II. Вид на 3.

Fig. 2. Fault scarp near the Pustynnyi Bereg II site (view W).

Рис. 3. Схема района к 3 от Генеральской бухты на основе космоснимка с памятниками: 1 – Салачик; 2 – Генеральское-Западное; 3 – «Форт»; 4 – Генеральское-Западное, ЮЗ склон; 5 – Пустынный берег II.

Fig. 3. Regional scheme W General Harbor on a base of satellite image with settlements: 1 – Salachik; 2 – Generalskoe Western; 3 – “Fort”; 4 – Generalskoe Western, SW slope; 5 – Pustynnyy Bereg II.

Рис. 4. План-схема расположения раскопов к 3 от Генеральской бухты: I – Генеральское-Западное; II – «Форт»; III – Генеральское-Западное (ЮЗ склон).

Fig. 4. Schematic plan of archeological trenches located W the General Harbor: I – Generalskoe Western; II – “Fort”; III – Generalskoe Western, SW slope.

Рис. 5. План-схема строительных остатков на поселении Генеральское-Западное.

Fig. 5. Schematic plan of Generalskoe Western building remnants.

Рис. 6. Разрыв, наклон и разворот северного фрагмента субмеридиональной стены на участке № III городища Генеральское-Западное. а – схематический немасштабный план деформированной стены; б – схематический немасштабный разрез через южный фрагмент стены. Вид на С.

Fig. 6. Rupture, tilting and rotation of northern fragment of sublatitudinal wall in the locus No. 3 of Generalskoe Western. а – schematic out-of-scale plan of the deformed wall; б – schematic out-of-scale section across the southern fragment of the wall. View N.

Рис. 7. Генеральское-Западное (ЮЗ склон). Блок строений № 3. а – вид на С. Измерительная лента маркирует разрыв в стене. Фото 2018 г.; б – фотография после завершения раскопок. Общий вид с СЗ. Белые наклонные стрелки показывают две большие глыбы скалы, скатившиеся вниз еще до строительства этой стены усадьбы (на кадре слева, – первое землетрясение?) и, скорее всего – после его оставления жителями (на вымостке, стрелка справа). Впрочем, возможен и «одновременный» вариант их появления. Черная горизонтальная стрелка показывает описываемый разрыв в стене.

Fig. 7. Generalskoe Western, SW slope. Buildings block No. 3. а – photograph of 2018. View N. Measurement tape marks a rupture in the wall; б – photograph made after fulfilling of the

excavations. General view from NW. White tilted arrows show two large rocks, felt before building of this wall of the homestead (left in the photograph – first earthquake?) and, most probably, after abandonment of the ancient settlement by its citizens (in pavement, an arrow right). Nevertheless, it is possible also a simultaneous variant of their appearance. Black horizontal arrow shows described rupture in the wall.

Рис. 8. Левостороннее смещение субмеридиональной стены на участке № 3 (Генеральское-Западное, ЮЗ склон). Фотография 2018 г. Вид на юг.

Fig. 8. Sinistral displacement of sublongitudinal wall in locality No. 3. (Generalskoe Western, SW slope). Photograph of 2018. View southward.

Рис. 9. Наклон и разворот еще одной субмеридиональной стены на участке № 3. *a* – схематический внемасштабный разрез через южную часть деформированной стены; *b* – схематический внемасштабный план стены. «Разуклонки» (отрезки прямой линии со штрихом) указывают направление наклоны стен. Рядом подписаны углы наклонов.

Fig. 9. Tilt and rotation of one more sublongitudinal wall in locality No. 3. *a* – schematic out-of-scale section across southern part of the deformed wall; *b* – schematic out-of-scale plan of the wall. Segments of the straight line with strokes show a direction of the wall tilting. Tilt angles are written nearby.

Рис. 10. «Форт». «Ров», образовавшийся в вымостке, куда впоследствии частично погрузились ее плиты и камни перпендикулярных «рву» стен. *a* – фотография «рва» (показан белыми стрелками), выполненная после раскопок; *b* – схематическая внемасштабная зарисовка рва. Разрез.

Fig. 10. “Fort”. A “ditch” formed in pavement where plates and stones of perpendicular walls subsided later. *a* – photograph of the “ditch” (shown by white arrows) made after the excavations; *b* – schematic out-of-scale sketch of the ditch. Section.

Рис. 11. Отрыв верхнего ряда каменной кладки и смещение его к 3. Южная часть верхнего участка стены развернулась против часовой стрелки из-за зацепления ее южного края в углу с перпендикулярной стеной. *a* – схематическая внемасштабная зарисовка. План; *b* – фотография 2018 г. Вид на Ю. Штриховая линия показывает восточный фас смещенного участка стены. Белая стрелка – смещение его на 3.

Fig. 11. Separation of upper masonry row and its displacement W. Southern part of upper part of the wall has rotated counterclockwise because of catching of its southern edge in the corner with perpendicular wall. *a* – schematic out-of-scale sketch. Plan; *b* – photograph of 2018. View southward. Dash line shows eastern face of displaced part of the wall. White arrow – its displacement westward.

Рис. 12. Сильный наклон субмеридиональной стены на запад на участке № 3 вызвал необходимость возвести с запада контрфорс. а) фотография 2018 г. Вид на ЮЮЗ. Восточный фас стены. Значительный ее наклон к 3 под углом 25^0 показал штриховой линией. Длина измерительной ленты 0.5 м; *b* – фотография 2018 г. Вид на ЮЮВ. Западный фас стены укреплен стеной – контрфорсом. Граница между стенами показана штриховой линией. Длина измерительной ленты 1 м.

Fig. 12. Significant tilt of the sublongitudinal wall westward in locality No. 3 has caused a necessity of creation of counterforce wall from the W. *a* – photograph of 2018. View toward SSW. Eastern wall face. Significant its tilt at angle of 25^0 westward shown by dashed line. Measurement tape length is 0.5 m; *b* – photograph of 2018. View toward SSE. Western wall face is reinforced by counterforce wall. A border between walls are shown by dashed line. Length of the measurement tape is 1 m.

Рис. 13. Генеральское-Западное. Западный участок внешней стены восточной секции прибрежного блока строений. Фотография после окончания раскопок. На переднем плане — земляной алтарь. Вид с Ю. Концентрация деформаций на одном участке стены: выдвигание и выбивание каменных блоков, а также их растрескивание и раскрашивание.

Fig. 13. Generalskoe Western. Western part of external wall of western section of the coastal buildings block. A photograph made after the fulfilling of excavations. Earth altar is on the first ground. View from the S. Concentration of deformations in one part of the wall: shifting and kicking of the stone blocks, as well as their cracking and crumbling.

Рис. 14. Генеральское-Западное. Фотография, сделанная сразу после окончания раскопок. СЗ участок западной секции восточного блока строений. Вид с З. Белые стрелки указывают смещение нижней части стены вместе с подстилающим грунтом в западном направлении. Штриховая линия показывает латеральный изгиб верхней части стены, также направленный к западу.

Рис. 14. Generalskoe Western. A photograph made immediately after finishing of the excavation. NW locality of western section of the eastern buildings block. View from the W. White arrows show displacement of lower wall part together with the underlying ground westward. Dashed line shows a lateral bend of upper wall part also directed westward.

Рис. 15. Генеральское-Западное (ЮЗ склон). Верхняя часть внешней стены южной секции строений блока № 1 выдвинулась к ЮВ. Нижняя часть стены не подверглась деформации, так как она была погружена в насыпной грунт. Свидетельство этому – участок черепичной вымостки слева. Вид с ЮВ.

Fig. 15. Generalskoe Western (SW slope). Upper part of the external wall of southern section of the buildings block No. 1 has shifted toward SE. Lower wall part was not undergone to deformation because it was buried in the bulk ground. An evidence of this is a part of the tiled pavement left. A view is from the SE.

Рис. 16. Скала и мыс Салачик. Топоплан с указанием границ раскопок.

Fig. 16. Rock and Cape Salachik. A topographic plan with borders of archeological trenches.

Рис. 17. Выгибание в плане одной из субширотных стен, построенных в первые века н.э. на южном раскопе «поселения» Салачик. *a* – фотография 2018 г. Штриховой линией показан западный фас стены. Вид на Ю. Длина мерной ленты 0.5 м; *b* – схематическая немасштабная зарисовка.

Fig. 17. Bending in plan of one of sublatitudinal walls built during first centuries AD in southern trench of the Salachik settlement. *a* – photograph of 2018. Western wall face has shown by the dashed line. View S. Measurement tape length is 0.5 m; *b* – schematic out-of-scale sketch.

Рис. 18. Разворот стены, построенной в первые века н.э. на южном раскопе Салачик. *a* – фотография 2018 г. Вид на Ю. Штриховыми линиями показан восточный фас деформированной стены; *b* – схематическая немасштабная зарисовка. План.

Fig. 18. Wall rotation which was built during first centuries AD; southern archeological trench in Salachik. *a* – photograph of 2018. View S. Eastern face of the deformed wall shown by the dashed line; *b* – schematic out-of-scale sketch. Plan.

Рис. 19. Поворот части стены субширотного простираения против часовой стрелки на раскопе усадьбы Генеральское-Западное. Вид на В. Фотография 2017 г. Дина трековой палки 1.2 м.

Fig. 19. Counterclockwise rotation of a part of sublatitudinal wall of in the Generalskoe Western trench. View E. Photograph of 2017. Trekking cane length is 1,2 m.

Рис. 20. Генеральское-Западное. План строительных остатков западного блока строений.

Fig. 20. Generalskoe Western. A plan of building remnants of western buildings block.

Рис. 21. *a* – Генеральское-Западное (ЮЗ склон). Деформация верхних краев цистерны. Фотография после раскопок. Вид с С. Смещение (показано стрелкой) верхнего ряда каменной кладки цистерны вовнутрь – на Ю. Прежнее положения внешнего фаса каменной обкладки бассейна показано штриховой линией; *b* – устье цистерны. Фото 2017 г. Наклон верхних рядов каменной кладки на З.

Fig. 21. *a* – Generalskoe Western (SW slope). Deformation of cistern upper edges. Photo after excavation. View from N. Displacement (shown by an arrow) of the upper row of the cistern

masonry inward – to S. The previous position of the external face of the stone lining of the pool is shown with a dashed line; *b* – the upper part of the cistern. Photo 2017. The slope of the upper rows of masonry to W.

Рис. 22. План строительных остатков на раскопе Салачик (1) по Масленникову 2010.

Fig. 22 Plan of building remains at the Salachik excavation (1) (Maslennikov 2010).

Рис. 23. Деформация лестничного марша (с IV в. до н.э.) на северном раскопе Салачик. Деформированы: смещены в низ и повернуты против часовой стрелки нижние ступени. *a* – фотография 2018 г. Вид на С. Длина мерной ленты 70 см; *b* – схематическая немасштабная зарисовка.

Fig. 23 Deformation of a stair case (from the 4th c. BC) at the northern excavation site of the Salachik. Warped: blended to the bottom and rotated counterclockwise the bottom steps. *a* – photo of 2018. View to N. Measuring tape length 70 cm; *b* – schematic off-scale sketch.

Рис. 24. Генеральское-Западное. План строительных остатков северного, прибрежного блока (по: Масленников 2010).

Fig. 24 Generalskoe Western. Plan of building remains of the northern, coastal block (Maslennikov 2010).

Рис. 25. Опускание каменных блоков в стене к востоку от алтаря, возможно, вызванное просадкой подстилающего грунта. *a* – схематическая немасштабная зарисовка. Разрез; *b* – фотография 2018 г. Вид на З. Штриховая линия маркирует западный фас поврежденной стены. Длина измерительной ленты 0.5 м.

Fig. 25 Sinking of stone blocks in the wall east of the altar, possibly caused by subsidence of the underlying soil. *a* – schematic off-scale sketch. Incision; *b* – photo of 2018. View to W. The dashed line marks the western face of the damaged wall. The length of the measuring tape is 0.5 m.

Рис. 26. Крепида, построенная с южной стороны первичной субширотной стены к С от алтарного камня. Схематическая немасштабная зарисовка. Разрез.

Fig. 26 The counterforce wall, built on the southern side of the primary sublatitudinal wall to the north of the altar stone. Schematic off-scale sketch. Incision.

Рис. 27. Генеральское-Западное (ЮЗ склон). Помещения первого и второго строительных периодов в восточной части южной секции строений блока № 2. Вид с С. Контрфорс (?) II была как бы оторвана во время землетрясения, смещена в западном направлении (направление выдвижения показано белой стрелкой) и слегка повернута против часовой стрелки вокруг вертикальной оси.

Fig. 27. Generalskoe Western (SW slope). Premises of the first and second construction periods in the eastern part of the southern section of the buildings of block 2. View from N. The counterforce wall (?) II was, as it were, torn off during the earthquake, displaced in the western direction (the direction of extension is shown by the white arrow) and slightly turned counterclockwise around the vertical axis.

Рис. 28. Генеральское-Западное (ЮЗ склон). Участок черепичной вымостки у южной стены блока строений № 1. Вид с С.

Fig. 28. Generalskoe Western (SW slope). A section of a tiled pavement near the southern wall of the block of buildings No. 1. View from N.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

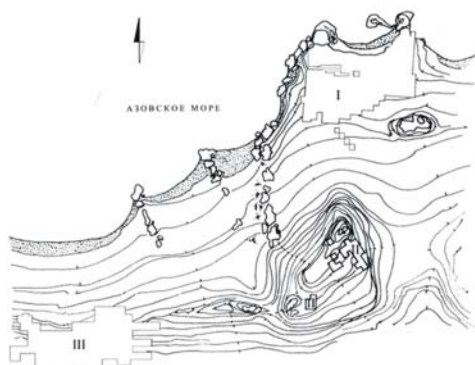

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

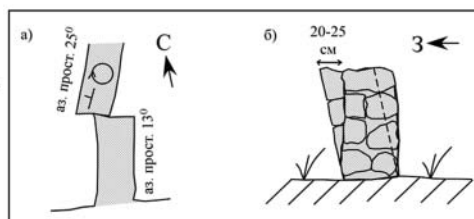

Рис. 7б

Рис. 7а

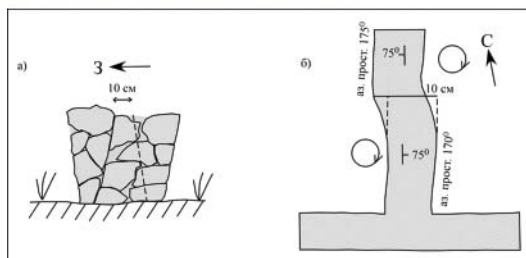
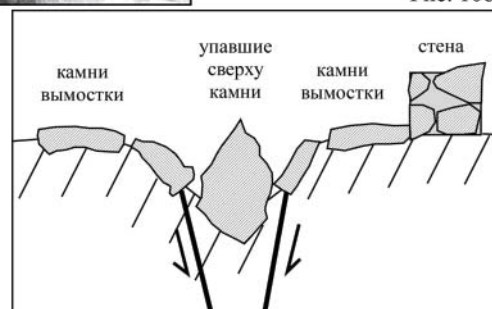

Рис. 9

Рис. 10а

Рис. 10б

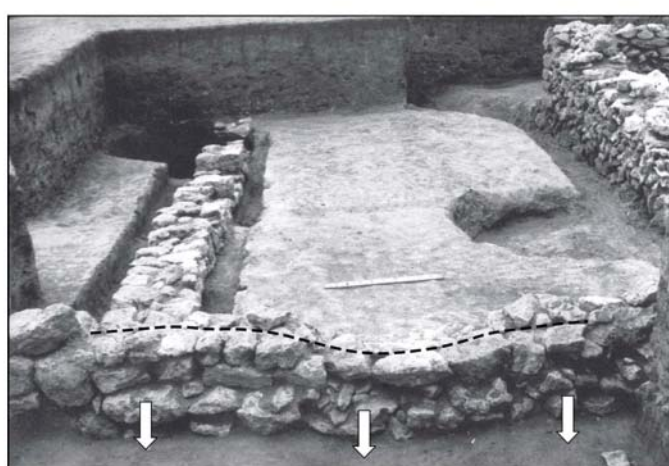
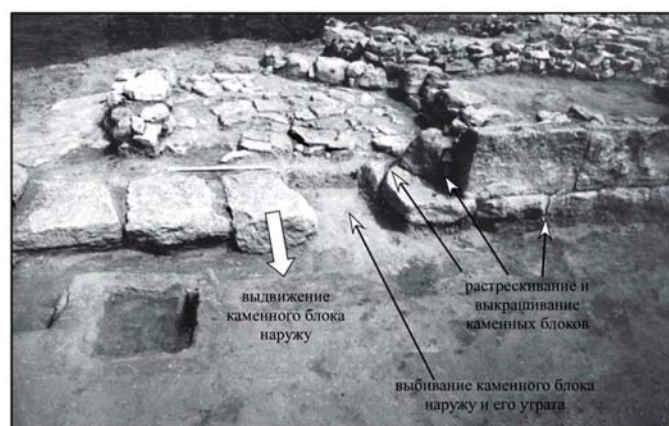
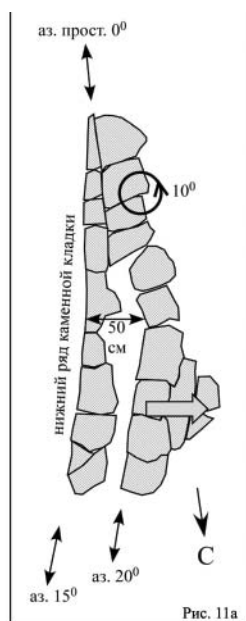

Рис. 126

Рис. 15

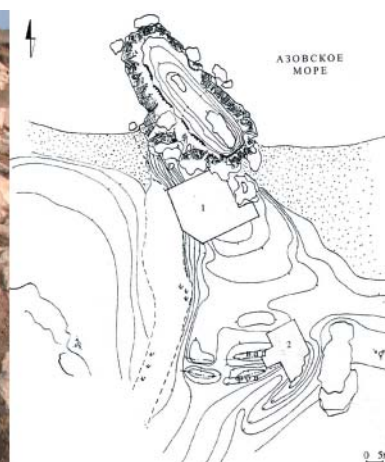

Рис. 16

Рис. 17а

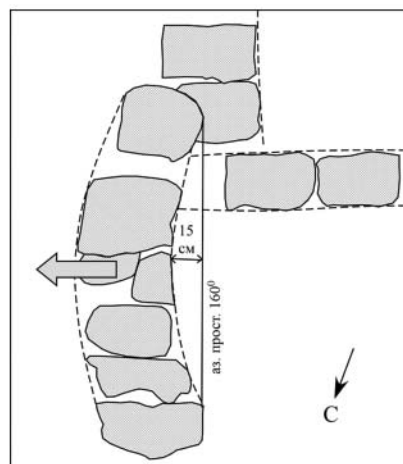

Рис. 17б

Рис. 18а

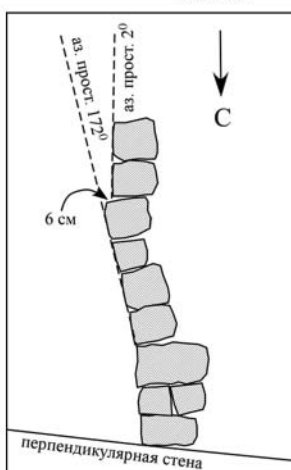

Рис. 18б

Рис. 19

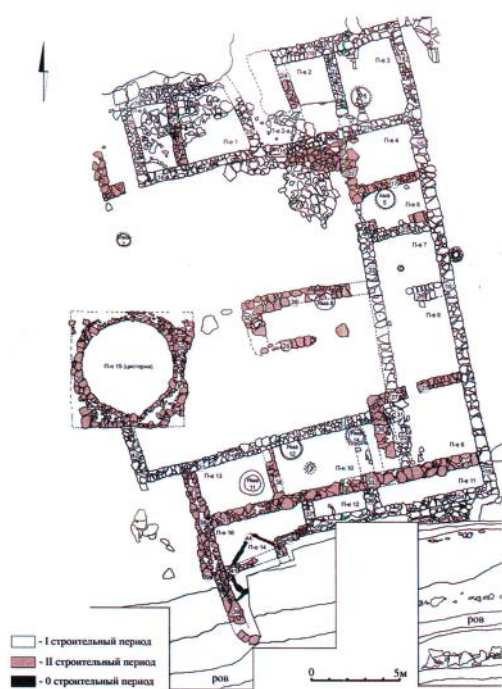

Рис. 20

Рис. 21а

Рис. 21а

Рис. 22

Рис. 23а

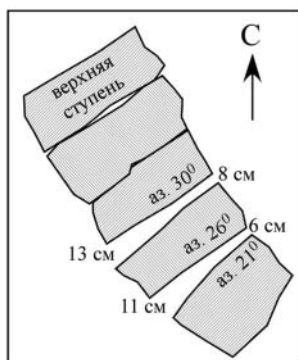

Рис. 23б

Рис. 24

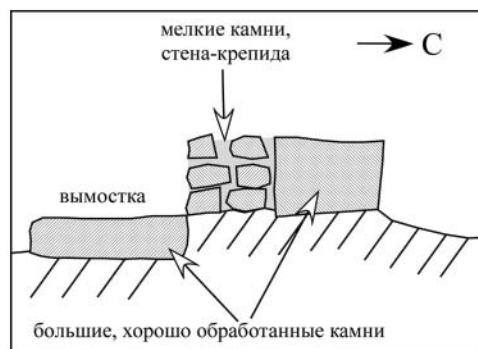
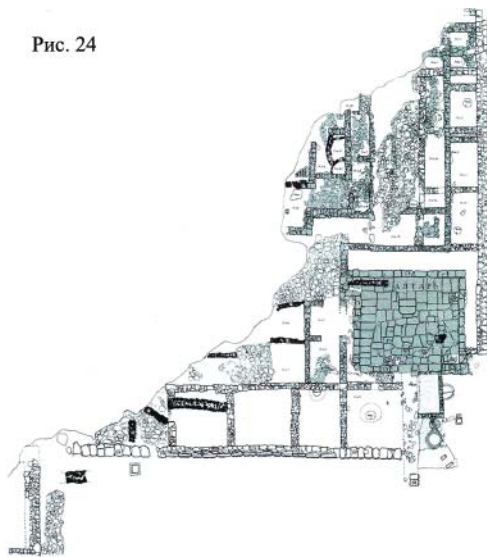

Рис. 26

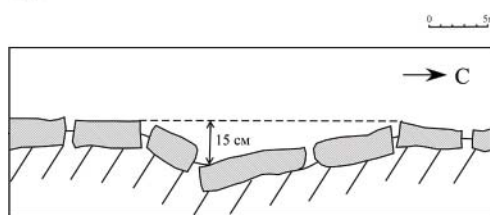

Рис. 25а

Рис. 25б

Рис. 27

Рис. 28

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2020), 77–88
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2020), 77–88
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-77–88

СВАСТИЧНАЯ СИМВОЛИКА НА ПАНТИКАПЕЙСКИХ МОНЕТАХ V в. до н.э.

А.Е. Терещенко

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия
andrtereshhen@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается один из элементов реверсного сюжета пантикапейских монет первой половины V в. до н.э., ранее не удостоивавшийся внимания отечественных исследователей и не имеющий на сегодняшний день аналогий. Речь идет о разновидности свастичного рисунка, который можно описать как «флажковая свастика». До настоящего времени было принято считать, что данная фигура – результат технологического приема при обработке реверсного штампа; однако наиболее вероятно, что «флажковая» свастика является полноценным символом. Кроме того, в чеканке Пантикапея представлен еще один вариант солярной символики – так называемый свастичный крест («croix swasticale»). Правильность идентификации этой фигуры подтверждается примерами из истории монетного дела в основном фрако-македонского региона. В завершение отмечается существование в начале V в. до н.э. любопытного сочетания «солярное колесо – свастичный крест», который можно встретить в двух весьма удаленных друг от друга точках античного мира – на монетах Ольвии и Южной Италии и Сицилии.

Ключевые слова: античная нумизматика, Пантикапей, солярная символика, свастика, свастичный крест

Как явствует из названия, данная заметка посвящена «знаку солнца», присутствующему на ранних монетах Пантикапея, который постоянно остается за рамками всех нумизматических штудий по Боспору V в. до н.э. Речь идет об элементе реверсного оформления, форма которого традиционно и достаточно условно трактуется в большинстве случаев как «крылья мельницы» (табл. I, 5–10, 16, 17, 19–21)¹.

Следует заметить, что данный термин появился лишь в XX в. До этого описания реверсов монет пантикапейской чеканки V в. до н.э. вообще имели мало общего с действительностью. Вот, например, описание изображения на оборотной стороне монеты типа «голова льва в фас / флажковая свастика» (см. табл. I, 10), данное А.М. Подшиваловым: «вдавленный квадрат с четырьмя таблетками»². Аналогично у Х.Х. Гиля: «Вдавленный квадрат разделен на четыре отделения, каждое

Данные об авторе: Терещенко Андрей Евгеньевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея.

¹ Фотографии монет взяты с сайта «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив» <https://bosporan-kingdom.com>.

² Podschivalow 1882, 4, № 7; Taf. I, 5.

из которых содержит выпуклую таблетку, на двух из которых легенда А – П»³. Уточним, что это описание тетартемория, входящего в серию, на монетах которой на реверсе изображена флажковая свастика, на двух диагональных таблетках – буквы «А» и «П», в двух других – четырехлучевые звезды (см. табл. I, 20).

Лишь в фундаментальном труде А.Н. Зографа «Античные монеты» крестообразный рисунок на реверсе рассматриваемых монет стал интерпретироваться как «напоминающий крылья ветряной мельницы»⁴. Это определение доминирует и по сегодняшний день⁵. Весьма любопытно и даже, можно сказать, показательно то, что В.А. Анохин и Н.А. Фролова применяли данную терминологию только по отношению к монетам типа «голова льва в фас / флажковая свастика» (см. табл. I, 10). В описании последующих типов (см. табл. I, 16, 17, 19–21) речь идет уже о неких абстрактных «таблетках»⁶ и «рельефных прямоугольниках»⁷ безо всякого указания на то, что это всего лишь детали тех самых «крыльев мельницы». Таким образом, исследователи полностью отказывали этой фигуре в какой-либо смысловой нагрузке.

На общем фоне несколько выделяются характеристики, предложенные Д.Б. Шеловым и О.Н. Мельниковым. Д.Б. Шелов, реконструируя развитие пантикапейской монетной типологии, отмечает: «Так получается внутри углубленного квадрата весьма характерный рисунок, напоминающий свастику или лопасти крыльев ветряной мельницы»⁸. О.Н. Мельников еще более конкретен, его описание звучит как «свастический рисунок» для монет ранних типов (см. табл. I, 5, 6) и «свастико-флажковый рисунок»⁹ для последующих серий (см. табл. I, 9, 10, 16, 17, 19–21)¹⁰. Таким образом, вместо какой-то малопонятной формы перед нами предстает знаковый символ. Впрочем, как представляется, сами нумизматы скорее всего не придавали ему никакого особого значения, отмечая лишь внешнее сходство.

Как видим, всех отечественных исследователей объединяет восприятие свастической фигуры всего лишь как технологического приема на определенном этапе развития пантикапейской монетной чеканки. В принципе для этого есть основания: как правило, свастический рисунок в неоформленном *quadratum incusum* присутствует на многих монетах архаического периода (см. табл. I, 23–34). В чеканке некоторых полисов он превращается во «флажковую свастику» (см. табл. I, 36–38), схожую с пантикапейской, представляя, правда, лишь кратковременный эпизод в их эмиссии.

³ Giel 1886, 20, №8; Taf. III, 8.

⁴ Зограф 1951, 164.

⁵ Крушол 1950, 188; Анохин 1986, 6–7; Фролова 1996, 55.

⁶ Анохин 1986, 9.

⁷ Фролова 1996, 58.

⁸ Шелов 1956, 20.

⁹ Данная дефиниция представляется наиболее адекватной, поэтому предлагаем ввести ее в оборот, но изменив на «флажковая свастика».

¹⁰ Мельников 2010, 172.

Таблица I

1. Пантикапей. Триобол. Серебро. Серия Па-1. Конец третьей – середина последней четверти VI в. до н.э. 2-4. Пантикапей. Триобол. Серебро. Серия Па-2. Середина – конец последней четверти VI в. до н.э. 5-9. Пантикапей. Триобол. Серебро. Серия Па-3. Конец VI в. до н.э. – начало второго десятилетия V в. до н.э. 10. Пантикапей. Диобол. Серебро. Серия Па-3. Конец VI в. до н.э. – начало второго десятилетия V в. до н.э. 11. Пантикапей. Триобол. Серебро. Серия Па-4. Второе десятилетие V в. до н.э. 12. Пантикапей. Гемииобол. Серебро. Серия Па-4. Второе десятилетие V в. до н.э. 13-15. Пантикапей. Гемииобол. Серебро. Серия Па-5. Конец 80-х гг. – конец первой четверти V в. до н.э. 16-17. Пантикапей. Диобол. Серебро. Серия Па-6. Начало второй четверти – первая половина 50-х гг. V в. до н.э. (м.б., 459/8 г. до н.э.). 18. Пантикапей. Триобол. Серебро. Серия Па-7. Первая половина 50-х гг. V в. до н.э. (м.б., 458-455 гг. до н.э.). 19. Пантикапей. Диобол. Серебро. Серия Па-8. Конец второй – начало третьей четверти V в. до н.э. (м.б., 455-450 гг. до н.э.). 20. Пантикапей. Диобол. Серебро. Серия Ап-1. Конец второй – начало третьей четверти V в. до н.э. (м.б., 455-450 гг. до н.э.). 21. Пантикапей. Диобол. Серебро. Серия Па-9. Начало третьей четверти V в. до н.э. (м.б., 450-446 гг. до н.э.). 22. Пантикапей. Диобол. Серебро. Серия Па-10. Первая половина третьей четверти V в. до н.э. (м.б., 446-444 гг. до н.э.). 23. Иония (неизвестный центр). Мисгемигекта. Электр. Ок. 625-600 гг. до н.э. 24. Иония (неизвестный центр). Диобол. Серебро. Ок. 625-600 гг. до н.э. 25. Иония (Эрифры?). Гемигекта. Электр. Ок. 520-500 гг. до н.э. 26. Иония (Колофон). Тетартеморий. Серебро. Конец VI в. до н.э. 27. Македония (Энейя). Тетробол. Серебро. До 480 г. до н.э. 28. Коринф. Статер. Серебро. Ок. 560 гг. до н.э. 29. Коринф. Статер. Серебро. 510-500 гг. до н.э. 30. Фрако-македонский регион (неизвестный центр). Гемииобол. Серебро. V в. до н.э. 31. Кебрен (Троада). Обол. Серебро. Конец VI – начало V вв. до н.э. 32. Фасос. Обол. Серебро. Ок. 525-463 гг. до н.э. 33. Кизик. Гекта. Электр. Ок. 550-500 гг. до н.э. 34. Лесбос (неизвестный центр). Триобол. Серебро. Ок. 550-440 гг. до н.э. 35. Кимы (Эолия). Гемииобол. Серебро. 480-450 гг. до н.э. 36. Сермилия (Македония). Обол. Серебро. Ок. 500-480 гг. до н.э. 37. Аканф (Македония). Тетробол. Серебро. Ок. 480 г. до н.э. 38. Сиракузы. Тетрадрахма. Серебро. Ок. 500-490 гг. до н.э.

Вместе с тем, доказательством того, что флажковая свастика на пантикапейских монетах является полноценным символом, служит чеканка Аполлонии Понтийской. Реверсный рисунок ее монет проходит хорошо прослеживаемую эволюцию от слабо выраженных «крыльев ветряной мельницы» до настоящей свастики (см. табл. II, 1–7). То же самое, но в несколько, так сказать, «ускоренном» варианте, можно видеть и в монетном деле Коринфа (табл. I, 28, 29). Таким образом, пантикапейская свастическая символика не была чем-то уникальным для греческой монетной типологии. В то же время в плане изобразительной трактовки этого знака, невзирая на разнообразность (таб. II, 8–11), а иногда и вычурность¹¹ форм, боспорская чеканка аналогий не имеет¹².

Однако, несколько смущает тот факт, что в процессе применения «флажковой свастики» как основополагающей конструкции реверсного поля пантикапейской чеканки с 80-х гг. по конец первой четверти V в. до н.э.¹³ вдруг возникает разрыв, заполненный монетами с новым видом оборотной стороны: «вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, в каждой по точке» (табл. I, 11, 12) и «вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, в двух из них – точки» (табл. I, 13–15). Не вдаваясь сейчас в поиск причин, вызвавших это изменение, необходимо отметить следующее: в работе А. Болдуин «Symbolism on Greek coins», посвященной исследованию свастики, представлены различные виды этой символика, в том числе и свастика, в пространстве между линиями которой расположены четыре точки¹⁴, наиболее яркий образчик – так называемый «керамический диск» (*clay disk*) из Феры¹⁵. Также в нашем распоряжении имеется информация о ранней электровой гемигекте VI в. до н.э. неизвестного ионийского центра с изображением свастики данного вида¹⁶.

Более того, на древних артефактах мы встречаем и просто прямой крест с точками между линиями. В работе Т. Уилсона «Свастика» с отсылкой к М. Змигродскому эта фигура именуется свастичным крестом (*croix swasticale*)¹⁷. Этот символ нанесен на ритуальный сосуд в виде женского тела из Трои IV¹⁸. Что касается причерноморского региона, то подобный знак мы видим на изящной бронзовой пряжке (табл. III, 24) из Ожорского могильника (Южная Осетия), относящегося к скифской культуре и датируемого VII–VI вв. до н.э.¹⁹. На землях Боспорского царства *croix swasticale* присутствует на терракотовой плитке с геометрической росписью, украшавшей карниз над входом в самое древнее (середина VI в. до н.э.) здание святилища Нимфея²⁰.

¹¹ Например, на обоях Аполлонии Понтийской концы свастики представлены в виде рыбьих хвостов (см. таб. II, 6).

¹² Еще раз подчеркнем, что речь идет именно о знаке, а не техническом приеме реверсного оформления.

¹³ Датировка пантикапейских монет в тексте и табл. I дана по: Терещенко 2004а, 6–8, 10–13.

¹⁴ Baldwin 1915, 117, fig. B6. См. табл. III, 19.

¹⁵ Baldwin 1915, 128, fig. 16. Этот «диск» на деле представляет собой фрагмент керамики округлой формы (вторичное использование?), найденный во время раскопок на острове Санторин [Waring 1874, Pl. 42, 2]. См. табл. III, 20.

¹⁶ Head 1892, Pl. II, 20; Baldwin 1915, 145, fig. 43. См. табл. III, 21.

¹⁷ Уилсон 2008, 12, рис. 12b. См. табл. III, 22.

¹⁸ Шлиман 2009, рис. 986; Уилсон 2008, 115, рис. 128; Baldwin 1915, 124, fig. 3. См. табл. III, 23.

¹⁹ Погребова 1984, 75.

²⁰ Худяк 1962, 43, табл. 37, 1. См. табл. III, 25.

К сожалению, других рисунков данного вида свастики, происходящих с территории Северного Причерноморья, в специальной литературе обнаружить пока не удалось. Впрочем, это неудивительно, поскольку этот символ воспринимался, скорее всего, лишь как некий геометрический орнамент, не заслуживавший особого внимания. Например, из трех отечественных исследователей, в той или иной степени упоминавших плитку из нимфейского святилища, ни один не отметил наличие этой фигуры²¹. Таким образом, вполне вероятно, что находки изображений свастичного креста на Киммерийском Боспоре на самом деле отнюдь не столь уж и редки, просто не получили пока должного освещения.

В целом можно с большой долей уверенности считать, что реверсный рисунок пантикапейских монет – «четыре точки в четырехчастном квадрате» (табл. I, 11) представляет собой не что иное, как *croix swasticale*.

Если согласиться с приведенными доводами, то у нас появляется возможность более четко «оконтурить» место четырехточечных монет в системе пантикапейских выпусков.

Так, выдающиеся советские ученые-нумизматы А.Н. Зограф и Д.Б. Шелов полагали выпуск четырехточечной серии раньше выпуска монет с флажковой свастикой, видя здесь эволюционный процесс превращения точек в рельефные таблетки²². В.А. Анохин и Н.А. Фролова, наоборот, поставили на первое место именно монеты с флажковой свастикой (табл. I, 6–10)²³, что, на наш взгляд, абсолютно справедливо. В то же время, если А.Н. Зограф и Д.Б. Шелов предоставили вполне логичные обоснования своих предположений, то выводы В.А. Анохина и Н.А. Фроловой ничем не подкреплены, то есть читателю предлагается верить авторам исключительно на слово.

В свою очередь мы, солидаризируясь с мнением последних, при создании своей схемы относительной хронологии пантикапейских выпусков первой половины V в. до н.э. основывались на исследованиях Ю.Л. Дюкова и Т.Н. Смекаловой, согласно которым металл пантикапейских серий, начиная с монет с двумя точками на реверсе (серия Па-5; см. табл. I, 13–15), приобрел характеристики, сходные с характеристиками афинских монет, изготовленных из серебра Лаврийских рудников. Монетное же серебро предшествующих выпусков, в том числе и с четырьмя точками, происходило из фракийско-македонских, самосских или малоазийских источников²⁴.

В итоге была высказана следующая версия: поскольку серия Па-5 состоит только из гемиоболов и тетартемориев, то складывается впечатление, что Пантикапей пытался насытить денежный рынок массой мелких номиналов по причине острой нехватки серебра. *Ergo*, скорее всего, их выпуск стал осуществляться незадолго до похода Ксеркса на Грецию в 480–479 гг. до н. э. или непосредственно в эти годы, и Пантикапей попросту не успел запасти серебра в достаточной степени до момента падения Афин. Прежние же источники поступлений монетного металла, по-видимому, оказались недоступны опять-таки по причине их захвата персами. После изгнания персидского войска добыча драгоценного металла на

²¹ Худяк 1962, 43; Шургая 1984, 64; Шауб 2007, 297.

²² Зограф 1951, 164; Шелов 1956, 19–20.

²³ Анохин 1986, 7, 136; Фролова 1996, 56–58.

²⁴ Смекалова, Дюков 1999, 206; 2001, 21, 24.

Лаврийских рудниках была восстановлена, а окончательная победа над Ксерксом позволила наладить полноценные торговые связи с Северным Причерноморьем²⁵.

Вместе с тем рисунки оборотных сторон пантикапейских монет последней трети VI – начала V в. до н.э., в том числе с четырьмя и с двумя точками, также воспринимались нами лишь как смена технологических приемов в обработке реверсных штемпелей²⁶.

Однако, учитывая все сказанное ранее, можно предположить, что пантикапейские монетарии, переходя от простого вдавленного квадрата, разделенного на четыре части (табл. I, 2–4), к рисунку «крылья мельницы» (табл. I, 5, б) и далее к полноценной флажковой свастике (табл. I, 7–10), вполне осознанно ставили задачу воспроизведения на своей продукции не какого-то абстрактно-декоративного рисунка, но одного из древнейших символов человеческой цивилизации. Следовательно, появление четырехточечной серии никоим образом не нарушает общее «соллярное» направление монетной типологии пантикапейской чеканки в ранний период, но вполне логично вписывается в нее, просто используется другая форма начертания свастического знака.

Для более ясного понимания картины обратимся к количественному и качественному составу пантикапейских монетных выпусков первой половины VI в. до н.э. В частности, из семи десятков известных нам монет с четырьмя точками (серия Па-4)²⁷ 8 экземпляров – триоболы, один диобол, остальные – гемиоболы (44 шт.) и тетартемории (15 шт.)²⁸. Следующая серия Па-5 (с двумя точками, см. табл. I, 13–15), чей реверсный рисунок, скорее всего, также является немного усеченным вариантом свастичного креста, насчитывает почти шестьсот экземпляров, но номиналы, составляющие эту серию, как уже говорилось выше, – гемиоболы и тетартемории, т. е. наименьшие номиналы в пантикапейской эмиссии. В подавляющем большинстве диаметр гемиоболов составляет 6–7 мм, тетартемориев – от 4 до 6 мм. Для примера в серии Па-3 (табл. I, 5–10) на сегодняшний день известно 157 диоболов и 159 триоболов, а в серии Па-6 (табл. I, 16–17) – 420 экземпляров только диоболов! Размеры этих номиналов колеблются от 11 до 16 мм для диоболов и от 12 до 17 мм для триоболов соответственно. Особо отметим, что в сериях, как предшествующих Па-3 и Па-4, так и последовавших за ними, количество монет мелкого достоинства (известных нам) гораздо меньше, по сравнению с более крупными номиналами. Таким образом, совсем не исключено, что обращение к *croix swasticale* было вызвано, в том числе, и необходимостью обеспечить скорейшее изготовление реверсных штемпелей для младших номиналов. Вырезать же обычную крестовину с углублениями в отсеках на штемпельном поле небольшого размера было проще, нежели полноценную флажковую свастику. Что характерно, инополисные монеты подобного вида (табл. II, 32–34), как и пантикапейские экземпляры (табл. I, 12), являются самыми мелкими номиналами.

²⁵ Терещенко 2004, 29–31.

²⁶ Терещенко 2004, 27–29; 2004а, 7–8.

²⁷ Кстати, это самая малочисленная из всех монетных серий пантикапейской чеканки конца VI – первой половины V в. до н.э.

²⁸ Данные по этой и другим сериям взяты из регулярно обновляемой сводки «Корпус боспорских монет второй половины VI – первой четверти IV в. до н.э.», составляемой нами с 2011 г. Информация для корпуса берется из публикаций, а также с сайта «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив» <https://bosporan-kingdom.com>

Как представляется, подтверждением реконструируемой нами ситуации может служить реверсный сюжет монетной чеканки первой половины V в. до н.э. фракийских племен мигдонов (или крестонов) и оресков. Облик оборотной стороны на этих монетах достаточно быстро проходит трансформацию от «крылья мельницы» до «вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, в каждой по точке» (табл. II, 19–21, 22–24), хотя правильнее, пожалуй, назвать эти дифференты не «точками», а «таблетками». Весьма показательно, что точно такие же таблетки присутствуют на самых крупных номиналах – триоболах пантикапейской серии Па-4 (табл. I, 11). Аналогичный рисунок наблюдается и на многих монетах начала V в. до н.э. фракийско-македонского региона (табл. II, 25, 28, 30). Более того, четырехчастный квадрат с четырьмя таблетками является центральной частью реверсной композиции в македонской, абдерской, маронейской и племенной бизалтской чеканках, датируемых второй четвертью V в. до н.э. (табл. II, 26, 27, 29, 31), что однозначно свидетельствует о его статусе как символической фигуре.

Необходимо отметить и такой важный момент, как территориальное распространение свастических символов, к которым, кроме собственно свастики, относятся трискелесы / трискелеоны и так называемый «ликийский знак». Если название последнего само говорит о его территориальной привязке (табл. II, 13, 14), то географическое распределение остальных интересующих нас знаков выглядит следующим образом (еще раз повторим, что мы рассматриваем самый ранний этап монетного дела ойкумены, т.е. VI – первую половину V в. до н.э.). Наибольшее распространение этой символики приходится на фракийско-македонский регион, здесь мы встречаем и свастичный крест (табл. II, 21, 24–31), и флажковую свастику (табл. II, 20, 23), и трискелес (табл. II, 15, 16). Отдельной строкой идут Аполлония Понтийская, чьи монеты несут изображения «классической» свастики (табл. II, 2–7), и Пантикапей с его флажковой свастикой и *croix swastical* (табл. I, 8–21). В собственно материковой Греции их использование практически не наблюдается, пока известен только трискелес в чеканке Флиунта (город в северо-восточной части Пелопонесса рядом с Коринфским перешейком; см. табл. II, 17) и свастика на монетах Коринфа (табл. II, 10). Появление свастических знаков на монетах других эллинистических центров эллинского мира (табл. II, 18, 32–34) слишком спорадично, чтобы можно было говорить о существовании какой-то устойчивой традиции.

Теперь немного отвлечемся и поговорим о смысловом наполнении свастического символа. Вот что об этом писал Т. Уилсон: «Свастика могла быть древнее колеса и могла не происходить из солнечного диска, но являться абсолютно самостоятельным знаком»²⁹. Далее автор цитирует американского исследователя П.Р. Грега, явно соглашаясь с его умозаключениями: «Наконец, можно задать вопрос, является ли свастика <...> ранним солярным символом или только знаком солнечного коловращения, иначе говоря, пути светила по небосводу, по какой причине он обычно рисовался с прямыми, а не закругленными загибами. Свастика, даже будучи использованной в солнечном контексте, могла значить больше, чем просто солнце, и иное, чем солнце, для которого простейшим и общепризнанным знаком был кружок. Вероятно, теснее была ее связь с прямым крестом, чем с солнечной окружностью или солнечным диском»³⁰.

²⁹ Уилсон 2008, 43. Пер. А. Ю. Москвина.

³⁰ Уилсон 2008, 46.

Таблица II

1-5. Аполлония Понтийская. Драхма. Серебро. Конец V – начало IV вв. до н.э. 6. Аполлония Понтийская. Обол. Серебро. Конец V – начало IV вв. до н.э. 7. Аполлония Понтийская. Гемиибол. Серебро. Конец V – начало IV вв. до н.э. 8. Кносс (Крит). Статер. Серебро. Ок. 440 г. до н.э. 9. Спинтаза, Ликийская династия. Статер. Серебро. Конец V в. до н.э. 10. Коринф. Статер. Серебро. 520–515 гг. до н.э. 11. Коринф. Обол. Серебро. Начало IV в. до н.э. 12. Сиракузы. Литра. Медь. 344–336 гг. до н.э. 13. Неизвестный правитель, Ликийская династия. Статер. Серебро. 500–460 гг. до н.э. 14. Спинтаза, Ликийская династия. Трите. Серебро. 480–440 гг. до н.э. 15. Аканф (Македония). Тетробол. Серебро. Ок. 500 г. до н.э. 16. Чеканка фракийского племени дерронов. Декадрахма. Серебро. 480–465 гг. до н.э. 17. Флиунт (Пелопоннес). Дидрахма. Серебро. VI в. до н.э. 18. Аспендос (Памфилия). Статер. Серебро. 465–430 гг. до н.э. 19. Чеканка фракийского племени мигдонов (или крестонов). Диобол. Серебро. 490–485 гг. до н.э. 20. Чеканка фракийского племени мигдонов (или крестонов). Статер. Серебро. 485–480 гг. до н.э. 21. Чеканка фракийского племени мигдонов (или крестонов). Статер. Серебро. 480–475 гг. до н.э. 22. Чеканка фракийского племени оресков. Статер. Серебро. Ок. 500 г. до н.э. 23. Чеканка фракийского племени оресков. Статер. Серебро. 500–480 гг. до н.э. 24. Чеканка фракийского племени оресков. Диобол. Серебро. 480–460 гг. до н.э. 25. Александр I (Македония). Драхма. Серебро. 492–480 гг. до н.э. 26. Александр I (Македония). Октодрахма. Серебро. 480–475 гг. до н.э. 27. Чеканка фракийского племени бизалтов. Драхма. Серебро. 475–465 гг. до н.э. 28. Абдера. Октодрахма. Серебро. 500–475 гг. до н.э. 29. Абдера. Тетрадрахма. Серебро. 473–448 гг. до н.э. 30. Марония (Фракия). Драхма. Серебро. 495–470 гг. до н.э. 31. Марония (Фракия). Дидрахма. Серебро. 495–449 гг. до н.э. 32. Дардания (Троада). Гемиибол. Серебро. V в. до н.э. 33. Теос (Иония). Тетартеморий. Серебро. 475–450 гг. до н.э. 34. Колофон (Иония). Тетартеморий. Серебро. Конец VI в. до н.э. 35. Месембрия. Обол. Серебро. Конец V – начало IV вв. до н.э. 36. Кумы (Кампания). Тертатеморий. Серебро. 470–455 гг. до н.э. 37. Сиракузы (Сицилия). Гемилитра. Серебро. Ок. 430 г. до н.э. 38. Камарина (Сицилия). Гемилитра. Серебро. 425–410 гг. до н.э. 39. Ольвия. Медь. Асс. 470–460 гг. до н.э.

Таблица III

1. Истрия. Медь. 500–400 гг. до н.э. 2. Монета царя Скила. Никоний. Медь. 470–460 гг. до н.э. 3. Чеканка фракийского племени ихнов. Гемнобол. Серебро. 510–480 гг. до н.э. 4. Чеканка фракийского племени эдонов. Октодрахма. Серебро. 470–465 гг. до н.э. 5. Менда (Македония). Гемнобол. Серебро. Ок. 480 г. до н.э. 6. Халкида (Эвбея). Дидрахма. Серебро. Ок. 500 г. до н.э. 7. Фивы. Статер. Серебро. 500–480 гг. до н.э. 8. Танагра (Беотия). Драхма. Серебро. 479–457 гг. до н.э. 9. Беотия, федеративная чеканка. Гемнобол. Серебро. 479–457 гг. до н.э. 10. Афины. Обол. Серебро. 545–525 гг. до н.э. 11. Колофон (Иония). Тетартеморий. Серебро. 525–490 гг. до н.э. 12. Иония (неизвестный центр). Тетартеморий. Серебро. V в. до н.э. 13. Малая Азия (неизвестный центр). Трите. Электр. VI в. до н.э. 14. Тарент (Южная Италия). Тетартеморий. Серебро. 500–480 гг. до н.э. 15. Тарент (Южная Италия). Номос. Серебро. 480–470 гг. до н.э. 16. Гела (Сицилия). Литра. Серебро. 480–475 гг. до н.э. 17. Сиракузы (Сицилия). Литра. Серебро. 480–450 гг. до н.э. 18. Гимера (Сицилия). Литра. Серебро. 480–470 гг. до н.э. 19. Свастика с точками. 20. Глиняный диск из раскопок Феры. 21. Иония (неизвестный центр). Мисгемигекта. Электр. VII – VI вв. до н.э. 22. Свастичный крест (croix swasticale) по Т. Уилсону. 23. Ритуальный сосуд из "четвёртого города на месте Трои". 2200(?) – 1900 гг. до н.э. 24. Бронзовая пряжка в виде козла. Ожорский могильник. VII – VI вв. до н.э. 25. Терракотовая плитка с росписью. Середина VI в. до н.э. Нимфей. 26. Терракотовая композиция колесницы божества. Кипр.

С другой стороны, есть вполне достаточно, на наш взгляд, фактологически обоснованное мнение А. Болдуин: «Более разумно интерпретировать ее [свастику – А.Т.] как выражение солнца в движении, как солнечные конечности, подобно другим «вращающимся» символам. Все эти знаки, взятые сами по себе, могут быть теоретически использованы для представления абстрактного понятия “скорость”, но их использование на памятниках приводит к выводу, что они представляют собой наглядные образы конкретной вещи в природе – вечно движущегося солнца»³¹.

³¹ Baldwin 1915, 192.

Одним из наиболее выразительных подтверждений этого тезиса служит терракотовая фигурка колесницы божества, на колесах которой, в промежутках между спиц, вырезаны свастики³². Кроме того, к сегодняшнему дню появилась информация о редких серебряных ободах Мессембрии конца V – начала IV в. до н.э., чей реверс полностью повторяет орнамент кипрской колесницы (см. табл. II, 35). Таким образом, получается, что свастика не дублирует, но дополняет образ солнечного колеса, принимая на себя роль динамического элемента, тем самым и создается образ «вечно движущегося солнца».

Как представляется, именно такой смысл заложен и в рисунке «четыре точки между спицами колеса», который мы можем наблюдать на мелком серебре южно-италийских и сицилийских полисов и медных ольвийских ассах (табл. II, 36–39).

Чрезвычайно любопытно, что, хотя знак колеса присутствует в ранней чеканке довольно многих полисов (табл. III, 1–18), располагавшихся в полосе, напоминающей веретено и ориентируемой с северо-востока на юго-запад (см. рис. 1), сочетание «колесо – свастичный крест» встречено пока только в самых крайних точках этого ареала – в Северном Причерноморье, в Ольвии (табл. II, 39) и южной Италии, в Кумах (табл. II, 36), а также в Сиракузах и Камарине на Сицилии (табл. II, 37, 38).

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 2011: *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты*. М.
- Крушкол, Ю.С. 1950: Ранние монеты Пантикапея как исторический источник. *ВДИ* 1, 183–188.
- Погребова, М.Н. 1984: *Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время*. М.
- Смекалова, Т.Н., Дюков, Ю.Л. 1992: О смене источников серебра для монетной чеканки Боспора VI–V вв. до н. э. *Древности Боспора* 2, 203–212.
- Смекалова, Т.Н., Дюков, Ю.Л. 2001: *Монетные сплавы государств Северного Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира*. СПб.
- Терещенко, А.Е. 2004: *Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V вв. до н. э.: дис... канд. ист. наук*. СПб.
- Терещенко, А. Е. 2004а: *Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V вв. до н. э.: автореф. дис... канд. ист. наук*. СПб.
- Уилсон, Т. 2008: *История свастики с древнейших времен до наших дней*. Нижний Новгород.
- Фролова, Н.А. 1996: Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н. э. *РА* 2, 34–80.
- Худяк, М.М. 1962: *Из истории Нимфея VI–III вв. до н. э.* Л.
- Шауб, И.Ю. 2007: *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э.* СПб.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э.* М.
- Шургая, И.Г. 1984: Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Илурат. В кн.: Г.А. Кошеленко и др. (ред.), *Античные государства Северного Причерноморья*. М., 63–71.
- Шлиман, Г. 2009: Илион. Город и страна троянцев. Т.2. М.
- Baldwin, A. 1915: Symbolism on Greek Coins. *American Journal of Numismatics* 49, 89–194.

³² Найдена на Кипре, датируется ок. 900 – ок. 750 г. до н.э. [Уилсон 2008, 142, рис. 179; Baldwin 1915, 131, fig. 22. См. табл. III, 26].

- Podschivalow, A. M. 1882: *Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosporus Cimmerius, aus der Sammlung A.M. Podschivalow's*. Moskau.
- Giel, C. 1886: *Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrußlands*. Moskau.
- Head, B.V. 1892: *Catalogue of the Greek Coins of Ionia (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum)*. London.
- Waring, J.B. 1874: *Ceramic Art in Remote Ages*. London.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 2011: *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient coinage of the Northern Black Sea Region]. Kiev.
- Baldwin, A. 1915: Symbolism on Greek Coins. *American Journal of Numismatics* 49, 89–194.
- Frolova, N. A. 1996: Monetnoe delo Bospora serediny VI–V vv. do n. e. [Bosporan Coinage in mid-6th–5th century BC]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 34–80.
- Giel, C. 1886: *Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrußlands*. Moskau.
- Head, B.V. 1892: *Catalogue of the Greek Coins of Ionia (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum)*. London.
- Khudyak, M.M. 1962: *Iz istorii Nimfeya VI–III vv. do n. e.* [An Issue of the History of Nymphaion in the 6th–3rd centuries BC]. Leningrad.
- Krushkol, Yu.S. 1950: Rannie monety Pantikapeya kak istoricheskiy istochnik [The Early Panticapaeum Coinage as a Historical Source]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 183–188.
- Podschivalow, A.M. 1882: *Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosporus Cimmerius, aus der Sammlung A. M. Podschivalow's*. Moskau.
- Pogrebova, M.N. 1984: *Zakavkaz'e i ego svyazi s Peredney Aziei v skifskoe vremya* [The Contacts of the Transcaucasia region and Western Asia in the Scythian times]. Moscow.
- Shaub, I.Yu. 2007: *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e VII–IV vv. do n. e.* [Myth, Cult, and Ritual in the Northern Black Sea Region in the 7th–4th centuries BC]. Saint Petersburg.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI – II vv. do n. e.* [The Coinage of the Bosporan kingdom in the 6th – 2nd centuries BC] Moscow.
- Schlieman, H. 2009: *Ilios, Stadt und Land der Trojaner*. Bd. 2. Moskau.
- Shurgaya, I.G. 1984: Nimfey, Mirmekiy, Tiritaka, Porfmiy, Ilurat [Nymphaion, Myrmekion, Tyritake, Porthmion, Ilouraton]. In: G.A. Koshelenko et al. (ed.), *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [The Ancient Poleis of the Northern Black Sea Region]. Moscow, 63–71.
- Smekalova, T.N., Dyukov, Yu.L. 1992: O smene istochnikov serebra dlya monetnoy chekanki Bospora VI–V vv. do n. e. [New Mining Sources for the Bosporan coinage] *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 2, 203–212.
- Smekalova, T.N., Dyukov, Yu.L. 2001: *Monetnye splavy gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya: Bospor, Ol'viya, Tira* [Coinage Alloys of the North Black Sea States: Bosporus, Olbia, Tyra]. Saint Petersburg.
- Tereshchenko, A.E. 2004: *Avtonomnaya chekanka polisov Bospora Kimmeriyskogo VI–V vv. do n. e.* [Autonomic Coinage of the Cimmerian Bosporus in the 6th – 5th centuries BC.]: PhD Diss. Saint Petersburg.
- Tereshchenko, A.E. 2004a: *Avtonomnaya chekanka polisov Bospora Kimmeriyskogo VI–V vv. do n. e.* [Autonomic Coinage of the Cimmerian Bosporus in 6th – 5th century BC.]: PhD Thesis. Saint Petersburg.

- Wilson, T. 2008: *Istoriya svastiki s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [*Swastika, the Earliest Known Symbol, and Its Migration*]. Nizhniy Novgorod.
- Waring, J.B. 1874: *Ceramic Art in Remote Ages*. London.
- Zograf, A. N. 1951: *Antichnye monety* [*The Ancient Coins*]. Moscow.

SWASTIKA SYMBOLS IN THE COINAGE OF PANTICAPAEUM IN THE 5th CENTURY BC

Andrey E. Teresschenko

The State Russian Museum, Saint Petersburg, Russia
andrtereshhen@yandex.ru

Abstract. The article introduces a reverse design element of Panticapaeum coins of the first half of the 5th century BC that doesn't have any parallels currently known, namely a form of swastika figure that can be described as "flag swastika". This version of the swastika has been being neglected by Russian scholars before, most likely because it was usually explained with the reasons of technological character in producing the reverse stamp. Still, the *flag swastika* seems to be a meaningful solar symbol in the coinage of Panticapaeum. Another symbol the paper deals with is so-called *croix swasticale*. The interpretation of this image is illustrated with examples of Thraco-Macedonian coinage and other regions. Finally, in early 5th century BC we note the existence of an interesting combinations of symbols (a solar wheel – *croix swasticale*) in different parts of Greek world, as far as in Olbia in the East and Sicily in the West.

Keywords: Greek coins, Panticapaeum, solar symbolism, swastika, croix swastikale

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-89–103

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДИЩА КОСТЫРИНО

Т.Н. Смекалова

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
НИИЦ «Курчатовский институт, Москва, Россия
tnsmek@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты археолого-геофизического исследования античного городища Костырино, расположенного на южном берегу озера Тобечик на Керченском п-ве. На вершине мыса, на высоте 16,5 м, с помощью магнитной съемки выявлена квадратная в плане башня размерами примерно 10х10 м, которая выполняла жилую, хозяйственную и сторожевую функции. На прилегающей к мысу территории обнаружены четыре группы крупных ям, которые могут свидетельствовать о бытовании здесь четырех усадеб, каждая со своим зернохранилищем. В то время как наземные постройки были, вероятно, разрушены распашкой, а камень из них выбран при строительстве д. Костырино, ямы древних усадебных комплексов хорошо сохранились. Площадь античного поселения не менее 6–7 га. Магнитная съемка не показала наличия никаких фортификационных сооружений на перешейке мыса.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, античное поселение Костырино, магнитная съемка, зернохранилища, сторожевая башня

Античное городище Костырино расположено на южном берегу озера Тобечик, в 14 км к югу от г. Керчи, в 3 км к северо-западу от с. Заветное, на северо-восточной окраине с. Костырино Ленинского района Республики Крым (рис. 1–3). Городище занимает мыс, далеко вдающийся в озеро, с высокими, крутыми, местами скалистыми склонами, а также довольно широкие окрестности этого мыса (рис. 4). Поверхность мыса повышается к северо-востоку, достигая высоты 20 м над уровнем моря. Долина, примыкающая к мысу, изобилует выходами нефти (рис. 5), которые могли использоваться и древними людьми, а на берегу озера к западу от мыса находится небольшой действующий грязевой вулкан (рис. 6).

Данные об авторе: Смекалова Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, зав. отделом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; ведущий специалист Национального исследовательского центра «Курчатовский институт».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18–18–00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ» (К) (18–00–00486).

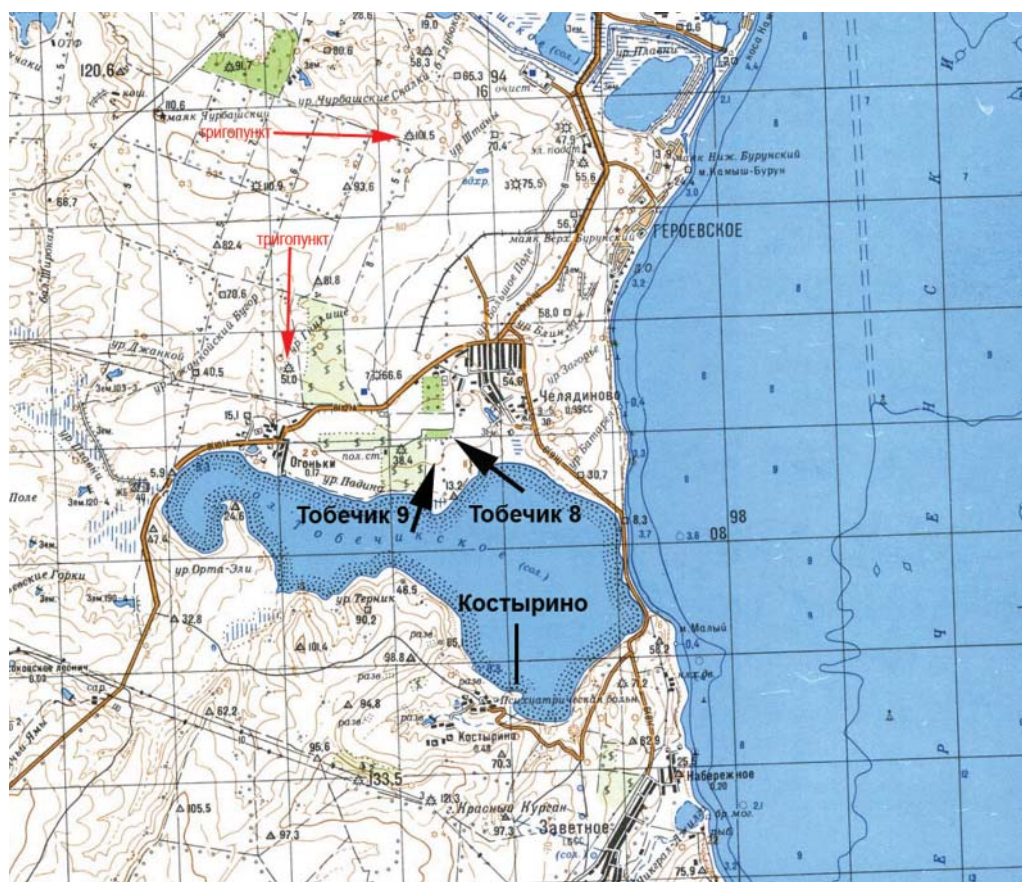

Рис. 1. Район работ в юго-восточной части Керченского п-ва на карте Генерального Штаба 1988 г. масштаба 1:100000, составленной по съемке 1955–1965 гг. масштаба 1:50000 и обновленной по съемке 1988 г. масштаба 1:50000

Fig. 1. The area of work in the southeastern part of the Kerch Peninsula on the 1988 map of the General Staff at a scale of 1: 100000, compiled from a survey of 1955–1965. scale 1: 50,000 and updated from the 1988 survey of scale 1: 50,000

Задачей исследований было проведение магнитной и прецизионной геодезической съемки на этом, крупнейшем в юго-восточной части Керченского п-ва, городище античного времени с целью определения его границ, наличия и характера оборонительных сооружений, изучения прилегающей сельской территории.

Магнитная и прецизионная съемки проводились на мысу и на прилегающей к нему площади. Общая площадь магнитной съемки составила 2,8 га, топографической – 6,9 га.

В результате были выявлены археологические структуры (башня, каменные постройки, группы зерновых ям и т.д.) в разных частях городища и его окрестностях, определена площадь простираения городища, намечены планы его дальнейшего исследования.

Рис. 2. Положение поселения Костырино на карте Керченского п-ва рекогносцировки лейтенанта Наумова 1957 г. масштаба 1:25000. Сплошные горизонталы проведены через 5 м.
 Fig. 2. The position of the settlement of Kostyrino on the 1957 Kerch Peninsula map by lieutenant Naumov at a scale of 1: 25000. Solid contours are drawn every 5 m.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА

Городище Костырино впервые появляется на археологической карте Керченского п-ва, приложенной к книге «Боспорское царство» В.Ф. Гайдукевича¹. Правда, пункт, отмеченный на южном берегу Тобечикского озера, на этой схеме не имеет названия. В.Ф. Гайдукевич позднее посетил этот памятник и указал его в своем списке под № 42². Это поселение также было обследовано В.В. Веселовым, который в своей сводке памятников дал ему номер (154) 181/124–10³. Им также было собрано с поверхности памятника значительное количество фрагментов эллинистической посуды, в том числе амфорная ручка из коричневой глины с «колесным» клеймом, с тремя секторами, в которых были помещены буквы. В книге И.Т. Кругликовой это поселение числится под № 154⁴.

В 1956 г. Восточно-Крымским отрядом Причерноморской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством И.Т. Кругликовой на городище Костырино были проведены сбор подъемного материала и небольшие раскопки, которые позволили установить, что поселение возникло в конце V или в IV в. до н.э. и существовало до конца античной эпохи. На южном склоне мыса и в средней его части был зачищен борт блиндажа длиной 12 м. При этом удалось определить, что поселение существовало с IV в. до н.э. по IV в. н.э. Стратиграфия культурных слоев здесь следующая: на материке лежит слой IV–III вв. до н.э., в котором найдены фрагменты амфор: гераклейских, синопских, с колпачковыми

¹ Гайдукевич 1949, вкл. между с. 156 и 157.

² Гайдукевич 1959, 213.

³ Веселов 2005, 49.

⁴ Кругликова 1975, 268.

Рис. 3. *а* – Поселение Костырино и его окрестности на космическом снимке от 1 февраля 2018 г. *б* – панорамный 3D-космический снимок окрестностей городища Костырино от 15 января 2015 г. Вид с севера.

Fig. 3. *a* – the settlement of Kostyrino and its environs in the satellite image dated February 1, 2018; *b* – panoramic 3D space image of the vicinity of the Kostyrino settlement dated January 15, 2015. View from the north

Рис. 4. Античное поселение Костырино и его окрестности. Справа современное с. Костырино. Вид с вершины окрестных холмов с запада

Fig. 4. The ancient settlement of Kostyrino and its surroundings. On the right is a modern village of Kostyrino. View from the top of the surrounding hills from the west

Рис. 5. Выходы нефти на поверхности склона к западу от городища Костырино

Fig. 5. Oil outcrops on the surface of the slope to the west of the Kostyrino settlement

Рис. 6. Грязевой вулкан на берегу озера Тобечик к западу от античного городища

Fig. 6. Mud volcano on the bank of Lake Tobechik to the west of the ancient settlement of Kostyrino

ножками, боспорских, фасосских и др., обломки лутерия, чернолаковых и простых боспорских сосудов, кости животных. По мнению И.Т. Кругликовой, рядом с этим городищем расположены два селища, возникших в V или в IV в. до н.э. и существовавших до III в. до н.э.⁵.

ПРЕЦИЗИОННАЯ ГЕОДЕЗИЧЕСКАЯ СЪЕМКА НА ГОРОДИЩЕ КОСТЫРИНО

Первым этапом изучения памятника стала прецизионная геодезическая съемка с помощью дифференциального GPS приемника Trimble R8, которая охватила всю территорию мыса и прилегающие к нему территории. Топографическая карта представлена на рис. 7. На ней с точностью в несколько сантиметров изображена топографическая карта местности (на фоне космического снимка) в районе городища и примыкающей к нему более низменной части. Координаты базовой точки на городище в системе СК-63: $X = 5369364.482$ м, $Y = 4993186.068$ м, высота 20.641 м.

⁵ Кругликова 1975, 95.

Рис. 7. Результат прецизионной топографической съемки на городище Костырино. Изолинии высот проведены через 0,5 м

Fig. 7. The result of precision topographic survey at the Kostyrino settlement. Isolines of heights are drawn every 0.5 m

На топографической карте хорошо заметно, что к Ю от основного мыса высотой 20 м находится еще один – высотой 17,5 м, а к Ю–З – возвышенный край холма высотой 17 м с довольно крутыми склонами. Все эти территории, приподнятые над уровнем озера, вполне вероятно, могли быть заняты поселением. На городище могла вести дорога, проложенная по дну узкого и глубокого оврага, которая служила еще и в довоенное время для въезда в д. Костырино (показана на рис. 7 стрелками, см. также аэрофотографию 1943 г. на рис. 8 и карту на рис. 2). По обеим сторонам дороги возвышаются мысы, на которых в настоящее время установлены памятники времен Великой Отечественной войны.

Рис. 8. Городище Костырино на немецком трофейном аэрофотоснимке от 6 мая 1943 г. из коллекции Национального архива США (GX 2989/55). Виден въезд на городище по дну узкого оврага, проходящего между двух локальных вершин холмов высотой 17,5 и 17 м
Fig. 8. The Kostyrino settlement in a German captured aerial photograph dated May 6, 1943 from the collection of the US National Archives (GX 2989/55). The entrance to the settlement is visible along the bottom of a narrow ravine passing between two local hilltops 17.5 and 17 m high

МАГНИТНАЯ СЪЕМКА НА ГОРОДИЩЕ КОСТЫРИНО

Общие замечания, помехи. Магнитная съемка проводилась на территории основного холма и на берегах озера, примыкающих к мысу с запада и с юга (рис. 9). Участок магнитной съемки пришелся на важную часть поселения и составил около 3-х га.

Магнитное поле на поселении в целом не слишком подвержено помехам. На вершине мыса находятся остатки полуразрушенного блиндажа, стены которого, вероятно, зачищала И.Т. Кругликова в 1956 г. Остатки блиндажа создали крупную и очень интенсивную положительную и несколько более мелких положительных и отрицательных аномалий.

Рис. 9. Результат совмещения магнитной и прецизионной топографической съемок на городище Костырино, показанных на фоне космического снимка от 1 февраля 2018 г.

Fig. 9. The result of combining magnetic and precision topographic surveys at the Kostyrino settlement, shown against the background of a satellite image dated February 1, 2018

Кроме этой помехи, в западной части исследованной площади, ближе к домам села Костырино, заметны обширные зоны мелких, иногда крупных и интенсивных, знакопеременных аномалий, связанных с различными железными предметами на поверхности, очевидно, современным мусором.

Вся исследуемая территория имеет «гребенчатую» поверхность, которая является свидетельством старой распашки. Следы пахотного поля хорошо видно на аэрофотоснимке 1943 г. (рис. 8). Гребни старой пахоты идут перпендикулярно длинной оси мыса (см. пунктирные параллельные линии на рис. 10–11). Они соз-

дают магнитную помеху в виде чередующихся положительных и отрицательных параллельных линейных аномалий. По центру мыса вдоль его оси идут две параллельных положительных аномалии, которые создаются остатками дорог, некогда проходивших по мысу.

Остальные магнитные аномалии, вероятно, связаны с археологическими объектами.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ МАГНИТНОЙ СЪЕМКИ

Каменные строения. Признаками каменных античных строений являются прямолинейные отрицательные аномалии, пересекающиеся под прямыми углами. На исследованной территории прямоугольные постройки выявлены только в верхней части основного мыса.

Наиболее четкой является квадратная в плане отрицательная аномалия, находящаяся близко к вершине мыса, в его северной части, обращенной к озеру, на высоте 16,5 м. Этот объект обозначен на интерпретационной карте словом «Башня» (рис. 10). Размеры предполагаемого помещения – 10х10 м. Стены этого сооружения достаточно мощные, их толщина, вероятно, достигает не менее 0,7–1,0 м. В юго-западном углу находится какой-то намагниченный предмет, возможно, очаг или крупный керамический сосуд (пифос, амфора?). Вход в помещение, возможно, находится с южной стороны, в середине стены. В противоположной, северной стене также имеется разрыв. Внутри этого сооружения явных перегородок на магнитной карте не видно, однако они могли быть в виде более тонких каменных или глинобитных стен. В целом данное крупное помещение вполне можно интерпретировать как башню, учитывая его возвышенное топографическое положение и направленность в сторону Пантикапея и других древнегреческих поселений на северном берегу Тобечикского озера. Возможно, башня выполняла сигнально-сторожевую функцию и служила для наблюдения за передвижением людей и транспорта по пересыпи Тобечикского озера по направлению к столице, а также для передачи сигнала в случае опасности.

К юго-западу от «башни» на магнитной карте просматриваются другие прямолинейные взаимно ортогональные отрицательные аномалии, однако они не столь четкие, как аномалии от стен предполагаемой башни. Возможно, что часть стен оказалась поврежденной при распашке поверхности мыса. Следы пахотного поля хорошо видны как на аэрофотоснимке 1943 г. (рис. 12), так и непосредственно на поверхности мыса в виде частых параллельных борозд, идущих перпендикулярно оси мыса. Эти борозды отчетливо проявились на магнитной карте в виде чередующихся параллельных отрицательных и положительных линий. Вероятно, здесь находился какой-то большой строительный комплекс, частью которого и являлась «башня». Он отмечен на интерпретационной карте буквой «А» (см. рис. 10–11).

Ямы-зернохранилища. Другими выявленными археологическими объектами являются группы крупных зерновых ям, которые концентрируются в нескольких местах на поселении.

Одно из наиболее крупных скоплений таких ям (обозначено буквой «Б» на рис. 10–11) находится у основания мыса, ближе к южному его краю. В эту группу входит не менее 15 больших ям, из них 3–4 очень крупных размеров.

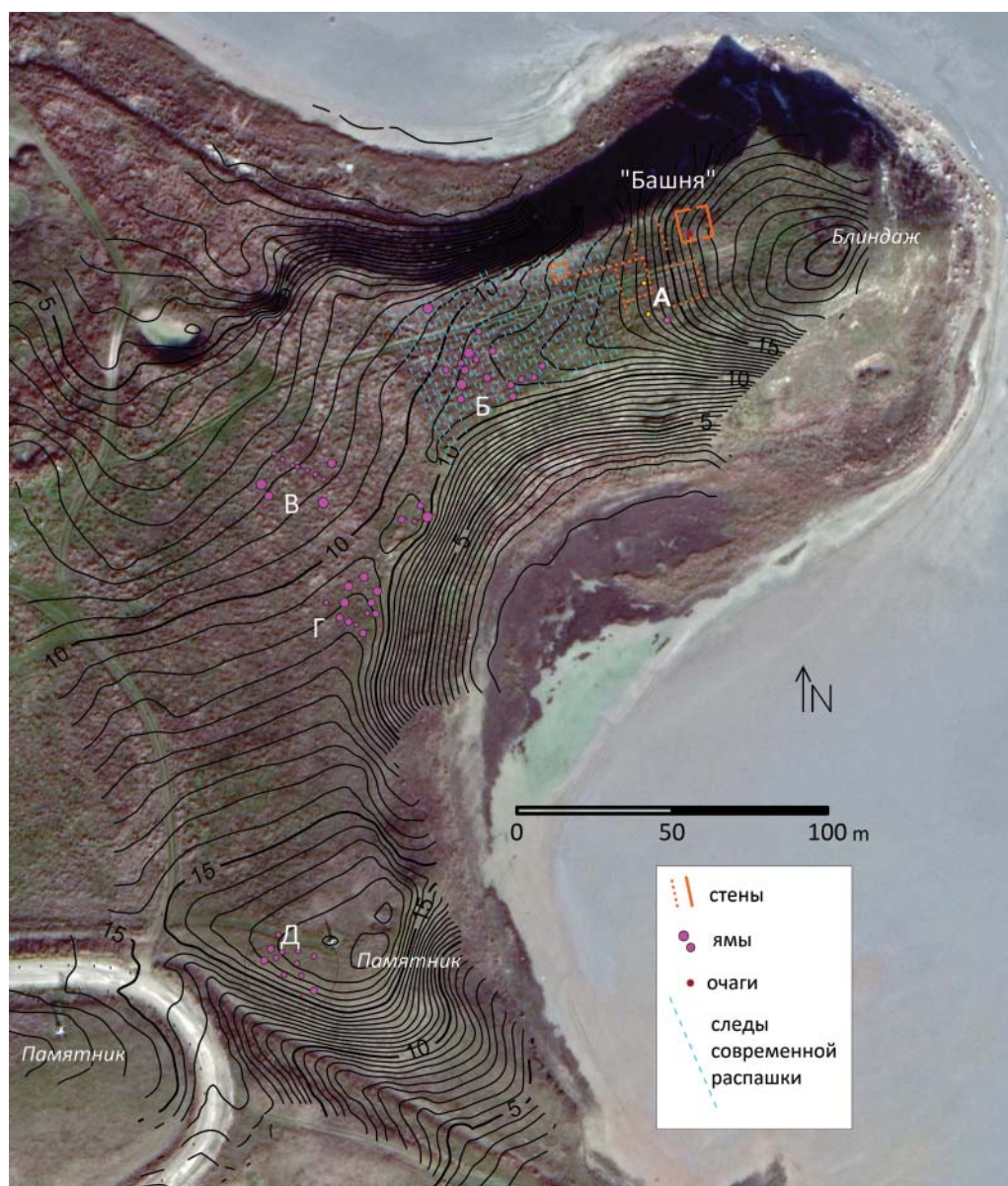

Рис. 10. Интерпретация данных магнитной съемки на городище Костырино. Дана на фоне топографической съемки и космического снимка

Fig. 10. Interpretation of magnetic survey data at the Kostyrino settlement. Given against the background of a topographic survey and a satellite image

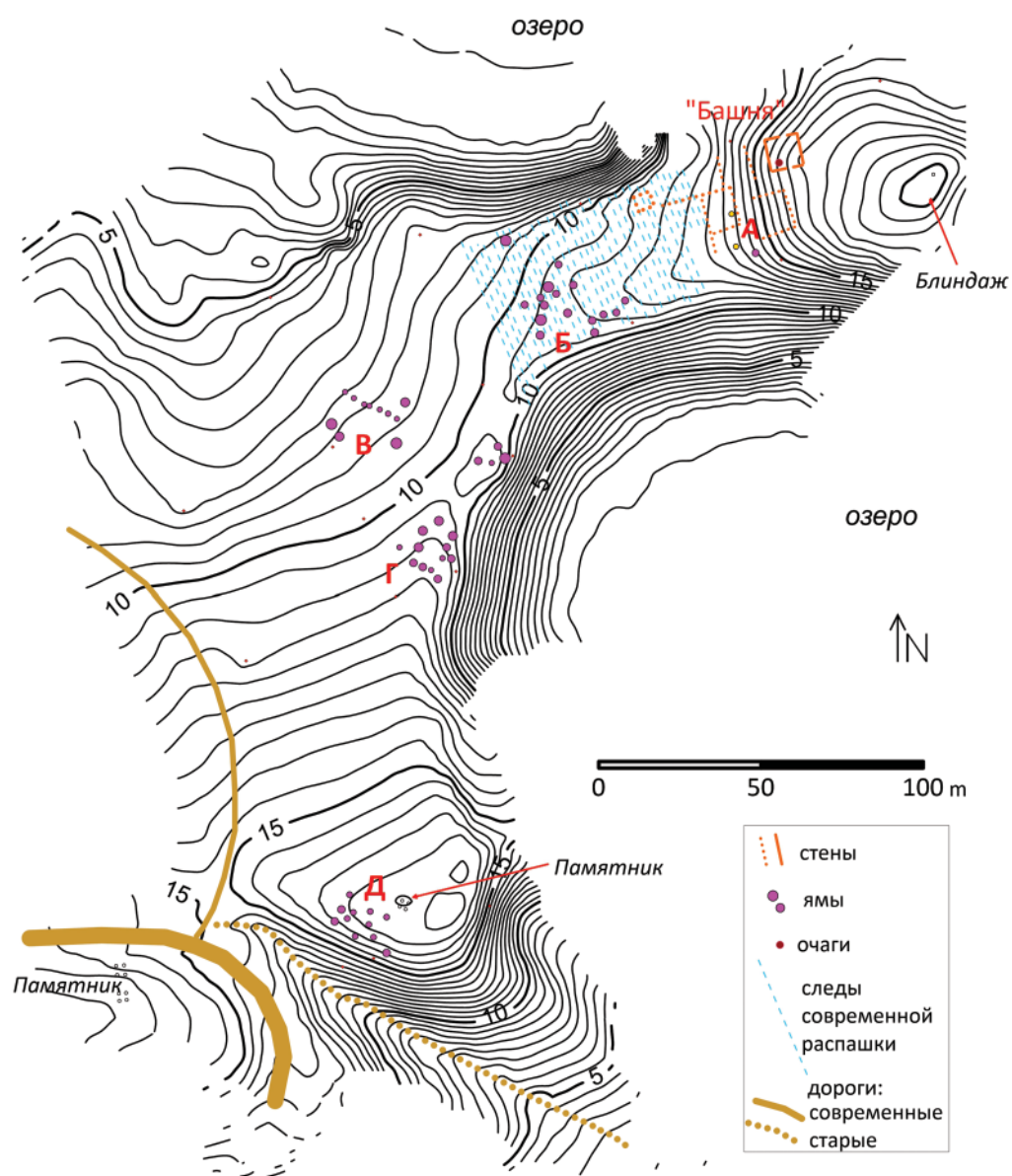

Рис. 11. Интерпретация данных магнитной съемки на городище Костырино, показанная на фоне топографической карты городища.

Fig. 11. Interpretation of magnetic survey data on the Kostyrino settlement, shown against the background of the topographic map of the settlement

Второе скопление находится в центральной части плато сразу при спуске с мыса (обозначено буквой «В» на рис. 10–11). В него входят, по крайней мере, четыре крупных зерновых ямы и еще семь мелких, расположенных вдоль одной линии в ряд.

Третье скопление зерновых ям (обозначено буквой «Г» на рис. 10–11) располагается к юго-востоку от предыдущего, преимущественно вдоль южной кромки возвышенной части предмысовой части.

Четвертое скопление ям (обозначено буквой «Д» на рис. 10–11) расположено аналогичным образом, на самом краю склона, но примерно в 110 м к югу от скопления «Г».

Четыре выявленных скопления зерновых ям говорят о том, что на исследуемой территории находилось, вероятно, не менее четырех усадеб, каждая со своим хозяйством и зернохранилищем. В то время как наземные постройки были, вероятно, разрушены распахой (см. аэрофотоснимок 1943 г. на рис. 8), а камень из них выбран при строительстве д. Костырино, ямы древних усадебных комплексов сохранились. Теперь можно судить о существовании некогда крупных хозяйств античного времени именно по наличию групп ям, выявленных магнитной съемкой.

Других археологических объектов, кроме каменных строений и скоплений зерновых ям, по магнитной карте не выявлено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного археолого-геофизического исследования удалось сделать следующие выводы. Античное поселение Костырино занимало обширную территорию, не менее 6–7 га. Каменные прямоугольные строения сохранились в верхней части основного мыса; здесь же, у вершины, была воздвигнута башня, выполнявшая сторожевую и сигнальную функции. Вся территория, непосредственно примыкающая к мысу, а также возвышенная часть далее к югу, также были заселены. Здесь, вероятно, находились усадьбы, при которых существовали группы зерновых ям. Магнитная съемка выявила как минимум четыре таких скопления ям, что может говорить о существовании здесь четырех достаточно крупных хозяйств. Каменные строения усадеб не сохранились; они были, вероятно, выбраны во время застройки д. Костырино и распаханы. На обоих мысах, по обеим сторонам старой дороги при въезде с юга в с. Костырино, на которых находятся памятники времен Великой Отечественной войны, также располагались античные усадьбы. Об этом говорит то, что магнитная съемка выявила группу зерновых ям на восточном мысу. На проселочной дороге, проходящей между мысами, был найден обильный измельченный керамический материал античного времени, что свидетельствует о простираннии культурного слоя также и на западный мыс. Для того, чтобы подтвердить это предположение, необходимо провести магнитную съемку на западном мысу, а также на возвышенной территории далее к юго-западу от него.

Также перспективно расширить участок магнитной съемки в центральной части поселения, где еще остались неисследованные территории.

Предположение В.Ф. Гайдукевича о существовании стены, перекрывающей въезд на мысовую часть городища⁶, не подтвердилось. Магнитная съемка не показала наличия никаких фортификационных сооружений на перешейке мыса.

Обобщая, необходимо отметить сельскохозяйственную направленность деятельности древних жителей античного поселения Костырино, о чем свидетельствуют крупные зернохранилища на его территории. Вероятно, этот центр имел важное значение в товарном производстве зерна на Боспоре, наряду с другими расположенными поблизости от него античными поселениями, как, например, Заветное⁷.

Исследования поселения Костырино целесообразно продолжить. Геофизическое изучение планировки и границ памятника необходимо сопроводить выборочными раскопками для получения хронологических и стратиграфических характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

- Веселов, В.В. 2005: *Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг.* М. (ДБ Suppl. II).
 Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
 Гайдукевич, В.Ф. 1959: Некрополи некоторых боспорских городов (По материалам раскопок 1930-х годов). В кн.: *Некрополи боспорских городов*. М.–Л., 154–238. (МИА 69).
 Кругликова, И.Т. 1975: *Сельское хозяйство Боспора*. М.
 Соловьев, С.Л., Шепко, Л.Г. 2004: *Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5*. Ч. I. СПб.

REFERENCES

- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo* [Bosporan Kingdom]. Moscow–Leningrad.
 Gaydukevich, V.F. 1959: Nekropoli nekotorykh bosporskikh gorodov (Po materialam raskopok 1930-kh godov) [Necropolises of some Bosporan towns (materialy of 1930s excavations)]. In: *Nekropoli bosporskikh gorodov* [Necropolises of Bosporan towns]. Moscow–Leningrad, 154–238. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Investigations on archaeology of USSR] 69).
 Kruglikova, I.T. 1975: *Sel'skoe khozyaystvo Bospora* [Agriculture of the Bosporus]. Moscow.
 Solov'ev, S.L., Shepko, L.G. 2004: *Arkheologicheskie pamyatniki sel'skoy okrugy Akry. Poselenie Zavetnoe 5* [Archaeological sites of the Akra's chora. Settlement of Zavetnoe 5]. Pt. I. Saint Petersburg.
 Veselov, V.V. 2005: *Svodnaya vedomost' rezul'tatov arkheologicheskikh razvedok na Kerchenskom i Tamanskom poluostrovakh v 1949–1964 gg.* [A summary of the results of archaeological explorations on the Kerch and Taman Peninsulas in 1949–1964]. (Drevnosti Bospora [Bosporan Antiquities]. Suppl. II). Moscow.

⁶ Гайдукевич 1959, 213.

⁷ Соловьев, Шепко 2004.

THE KOSTYRINO SETTLEMENT:
RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL AND GEOPHYSICAL STUDY

Tatiana N. Smekalova

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia
National Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russia
tnsmek@mail.ru

Abstract. The article presents the results of archaeological and geophysical research of the ancient settlement of Kostyrino, located on the southern shore of Lake Tobechnik on the Kerch Peninsula. On the top of the cape, at an altitude of 16.5 m, a square tower with dimensions of approximately 10 x 10 m revealed by magnetic survey. Four groups of large pits were discovered on the territory adjacent to the cape, which may indicate the existence of four estates, each with its own granary. While the ground structures were destroyed by plowing, and the stone of them was selected during the construction of the village of Kostyrino, the pits of the ancient manor complexes were well preserved. The area of the ancient settlement is at least 6–7 ha. Magnetic survey did not show the presence of any fortifications on the isthmus of the cape.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, ancient settlement of Kostyrino, magnetic survey, granaries, watchtower

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-104–113

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ НА ПОЗДНЕМ БОСПОРЕ: ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ

И.А. Астахов

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула,
Россия*
astahal@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются находки защитного вооружения с территории Боспорского царства, относящиеся к сер. III – первая четв. VI в. н.э., дающие возможность реконструкции облика боспорского воина. Автор рассматривает шлемы, представленные в боспорских находках типом Spangelhelm и иными подобными каркасными вариантами. О видах доспеха свидетельствуют найденные фрагменты чешуйчатых, комбинированных, пластинчатых и ламеллярных панцирей. Особую группу составляют фрагменты кольчужного полотна, которые доминируют среди всех видов нагрудной защиты. Автор считает, что кольчуга была наиболее популярным видом нагрудной защиты знатных позднеантичных боспорских воинов. В то же время, большая часть позднебоспорской армии вообще не носила нагрудной защиты, либо использовала кожаные панцири. Важным элементом защитного вооружения позднеантичного воина на Боспоре являлся щит, представленный находками умбонов и ручек. Умбоны из боспорских находок типологически относятся к готским, что говорит о сильном готском влиянии на позднебоспорское военное дело. Таким образом, комплекс защитного вооружения элитного позднеантичного боспорского воина представляет собой симбиоз сармато-аланского и готского снаряжения, образуя гото-аланский комплекс. Такое защитное вооружение доминирует на Боспоре с середины III в. н.э. Начиная с середины V в. н.э. в комплексе начинают проследиваться гуннские и тюркские черты, что было следствием массовых миграций кочевников в регион Северного Причерноморья. Основная масса армии либо не имела защитного вооружения вообще, либо носила снаряжение из кожи.

Ключевые слова: поздняя античность, Боспор, военное дело, защитное вооружение, готы, кочевники

Период поздней античности на Боспоре (сер. III – первая четверть VI в. н.э.) характеризуется усилением варварского влияния на боспорское военное дело, нашедшее отражение, в частности, в защитном снаряжении местного воина. По-

Данные об авторе: Астахов Иван Алексеевич – аспирант Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, младший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «Палата древностей» ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90039.

следнее же выступает индикатором не только этнического состава боспорской армии, но и социальной структуры общества.

При анализе защитного вооружения позднебоспорской армии основными источниками служат археологические находки фрагментов защитного вооружения, а также посвященные рельефы и фрески, на которых изображены боспорские воины. Например, посвященный рельеф Трифона, сына Андромена, из Танаиса¹ конца II – первой половины III в. н.э. демонстрирует как выглядел знатный боспорский всадник накануне рейдов варваров в начале и второй половине III в. н.э. Всадник изображен в полусферическом шлеме, без деталей каркасной конструкции, хотя те могли быть просто не изображены на рельефе. Между тем в позднеантичный период доминируют именно каркасные шлемы конической и полусферической формы – как в варварской среде, так и римской армии. Подобные шлемы могли иметь/не иметь нащечники, сходящиеся под подбородком, а также кольчужную или чешуйчатую бармицу, защищавшую затылок и шею. Различные варианты подобных шлемов, как правило, относятся к типу Spangelhelm². М.И. Ростовцев считал, что шлемы подобного типа были заимствованы боспорянами у сарматов³.

Находки конических каркасных шлемов представлены в воинских погребениях у хут. Городского в Прикубанье⁴. Данный могильник датируется кон. II – первой пол. III в. н.э. В шести погребениях присутствуют шлемы двух видов: 1) из склепанных друг с другом внахлест треугольных пластин; 2) каркасные, нижняя часть тульи которых также дополнена пластинами⁵. Первый вид можно считать одним из ранних вариантов шлемов типа Spangelhelm, получившего особенное распространение в позднеантичный и раннесредневековый периоды. Второй представляет оригинальную конструкцию, однако имеет общие черты со шлемом, изображенным на граффити из Дура-Европос. Именно это сходство дало М.И. Ростовцеву и А.М. Хазанову возможность предположить существование у сарматов, и в том числе на Боспоре, каркасных шлемов.⁶ Следует отметить, что шлем из погр. 6 дополнен бармицей из маленьких чешуек⁷.

К шлемам полусферического типа относится единственный известный на данный момент экземпляр из сарматского погребения у ст. Тбилисская (Краснодарский край). Конструкция шлема представляет три перекрещивающиеся бронзовые пластины, закрепленные в центре заклепкой и усиленные переплетенными между собой восемнадцатью раздвоенными пластинами. В нижней части шлема имеется горизонтальный обруч, состоящий из трех полос разной длины, к которому крепятся каркасные пластины. Шлем датируется не позднее первой половины III в. н.э.⁸ Данные шлемы, хотя и не происходят непосредственно с территории Боспорского царства, несомненно, выступают прототипом снаряжения боспорских воинов в конце III в. н.э.

¹ Ростовцев 1914, табл. LXXXIV, 3.

² Виноградов Горончаровский 2009, 194.

³ Ростовцев 1914, 329–332

⁴ Сазонов 1992, 244.

⁵ Сазонов 1992, 248–249; Кожухов 1999, 165–166.

⁶ Ростовцев 1914, 329; Хазанов 1971, 61–62.

⁷ Симоненко 2015, 220.

⁸ Ждановский 1984, 78–82.

Комплекс вооружения из открытого Ю.А. Кулаковским в 1891 г. катакомбного погребения на ул. Госпитальной в Керчи включал два кинжала, около двух десятков наконечников стрел, два железных меча, железный наконечник копья, большое количество различных деталей от доспехов, а также два шлема. Ю.А. Кулаковский датировал данное захоронение не позже II в. н.э., В. Арендт – VI в. н.э.⁹, Г.В. Кубарев и Д.В. Журавлев – второй половиной VI–началом VII вв. н.э.¹⁰. М.М. Казанский предлагает более широкую датировку – от второй половины V до VII вв. н.э.¹¹. Предположительно, защитное вооружение, подобное открытому в данном комплексе, доминировало в Северном Причерноморье в V–VII вв. н.э.

Первый шлем представляет собой 50 скрепленных между собой фигурных пластин, одна половина из которых направлена влево, вторая – вправо. Он вытянут, имеет полусферическую форму, дополнен массивным шишаком, налобной пластиной (которая не сохранилась), прикипевшей и загнувшейся внутрь железной бармицей¹².

Второй шлем с опорными вертикальными лентами каркаса состоял из нескольких фрагментов; имел нащечники, небольшое навершие и наносник¹³. Данный вариант, по классификации М. Фогга – Spangen-Lamellenhelme, следует отнести к шлемам ламеллярной конструкции¹⁴.

Шлем с Ильичевского городища, основная масса находок из которого датируется не позднее третьей четверти VI в. н.э., является ламеллярным полусферическим, с шишаком и прямоугольной горизонтальной пластиной в лобной части, переходящей в наносник¹⁵, по конструкции напоминает первый шлем из раскопок Ю.А. Кулаковского.

Возвращаясь к рельефу Трифона из Танаиса, обратим внимание на панцирь, в который облачен всадник. Он представляет собой длинный чешуйчатый доспех до колена, с рукавами по локоть¹⁶. Подобный доспех был очень распространен в тяжеловооруженной коннице кочевников. Он часто фигурирует на боспорских рельефах и фресках: например, на изображении катафрактария из Илурата¹⁷, надгробиях Юлия Патия второй половины I – начала II в.¹⁸ и Афения, сына Мены¹⁹. Длинные панцири из крупных пластин, без воротника, изображены на фреске из пантикапейского склепа 1841 г.²⁰ Все эти чешуйчатые панцири можно разделить на два типа: с разрезом внизу и без разреза.

В сармато-аланских погребениях Северного Причерноморья часто встречаются фрагменты чешуйчатых и комбинированных панцирей: например, в курганах 2, 8, 17, 19 и 20 могильника у ст. Казанской, кург. 40 могильника между ст. Казанской и Тифлисской, кург. 26 и 28 могильника у ст. Ладожской. Все фрагмен-

⁹ Arendt 1932, 53–54.

¹⁰ Кубарев, Журавлев 2012, 145.

¹¹ Казанский 2019, 205.

¹² Кубарев, Журавлев 2012, 143, рис. 3.

¹³ Казанский 2019, рис. 3, 4.

¹⁴ Vogt 2006, 105, 106, 297; Казанский 2019, 205.

¹⁵ Николаева 1986, 185, рис. 1, 6.

¹⁶ Ростовцев 1914, табл. LXXXIV, 3.

¹⁷ Горончаровский, Никоноров 1987, 201.

¹⁸ Десятчиков 1972, 74.

¹⁹ Десятчиков 1972, 71.

²⁰ Ростовцев 1914, 375, табл. LXXXVIII, 2.

ты представляют аналогичный комплект пластин, состоящий из мелких чешуек с треугольным нижним краем и полусферической выпуклостью; более крупных прямоугольных чешуек; прямоугольных пластин с шестью заклепками, на верхний край которых заходит нижний ряд мелких чешуек; узких дуговидных пластин с вертикальным бортиком; кольчужного плетения. Не вызывает сомнения то, что подобные фрагменты являлись частью конструкции типового панциря²¹.

Комплекс вооружения из упомянутых раскопок М.Ю. Кулаковского помимо двух шлемов, содержит большое количество панцирных пластин, наплечников и других деталей панцирного доспеха. Фрагменты, как и само погребение, датируется второй половиной V–VII вв. н.э. Наиболее полное описание данных находок представлено Г.В. Кубаревым и Д.В. Журавлевым²², которые разделяют детали панциря на семь типов. В основе типологии лежит форма, размер фрагментов, а также количество отверстий в пластине. Все пластины соединяются между собой внахлест, размещаясь друг над другом на 0,6–0,9 см., что, при общей ширине каждой пластины максимально в 2,3 см, является очень плотным скреплением. Ряды пластин всех типов имеют по периметру окантовку из кожи шириной до 0,7 см. Внутренняя сторона ряда пластин всех типов была усилена двумя кожаными полосками шириной 1,6–1,8 см. Эти полосы были наложены на парные боковые отверстия и служили для более плотного скрепления, а также для того, чтобы кожаные ремешки, скрепляющие пластины, не перетирались. Подобная система крепления использовалась для пластин всех типов²³. Исследователи отмечают, что при реконструкции данного доспеха им удалось склеить две целые детали панциря из пластин второго типа: деталь длиной 15,7 см из 15 пластин и деталь длиной 21 см, также из 15 пластин. Из пластин первого типа были склеены две загибающиеся полосы длиной 22–23 см, однако на момент публикации их реставрация не была завершена²⁴.

Кольчуга, по причине дороговизны, несомненно, использовалась только представителями аристократии или зажиточными воинами. Однако как предмет снаряжения, особенно, конного воина она была очень эффективна, что обеспечивало несколько факторов: во-первых, легкость; во-вторых, относительная прочность; в-третьих, гибкость и подвижность доспеха. Наиболее полные кольчужные доспехи были обнаружены в погребении могильника у хут. Городского. Эти доспехи представляют собой кольчужные рубахи длиной не менее 1,1 м. с разрезом внизу²⁵.

В степных курганах Северного Причерноморья повсеместно встречаются отдельные кольчужные фрагменты: например, в кург. 51 могильника ст. Тифлисская; кург. 44 могильника между ст. Казанской и ст. Тифлиской и т.д. Все кольчуги из сарматских погребений датируются не ранее I–II вв. н.э.²⁶ Вероятнее всего, кольчужные рубахи, найденные у хут. Городского, а также другие кольчужные фрагменты из сарматских погребений степей Северного Причерноморья, были

²¹ Симоненко 2015, 131.

²² Кубарев, Журавлев 2012, 136–141.

²³ Кубарев, Журавлев 2012, 139.

²⁴ Кубарев, Журавлев 2012, 141.

²⁵ Сазонов 1992, 244.

²⁶ Савченко 1994, 93.

изготовлены на Боспоре местными кузнецами, о чем говорят многочисленные находки кусков кольчужного полотна, например, в Пантикапее²⁷, Фанагории²⁸, Горгиппии²⁹. Кольчуга также встречается на территории крупных боспорских пограничных центров и крепостей. Фрагмент кольчужного полотна происходит также из раскопок склепа № 7 некрополя городища Белинское, датируемого концом II – началом IV вв. н.э.³⁰

Ламеллярные доспехи изредка встречаются в погребениях кочевников Северного Причерноморья. В кург. 15 у ст. Тифлисской был обнаружен ламеллярный панцирь, состоящий из прямоугольных пластин с закругленным и слегка загнутым краем³¹. Из коллекции графа Уварова в ГИМ происходит терракота, найденная в Керчи и датируемая первыми веками н.э., представляющая всадника в ламеллярном доспехе. В Римской империи данный вид доспеха не пользовался популярностью, однако он был крайне распространен в Средней и Центральной Азии. Возможно, под влиянием кочевников из восточных регионов данный доспех получил распространение и на Боспоре.

Около 70% погребений, в которых найден металлический доспех, имели разнообразный богатый инвентарь, в состав которого входили изделия из драгоценных металлов и камней, дорогая импортная серебряная, бронзовая и стеклянная посуда; сами панцири иногда плакированы золотом. Таким образом, металлический доспех был доступен лишь зажиточным слоям населения³².

Разумеется, металлический доспех не может обеспечить такой подвижности и легкости, как кожаный. Вероятно, большая часть боспорской армии вообще и конницы в частности не носила никаких доспехов или носила кожаные рубахи, которые крайне редко сохраняются в погребениях. По-видимому, это относится к основной массе конницы, а также воинам городского ополчения и легкой пехоты, у которой не имелось средств для покупки дорогих доспехов. Для конницы отсутствие тяжелых доспехов дает подвижность на поле боя. Примером может служить битва при Каррах 53 г. до н.э. По сообщению Плутарха, в парфянском войске было до 10 тысяч легковооруженных конных лучников и около тысячи тяжеловооруженных катафрактариев (Plut. Crassus. 20). Кожаные доспехи в римское время были широко распространены у разных народов. Страбон, говоря о сарматах, отмечает, что «они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи» (Strab. VII. 3).

Исключительно редкую находку кожаного доспеха составляют парфянские или персидские ламеллярные набедренники из пластин сыромятной кожи из Дура-Европос, датируемые III в. н.э.³³ Даже при отсутствии массовых археологических находок кожаных доспехов можно предполагать, что те были повсеместно распространены в среде рядовых воинов³⁴.

²⁷ Блаватский 1962, 27.

²⁸ Ростовцев 2002, 271.

²⁹ Виноградов, Горончаровский 2009, 201.

³⁰ См. отчет об археологической экспедиции на Белинском городище за 2006 г. Архив НАН Украины.

³¹ Ждановский 1984, 91.

³² Симоненко 2015, 150.

³³ Robinson 1975, 457–458.

³⁴ Хазанов 1971, 58.

Для ударной силы – катафракты тяжелый металлический доспех был необходим, в то время как для конного лучника, не вступавшего в интенсивную фазу боя, отсутствие доспеха не играет особой роли.

Особенного внимания требуют редкие находки щитов и их фрагментов – умбонов и ручек. На территории Боспора, Крыма и Северного Причерноморья в целом готские умбоны и другие фрагменты щитов встречаются повсеместно.

В кург. 17 могильника Курчи найдены железный умбон и ручка от щита. Умбон с полусферическим приостренным шипом, сужающейся калоттой и плоским рантом принадлежит типу Кожень³⁵ или Цилинг К2, датируемому фазой С2 европейской хронологии римского времени, что соответствует второй половине III в. н.э. (260–290 гг.). Эта датировка согласуется со временем функционирования могильника Курчи.³⁶ В склепе 19/7 некрополя Сиреневая бухта (Восточное Приазовье) обнаружен умбон, также относящийся к типу Цилинг К2³⁷.

Несколько железных умбонов происходит из позднеаланских могильников Предгорного Крыма Озерное III и Бельбек I. В умбоне из Озерного сочетаются признаки типов Цилинг К1 (наклонный рант) и К2 (сужающаяся калотта). Возможно, что это несколько деформированный экземпляр типа К1. Такие умбоны датируются фазой С3 европейской хронологии (310–350 гг.), что хорошо согласуется с датой могилы³⁸.

Бронзовый умбон, схожий с типом Цилинг D1 или Ян 7a-b, найден в могиле 152 могильника Нейзац³⁹. В Центральной Европе и Скандинавии такие умбоны датируются фазами В2a – С1a (180–260 гг. н.э.). И.Н. Храпунов датирует его временем до середины III в. н.э.⁴⁰ В могиле 306 того же некрополя встречены рукоять щита и железный умбон типа Ян 7a.⁴¹

Таким образом, боспорский воин периода поздней античности сочетал в своем защитном вооружении элементы сармато-аланского и готского снаряжения. А.В. Симоненко выделяет такое смешение разноэтничного вооружения в отдельный гото-аланский комплекс, присущий населению Северного Причерноморья начиная со второй половины III в. н.э.⁴² Представляется, что данный комплекс доминировал на всей территории Боспорского царства. Причиной тому могут служить массовые миграции через Боспор кочевых алано-сарматских и готских племен, к концу III в. н.э. составлявших основу боспорской армии. Начиная с середины V в. н.э. в вооружении, найденном в Северном Причерноморье, прослеживаются черты гуннского и тюркского влияния, что также обусловлено массовыми миграциями кочевников в регион.

Комплекс защитного вооружения знатного боспорского воина периода поздней античности, по нашему мнению, включал в себя, во-первых, различные варианты шлемов типа Schrapenhelm или иные подобные каркасные шлемы. Во-вторых, кольчужные либо чешуйчатые панцири, нисходящие до колена, с длинными ру-

³⁵ Каргопольцев, Бажан 1992, 116.

³⁶ Фокеев 1986, 160.

³⁷ Масленников 1997, 20; Рябцева, Болгов 2010, 21.

³⁸ Симоненко 2015, 226.

³⁹ Khrapunov 2004, 189–190.

⁴⁰ Храпунов 2011, 33.

⁴¹ Храпунов 2011, 32.

⁴² Симоненко 2015, 319.

кавами или без таковых, с разрезом внизу и без разреза. По-видимому, кольчуга получила большее распространение в воинской среде по причине ее гибкости, легкости и дешевизны по сравнению с ламеллярными панцирями. Повсеместные находки кольчужного полотна на территории Боспорского царства свидетельствуют в эту пользу. В-третьих, готские умбоны щитов, массово распространенные на территории Северного Причерноморья, свидетельствуют о распространении видов щитов, которые использовали боспорские воины, и отражают степень влияния и вовлеченности готского военного контингента в военные структуры Боспорского царства.

Рядовые воины могли либо иметь кожаное защитное вооружение, либо вообще его не иметь. Это вполне вписывается в повсеместную в период поздней античности тенденцию по отказу от тяжелого защитного снаряжения, отмеченную в римских войсках этого времени (Veg. Ep. I. 20; Amm. Marc. XVI. 11. 9, XX. 1. 3, XXIV. 2. 8).

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватский, В.Д. 1962: Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. *Пантикапей*. М.–Л., 6–85. (МИА 103).
- Виноградов, Ю.А., Горончаровский, В.А. 2009: *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.)*. СПб.
- Горончаровский, В.А., Никоноров, В.П. 1987: Илуратский катафрактарий (из истории античной тяжелой кавалерии). *ВДИ* 1, 201–213.
- Десятчиков, Ю.М. 1972: Катафрактарий на надгробии Афения. *СА* 4, 68–77.
- Ждановский, А.М. 1984: Подкурганые катакомбы Среднего Прикубанья первых веков н.э. В кн.: Н.И. Кирей (ред.), *Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар, 72–99.
- Казанский, М.М. 2019: О шлемах Боспора Киммерийского ранневизантийского времени: традиция или инновация. *БИ* 38, 205–225.
- Каргопольцев, С.Ю., Бажан, И.А. 1992: Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации). *ПАВ* 2, 113–126.
- Кожухов, С.П. 1999: Закубанские катафрактарии. В сб.: Л.М. Носкова, Т.К. Мкртычев (ред.), *Материальная культура Востока*. М., 159–182.
- Кубарев, Г.В., Журавлев, Д.В. 2012: Доспех из катакомбного погребения с Госпитальной улицы города Керчи (из раскопок 1891 года профессора Ю.А. Кулаковского). *Вестник Новосибирского государственного университета* 5, 135–146.
- Масленников, А.А. 1997: *Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора*. М.
- Николаева, Э.А. 1986: Находки оружия на Ильичевском городище. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Проблемы античной культуры*. М., 183–187.
- Ростовцев, М.И. 1914: *Античная декоративная живопись на юге России*. СПб.
- Ростовцев, М.И. 2002: *Эллинизм и иранство на юге России*. М.
- Рябцева, М.Л., Болгов, Н.Н. 2010: Готские «Федераты» Боспора и готы-федераты Византии на Боспоре. *Научные ведомости БелГУ* 1 (72), 19–26.
- Сазонов, А.А. 1992: Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского. В сб.: Д.Х. Мекулов (ред.), *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп, 244–274.
- Савченко, Е.И. 1994: Комплексы сарматского времени у ст. Калининской. *Боспорский сборник* 5, 87–107.

- Симоненко, А.В. 2015: *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Киев.
- Фокеев, М.М. 1986: Типы сарматских могильников в Буджакской степи. В кн.: *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 157–161.
- Хазанов, А.М. 1971: *Очерки военного дела сарматов*. М.
- Храпунов, И.Н. 2011: Некоторые итоги исследования могильника Нейзац. *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 13–113.
- Arendt, W. 1932: Beiträge zur Entstehung des Spangenharnisches – Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch. *Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. Gesamtfolge* 13, 49–55.
- Khrapunov, I.N. 2004: A new account on the contacts between the Sarmatians and the Germans in Crimea (on the materials on the excavations of the cemetery of Neyzats in 2001). *Monumenta Studia Gothica* IV, 185–197.
- Robinson, H.R. 1971: *The Armour of Imperial Rome*. London.
- Vogt, M. 2006: *Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen*. Mainz.

REFERENCES

- Arendt, W. 1932: Beiträge zur Entstehung des Spangenharnisches – Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch. *Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. Gesamtfolge* 13, 49–55.
- Blavatskiy, V.D. 1962: Otchet o raskopkakh Pantikapeya v 1945–1949, 1952 i 1953 gg. [Report on the excavation at Panticapaeum in 1945–1949, 1952, and 1953.]. In: *Panticapaeum*. Moscow–Leningrad, 6–85. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Researches on Archaeology of the USSR]* 103).
- Desyatchikov, Y.M. 1972: Katafraktariy na nadgrobii Afeniya [Cataphract on the tombstone of Afenios]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 4, 68–77.
- Fokeev, M.M. 1986: Tipy sarmatskikh mogil'nikov v Budzhakskoy stepi [Types of Sarmatian burial grounds in the Budzhak steppe]. In: *Issledovaniya po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [Archaeological Studies of the Northwest Black Sea Region]*. Kiev, 157–161.
- Goroncharovskiy, V.A., Nikonorov, V.P. 1987: Iluratskiy katafraktariy (iz istorii antichnoy tyazhelyoy kavalerii) [Iluraton cataphract (from the history of ancient heavy cavalry)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 201–213.
- Vinogradov, Y.A., Goroncharovskiy, V.A. 2009: *Voennaya istoriya i voennoye delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.e. – seredina III v. n.e.) [Military history and military affairs of the Cimmerian Bosphorus (the 6th century BC to the mid-3rd century AD)]*. Saint Petersburg.
- Zhdanovskiy, A.M. 1984: Podkurgannyye katakomby Srednego Prikuban'ya pervykh vekov n.e. [Burial ground catacombs of the Middle Kuban of the first centuries AD.]. In: N.I. Kirey (ed.), *Arkheologo-etnograficheskiye issledovaniya Severnogo Kavkaza [Archaeological and Ethnographic Studies of the North Caucasus]*. Krasnodar, 72–99.
- Kargopol'tsev, S.Y., Bazhan, I.A. 1992: Umbony shchitov i boyevyye topory rimskogo vremeni (k voprosu o khronologii i istoricheskoy interpretatsii) [Shield bosses and battle axes of the Roman time (on the issue of chronology and historical interpretation)]. *Peterburgskiy arkheologicheskii vestnik [Petersburg Archaeological Bulletin]* 2, 113–126.
- Kazanskiy, M.M. 2019: O shlemakh Bospora Kimmeriyskogo rannevizantiyskogo vremeni: traditsiya ili innovatsiya [On the helmets of the Cimmerian Bosphorus of the early Byzantine time: tradition or innovation]. *Bosporskiye issledovaniya [Bosporus Studies]* 38, 205–225.
- Khazanov, A.M. 1971: *Ocherki voyennogo dela sarmatov [Essays on the military affairs of the Sarmatians]*. Moscow.
- Khrapunov, I.N. 2004: A new account on the contacts between the Sarmatians and the Germans in Crimea (on the materials on the excavations of the cemetery of Neyzats in 2001). *Monumenta Studia Gothica* IV, 185–197.

- Khrapunov, I.N. 2011: Nekotoryye itogi issledovaniya mogil'nika Neyzats [Some results of the study of the Neisats burial ground]. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats* [Investigations of the Neisats burial ground]. Simferopol, 13–113.
- Kozhukhov, S.P. 1999: Zakubanskiye katafraktarii [Trans-Kuban cataphracts]. In: L.M. Noskova, T.K. Mkrtychev (eds.), *Material'naya kul'tura Vostoka* [The material culture of the Orient], 159–182.
- Kubarev, G.V., Zhuravlev, D.V. 2012: Dospekh iz katakombnogo pogrebeniya s Gospital'noy ulitsy goroda Kerchi (iz raskopok 1891 goda professora Yu.A. Kulakovskogo) [An armor from the catacomb burial at the Hospital Street in Kerch (1891 excavations by Professor Y.A. Kulakovskiy)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State University] 5, 135–146.
- Maslennikov, A.A. 1997: *Semeynyye sklepy sel'skogo naseleniya pozdneantichnogo Bospora* [Family crypts of the rural population of the Late Antique Bosphorus]. Moscow.
- Nikolaeva, E.A. 1986: Nakhodki oruzhiya na Il'ichevskom gorodishche [Finds of weapons in the Ilyich Settlement]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Problemy antichnoy kul'tury* [Problems of the Ancient Culture]. Moscow, 183–187.
- Robinson, H.R. 1971: *The Armour of Imperial Rome*. London.
- Rostovtsev, M.I. 1914: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii* [Antique decorative painting in the Southern Russia]. Saint Petersburg.
- Rostovtsev, M.I. 2002: *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii* [Hellenism and Iranism in the Southern Russia]. Moscow.
- Ryabtseva, M.L., Bolgov, N.N. 2010: Gotskiye "Federaty" Bospora i goty-federaty Vizantii na Bospore [Gothic "Foederati" of the Bosphorus and Goth-foederati of the Byzantine Empire on the Bosphorus.]. *Nauchnyye vedomosti BelGU* [Scientific Reports of BelSU] 1 (72), 19–26.
- Savchenko, E.I. 1994: Kompleksy sarmatskogo vremeni u st. Kalininskoy [Complexes of Sarmatian time at the village of Kalininskaya]. *Bosporskiy sbornik* [Bosporan Collection] 5, 87–107.
- Sazonov, A.A. 1992: Mogil'nik pervykh vekov nashey ery bliz khutora Gorodskogo [Burial ground of the first centuries AD near the Gorodskoy farm]. In: D.H. Mekulov (ed.), *Voprosy arkhologii Adygei* [Issues of Adygea Archaeology], 244–274.
- Simonenko, A.V. 2015: *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Riders of the Northern Black Sea Region]. Kiev.
- Vogt, M. 2006: *Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen*. Mainz.

THE LATE BOSPORAN DEFENSIVE WEAPONS

Ivan A. Astakhov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia
astahal@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the defensive weapons found on the territory of the Bosporan Kingdom and related to the mid-3rd to the first quarter of the 6th century AD). The author also attempts to reconstruct the image of the Late Bosporan warrior. First of all, the author observes the helmets that are represented on the Bosphorus by the Spangenhelm type or other similar frame helmets. Among the types of body protection, the author notes fragments of scaly, combined, lamellar and lamellar shells. A special group includes fragments of chain mail that predominate over all discovered types of breast protection. The point of view is put forward that chain mail was the most popular type of breast protection of noble Late Bosporan warriors. At

the same time, most of the Late Bosporan army either did not wear breast protection at all, or used leather armor. An important element of the defensive armament of the late antique warrior on the Bosphorus was the shield, represented by the finds of bosses (umbos) and pens. The bosses found on the Bosphorus are of typologically Goth type, which indicates a strong Goth influence on the Late Bosporan military affairs. Thus, the complex of defensive weapons of the Bosporan military elite is a symbiosis of the Sarmatian-Alan and Goth equipment, forming the Goth-Alan complex. Such defensive weapons have dominated in the Bosphorus since the mid-3rd century AD. Starting from the mid-5th century AD, Hunnic and Turkic features begin to be traced in the complex, which was the result of mass migrations of nomads to the Northern Black Sea Region. The bulk of the army either had no defensive weapons at all, or wore leather equipment.

Keywords: Late Bosporus, military affairs, defensive weapons, Goths, nomads

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-114–119

ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТРЕХ ГОРОДОВ МАННЫ И АТРОПАТЕНА

С. Мамедзаде

*Институт Истории имени А.А. Бакиханова Национальной Академии Наук
Азербайджана, Баку, Азербайджан
azerbaycan.selcan@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу сообщений клинописных текстов и античных писателей о трех городах на территории Южного Азербайджана. Города Парда, Карибту и Агазу упоминаются в ассирийских клинописных текстах в 714–670 гг. до н.э. Парда была столицей восточно-маннейской области Зигирту (иначе Асагарт-Сагартия древнеперсидских надписей и древнегреческих писателей). После разрушения в 714 г. войсками Ассирии город был восстановлен и в конце IV в. до н.э. превратился в один из городов-крепостей Атропатены, который античные авторы называли Фраата. Город Карибту отмечен в запросе оракула бога Шамаша в связи с мидийским восстанием 671 г. до н.э. Этот город не упоминается в трудах античных писателей, но его название сохранилось в форме Керифто. Город Агази впервые засвидетельствован в хозяйственных текстах архива города Гасур (иначе Нузи, около современного Киркука) постакадского (кутийского) периода (XXII в. до н.э.). В 713 г. до н.э. жители этого города платили дань ассирийцам. В античный период греческие писатели называли этот город Атропатены Аганзаной, что соответствует современному названию города Зенджан.

Ключевые слова: древний Азербайджан, клинописные тексты, города Манны, нарративные источники, города Атропатены

Греческие и латинские писатели сохранили отрывочные сведения об Атропатене, государстве, возникшем на южных территориях исторического Азербайджана (ныне Иранский Азербайджан). Это государство было создано бывшим ахеменидским наместником области Мидия Атропатом, добившимся после смерти Александра Македонского (323 г. до н.э.) политической независимости северо-западной части подвластной ему области. В течение 330 лет преемники Атропата вели войны, поддерживали дипломатические связи, устанавливали родственные узы с правителями соседних стран. В 147–35 гг. до н.э. Атропатена находилась в вассальной зависимости от Парфии. С 35 г. до н.э. до смерти своего покровителя – римского императора Октавиана Августа (14 г. н.э.) Атропатена была суверенной и вела относительно самостоятельную политику. До 225 г. до н.э. Атропатена находилась в составе Парфии, а позже была включена в состав империи Сасанидов.

Данные об авторе: Сельджан Мамедзаде – докторант и младший научный сотрудник Института Истории имени А.А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана.

В трудах Страбона, Плиния Секунда, Птолемея, Диона Кассия, Стефана Византийского сохранились названия некоторых городов Атропатены. В настоящей статье речь пойдет о трех городах, которые в ассирийских клинописных текстах упоминаются как населенные пункты Манны и Мидии.

1. Фраата. В ходе первой войны Рима с Парфией, в 36 г. до н.э., Марк Антоний, выйдя из пределов Армении, с большим войском предпринял осаду одного из мощных городов-крепостей Атропатены. Сведения об этом событии сохранились в трудах трех античных авторов. У Страбона (Strab. XI. 13. 3) этот город-крепость носит название Оуера (Вера), у Диона Кассия (Dio. 49. 25) – Прааспа (Прааспа). Плутарх же называет этот город-крепость Фраата (Fraata) (Plut. Ant. XXXVIII; L). В походе на Атропатену римская армия, скорее всего, воспользовалась маршрутом Эрбиль–Рание–Бане–Саккыз–Дивандере. По сообщению Плутарха (Plut. Ant. XXXVIII), перед штурмом одной из крепостей Марк Антоний оставил тяжелую технику под присмотром своего полководца Оппия Статиана, так как она замедляла передвижение войска. Но поскольку римляне не смогли захватить крепость, Марк Антоний пожалел, что не взял с собой тяжелую технику, с помощью которой можно было бы разрушить стены¹.

Чередование фонем **-f-** и **-p-** у писателей античности позволяет сопоставить этот топоним с названием города Парда, известного по надписям Саргона II (722–705 гг. до н.э.) как столица (URU šarru-ti «царский город», см., рис. 1) восточно-маннейской области Зигирту.

Рис. 1. «Царский город» Парда в «Письме богу Ашшуру»

Область Зигирту локализуется в долине реки Зеринеруд². Ее следует идентифицировать со средневековым городом Барза, который, согласно Хордадбеку, находился в 15 фарсах (около 90 км) от Мараги³. Город впервые упоминается в 737 г. до н.э., в связи с походом войска Тиглатпаласара III в страну «могучих мидян»⁴. В 719–714 гг. до н.э. наместник области Зигирту Митатти примкнул к созданной Русой I коалиции и восстал против правителя Манны. Союзник и покровитель маннейского царя Саргон II в 714 г. до н.э. ввел войско в Зигирту, разрушил ее столицу Парду вместе с окружающими ее 23 городами⁵.

При Дарии I (522–486 гг. до н.э.) эта область под названием Асагарта, куда наряду с сагартянами входили племена утиев и мюков, на короткое время стала сатрапией Ахеменидской империи⁶. Г. Меликишвили считал, что чуть позже утии, покинув эту сатрапию, поселились в Карабахе, где в долине реки Тертер основали новый город и по старой памяти о своей прежней столице называли его Барда⁷.

¹ Алиев 1989, 93–97; 2010, 116–117.

² Young, 1967, 16.

³ Алимйрзоев 2012, 15.

⁴ Luckenbill 1968/I, §§ 784, 795.

⁵ Luckenbill 1968/II, §§ 19, 56, 151.

⁶ Меликов 2003, 141.

⁷ Меликишвили 1960, 5.

Ввиду отсутствия специального знака для записи звука -f- в клинописи Месопотамии ассирийские писцы для его передачи применяли знак -p-⁸. Тем самым оригинальное название города Фраата в ассирийской передаче получило форму ра-ar-da. Касательно замены конечного согласного звука топонима следует отметить, что месопотамская клинопись не делала графических различий между глухими, звонкими и эмфатическими формами согласных. Парда и другие топонимы Зигирту (Аукане, Барунака, Иштаиппа, Ракси, Убабара) считаются иранскими, названия некоторых городов восходят к языкам местных племен⁹.

2. Карибту-Керефто. В 1819 г., путешествуя по Ирану, Роберт Кер Портер обнаружил в горах Керефто (Карафту), в течении реки Джагату, впадающей с юга в Урмийское озеро (между Саккызом и Тахт-и Сулейманом), пещерный комплекс¹⁰. К.В. Тревер почему-то отнесла этот комплекс к памятникам материальной культуры армян, хотя известно, что в Иранском Курдистане (у исследователя «территория исторической Армении»), где находится этот памятник, армяне никогда не проживали. К.В. Тревер считала, что современное название комплекса является несколько искаженным персидским произношением армянского слова «*караптун*» («скальный дом», «дом в утесе»). Такая этимология, хотя и соответствует форме комплекса Керефто, все же не кажется приемлемой¹¹. О значении названия комплекса речь пойдет ниже.

Трехъярусный комплекс состоит из галерей, коридоров и помещений; подъем на второй ярус осуществлялся лестницами из белого мрамора. Пещерное сооружение датируется VI–III вв. до н.э., однако предназначение его не установлено. Одни считают его местом паломничества, другие – местом дислокации греческого гарнизона. На стене одного из помещений выбита надпись: «Здесь проживает Геракл, ничто дурное да не внидет»¹².

Рис. 2. Фрагмент запроса оракула о городе Карибту

В трудах античных писателей сведений об этом архитектурном сооружении нет, но современное название местности напоминает ассирийское произношение «Карибту», которое является названием города на Иранском нагорье. Этот город упоминается однажды, в запросе вавилонского оракула бога Шамаша (в роди-

⁸ Грантовский 1970, 91.

⁹ Грантовский 1970, 130–133; Меликов 2003, 131–133.

¹⁰ Porter 1822, 540–549.

¹¹ Тревер 1953, 156.

¹² Тревер 1953, 156–162; Гаибов 1987; Алиев 1989, 109–111.

тельном падеже URU k[a]-gi-ib-ti, см. рис. 2), составленном в связи с мидийским восстанием 671 г. до н.э. В запросе от имени Асархаддона вопрошается, войдут и разрушат ли восставшие, будь то войско мидян, будь то войско маннеев, или войско скифов, или же войско другого врага, город Карибту? По мнению последнего издателя запроса А. Старра, Карибту являлся крепостью ассирийцев на подступах к владениям племенного союза мидян¹³. Об этом свидетельствует и название крепости, означающее в переводе с аккадского языка «благословенная», что указывает также на назначение пещерного сооружения¹⁴.

3. Аганзана. В 1897 г. Пол Рост предложил отождествлять упомянутый у Птолемея город Ἀγανζανα (или Ἀγάζα; Ptol. VI. 2. 8) с топонимом Агази текстов времен Саргона II, что было поддержано другими исследователями¹⁵. В «Торжественной надписи» этого правителя «область» Агази упоминается в связи с военным походом 713 г. до н.э. В этой надписи Агази вместе с областями Амбанда и Данану описывается как KUR maḏāi ša rati LU₂ aribi ša nipih^d šamši – «в стране мидийцев, что у пределов людей Ариби, которые [живут] у восхода солнца»¹⁶.

Есть основание полагать, что этот город существовал со времен аккадских царей. В хозяйственных текстах архива города Гасур (иначе Нузи, около современного Киркука) постакадского (кутийского) периода (XXII в. до н.э.) упоминается топоним Агазу (a-gaz-u₃^{ki}), что является формой именительного падежа аккадского названия города¹⁷.

Несложно догадаться, что Агази – сокращенная форма от Аганзана, где -ана – греческая приставка, которая естественно не могла присутствовать в ассирийских текстах. По филологическим соображениям (в результате отпадения начального звука а-, что характерно для иранских языков) город отождествляется с современным Зенджаном¹⁸.

Суммируя вышесказанное, отметим, что города Парда, Карибту, Агазу, известные по ассирийским надписям 714–670 гг. до н.э., пережили Манну, Мидию и Ахеменидскую империю, на территории которых они находились. А с 320 г. до н.э. они, будучи в течение трех веков городами-крепостями суверенной Атропатены, противостояли натискам армий Рима и Парфии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиев, И. 1989: *Очерк истории Атропатены*. Баку.
Алиев, К. 2010: *Древнегреческие и латинские первоисточники по истории древнего Азербайджана (с примерами нового толкования)*. Баку.
Алимирзоев, А. 2012: Роль скифов в истории города Марага (на азербайджанском языке). *Научные труды Института истории Национальной Академии Наук Азербайджана* 41–42–43, 3–14.
Гаиров, В.А. 1987: О некоторых проблемах культа Геракла на эллинистическом Востоке (скальный комплекс Керифто в Иране). *Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов*. Ереван, 14–15.

¹³ Starr 1990, 50–52, № 44.

¹⁴ Дьяконов 1956, 268.

¹⁵ Rost 1897, 83; Streck 1901, 353.

¹⁶ Luckenbill 1968/II, §58; Медведская 2018, 115, 126.

¹⁷ Meek 1935, № 198.

¹⁸ Алиев 1989, 106.

- Грантовский, Э.А. 1970: *Ранняя история иранских племен Передней Азии*. М.
- Дьяконов, И.М. 1956: *История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э.* М.–Л.
- Медведская, И.Н. 2018: *История Мидийского царства (VII–VI вв. до н.э.)*. СПб.
- Меликишвили, Г.А. 1960: *Население северных областей Наири-Урарту и его роль в древневосточной истории*. М.
- Меликов, Р. 2003: *Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества (VI–IV вв. до н.э.)*. Баку.
- Тревер, К.В. 1953: *Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в.н.э.)*. М.–Л.
- Luckenbill, D. 1968: *Ancient Records of Assyria and Babylonia*. Vol. I–II. New York.
- Meek, T. 1935: *Old Akkadian, Sumerian and Kappadocian texts from Nuzi*. London.
- Porter, R. K. 1822: *Travels in Georgia, Persia, Armeniya, ancient Babylonia and etc. During the years 1817, 1818, 1819, and 1820*. London.
- Rost, P. 1897: Das Sogenannte Mederreich und das Emporkommen der Perser Untersuchungen zur Altorientalischen Geschichte. *Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft*, 83–116.
- Starr, I. 1990: *Queries to the Sungod Divination and Politics in Sargonid Assyria. State Archives of Assyria*. Vol. IV. Helsinki.
- Streck, M. 1901: Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilinschriften. *Zeitschrift Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*, 257–382.
- Young, T. 1967: The Iranian migration into the Zagros. *Iran* V, 11–34.

REFERENCES

- Aliev, I. 1989: *Ocherk istorii Atropateny [Essay on the history of Atropatena]*. Baku.
- Aliev, K. 2010: *Drevnegrecheskiye i latinskiye pervoistochniki po istorii drevnego Azerbaydzhana (s primerami novogo tolkovaniya) [Ancient Greek and Latin primary sources on the history of ancient Azerbaijan (with examples of new interpretation)]*. Baku.
- Alimirzoev, A. 2012: Rol' skifov v istorii goroda Maraga [The role of the Scythians in the history of the city of Maraga]. *Nauchnyye trudy Instituta istorii Natsional'noy Akademii Nauk Azerbaydzhana [Transactions of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan]*. Vols. 41–42–43, 3–14. (In Azerbaijani).
- Gaibov, V.A. 1987: O nekotorykh problemakh kul'ta Gerakla na ellinisticheskoy Vostoke (skal'nyy kompleks Kerefto v Irane) [On some problems of the cult of Hercules in the Hellenistic East (rocky complex Kerefto in Iran)]. *Vtoroy Vsesoyuznyy simpozium po problemam ellinisticheskoy kul'tury na Vostoke. Tezisy dokladov [Second All-Union Symposium on the Problems of Hellenistic Culture in the East. Abstracts]*. Yerevan, 14–15.
- Diyakonov, I.M. 1956: *Istoriya Midii ot drevneyshikh vremen do kontsa IV v. do n.e. [The history of the Medes from ancient times to the end of the 4th century BC]*. Moscow–Leningrad.
- Grantovskiy, E.A. 1970: *Ranyaya istoriya iranskikh plemen peredney Azii [Early history of Iranian tribes of Western Asia]*. Moscow.
- Medvedskaya, I.N. 2018: *Istoriya Midiyskogo tsarstva (VII–VI vv. do n.e.) [History of the Median kingdom (7th – 6th centuries BC)]*. Saint Petersburg.
- Melikishvili, G.A. 1960: *Naseleniye severnykh oblastey Nairi-Urartu i ego rol' v drevnevostochnoy istorii [The population of the northern regions of Nairi-Urartu and its role in ancient Eastern history]*. Moscow.
- Melikov, R. 2003: *Etnicheskaya kartina Azerbaydjana v period akhemenidskogo vladychestva (VI–IV vv. do n.e.) [Ethnic picture of Azerbaijan during the Achaemenian rule (6–4th centuries BC)]*. Baku.

- Trever, K.V. 1953: *Ocherki po istorii kul'tury drevney Armenii (II v. do n.e. – IV v. n.e.) [Essays on the history of the culture of ancient Armenia (2nd century BC – 4th century AD)]*. Moscow–Leningrad.
- Porter, R.K. 1822: *Travels in Georgia, Persia, Armeniya, ancient Babylonia and etc. During the years 1817, 1818, 1819, and 1820*. London.
- Luckenbill, D. 1968: *Ancient Records of Assyria and Babylonia*. Vols. I–II. New York.
- Rost, P. 1897: Das Sogenannte Mederreich und das Emporkommen der Perser Untersuchungen zur Altorientalischen Geschichte. *Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft*, 83–116.
- Sarr, I. 1990: Queriers to the Sungod Divination and Politics in Sargonid Assyria. *State Archives of Assyria*. Vol. IV. Helsinki.
- Streck, M. Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilinschriften. *Zeitschrift Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*, 257–382.
- Young, T. 1967: The Iranian migration into the Zagros. *Iran* V, 11–34.

THE IDENTIFICATION OF THREE CITIES MANNES AND ATROPATHENS

Seldzhan Mamadzadeh

Institute of History named after A.A. Bakikhanov National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan
azerbaycan.selcan@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of cuneiform texts and ancient writers' reports about three cities in the territory of South Azerbaijan. These cities – Parda, Karibtu and Agazu – are mentioned in the Assyrian cuneiform texts of 714–670 BC. Parda was the capital of the eastern Mannean region of Zigirtu (Asagarta–Sagartya of ancient Persian inscriptions and ancient Greek writers). After the destruction in 714 BC by the Assyrians, the city was restored and at the end of the 4th century BC became one of the fortresses of Atropatene, which ancient authors called “Phraata”. The city of Karibtu is mentioned in the request of the oracle of the god Shamash in connection with the Medes revolt of 671 BC. This city is not mentioned by ancient writers, but its name has been preserved in the form of “Kerefto”. The city of Aghazi was first attested in the economic texts of the archive from the city of Gasur (or Nuzi, near modern Kirkuk) of the post-Akkadian (or Gutean period; the 22nd century BC). In 713 BC, the inhabitants of this city paid tribute to the Assyrians. Greek writers called this Atropatenian city of Aganzana, which corresponds to the modern name of the city of Zanjan.

Keywords: ancient Azerbaijan, cuneiform texts, cities of Manna, narrative tradition, cities of Atropatene

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2020), 120–130
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2020), 120–130
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-120–130

АШЕРА, КЕДЕШИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «СВЯТОСТИ» У ДРЕВНИХ ЕВРЕЕВ В ДОПЛЕННЫЙ ПЕРИОД

С.С. Кочергин

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула,
Россия
sovaminervi@yandex.ru*

Аннотация. В культуре и религии древнееврейского народа, опиравшейся на монолатрический культ Яхве, большим влиянием пользовались языческие божества плодородия ханаанейского происхождения. Среди них была Ашера, вероятно, считавшаяся супругой Яхве, следы поклонения которой (оставшиеся после возможного девтеронимического редактирования) находятся в ветхозаветных текстах. В ходе их исследования обнаруживается, что возможное значение «святая/святой» для q^edēšā и qāḏēš может объясняться связью этих терминов с культовым служением богине плодородия Ашере, а с ней и Яхве, со временем охватившим функции других божеств и заменившим их (а именно вобравшим в себя «святость» Ашеры). «Святость» ассоциирована с экзистенциальным освящением мира «божественностью» для обновления и продолжения жизни через ритуал «священного брака» между царственным помазанником Яхве и жрицей q^edēšā, представлявшей Ашеру, что, вероятно, имело место в жизни древнееврейского общества и государства. Связь «кедешей» с иеродулией и обычной проституцией не доказана. Попытки сравнения q^edēšā и zānāh, параллельное использование обоих терминов надо экзегетически связывать со значением zānāh как «идолопоклоннического блуда». Другие функции «святых» служителей культа могли быть связаны с какими-то процессами сопровождения деторождения и служением в храме. «Святое» отделяется от «человеческого», и именно в этом смысле для q^edēšā/qāḏēš определяется «отделенность» как причастность к «божественному, культовому», причем не маргинальному, а ортодоксальному, и акцент в ретроспективном смысле должен ставиться на связи с культами плодородия.

Ключевые слова: древнееврейская история, святость, кедеша, Ашера, Яхве, иеродула, «священный брак»

Изучение истории развития представлений о «святости» является одной из проблем, в разработке которых нет специализированных работ, исследующих это явление с древнейших времен. Ранее мы рассмотрели начальный этап в становлении данного феномена¹, где на базе шумеро-аккадских и ханаанейских терминов ku₃/qdš/ellu, обозначая связи с древнееврейским, было начато выстраивание

Данные об авторе: Кочергин Сергей Сергеевич – соискатель кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

¹ Кочергин 2019.

линии предполагаемой культурно-языковой преемственности начиная с XI тыс. до н.э. Теперь мы подошли к анализу представлений о «святости» в культуре ветхозаветных евреев, а с учетом объемности задачи речь пойдет только о языческой составляющей и точках ее соприкосновения с монотеистическим яхвизмом.

Важнейшим источником по истории Палестины и Ближнего Востока II–I тыс. до н.э. является Ветхий Завет, в котором еврейские производные корня *qdš*², традиционно ассоциируемые с понятием «святость»³, встречаются в большом количестве и в целом ряде случаев именно на языческом фоне. Происхождение различных частей рассматриваемых ветхозаветных текстов относится, по разным данным, ко времени примерно с XII до конца VI в. до н.э., хотя возможна и более поздняя идеологическая правка. Исторический контекст связан с генезисом древнеизраильского государства, происходившим, видимо, путем расселения племен амореев-сутиев в ханаанейских землях в Палестине несколькими волнами, начиная с первых веков II тыс. до н.э. и до XIII–XII вв. до н.э. (события Исхода). В ходе этого процесса заимствовались элементы ханаанейского языка и религии. Евреи до Моисея поклонялись некоему божеству в виде тельца (Эл, Баал/Сутех/Адад), и этот языческий культ продолжил свое существование среди евреев и далее, при этом термин «баал» применялся к Яхве (YHWH) в значении «господин», пока в ходе борьбы с начавшим распространяться в XI в. до н.э. культом тирско-сидонского Баала от него не стали отказываться во всех отношениях⁴. Культы Эла и Яхве слились, библейского осуждения Эла нет, в отличие от Баала, Ашеры и Астарты⁵. Происхождение яхвизма связывается либо с мадианитянами (кенитами, возможно, поклонявшимися Яхве, как ханаанскому покровителю металлургии)⁶, либо с амореями-сутиями, первопредком которых и был Яхве⁷.

Помимо яхвизма и баализма в еврейской Палестине продолжалось почитание языческих богинь плодородия⁸, в основном Ашеры (*ʿāšērāh*)⁹ (Исх. 34:13; Втор. 7:5; 12:3; Суд. 3:7; 6:25; 3 Цар. 15:13; 4 Цар. 13:6; 21:3; 2 Пар. 14:3; 15:16). Внешне это деревянный резной идол¹⁰, популярный в народе и установленный, в том числе, в иерусалимском храме при Манассии (4 Цар. 21:7). При Соломоне (960-е – ок. 930 до н.э.) культ Ашеры (Астарты)¹¹ был общегосударственным.

² По умолчанию транслитерация древнееврейского дается на основе TDOT 12, XXI с опорой на конкорданцию Стронга (STR).

³ TDOT 12, 521.

⁴ Тантлевский 2013, 55–60.

⁵ Smith 2002, 33–35; Albright 1968, 187; Merkur 2000, 29.

⁶ Amzallag 2009.

⁷ Тантлевский 2013, 11–21.

⁸ В поклонении Яхве женских составляющих не было. Начинаясь складываться иудаизм допускал широкие границы в отношении неортодоксальности веры, являлся терпимым к языческим «пережиткам», что вместе с древней традицией материнства, таким связанным с ней психологическим понятием как «архетип Великой Богини», акцентом на нравственность и интеллектуальность (в ущерб эмоциональности), обеспечили вместе с мужскими параллельное существование женских ипостасей высшего божества (Patai 1990, 23–32).

⁹ STR 842.

¹⁰ Pettey 1990, 45; Kletter 1996, 79.

¹¹ Под Астартой (*ʿāšetōret*) (STR 6253) часто имеется ввиду Ашера (STR 842), что характерно и для Синодального текста (Суд. 3:7; 3 Цар. 11:5, 33; 3 Цар. 15:13; 4 Цар. 17:10; 23:6), соотносящегося с LXX, где ее авторы могли не различать и, вообще, не знать о культах обеих богинь (и о культе Баала) (Binger 1997, 132–134). Смешение Астарты и Ашеры могло иметь место еще в доизраильские

Ранние пророки относились к ашеризму с терпением (3 Цар. 18:19–40 убиты были только пророки Ваала). Но культ неоднократно преследовался яхвистами (Суд. 6:25–32; 3 Цар. 11:29–34, 18; 4 Цар. 18:4) и был сильно потеснен Иосией в VII в. до н.э. (4 Цар. 23:4–20). В тексте в связи с Ашерой употребляются производные *qdš*¹²: «...и разрушил дома блудилищные (*qāḏēš*)¹³, которые были при храме Господнем, где женщины ткали одежды для Астарты...» (4 Цар. 23:7)¹⁴. Похожий пассаж связан с событиями царствования Асы (908–867 гг. до н.э.): «Он изгнал блудников... и даже мать свою Ану лишил звания царицы за то, что она сделала истукан Астарты...» (3 Цар. 15:12–13). В негативном ключе сообщается о «блудниках» и в других текстах (3 Цар. 14:24; 22:46), в Девтерономическом кодексе (Втор. 23:17) (в женской форме *qēdēšā*)¹⁵, в Книге Иова (36:14) в одном ряду с гордыми лицемерами, в истории о Фамари (Быт. 38:21–22), у пророка Осии (4:14). В функцию этих «блудниц» и «блудников» («кедешей») входило что-то, связанное с культом плодородия, отсылающим к Ашере (может быть это были ее слуги-жрецы, а по аналогии с аккадскими *qadištu* речь может идти о помощи в родах, помощи бездетным женщинам, желающим зачать ребенка, участии в обрядах культа плодородия), а также надзор за женщинами, изготавливавшими в храме одежду для идолов¹⁶.

Ветхий Завет упоминает и «блудниц» *zānāh*¹⁷ (например, Быт. 34:31; Лев. 19:29; 21:9; 1 Пар. 5:25; Втор. 23:18), совершающих в традиционном понимании грех против целомудрия, однако метафорически в подавляющем большинстве случаев по тексту это грех идолопоклонства (Чис. 15:39; Втор. 31:16; Суд. 2:17, 8:33; Иез. 16; 23; Ис. 23:15–16; 1:21)¹⁸, поскольку Яхве есть «супруг избранного им народа». Но вывод о том, что термин *zānāh* обозначает «проститутку», а *qēdēšā* – синоним, неоднозначен. Даже в таких сюжетах, как о помощи Раав (Нав. 2:6; 6:16, 21, 24), о мести сыновей Иакова жителям Сихема (Быт. 34), или о неопытном юноше и блуднице (Притч. 7:6–23)¹⁹, экзегеза может быть различной. Думается, можно предположить и то, что *zānāh* был отражающим определенные стороны *qēdēšā* термином, который в свою очередь обозначал женщину с неясной религиозно-социальной ролью, вероятно, с отдельными функциями сексуального содержания, возможно, жрицу или иной персонал неяхвистского культа²⁰, хотя

времена, угаритские тексты используют для Ашеры те же эпитеты, что и для сидонской, египетской и тирской Астарт, заставляя думать, что Ашера II тыс. до н.э. – это Астарта I тыс. до н.э. (Smith 2002, 127; Patai 1990, 41). Возможно, девтерономический историк намеренно ввел это объединение (как и в случае Баал Тирский – Баал древнееврейский) в культовых целях, подчеркивая пагубность идолопоклонства.

¹² Эпитет *qdš* сопутствовал ее угаритской предшественнице Ашерат (Day 1986, 389).

¹³ STR 6945; TDOT 12, 542.

¹⁴ В качестве цитируемого библейского текста мы используем Синодальный перевод ветхозаветных книг, при необходимости привлекаются другие переводы и Biblia Hebraica Stuttgartensia.

¹⁵ STR 6948; TDOT 12, 542.

¹⁶ Patai 1990, 299.

¹⁷ STR 2181.

¹⁸ TDOT 4, 99–104; AYBD 5, 505–510.

¹⁹ «Блудница» *zānāh* могла быть языческой жрицей любви, искавшей партнера для совершения некоего религиозного ритуала (Притч. 7:1–27) (NBC 591–593).

²⁰ У древнеизраильских женщин была распространена практика религиозных обетов, связанная с передачей денежных средств храму, а способом их добычи была понимаемая в этом смысле иеродулия, которую часто сам храм и организовывал (Toorn 1989). Этот своеобразный культовый

все же присутствует некая привязанность *qēdēšā* мысли блуда²¹. При, возможно, ошибочном понимании *zānāh* понятия часто смешивались еще со времен Септуагинты, давшей возможность видеть в «кедешах» иеродул²², которыми, как отмечалось учеными, они стали с руки Д. Фрэзера, сделавшего проститутки священными²³. Некие действия сексуального характера могли совершаться «кедешами», например, эротические танцы и пение²⁴. При этом заметим, что термин мужского рода *qāḏēš* и вовсе не обнаруживает сколько-нибудь близких связей с блудом как проституцией. Для адептов яхвизма все это было неприемлемо, и они легко ставили в один ряд *zānāh* и *qāḏēš/qēdēšā*, видя в обоих понятиях грех «блудодействия», как сексуального, так и идолопоклоннического, а также конкуренцию священникам-левитам.

У пророка Осии (VIII в. до н.э.) упоминаются «любодейцы» *qēdēšā* в контексте обрядов идолопоклонства (4:12–14), а во фрагменте 4:14 во множественном числе (*qēdēšōt*) вместе с *zānāh*. Кедешы могут быть отнесены здесь к обвиняемым в культовом отступничестве женщинам²⁵, вероятно жрицам. Осия взял в жены Гомерь, «блудницу» *zānāh*, как и наказывал ему Господь (Ос. 1:2–3). Хотя Гомерь метафорически представляет собой Израиль, а Осия – Яхве, речь, как предполагается, идет о действительном браке Осии, переосмысленном им в духовном плане²⁶, и в этом случае есть также вероятность, что до супружества Гомерь могла принимать участие в ритуалах культов плодородия ханаанейского происхождения²⁷, относимых пророком к идолопоклонническому «блуду». То есть действительная Гомерь могла быть *qēdēšā*, на что указывает и содержание второй главы, где она бежит за «любовниками» (Ос. 2:5, 7, 12, 13) (в первую очередь, речь о Бале, связях с язычниками, а с учетом содержания Ос. 4:12–14, где упоминаются священные деревья, и Ос. 14:9 (см. ниже), вероятно, и о культе Ашеры). Господь обещает прекратить «новомесечия» Гомерь (Ос. 2:11), что может отсылать к обязанностям жрецов следить за лунным календарем, связанным также с женскими месячными циклами²⁸. Назначение «виноградных лепешек» богов в Ос. 3:1 сходно с описанием у Иеремии²⁹, где он обращается к евреям египетским, обещавшим кадить богине неба, считая, что так «...делали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши...» (Иер. 44:17), «...делали мы ей пирожки с изображением ее...» (Иер. 44:19; 7:18). Под «богиней неба», возможно, имеется ввиду Ашера³⁰, кото-

персонал мог обозначаться рассматриваемыми терминами. См. также (Keefe 2001, 55, 101–103; Beaulieu 2007, 148–159; Stark 2006). После девтеронимической реформы *zānāh*, видимо, поглощает *qedēšā*, и в тексте Второзакония 23:18 плата блудницы (STR 868) (подарки кедеше названной *zānāh*, но в понимании выкупа, приданого) осуждались (Beaulieu 2007, 158).

²¹ Stark 2006, 208, 217–218.

²² Westenholz 1989, 248–249.

²³ Assante 2003, 14, 21; Frazer 2009, 776–789.

²⁴ Gruber 1983; Kirsch 1998, 132; Beaulieu 2007, 152–153.

²⁵ Adams 2008.

²⁶ Hubbard 1989, 52.

²⁷ Mays 1969, 24–25; BCC, 1379.

²⁸ Beaulieu 2007, 154.

²⁹ Распространен перевод «виноградные лепешки» (STR 6025, STR 809) (NBC, 673–674; ВКС 1387, DSH I, 413, ТБЛ 7, 100). Но в KJV это «flagons of wine» (BBC 753). В стихах 1 Пар. 16:3 и Песн. 2:5 Синодального текста речь также о вине (при этом во фрагменте 2 Цар. 16:9 синхронном 1 Пар. 16:3 – вновь о лепешках). Параллели с «пирожками» (Иер. 44:19) могут исключаться.

³⁰ STR 4446, STR 8054; BBC 649; ВКС 1140; NBC 700–702; ТБЛ 6, 39; AYBD 5, 588–588.

рой, судя по тексту, евреи могли поклоняться до Яхве, и в т.ч. на государственном уровне. Обряд подразумевал изготовление богослужебных литургических хлебов с изображениями³¹.

Термин *q^edēšâ* встречается и в пассаже Быт. 38, где Яхве умертвил двоих детей Иуды, и вдова старшего из них, Фамарь, напрасно ожидала, что третий сын «восстановит семя брату своему». Когда жена Иуды умерла, Фамарь накрылась покрывалом и села у ворот Енаима, где Иуда принял ее за «блудницу» *zānâh* и обещал ей козленка за услуги, «...и вошел к ней; и она зачала от него» (Быт. 38:18). Искавший ее позже друг Иуды искал, но не нашел «блудницу» *q^edēšâ* (Быт. 38:21). Вероятно, термин *q^edēšâ* здесь эвфемизм, обозначающий более неприличный *zānâh*³², но Фамарь не осуждается как проститутка или прелюбодейка, а подчеркивается ее право на левират. Иуда мог принять ее за служительницу культа Ашеры³³, а термин *zānâh* использован тогда для обозначения считавшихся идолопоклонством сексуальных отношений с *q^edēšâ*, как «посвященной для служения божеству». Фамарь могла быть дочерью священника, ведь Иуда, когда ему сообщили о беременности Фамарь «от блуда», повелел сжечь свою невестку (Быт. 38:24), что делалось только в данном случае (Лев. 21:9); или жрицей Ашеры, когда все связанное с этим либо другими языческими культами определялось к сожжению (Втор. 7:25; 12:3; 3 Цар. 15:12–13)³⁴. По аналогии с аккадскими *qadištu* расположением «кедеши» должна быть улица³⁵, где Иуда и встретил Фамарь. Оплата услуг козленком возможна из религиозных соображений (см прим. 20), что указывает на культовый смысл деятельности *zānâh* и *q^edēšâ*, при этом второй термин мог являться, например, более понятным для ханаанеев, и поэтому Хира, друг Иуды одолламского (а значит ханаанейского) происхождения, мог использовать именно его в разговоре с местными жителями.

Связанные с культом плодородия представления о «святости» и их языковое оформление восходят к очень древним временам и являются важнейшими для выживания человека и рода; монотеистический мужской яхвизм не мог исключать этот феномен, хотя традиция предпочитала ассоциировать «святость» с божествами женского рода. Можно предположить, что евреи переняли это у ханаанеев, слегка видоизменив. Адептам Яхве в борьбе с Ашерой была нужна ее «святость», но вряд ли она сама. Ашера могла считаться супругой Яхве, что можно аргументировать текстами надписей из Кунтиллат 'Ажруд³⁶ и Кирбет аль-Квом³⁷, где присутствует выражение «Яхве [и его] Ашера». Культ Яхве мог составлять определенное единство с поклонением Ашере³⁸, и скорее всего она была его частью, а связь с Баалом и Астартой и дальнейшее осуждение ограничивается в основном Второзаконием³⁹. Согласно фрагменту Осии (14:9), Бог благословляет лю-

³¹ STR 3559, STR 6087.

³² Stark 2006, 197, 202–203.

³³ ТБЛ 1, 216.

³⁴ ТБЛ 1, 217.

³⁵ Westenholtz 1989, 251. Другое возможное значение синодального «ворот Енаима» – «открытое место», фигурирует также в KJV; либо «перекресток» (ТБЛ 1, 216).

³⁶ Meshel 1979; Day, 2002, 49.

³⁷ Zevit 1984, 39; Lemaire 1984, 42.

³⁸ Dever 1984.

³⁹ Olyan 1988, 13–14; Hadley 2000, 54–56; Smith 2002, 111; Ackerman 1998, 147.

дей плодovitостью, называя себя их Анат и Ашерой⁴⁰. Также в тексте (Втор. 33:2) принятая Синодальным и сходная с другими переводами интерпретация «... одесную Его огонь закона» может быть прочитана как «...по правую руку от него его собственная Ашера...», если предполагать, что в сочетании «'eš'dāṭ lāmōw» согласная «д» была восстановлена из «г»⁴¹, что весьма вероятно, учитывая внешнюю схожесть соответствующих древнееврейских консонант. Аморе́йская Богиня, супруга Амурру, вошла в угаритский пантеон позже⁴², став спутницей Эла, а после соединения его с культом Яхве Ашера стала женой последнего⁴³. Как и угаритская богиня, израильская Ашера выполняла функцию посредника между божественным и человеческим мирами⁴⁴. Еще Д. Фрэзер обращал внимание на роль священных дубов и связь их с Яхве (например, Быт. 18:1; 13:8; 12:6)⁴⁵, что может дополнительно указывать на связь древнего яхвизма с поклонением Ашере (в синодальном переводе часто «дубрава, роща, дерево посвященное»). Живое священное дерево, ассоциируемое часто с древом жизни и ветхозаветной менорой, могло воплощать в себе богиню, символизирующую жизнь вообще⁴⁶. Почитание Ашеры, скорее всего, было частью общегосударственного культа в допленный период⁴⁷. Все это может указывать на точку соприкосновения между «святостью» Ашеры и Яхве, исходя из которой «святость» монотеистического Бога вобрала в себя и «святость» богини и язык ее описания. Важную роль сыграли потеря евреями государственности, падение Иерусалима, разрушение храма и вавилонское изгнание в 586 г. до н.э. Синкретизм культа «Яхве и его Ашеры» в направлении сходства с обрядами плодородия Баала и Астарты развращал официальный культ⁴⁸, что повлияло на отказ от поклонения богине и поглощении ее Яхве в ходе «антиашерской девтеронимической реформы».

Ашера упоминается у Иеремии (Иер. 17:2) и, вероятно, в списке «мерзостей» у жившего в эпоху вавилонского плена Иезекииля – «идол ревности» (8:3–5) (*se-mel qānā'*)⁴⁹. В списке присутствует и Фаммуз (*Tammūwz*)⁵⁰. Это отсылает нас к ритуалу священного брака, основанному на шумерском мифе об Инанне и Думузи⁵¹. «Святая» Инанна (владевшая божественными силами МЕ), спасая своего мужа-человека Думузи от вечного пребывания в подземном мире, определила, что половину года там будет находиться его сестра Гештинанна, а половину он сам.

⁴⁰ Wellhausen 1893, 21; Gordis 1979.

⁴¹ Steinberg 2004; Dijkstra 2001, 117.

⁴² Hadley 2000, 43–44.

⁴³ Hadley 2000, 78, 206; Albright 1968, 189; Stuckey 2003, 132; Olyan 1988, xiv, 74.

⁴⁴ Toorn, Horst, Becking 1999, 99; Beaulieu 2007, 92.

⁴⁵ Frazer 1919, 30–61.

⁴⁶ Taylor 1995; Hadley 2000, 153.

⁴⁷ Keel, Uelinger 1998, 278, 401; Binger 1997, 109; Taylor 1995; Toorn, Horst, Becking 1999, 104.

⁴⁸ Beaulieu 2007, 113. Связанным с Яхве и Ашерой символом плодородия, жизни, исцеления, знания может являться Нехуштан, которому официально поклонялись евреи со времен Моисея и во времена Езекии и, возможно, позже при Иезекии (Чис. 21:4–9; 4 Цар. 18:4; Иез. 8:10) (Beaulieu 2007, 125–128). Вероятно, он также имел отношение к Яхве в концепции, представляющей его богом ханаанской металлургии (Amzallag 2009, Amzallag 2016). Он играл важную роль, обозначая пусть не вполне четкие но, видимо, существующие точки соприкосновения между божествами израильской моналатрии.

⁴⁹ ТБЛ 6, 269; Patai 1990, 51–52, 299–300; Dijkstra 1996, 89–94. STR 5566, STR 7065.

⁵⁰ STR 8542.

⁵¹ Текст см. Wolkstein, Kramer 1983.

Думузи стал божеством плодородия (как и Иннана), и весеннее празднование его священного брака с богиней, плач по его смерти летом – суть этого ритуала. По шумерским и вавилонским обычаям роль Думузи брал на себя правитель государства, а Инанной была жрица ее культа⁵². Цель обряда – благословение урожая, скота, деторождения, продолжение жизни, легитимация и деификация царской власти, освящение мира божественностью через схождение на землю небесной царственности, предотвращающее его падение в пучину хаоса. Жрица-богиня становилась посредницей между божественным и человеческим мирами⁵³. Упомянув о Фаммузе, Иезекииль, очевидно, имел ввиду участие в этих обрядах живших в Вавилоне евреев. Мир человеческий приобщался миру божественному, в него входила «святость», без которой нет жизни.

Иудейский царь не был священником, но благословлял народ и молился за него, приносил жертвы (2 Цар. 6:13–18; 24:22–25; 3 Цар. 8:14; 1 Цар 13:9; 4 Цар 16:13). Он воплощал национального Бога (Давид и его потомки считались детьми Яхве)⁵⁴, через которого его благословение текло к народу, в т.ч. в виде дождя⁵⁵. Вероятно, что и в Иерусалиме существовал ритуал обновления и продолжения жизни, где царь, как земной представитель Яхве (как бога плодородия), страдал, умирал и воскресал⁵⁶. Следы ритуала можно найти у Иоила, в упоминании некоторых элементов праздника Яхве в Силоме в тексте книги Судей (21:19–21), у Осии и в Песни Песней⁵⁷. Яхве обещает избавление выполняющим заповеди его и покаявшимся, он даст им «дожди» (Иоил. 2:23) (в LXX, возможно, «плодородие»⁵⁸, сходный метафорический смысл и у Осии 6:3), Святой Дух будет излит на всякую плоть (Иоил. 2:28), а начнется это с общего торжественного собрания (Иоил. 2:15–17). Яхве будто бы оставил народ свой, а теперь воскрес с ним, «возревновал» с нем (Иоил. 2:18). Существует реконструкция литургии этого обряда на основе ряда Псалмов (78, 38–45)⁵⁹. Тексты Песни Песней обнаруживают связи с египетскими гимнами богине Исиде⁶⁰, литургически отсылают к «*hieros gamos*» и иерусалимскому аналогу культа Таммуза⁶¹. Несмотря на ряд критических замечаний к этой концепции⁶², указанные параллели вполне возможны и позволяют увидеть преемственность в развитии рассматриваемого феномена.

Продвигаясь далее в рассмотрении вопроса о ритуале священного брака у израильтян и его отношении к «святости», мы подошли, наконец, к вопросу о роли этом обряде *qādēš/qēdēšā*. Под *gēbīrāh* в Ветхом Завете понимается хозяйка, владычица, царица, леди⁶³. Чаще всего это супруга царствующего государя (3 Цар. 15:13; 4 Цар. 10:13; 2 Пар. 15:16; Иер. 13:18; 29:2) и царица-мать при своем сыне-царе (Песн. 3:11; 3 Цар. 2:19–20), связанная с Ашерой (как царицей-матерью

⁵² Beaulieu 2007, 39–67.

⁵³ Beaulieu 2007, 67–88.

⁵⁴ Cross 1997, 257–260.

⁵⁵ Johnson 1958, 222.

⁵⁶ Ahlstrom 1963, 87.

⁵⁷ Johnson 1958, 227.

⁵⁸ ТБЛ 6, 148.

⁵⁹ Johnson, 1967.

⁶⁰ Pope 1977, 61, 72–74, 54–85.

⁶¹ Meek 1924; Pope 1977, 54–85.

⁶² Clines, 1975.

⁶³ STR 1377. DSH, 1995, 308.

богов в угаритской ретроспективе)⁶⁴. Имела заметную власть (3 Цар. 2:14–20), могла самостоятельно править (4 Цар. 11). Обладала культовой ответственностью, начиная с ритуала «hieros gamos», где она была богиней-невестой и зачинала будущего царя от царя настоящего, помазанника Яхве⁶⁵. Этот ребенок выделялся среди своих братьев как наследный принц. В качестве g^ebîrâh мы можем принимать Вирсавию, мать Соломона (2 Цар. 12:24; 3 Цар. 1:31; 2:13–20); Мааку, мать Асы (2 Пар. 15:16; 3 Цар. 15:13); Гофолию, мать Охозии (4 Цар. 8:26; 11:1–3, 13, 14, 20; 2 Пар. 22:2, 10–13, 21; 24:7); Иезавель, видимо, мать Охозии, царя Израиля (3 Цар. 16:31; 19:2; 21:5–25). Скорее всего, это царицы с именами Хамуталь (4 Цар. 23:31; 24:18), Зебудда (4 Цар. 23:36) и Нехушта (4 Цар. 24:8) при правителях, делавших «...неудное в очах Господних...» (4 Цар. 23:37). Маака (Ану) покровительствовала Ашере, Иезавель – Ашере и Баалу, а Гофолия – Баалу, и, скорее всего, все они были связаны и с культами обоих божеств и могли относиться к «жрицам-кедешам», прежде чем стать g^ebîrâh. Священный брак продолжало священное рождение, бывшее, видимо, одной из целей церемонии. Метафорически отцом царя был Яхве и матерью была Ашера, ритуал служил монархической преемственности, а процесс обеспечивал культовый «персонал» q^edēšâ и qādēš. Невеста становилась царицей-матерью божественного отпрыска g^ebîrâh и человеческим представителем Ашеры. С уничтожением Иудейского царства порядок разрушился, культ стал забываться и вскоре исчез⁶⁶.

Итак, отталкиваясь от языческих истоков, уходящих корнями в ханаанейские культы плодородия, мы должны отметить, что в монолатрическом яхвизме большим влиянием пользовалась Ашера, возможно являвшаяся супругой Яхве, следы почитания которой в ветхозаветных текстах (оставшиеся после возможного девтеронимического редактирования) обнаруживают связи с феноменом «святости» через термины q^edēšâ/qādēš, являющиеся производными корня qdš, традиционно ассоциируемого с исследуемым явлением. «Святость» входит в мир вместе с экзистенциальным освящением мира «божественностью» для того, чтобы обновить и продлить жизнь через ритуал «hieros gamos» с участием царя – помазанника Яхве и жрицы q^edēšâ – земного представителя Ашеры, результатом которого было также священное рождение. Q^edēšâ не была культовой проституткой, а ее сравнение с zānâh надо интерпретировать в первую очередь как форму «идолопоклоннического блуда». «Святые» служители культа выполняли и какие-то другие задачи, связанные с процессами сопровождения деторождения и храмового служения. Постепенно «святость» монотеистического Яхве вобрала в себя «святость» богини Ашеры и язык ее описания, в котором отделенность «человеческого» от «святого» определяется причастностью к ортодоксальному «божественному, культовому».

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Ackerman, S. 1998: *Warrior, Dancer, Seductress, Queen: Women in Judges and biblical Israel* (Anchor Bible Series). New York.
 Adams, K. 2008: Metaphor and Dissonance: A Reinterpretation of Hosea 4:13–14. *JBL* 127(2), 291–305.

⁶⁴ Wiggins 1993, 63.

⁶⁵ Ahlstrom 1963, 75, 79.

⁶⁶ Beaulieu 2007, 143–145.

- Ahlstrom, G.W. 1963: *Aspects of Syncretism in Israelite Religion*. Lund. (Horae Soederblomianae V).
- Albright, W.F. 1968: *Yahweh and the Gods of Canaan: A Historical Analysis of Two Contrasting Faiths*. London.
- Amzallag, N. 2009: Yahweh, the Canaanite God of Metallurgy? *JSOT* 33.4, 387–404.
- Amzallag, N. 2016: The Serpent as a Symbol of Primeval Yahwism. *Semitica* 58, 207–236.
- Assante, J. 2003: From Whores to Hierodules: The Historiographic Invention of Mesopotamian Female Sex Professionals. In: A.A. Donohue, M.D. Fullerton (eds.), *Ancient Art and its Historiography*. New York, 13–47.
- Beaulieu, S. 2007: *Eve's Ritual: The Judahite Sacred Marriage Rite*. [<http://spectrum.library.concordia.ca/975701/>].
- Binger, T. 1997: *Asherah: Goddesses in Ugarit, Israel and the Old Testament*. Sheffield. (*JSOT* 232).
- Clines, D.J.A. 1975: The Psalms and the King. *Theological Students Fellowship Bulletin* 71, 1–6.
- Cross, F.M. 1997: *Canaanite Myth and Hebrew Epic: Essays in the History of the Religion of Israel*. Cambridge.
- Day, J. 1986: Asherah in the Hebrew Bible and Northwest Semitic literature. *JBL* 105.3, 385–408.
- Day, J. 2002. *Yahweh and the Gods and Goddesses of Canaan*. Sheffield.
- Dever, W.G. 1984: Asherah, Consort of Yahweh? New Evidence from Kuntillet Ajrūd. *BASOR* 255, 21–37.
- Dijkstra, M. 1996: Goddess, God, Men and Women in Ezekiel 8. In: B. Becking, M. Dijkstra (eds.), *On Reading Prophetic Texts: Gender-specific and Related Studies in Memory of Fokelien Van Dijk-Hemmes*. New York–Köln–Brill, 83–114.
- Dijkstra, M. 2001. El, the God of Israel – Israel, the People of YHWH: On the Origins of Ancient Israelite Yahwism. In: B. Becking, M. Dijkstra, M.C.A. Korpel, K.J.H. Vriezen (eds.), *Only One God? Monotheism in Ancient Israel and the Veneration of the Goddess Asherah*. London–New York, 81–126.
- Frazer, J.G. 2009: *The golden Bough. A Study of Magic and Religion*. Auckland.
- Frazer, J.G. 1919: *Folk-lore in the Old Testament. Studies in Comparative Religion Legend and Law*. Vol. III. London.
- Gordis, R. 1979: Gordis on Ebla, Yahweh's Consort, and Psalm 34. *BAR* 5.4, 55–56.
- Gruber, M.I. 1983: The Qādēš in the Book of Kings and in Other Sources. *Tarbiz* XII–2, 167–176.
- Hadley, J.M. 2000: *The Cult of Asherah in Ancient Israel and Judah. Evidence for a Hebrew Goddess*. Cambridge. (University of Cambridge Oriental Publications 57).
- Hubbard, D.A. 1989: *Hosea: An Introduction and Commentary (Tyndale Old Testament Commentaries)*. Downers Grove.
- Johnson, A.R. 1958: Hebrew Conceptions of Kingship. In: S.H. Hooke (ed.), *Myth, Ritual, and Kingship: Essays on the Theory and Practice of Kingship in the Ancient Near East and in Israel*. London, 204–235.
- Johnson, A.R. 1967: *Sacral Kingship in Ancient Israel*. Cardiff.
- Keefe, A.A. 2001: *Woman's Body and the Social Body in Hosea*. Sheffield.
- Keel, O., Uelinger, C. 1998. *Gods, Goddesses, and Images of God in Ancient Israel*. Minneapolis.
- Kirsch, J. 1998: *The Harlot by the Side of the Road: Forbidden Tales of the Bible*. New York.
- Kletter, R. 1996: *The Judean Pillar-Figurines and the Archaeology of Asherah* (British Archaeological Reports International Series 636). London. (BAR IS 636)
- Kochergin, S.S. 2019: Fenomen "svyatosti": ot pervobytnykh istokov k drevnim evreyam [The phenomenon of "holiness": from primeval sources to ancient Jews]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya* [Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science] 46.3, 399–411.

- Кочергин, С.С. 2019: Феномен «святости»: от первобытных истоков к древним евреям. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология* 46.3, 399–411.
- Lemaire, A. 1984: Who or What Was Yahweh's Asherah? *BAR* 10.6, 42–51.
- Mays, J. L. 1969: *Hosea: A Commentary (Old Testament library)*. Philadelphia.
- Meek, T.J. 1924: The Song of songs and the fertility cult. In: W.H. Schoff (ed.), *The song of songs: a symposium*. Philadelphia, 48–79.
- Merkur, D. 2000: *The Mystery of Manna: The Psychedelic Sacrament of the Bible Park*. Rochester.
- Meshel, Z. 1979: Did Yahweh Have a Consort? *BAR* 5.2, 24–34.
- Olyan, S.M. 1988: *Asherah and the Cult of Yahweh in Israel*. Atlanta. (SBL Monograph Series 34).
- Patai, R. 1990: *The Hebrew Goddess*. Detroit.
- Pettey, R.J. 1990: *Asherah: Goddess of Israel*. New York.
- Pope, M.H. 1977: *Song of Songs: A New Translation with Introduction and Commentary (The Anchor Yale Bible)*. New Haven–London.
- Smith, M.S. 2002: *The Early History of God. Yahweh and the other deities in Ancient Israel. Second edition*. Grand Rapids.
- Stark, C. 2006: *Kultprostitution im Alten Testament? Die Qedeschen der Hebräischen Bibel und das Motiv der Hurerei*. Fribourg–Göttingen.
- Steinberg, D. 2004: *Asherah in Deuteronomy 33?* [http://www.houseofdavid.ca/deut_33.htm].
- Stuckey, J.H. 2003: The Great Goddesses of the Levant. In: *Journal of the Society for the Study of Egyptian Antiquities* 30, 127–157.
- Tantlevskiy, I.R. 2013: *Istoriya Izrailya i Iudei do 70 g. do n.e.* [*The history of Israel and Judea before AD 70*]. Saint Petersburg.
- Тантлевский, И.Р. 2013: *История Израиля и Иудеи до 70 г. до н.э.* СПб.
- Taylor, J.E. 1995: The Asherah, the Menorah and the Sacred Tree. *JSOT* 66, 29–54.
- Toorn, K. van der, Horst, P.W., van der, Becking, B. (eds.) 1999: *Dictionary of Deities and Demons in the Bible*. Leiden–Boston–Köln–Brill.
- Toorn, K. van der. 1989: Female Prostitution in Payment of Vows in Ancient Israel. *JBL* 108, 193–205.
- Wellhausen, J. 1893: *Die kleinen Propheten*. Berlin. (Skizzen und Vorarbeiten 5).
- Westenholz, J.G. 1989: Tamar, Qēdēšā, Qadištu, and Sacred Prostitution in Mesopotamia. *Harvard Theological Review* 82.3, 245–266.
- Wiggins, S.A. 1993: *A Reassessment of 'Asherah': A Study According to the Textual Sources of the First Two Millennia B.C.E.* Kevelaer–Neukirchen-Vluyn.
- Wolkstein, D., Kramer, S.N. 1983: *Inanna Queen of Heaven and Earth, Her Stories and Hymns from Sumer*. New York.
- Zevit, Z. 1984: The Khirbet el-Qôm Inscription Mentioning a Goddess. *BASOR* 255, 39–47.

ASHERA, QEDESHOT AND THE IDEA OF “HOLINESS” OF THE ANCIENT JEWS BEFORE THE BABYLONIAN EXILE

Sergey S. Kochergin

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia
sovaminervi@yandex.ru

Abstract. In the culture and religion of the ancient Jews, relying on monolatrous yahwism, the great influence had the pagan deities of fertility of the Canaanite origin. Ashera was among them and can be considered the wife of Yahweh. Traces of the worship Ashera (which were

remaining after eventual deuteronomistic edition) are found in the Old Testament texts. When studying the latter, one discovers that the possible meaning of “holy woman/holy man” for qedēšâ and qādēš may be explained by relationship of these terms with spiritual veneration of Ashera, the goddess of fertility, and this one of Yahweh also, who in the course of time overtook functions of other deities and replaced them (i.e., incorporated Ashera’s “holiness”). The “holiness” is associated with existential sanctification of the world by “the divinity” for the sake of life renewal and continuation through the ritual of “sacred marriage” between the royal anointed of Yahweh and the priestess qedēšâ representing Ashera which probably took place in the life of the ancient Jews’ society and state. The relationship of qedēšâ with hierodula and traditional prostitution is not proven. Attempt to compare qedēšâ and zānâh and parallel use of both terms could be ekzegetically associated with the meaning zānâh as «idolatrous fornication». Other functions of the “holy” ministers of religion could be associated with some processes of childbirth care and service in the temple. “Holy” is separated from “human”, and it is just in this regard “the separateness” for qedēšâ/qādēš is determined as involvement in the orhtodoxal «divine and sacerdotal» thing retrospectively associated with the cults of fertility.

Keywords: Ancient Jewish history, holiness, qedeshot, Ashera, Yahweh, hierodula, “sacred marriage”

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2020), 131–156
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2020), 131–156
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-131–156

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ У ДРЕВНЕЙШИХ ГРЕЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ. II. «АЗИЯ» ГЕКАТЕЯ И ДРУГИЕ РЕЛЕВАНТНЫЕ ТЕКСТЫ

И.Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва; Российский государственный
гуманитарный университет, Москва, Россия
isurikov@mail.ru*

Аннотация. Пространственная (спациальная) проблематика становится в последние десятилетия все более востребованной в науке об античности. «Пространственный модус» был чрезвычайно важен, в частности, и для древнегреческих историков. Из последних нас здесь интересует их самая первая когорта – ранние ионийские историки поздней архаики и ранней классики, предшественники Геродота.

В данной статье продолжено рассмотрение пространственных категорий у Гекатея Милетского, для чего взята «Азия» – вторая книга его трактата «Описание Земли». Также привлечены данные из сохранившихся фрагментов некоторых других ранних историков – Харона Лампсакского, Дамаста Сигейского.

В архаическую эпоху ввиду бурного ритма перемен имело место, как ныне иногда выражаются, «пространственно-временное сжатие», что вело к изменениям в спациальных категориях. Новые реалии требовали осмысления, которое и было целью, в числе прочих авторов, для древнейших историков.

Ключевые слова: пространственные категории, античная Греция, древнейшие историки, география, Гекатей Милетский, «Описание Земли», «Азия», Харон, Дамаст

В предыдущей статье этого цикла¹ мы, рассмотрев вначале некоторые общие вопросы, имеющие отношение к данной теме, затем привели соответствующий материал (ряд сравнительно обширных фрагментов, содержащих прямую или косвенную информацию о пространственных представлениях) из «Европы» – первой части историко-географического трактата Гекатея Милетского «Описание Земли». Перейдем теперь ко второй части того же сочинения, носившей название «Азия» (иногда фигурирует в источниках как «Описание Азии», но это не вполне точная передача заголовка, связанная, видимо, с тем, что слово «описание» (*περίγησις*) фигурировало в общем заголовке труда).

Данные об авторе: Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках исследовательских проектов 18-09-00486 и 19-09-00022.

¹ Суриков 2019.

Повторим и подчеркнем, что данное произведение Гекатея включало (помимо введения) именно две книги. Данное обстоятельство, кстати, само по себе уже содержит определенные специальные (пространственные) нюансы. Из него напрямую вытекает, что Гекатей признавал наличие двух частей света, а впоследствии выделявшуюся третью – Ливию (Африку) еще не считал таковой, присоединяя ее к Азии. Это согласуется с тем, что еще для Геродота граница Европы и Азии проходила не по линии «восток – запад», как привычно для нас, а в основном по линии «север – юг». Во времена обоих историков эти части света мыслили примерно равными друг другу, причем одна как бы «нависала» над другой с севера. А это могло получаться только в том случае, если Ливия входит в Азию.

Правда, у некоторых позднейших авторов упоминается «Описание Ливии» Гекатея как текст, отличный от «Описания Азии». Приведем несколько примеров. Hecat. FGrHist. 1. 278 = Steph. Byz. s.v. Φοινικοῦσσαί: «Финикусы. Два острова в Ливийском заливе, близ Карфагена, как пишет Гекатей в “Описании Ливии” <...> Есть и город Финикусы у финикийцев, что в Сирии, как он сам же пишет в “Азии”». Hecat. FGrHist. 1. F309 = Steph. Byz. s.v. Ἐλένειον: «Гелений². Местность близ Каноба. Гекатей в “Описании Ливии”. Название жителя – гелениец». Hecat. FGrHist. 1. F314 = Steph. Byz. s.v. Κράμβουτις: «Крамбутис. Город в Египте. Гекатей в “Описании Ливии” <...> Геродиан же пишет “Крамботис”, через “ο”, с ударением на третьем слоге от конца, как “Аботис”». Hecat. FGrHist. 1. F320 = Steph. Byz. s.v. Ὀνείβατις: «Онибатис. Город в Египте. Гекатей в “Описании Ливии”». Hecat. FGrHist. 1. F332 = Steph. Byz. s.v. Ψύλλοι καὶ Ψυλλικὸς κόλπος: «Псиллы и Псиллийский залив. В Ливийском заливе (ἐν τῷ Λυβικῷ κόλπῳ). Гекатей в “Описании Ливии”: “Псиллийский залив велик и глубок, плавание по нему – три дня (μέγας καὶ βαθύς, τριῶν ἡμερῶν πλοῦς)”».

Попутно обратим внимание на наличие во фрагменте, который был процитирован последним (он важен еще и тем, что в нем приводится дословная цитата из Гекатея; таких фрагментов не слишком много, и они особенно ценятся), эксплицитной специальной проблематики. Во-первых, упоминается «залив в заливе»; во-вторых, появляются пространственные категории μέγας, βαθύς; в-третьих, величина талассографического объекта³ измеряется днями плавания.

Можно было бы привести еще несколько фрагментов с формулировкой «Описание Ливии», но ничего нового они уже не принесут. Обратим внимание следует лишь на то, что подобная формулировка встречается, собственно, *только* у Стефана Византийского – и больше ни у кого. Стефан, как известно, является автором весьма поздним, работавшим на рубеже античности и средневековья. В принципе, конечно, можно допустить, что к тому времени александрийские филологи осуществили новое деление Гекатеева трактата, отделив отдельную третью книгу. Но нам такое предположение кажется маловероятным.

Дело в том, что у Стефана попадаются ведь (тоже несколько раз) и формулировки типа «Мегаса. Как “Гераса”. Город в Ливии. Гекатей в “Описании Азии”: “Из него хлебоядцы и пахари”» (Hecat. FGrHist. 1. F335 = Steph. Byz. s.v. Μέγασα,

² В некоторых рукописях – «Елений». В любом случае ясно, что название местности увязывалось с пребыванием в Египте Елены (с Менеласом).

³ В связи с категорией талассографии см. Janni 2016, 21: «С самого начала греческая география в равной мере представляла собой и талассографию».

тоже с дословной цитатой из Гекатея). Из этого следует, что все-таки, видимо, в целом Стефаном ливийский материал в «Описании Земли» воспринимался как содержащийся в книге «Азия». Иными словами, ссылки на «Описание Ливии» у него не нужно считать ссылками на отдельную книгу. В качестве поясняющей параллели приведем фрагмент, дошедший через посредство того же Стефана.

Hecat. FGrHist. 1. F305 = Steph. Byz. s.v. Χέμμις: «Хеммис. Город в Египте <...> Есть и остров Хембис, пишущийся с буквой “б”, в Бутах⁴, как говорит Гекатей в “Описании Египта”: “В Бутах близ святилища Лето⁵ есть остров под названием Хембис, посвященный Аполлону, а этот остров поднятый, он плавает и движется по воде (μεταρσίη καὶ περιπλεῖ καὶ κινέεται ἐπὶ τοῦ ὕδατος)”. Название островитянина – хеммит и хембиец».

Фрагмент очень интересный, в нем опять же присутствует дословная цитата (причем с неслитным ионийским написанием κινέεται, что доказывает ее аутентичность⁶), а речь идет о спациальном феномене плавающего острова. Но сейчас нам важно другое: Стефан ссылается на «Описание Египта» Гекатея (не только в этом месте, а и в ряде других, мы привели один пример в чисто иллюстративных целях).

Специального труда «Описание Египта» у Гекатея не было, равно как – и это сейчас для нас самое главное – и в отдельную книгу его географического сочинения рассказ о Египте уж точно никем не выделялся. Он, видимо, занимал достаточно значительное место в «Азии», второй книге труда (поездка автора в «страну пирамид» была в античности широко известна, топоним «Гекатей в Египте» имел большую популярность уже в эпоху Геродота⁷). А тем не менее формулировка ссылки – как бы на отдельную книгу – налицо. Причем вот как раз на «Описание Египта» ссылается не только Стефан, но и другой автор, еще более поздний – константинопольский патриарх Фотий («Афт – бог у египтян, как Исида и Тифон. Гекатей в “Описании Египта”», Hecat. FGrHist. 1. F327 bis = Phot. Lex. α 3352⁸).

Итак, будем исходить из традиционного и, несомненно, верного представления о разделении «Описания Земли» на две книги и, соответственно, разделении гекатеевского мира на две части – Европу и Азию. Кстати, где милетский историк проводил между ними границу? Ясно, что через Гибралтарский пролив, Средиземное море, Эгейское море, Черноморские проливы, Понт Евксинский... А дальше?

Этому интересному вопросу недавно посвятила специальную статью В.Т. Мусбахова⁹. В ней проблема трактуется в контексте эволюции общегреческих взглядов на локализацию этой границы. Не со всеми положениями автора мы можем вполне согласиться, но тем не менее теперь все дальнейшие научные разработки по проблеме должны учитывать и эту работу.

⁴ Некоторые издатели поправляют на «в Буто», что вернее: именно так назывался этот египетский город.

⁵ Лето (Латона) – в греческой мифологии мать Аполлона и Артемиды. Здесь, естественно, имеется в виду какая-то египетская богиня.

⁶ О диалекте Гекатея см.: Fowler 2013, 669–673.

⁷ Heidel 1987.

⁸ Этот фрагмент Якоби был неизвестен, добавлен в свод фрагментов Гекатея в: Fowler 2013, 681.

⁹ Мусбахова 2014.

Говоря в максимально обобщенном виде, ситуация, судя по всему, развивалась так. Изначально греки предполагали, что на крайнем востоке две части света разделяет река Фасис (Риони); именно такие представления отразились в мифе об аргонавтах. Затем эта роль перешла к Гипанису (Кубани) и, наконец, к Танаису (Дону), за которым и закрепилась. Правда, В.Т. Мусбахова считает, что в раннюю эпоху Фасисом называлась так река, которая потом стала Гипанисом, то есть Кубань, и только позднее топоним Фасис был перенесен на Риони. Но эта гипотеза влечет за собой ряд далеко идущих допущений, которые трудно согласовать с наличными фактами. В частности, поскольку Фасис в мифологии тесно связан с царством Ээта, то само это царство приходится локализовать «в бассейне Кубани»¹⁰. Это ровно ни из чего не следует. Царство Ээта помещалось все-таки в Колхиде, то есть к югу от Кавказского хребта, а не к северу от него. Либо надо искать (и вряд ли такой поиск увенчается успехом) какие-то доказательства в пользу того, что греки когда-либо понимали под Колхидой не Восточную Грузию, а некий иной регион.

Впрочем, в конце концов данный нюанс не столь уж принципиален. Важнее другое: какая река во времена Гекатея (и, соответственно, им самим) принималась за границу между Европой и Азией? Дон или еще Кубань (ясно, что в любом случае уже не Риони)? Ко времени деятельности Геродота вопрос был окончательно решен в пользу Дона, а вот о том, что это случилось уже при Гекатее, нельзя утверждать со всей категоричностью; неслучайно и В.Т. Мусбахова в данной связи выражается достаточно осторожно¹¹.

Вероятно, лучшим способом внести хотя бы какую-то определенность будет рассмотрение сохранившихся фрагментов, содержащих информацию по этой тематике. Одним из самых характерных (но и самых проблематичных, маловразумительных) среди них является следующий, не содержащий прямой цитаты из Гекатея (более того, имеющий стихотворную форму, в то время как Гекатей писал, естественно, прозой) и даже непонятно, к нему ли восходящий (Hecat. FGrHist. 1. F195 = Anon. Peripl. Pont. Eux. 49):

Там от меотов¹² имя получившее
Лежит затем болото Меотийское.
В него же Танаис

¹⁰ Мусбахова 2014, 93.

¹¹ «Сохранившиеся фрагменты “Землеописания”, хотя и не дают абсолютно ясной картины, свидетельствуют в основном [курсив наш – И.С.] в пользу Танаиса как границы материков...» (Мусбахова 2014, 83). Кстати, совершенно необязательно напрямую увязывать (как это делает В.Т. Мусбахова) данный вопрос с вопросом о том, считал ли Гекатей Каспийское море заливом Внешнего Океана.

¹² Меотами называли обширный и, судя по всему, неоднородный конгломерат племен, обитавших в регионах к югу и востоку от Азовского моря и со временем полностью покоренных правителями Боспора (последние в своей титулатуре с определенного момента именуются царями всех меотов). Насколько можно судить, например, по данным топонимики (часто фигурирует звуко сочетание пс, особенно в гидронимах), в языковом отношении меоты по большей части принадлежали к кавказской группе. Особой проблемой является этническая принадлежность синдов, которых то включают, то не включают в число меотов. Высказывались версии вплоть даже до такой, согласно которой синды – осколок древних индоариев.

Течет; начало от реки Аракса¹³ он
Берет, как эретриец¹⁴ Гекатей писал,
А по Эфору – он течет из озера,
Чей край неведом. И имеет Танаис
Два устья¹⁵: выход к Меотиде – первое,
Второе же – к Боспору Киммерийскому.

Это так называемый перипл Псевдо-Арриана, в действительности составленный кем-то в позднеантичное или ранневизантийское время. Здесь неизвестным автором цитируется отрывок из той части стихотворного перипла Псевдо-Скимна, которая сохранилась только фрагментарно (Ps.-Scymn. 865–873 Müller). Отнесение данного пассажа к «Азии» (а не к «Европе») Гекатея представляется нам проблематичным (да и издатели труда Псевдо-Скимна обычно относят его к главе «Европа» его перипла); кажется, и сам Якоби не был в нем вполне уверен. Более того, он был не уверен (да и многие не уверены) даже в том, что в качестве источника здесь фигурирует именно Гекатей-милетянин, а не более поздний автор (см. выше прим. 14).

Однако есть несколько фрагментов, которые позволяют, кажется, внести несколько большую ясность. Приведем и их. Hecat. FGrHist. 1. F191 = Steph. Byz. s.v. Δανδαρίοι: «Дандарии¹⁶. Племя близ Кавказа, как пишет Гекатей в “Европе”». Hecat. FGrHist. 1. F192 = Steph. Byz. s.v. Τιτανίσσαι: «Типаниссы¹⁷. Племя у Кавказа. Гекатей в “Европе”». Как нам представляется, из этих пассажей довольно ответственно можно делать вывод о том, что Танаис для Гекатея – не граница Европы и Азии. Ведь речь здесь идет о племенах, живших южнее Дона, в Прикубанье (в частности, дандарии относились к меотской группе), а в то же время они появляются в гекатеевой «Европе», а не в «Азии».

С другой стороны, та территория, которая ныне является Таманским полуостровом, Гекатеем причислялась уже к Азии. Об этом свидетельствуют два фрагмента. Hecat. FGrHist. 1. F211 = Steph. Byz. s.v. Ἀπάτουρον: «Апатур. Святилище Афродиты в Фанагории, Страбон в 11-й книге <...> А Гекатей знает залив Апатур в Азии». Hecat. FGrHist. 1. F212 = Steph. Byz. s.v. Φαναγόρεια: «Фанагория. Го-

¹³ Название «Аракс» в древности применялось к нескольким рекам Азии. Ясно, что здесь имеется в виду не та река, которая и поныне называется Араксом; это – приток Куры, текущий на восток, в сторону, противоположную Дону. Значительно вероятнее, что речь идет о том Араксе, который называли также Оксом, то есть о нынешней Амударье. В рассматриваемом пассаже как-то отразились представления, относящиеся к палеогеографической ситуации эпохи Геродота, когда уровень Каспийского моря (и, соответственно, его размеры) стоял на очень низкой отметке. Но налицо также и путаница. Так, ниже упоминается об озере, но ни Дон, ни какой-либо из его важнейших притоков не вытекает из крупного озера.

¹⁴ Испорченное место. Возможно, следует предпочесть эмендацию, принимаемую Диллером и Маркоттом, – «теосец». Речь, очевидно, идет о Гекатее Абдерском, а Абдера являлась колонией Теоса. Гекатей Абдерский писал на рубеже IV–III вв. до н.э. Впрочем, действительно существовал и менее известный автор Гекатей Эретрийский, работавший примерно в то же время. Якоби, как видим, здесь все-таки склонен приписать данный фрагмент Гекатею Милетскому. Однако впоследствии он изменил свое мнение в пользу авторства Гекатея Абдерского.

¹⁵ Свидетельство о «двух устьях» Дона – тоже несомненное недоразумение. Возможно, за второе устье был принят какой-то из рукавов Кубани.

¹⁶ Дандарии фигурируют в титулатуре некоторых правителей Боспора IV в. до н.э. как племя, подвластное им.

¹⁷ Этноним в рукописях испорчен.

род, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в “Азии”. Есть остров Фанагора и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории (название склоняется по среднему роду¹⁸)).

Таким образом, выбор, судя по всему, следует делать в пользу Гипаниса-Кубани. Правда, и здесь необходимы некоторые оговорки. Дельта Кубани на протяжении веков сильно меняла свой вид и характер. Так, ныне наиболее полноводным из кубанских гирл является самое северное (т.н. Протока), а самое южное (т.н. Старая Кубань) совсем обмелело. В античности же локальные условия были совершенно иными и, помимо прочего, на месте Таманского полуострова находился большой остров¹⁹, который, как видим, Гекатеем воспринимался как тяготеющий к Азии.

* * *

Можно с уверенностью утверждать, что во второй книге «Описание Земли» достойного внимания специального материала больше, чем в первой (точнее, его сохранилось от второй книги больше, чем от первой). Имеет смысл его рассмотреть.

Hecat. FGrHist. 1. F196 = Epimer. Nom. Cram. An. Ox. I. 287, 28²⁰. «“Измерено” (μεμετρέαται)²¹: это по-ионийски. Ведь как вместо “обдуманы” – “обдуманно” и вместо “сохранены” – “сохранено”, так же вместо “измерены” (μεμέτρηνται) – “измерено” (μεμετρέαται) у Гекатея...²²: “Итак, мной измерено следующим образом Боспор, Понт, а также Геллеспонт (ὁ μὲν οὖν Βόσπορος καὶ ὁ Πόντος οὕτω καὶ ὁ Ἑλλήσποντος κατὰ ταῦτά μοι μεμετρέαται)”. И у Гиппоакта... “подвигнуто”; и Анакреонт... “отрублено”; и “наброшено”».

Здесь перед нами вновь дословная цитата из Гекатея (и тоже с диалектальной особенностью), в которой появляется важное понятие измерения пространств (в данном случае водных). Кстати, эта фраза имеет большое (хотя не дословное) сходство с одним пассажем у Геродота (Herod. IV. 86), что заставляет задуматься. Если не считать, что здесь под видом цитаты из Гекатея дана геродотовская (а это маловероятно, поскольку, повторим, полного текстового совпадения нет), то, получается, Геродот заимствовал данные об измерениях названных водных бассейнов у Гекатея?

Как мы указываем в другом месте²³, сам Геродот, вопреки тому, что он утверждает, лично не измерял и не мог измерять длину, во всяком случае, Черного моря в западно-восточном направлении, поскольку никогда не совершал сквозного плавания по его «длинной» стороне – ни по южной, ни по северной. Но если он

¹⁸ Причем во множественном числе.

¹⁹ Именно большой остров, а не архипелаг, как считали до относительно недавнего времени. См. к современному состоянию проблемы: Суриков 2013а.

²⁰ Источник, из которого взята цитата, – «Гомеровские эпимеризмы», анонимный византийский грамматический трактат (видимо, IX в.). Эпимеризм – разбор слова по составу.

²¹ В этом фрагменте мы пытаемся посылить передать неперебиваемую игру слов, имеющую место в греческом оригинале. Речь идет о том, что в ионийском диалекте μεμετρέαται вместо аттического μεμέτρηνται (аналогично и с окончаниями в далее приводимых примерах), что на первый взгляд может создать иллюзию формы третьего лица единственного числа, а не множественного.

²² Перед идущей далее цитатой из Гекатея Якоби предполагает лакуну.

²³ Суриков 2011, 288–290.

опирался на Гекатея, то резонно поставить вопрос: а измерял ли Понт милетянин, и если да, то как?

Здесь, правда, перед нами возникает проблема, порождаемая тем, что, если о путешествиях Геродота, о том, где он бывал в течение жизни, мы осведомлены достаточно детально²⁴, то о соответствующем аспекте деятельности Гекатея сведений почти нет. Строго говоря, доподлинно мы знаем только о вышеупомянутом посещении им Египта. Разумеется, Гекатей уж точно не был домоседом. Все говорит о нем как о типичном представителе ионийской интеллектуальной элиты, а этот слой вообще отличался чрезвычайно большой мобильностью. Гекатея отличали широта кругозора и большая эрудиция – эти качества, скорее всего, были им приобретены в ходе многочисленных странствий по миру.

Но одно дело странствовать, в том числе и с познавательными целями, а другое дело – заниматься в пути измерением расстояний; одно не предполагает другого с неизбежностью. Нам представляется более правомерным несколько иное решение проблемы, заключающееся в том, что милетский ученый провел измерения, о которых здесь идет речь, не «в натуре», а по карте – по своей знаменитой карте, создание которой является одной из главных его заслуг.

Для работы же над картой ее составителю, естественно, вовсе не требуется лично побывать во всех тех местах, которые на ней отображены. Тем более что свою карту Гекатей создавал не «с нуля»: он усовершенствовал предыдущую, принадлежащую Анаксимандру Милетскому. Приведем соответствующие свидетельства.

Agathem. I. 1 = Hecat. FGrHist. 1. T12a: «Анаксимандр Милетский, слушатель Фалеса, первым дерзнул начертить на карте ойкумену. После него Гекатей Милетский, муж, много путешествовавший, так ее усовершенствовал, что плодом его труда восхищались». Schol. Dionys. Perieg. p. 428, 7 Muell. = Hecat. FGrHist. 1. T12b: «Кто прежде того изобразил на карте ойкумену? Первым – Анаксимандр, вторым – милетянин Гекатей, третьим – Демокрит, ученик Фалеса²⁵, четвертым – Евдокс». И нет никаких оснований сомневаться в том, что карте Анаксимандра Понт Евксинский и ведущие туда проливы уже присутствовали.

Обратимся к другим фрагментам «Азии», имеющим значение для интересующей нас пространственной проблематики. Hecat. FGrHist. 1. F197 = Ammian. Marcell. XXII. 8. 9–13: «Таким образом разделяясь и заканчиваясь соединением двух морей, теперь уже оно²⁶, становясь более спокойным, простирается подлинно морским простором, раскинувшись широко и далеко, доколе только достигает взгляд. Прибрежное плавание же по всему нему²⁷ – как если бы огибать остров – имеет протяженность в двадцать три тысячи стадиев, как утверждают Эратосфен, Гекатей, Птоломей²⁸ и другие скрупулезнейшие исследователи дел этого рода; образ моря, согласно всей географии²⁹, уподобляется скифскому луку с натяну-

²⁴ См. посвященную этому вопросу книгу: Lister 1979.

²⁵ Фалес здесь упомянут явно некстати. Если имеется в виду Демокрит Абдерский (а хронологическая последовательность перечисленных в свидетельстве авторов говорит именно об этом), то он был учеником Левкиппа, а Фалес жил гораздо раньше.

²⁶ Якоби здесь поясняет в скобках: “sc. mare Aegaeum”. Но, строго говоря, речь здесь идет о «стыке» Эгейского и Черного морей.

²⁷ А вот тут уже речь идет собственно о Черном море.

²⁸ Так у Аммиана. Речь идет, естественно, о Клавдии Птолемея.

²⁹ Т.е. согласно всем представителям географической науки.

той тетивой (*speciem Scythici arcus, nervo coagmentati, geographiae totius adsensione formatur*) <...> А оконечности лука с обеих сторон образуют два узких Боспора, противоположных друг другу, – Фракийский и Киммерийский».

Здесь перед нами появляется знаменитый, столь популярный в античности образ Черного моря как скифского лука. Кем он, кстати, был впервые придуман? Думаем, на роль изобретателя столь запоминающейся метафоры может с наибольшим основанием претендовать именно Гекатей. В вышеприведенном пассаже фигурируют три имени, но два остальных – Эратосфен и Клавдий Птолемей – принадлежат авторам, заведомо намного более поздним, нежели милетянин.

Процитируем также несколько фрагментов, демонстрирующих большой интерес Гекатея к важной специальной категории границ. *Hecat. FGrHist. 1. F203 = Steph. Byz. s.v. Χάλυβες*: «Халибы. Племя близ Понта, у реки Фермодонта <...> А у Гекатея их название изменяется по второму склонению (Χάλυβοι)³⁰: «С халибами с юга граничат (ὁμοῦρέουσι) армяне»». *Hecat. FGrHist. 1. F204 = Steph. Byz. s.v. Χοιράδες*: «Херады. Город у моссинойков³¹. Гекатей в «Азии»³²: «А с тибаренами на восход солнца граничат (ὁμοῦρέουσιν) моссинойки; у них же есть город Херады»». *Hecat. FGrHist. 1. F207 = Steph. Byz. s.v. Χοί*: «Хои. Племя близ бекиров. Гекатей в «Азии»: «А здесь и бекирская земля, соприкасаются же с ними хои». И еще раз: «До них – хои». И еще раз: «А с хоями граничат (ὁμοῦρέουσι) со стороны восхода солнца дизеры»».

Территориально эти фрагменты относятся к восточной части Малой Азии, являвшейся в античности регионом огромной этнической пестроты. Характерным образом Гекатей употребляет глагол ὁμορέω (в ионийском написании ὁμοῦρέω), акцентирующий не момент деления границей, а, напротив, момент смежности, пространственной близости двух этносов.

Hecat. FGrHist. 1. F208 = Steph. Byz. s.v. Ἐρμώνασσα: «Гермонасса. Маленький остров в Киммерийском Боспоре, на котором – город, колония ионийцев, как пишет Периегет³³. А Скимн³⁴ называет его также Германией. Страбон в 7-й книге упоминает деревню Гермонакта. Менипп³⁵ же говорит о местечке (χωρίον) такого названия, принадлежащем Трапезунту, в «Перипле двух Понтов». Но Гекатей и Феопомп называют эту Гермонассу городом (πόλιν)».

По нашему мнению, эта малоазийская Гермонасса (которую не следует смешивать с более известной боспорской, нынешней Таманью) изначально была основана как полис (такая ситуация отражена у ранних авторов – Гекатея и Феопомпа), но со временем деградировала до комы на хоре Трапезунта (такая ситуация отражена у Мениппа, автора более позднего).

Кстати, именно потому, что у Гекатея в «Описании земли» постоянно упоминались разные города и употреблялся термин πόλις, – а при этом перед нами, подчеркнем, весьма ранний источник! – его свидетельства привлекли внимание

³⁰ Выше, в заголовке статьи этноним в плуралисе дан с окончанием третьего склонения.

³¹ Такое написание – поправка издателей, а в тексте Стефана – неточно: «мосинойки» и даже «мосиноки».

³² У Стефана ошибочно «в Европе»; Якоби поправляет.

³³ Дионисий Периегет.

³⁴ Скимн Хиосский, а не Псевдо-Скимн.

³⁵ Менипп Пергамский, географ I в. до н.э.

выдающегося антиковеда М. Хансена³⁶, когда тот во главе коллектива ученых занимался определением понятия «полис». Общее заключение к статье на эту тему ученый делает таким: «...Гекатей использовал термин “полис” таким же образом, как все остальные греческие авторы: даже несмотря на то, что это слово в “Описании” употреблялось в основном в значении города скорее, чем в значении города-государства, оно, кажется, в случае с эллинскими полисами применялось исключительно к общинам, которые были полисами в политическом смысле в той же мере, как и в урбанистическом»³⁷.

Hec. FGtHist. 1. F217 = Strab. XII. 3. 22: «А скепсиец³⁸, как кажется, не принимает его³⁹ мнение, равно как и мнение тех, кто помещает гализонов близ Палены <...> Равным образом он недоумевает и по поводу того, как кто-то может считать, что от кочевников, живших за Борисфеном, пришла военная помощь троянцам. Больше же всего он хвалит мнение Гекатея Милетского, Менекрата-элеата⁴⁰ (мужа из числа приятелей Ксенократа⁴¹) и Палефата⁴². Из них Гекатей в “Описании земли” говорит: “Около города Алазии – река Одрисс, которая, протекая через равнину Мигдонии с запада, из озера Даскилитиды, впадает в Риндак⁴³”. Он говорит, что ныне Алазия опустела, а алазоны живут в многочисленных деревнях, мимо которых течет Одрисс; в них-де особенно почитается Аполлон, в наибольшей же степени – по границе с кизикийцами⁴⁴ [далее выпускаем часть пассажа, в которой речь идет не о Гекатее, а о других авторах, – И.С.] <...> Итак, что достойно похвалы в их суждениях? Помимо того, что и они изменяют древнее написание, они не показывают ни серебряных рудников, ни того, где в Мирлеатида находится Алопа, ни того, каким образом пришедшие оттуда в Илион оказались пришедшими издалека, даже если допустить, что была какая-то Алопа или Алазия».

Здесь Страбон вступает в довольно запутанную дискуссию об упоминаемых Гомером гализонах (ализонах) и об их соотношении с алазонами, которых обычно локализовали в Скифии (примешивался тут еще и вопрос об амазонках – в связи с имеющим место созвучием). Из упоминаемых географом писателей самым ранним является Гекатей, который, как видим, связывает алазонов отнюдь не со Скифией, а с регионом, близким к Трое. Иными словами, он оказывается мыслящим более реалистично, чем, скажем, Эфор, который, не смущаясь пространствами и расстояниями, «приводил» троянцам союзников из далекого Северного Причерноморья.

³⁶ Hansen 1997.

³⁷ Hansen 1997, 27.

³⁸ Деметрий Скепсийский.

³⁹ Эфора.

⁴⁰ Историк IV в. до н.э.

⁴¹ Ксенократ Калхедонский (IV в. до н.э.) – видный философ-платоник, третий схолярх Академии.

⁴² Палефат – древнегреческий мифограф, время жизни которого с точностью не датируется (чаще его относят к IV в. до н.э.). В своем трактате «О невероятном» довел до логического предела методику рационалистической интерпретации мифов.

⁴³ Описываются территории на северо-западе Малой Азии, близ Геллеспонта.

⁴⁴ Т.е. с жителями Кизика – важного греческого города в Пропонтиде.

Hecat. FGrHist. 1. F291–292a = Athen. II. 70ab: «Артишок⁴⁵: Софокл в “Кол-хах” называет его кинарой⁴⁶, в “Фениксе” же пишет: “Песий терн заполонил всю ниву”. А Гекатей Милетский в “Описании Азии” <...> говорит так: “Вокруг моря, называемого Гирканским⁴⁷, высокие и густо поросшие лесом горы (οὐρεα ὑψηλὰ καὶ δασέα ὕλησιν), а на тех горах колючка-артишок”. И далее: “Землю к восходу солнца от парфян населяют хорасмии⁴⁸, у которых⁴⁹ есть и равнины, и горы (καὶ πεδία καὶ οὐρεα); на горах же имеются дикие деревья, колючка-артишок, выюнок, тамариск”». Hecat. FGrHist. 1. F299 = Steph. Byz. s.v. Ὀπίαι: «Опии. Индийское племя. Гекатей в “Азии”. “А среди них у реки Инда живут люди опии, там и царская стена⁵⁰ (τεῖχος βασιλῆον). До нее опии. От нее же – пустыня (ἐρημία) до индов”». В описании этих достаточно удаленных от Греции регионов Гекатей уделяет, как видим, серьезное внимание элементам ландшафта, а также особенностям растительности (но его ботанические познания могли бы стать предметом для отдельного исследования).

Hecat. FGrHist. 1. F345 = Steph. Byz. s.v. Δούλων πόλις: «Город рабов. Город в Ливии. Гекатей в “Описании”⁵¹. И если раб принесет камень в этот город, он становится свободным, даже если он чужеземец. Есть и другой город “Храмовых рабов” (Ἱεροδούλων), в котором только один человек свободен. Говорят, что есть и на Крите Дулополь⁵², в котором тысяча мужей <...> Есть и местечко Дулополь в Египте, как говорит Олимпиан⁵³». Если информацию о «Городе рабов», в котором рабы делаются свободными, действительно следует возводить к Гекатею, то наш автор оказывается, помимо всего прочего, еще и одним из самых ранних античных утопистов (или просто самым ранним?). Конечно, элементы утопии появляются уже у представителей эпоса – Гомера и Гесиода⁵⁴. Но под античной утопией в строгом смысле слова обычно понимается нечто иное – особый прозаический жанр, который начал формироваться, как считается, в IV в. до н.э. (в его складывание внесли вклад Платон, Феопомп и др.) и достиг расцвета в эпоху эллинизма (Евгемер, Ямбул). Эллинистические утопии локализуются, как правило, в отдаленных местах, и в этом отношении Гекатей, помещающий «Город рабов» в Ливии, тоже выступает предтечей, скажем, того же Евгемера.

Столь раннее появление прозаической утопии даже несколько смущает, так что, казалось бы, можно усомниться: не принадлежит ли данное свидетельство на самом деле Гекатею Абдерскому – тезке интересующего нас писателя? Этот Гекатей жил на рубеже периодов классики и эллинизма, и, кроме того, точно из-

⁴⁵ Это – один из вариантов понимания, о каком растении здесь идет речь. Допустимы и иные возможности, но, чтобы сделать правильный выбор, нужно быть профессиональным ботаником.

⁴⁶ Этимология – от греческого слова, обозначающего собаку.

⁴⁷ Каспийское море.

⁴⁸ Возможно и такое понимание текста: «Из числа парфян землю к восходу солнца населяют хорасмии». Но оно менее вероятно.

⁴⁹ Хорасмии – жители древней области Хорезм в дельте Амударьи.

⁵⁰ Видимо, возведенная персидскими царями (Дарием I?).

⁵¹ Далее Якоби видит лакуну и вообще не считает, что нижеследующая цитата – из Гекатея (а тем не менее все-таки ее приводит).

⁵² Т.е. «Город раба».

⁵³ Малоизвестный автор позднеантичного времени (видимо, IV в. н.э.).

⁵⁴ Фрейденберг 1990, 148.

вестно, что у него наличествовали утопические мотивы⁵⁵. Однако от подобного соблазнительного предположения приходится отказаться ввиду того, что Стефан дает ссылку не только на автора, но и на сочинение, а сочинением этим является «Описание Земли» – труд именно Гекатея Милетского, а не Гекатея Абдерского.

Есть, правда, один текст, который может быть представлен в качестве контраргумента. Приведем его. Athen. II. 70a = Hecat. FGrHist. 1. T15a: «А Гекатей Милетский в “Описании Азии”, если эта книга действительно принадлежит названному автору, – ведь Каллимах приписывает ее Несиоту...».

Перед нами весьма интересное и даже загадочное свидетельство. Практически не приходится сомневаться в том, что здесь имеется в виду Каллимах Киренский – величайший эллинистический поэт и, помимо прочего, выдающийся грамматик, один из основателей александрийской филологической школы. В громадной эрудиции этого автора сомневаться не приходится, но какому же «Несиоту» приписал он тут «Описание Азии» Гекатея? Историк по имени Несиот неизвестен (хотя был скульптор Несиот, они с Критием создали в Афинах в начале V в. до н.э. вторую группу «Тираноубийц»). С другой стороны, «несиот» ведь может быть понимаемо и как имя нарицательное – «островитянин». В таком случае это прозвище какого-то историка по имени Гекатей. Вторым по известности носителем этого имени после Гекатея Милетского, повторим, являлся Гекатей Абдерский (рубеж IV–III вв. до н.э.). Но ни Абдера, ни ее метрополия Теос – не острова. Остается считать, что Каллимах думал о малоизвестном Гекатее Эретрийском (рубеж IV–III вв. до н.э.), ибо Эретрия располагается на Эвбее, которая все-таки как бы остров (хотя, честно говоря, Эвбея – самый «сомнительный» остров в эллинском мире, пролив Еврип, отделяющий ее от материка, в самом узком месте не шире 30 метров, там уже в античности существовал мост, и уж кого-кого можно было назвать «островитянином», но не эвбейца. В любом случае сомнения в принадлежности «Описания Азии» (или просто «Азии») именно Гекатею Милетскому, высказывающиеся здесь, беспочвенны, ведь это вторая часть его «Описания Земли». И Стефан Византийский, как мы неоднократно видели выше, работал именно с этим трудом.

* * *

Самые пространные (и, безусловно, относящиеся к числу наиболее важных и интересных, в том числе и в том аспекте, которым мы здесь занимаемся) фрагменты «Описания Земли» относятся к Египту. Их особенность еще и в том, что некоторые из них содержатся у такого автора, как Геродот – с исторической точки зрения почти современник Гекатея. Понятно, что фрагмент более древнего писателя, передаваемый Геродотом, – это совсем не то, что фрагмент, передаваемый, скажем, Стефаном или каким-нибудь другим источником, отделенным от милетского историка целым тысячелетием. К сожалению, Геродот не цитирует Гекатея дословно, но это, в общем-то, и не в духе «отца истории».

Уже в античности существовала точка зрения, согласно которой Геродот в своем «египетском логосе» в очень большой степени опирался на сочинение Гекатея. Даже, пожалуй, в непростительно большой степени, будто бы занимаясь,

⁵⁵ Фрейденберг 1990, 163–164.

по сути, элементарным плагиатом. Наиболее откровенно эта мысль выражена в следующей цитате: «...Геродот во вторую книгу⁵⁶ многое дословно перенес из “Описания” Гекатея Милетского, немного переделав, о птице фениксе, о речном коне⁵⁷ и о ловле крокодилов...» (Porphyr. ap. Euseb. Praep. evang. X. 3. p. 466 B). В современной науке, впрочем, это мнение имеет лишь небольшое число адептов (хотя таковые все-таки есть⁵⁸). Никому, кроме самых крайних гиперкритиков, не придет в голову отрицать, что Геродот бывал в Египте лично и в описании страны опирался в первую очередь на собственные впечатления. Но точно так же несомненно и то, что трудом Гекатея он тоже пользовался в связи с египетским материалом.

Хорошо известно, что Геродот дает Египту весьма специфическую, даже уникальную специальную характеристику⁵⁹, понимая его как своего рода «антипространство», где «все наоборот» – от природных феноменов до жизни людей⁶⁰. Приведем хрестоматийный пассаж (Herod. II. 35): «...Подобно тому, как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов». Можно ли предположить, что эту идею о Египте как «царстве абсолютно Иного» высказывал уже Гекатей, а галикарнаец в данном отношении выступил как его последователь? Это допустимо, но достаточного количества позитивных данных в пользу подобной гипотезы в нашем распоряжении все же нет.

К сожалению, самый знаменитый из «египетских» фрагментов Гекатея (Hecat. FGrHist. 1. F300 = Herod. 143–145) посвящен не специальной, а темпоральной тематике: именно в нем идет речь о том, что милетский историк возводил свое происхождение в шестнадцатом поколении к богу, а египетские жрецы продемонстрировали ему всю абсурдность столь короткой родословной, показав ряд из 345 статуй, каждая из которых представляла одно человеческое поколение – а боги-де были до них. Однако есть у Гекатея и фрагменты, относящиеся к чисто пространственному феномену, причем такому, который не только он, но и едва ли не все греки считали главным, знаковым для Египта. Речь идет, разумеется, о Ниле⁶¹.

Hecat. FGrHist. 1. F301 = Arrian. Anab. V. 6. 5: «И Геродот, и Гекатей, прозаики, или если действительно сочинения о египетской земле принадлежат кому-то другому, а не Гекатею⁶², оба равным образом называют Египет даром реки⁶³, и у Геродота доказано недвусмысленными доводами, что так оно и есть». Сомнения в авторстве Гекатея, звучащие здесь, ранее нам уже встречались (исходили они в том числе и от такого эрудированного автора, как Каллимах), но основательными,

⁵⁶ Во вторую книгу «Истории», в которой и содержится «египетский логос».

⁵⁷ Гиппопотаме.

⁵⁸ Например: Heidel 1987.

⁵⁹ По теме «Египет у Геродота» написано очень много. См., например: Lloyd 2002; 2004; Vannicelli 2007; Schwab 2016; Nagy 2018. Основополагающим остается фундаментальнейший трехтомный комментарий к «египетскому логосу»: Lloyd 1975–1988.

⁶⁰ В связи с Египтом как «географическим пространством Иного» см. Moers 2010.

⁶¹ О котором много пишет и Геродот: Wainwright 1953.

⁶² Слова «а не Гекатею» Якоби вслед за Дильсом предлагает исключить. В принципе на смысл это практически никак не влияет.

⁶³ Нила.

повторим, их считать нельзя. У Геродота тезис «Египет – дар Нила» обстоятельно аргументируется. Мы не знаем, насколько детально обсуждался он у Гекатея, но из приведенного свидетельства со всей очевидностью ясно, что, во всяком случае, обсуждался. А поскольку Гекатей писал раньше Геродота, то, стало быть, именно ему принадлежит приоритет в поднятии данной проблемы. Также оба автора интересовались занимательной проблемой истоков Нила, о чем свидетельствует дальнейшее.

Hec. FGrHist. 1. F302a = Diod. I. 37: «Поскольку есть большое затруднение в вопросе о разливах реки⁶⁴, многие и из философов, и из историков⁶⁵ пытались объяснить их причины <...> Ведь такие, как Гелланик, Кадам, да еще Гекатей и все им подобные – они совершенно древние – склонялись к баснословным толкованиям <...> Вплоть до времени, когда пишется это повествование⁶⁶, никто еще не сказал, что он видел истоки Нила и место, от которого он берет начало своего течения, да даже и не доказал, что слышал о них от людей, которые их точно видели. Поэтому, коль скоро дело сводится к предположениям и вероятным догадкам, жрецы в Египте заявляют, что Нил берет начало из обтекающего вселенную океана, не говоря ничего здравого, а решая загадку другой загадкой». Непохоже, чтобы эта точка зрения имела хоть какое-то отношение к пресловутым «египетским жрецам», чей (чисто фиктивный) авторитет был столь силен в Элладе со времен Гекатея и Геродота. Конечно, она является чисто греческой. Из фрагмента, который мы приведем далее, будет видно, что данной точки зрения придерживался, в частности, и Гекатей.

Hec. FGrHist. 1. F302c = Schol. Apoll. Rhod. IV. 259: «Гекатей же Милетский пишет, что они⁶⁷ из Фасиса прошли в Океан, затем оттуда в Нил, а из него в наше море». Из этого фрагмента, повторим, ясно, что именно Гекатей считал Нил (равно как и Фасис) вытекающим из Океана. Поэтому Якоби резонно включил в число фрагментов Гекатея (Hec. FGrHist. 1. F302b) весьма известный пассаж Геродота (Herod. II. 19–23) на эту тему, несмотря на то, что имя милетского ученого в нем не фигурирует: «Ни о чем из этого я не был способен ничего узнать от египтян, когда я расспрашивал их, какая это сила у Нила, что он имеет свойства, противоположные свойствам остальных рек <...> Но некоторые из эллинов, желавшие быть знаменитыми мудрецами, высказали три мнения об этой воде. Из этих мнений два я даже не считал бы достойным упоминать, разве что хочу слегка обозначить их. Одно из них гласит, что причиной являются ветры этесии: они-де заставляют реку разливаться, препятствуя Нилу вытекать в море <...> Второе – еще более невежественно, чем вышеупомянутое и, так сказать, еще более удивительно; согласно ему, с Нилом так происходит потому, что он течет из Океана, а Океан обтекает всю землю <...> А тот, кто сказал об Океане, уводит свой рассказ в неизвестное и не

⁶⁴ Нила.

⁶⁵ Характерно, что философы (имеются в виду натурфилософы) и историки здесь сопоставлены. Историки в нашем современном понимании не занимаются, конечно, изысканиями естествонаучного характера. В данном случае перед нами отзвук древнейшего понимания термина «история» как «исследование» (не принципиально, о чем именно). Это приближает нас, в частности, к пониманию того, что Гекатей был одновременно и историком, и географом (как и Геродот после него).

⁶⁶ «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского, откуда взят этот фрагмент.

⁶⁷ Аргонавты.

имеет доказательств: ибо лично я не знаю никакой реки Океана и считаю, что это название придумал Гомер или кто-нибудь из раньше него бывших поэтов и ввел в свою поэзию».

Геродот не называет автора последней гипотезы – того, «кто сказал об Океане». Но из вышеизложенного совершенно очевидно, что речь идет не о ком ином, как о Гекатее. Перед нами, кстати, лишнее доказательство того, что не везде, где «отец истории» опирался на Гекатея или полемизировал с ним, он упоминал его по имени. Чего, в принципе, и следовало бы ожидать, учитывая весьма специфичную манеру древнегреческих историков этой эпохи ссылаться на предшественников⁶⁸. Достаточно напомнить в параллель: Фукидид не мог не читать Геродота (а в детстве слушал отрывки из его «Истории» в исполнении самого автора), тем не менее не упоминает даже его⁶⁹, хотя в одном месте (Thuc. I. 20–21) явно полемизирует именно с ним под видом каких-то «логографов».

Еще один пример использования Геродотом в «египетском логосе» Гекатея без ссылки на него – рассказ об охоте на крокодилов, о гиппопотамах и о птице феникс (Herod. II. 70–73). Выше приводилось свидетельство (Porphyr. ap. Euseb. Praep. evang. X. 3. p. 466 B), согласно которому этот материал взят галикарнасцем именно из Гекатея. Поэтому и этот геродотовский пассаж Якоби с полным основанием включает в свод фрагментов Гекатея (Hecat. FGrHist. 1. F324b).

Но вернемся к фрагментам об истоках Нила. Итак, они дают основание констатировать важную, принципиальную черту пространственных представлений Гекатея: он верил в существование «мировой реки» Океана, извне окружающей сушу, разделенную на Европу и Азию. Более того, в его понимании некоторые из реальных рек (как те же Нил и Фасис) связывают этот Океан со средиземноморским бассейном. Это – концепция, характерная для архаической географической мысли, как хорошо показал в своих работах⁷⁰ А.В. Подосинов. Геродот же принадлежит уже к иной эпохе и во многом иной географической традиции⁷¹. Потому-то для него гекатеевская теория оказывается смехотворной.

* * *

Завершив разговор о Гекатее, обратимся теперь к другим представителям древнейшего греческого историописания. Говоря о них в аспекте пространственных представлений, сразу следует отметить, что в данном отношении они достаточно четко делятся на две группы, представленные, соответственно, теми, кто, подобно Гекатею, испытывал интерес не только к истории, но и к географии, и теми, кто такого интереса не испытывал.

Ко второй группе относятся, в частности, Акусилай, Ферекид Афинский и Гелланик. Они пристально исследовали прежде всего мифографию, а Акусилай, помимо нее, также вопросы теогонии и космогонии. Гелланик отличился еще и

⁶⁸ Эта манера остроумно и афористично охарактеризована в: Вен 2003, 11–18.

⁶⁹ Фукидид из предшественников ссылается (лишь однажды) только на Гелланика (Thuc. I. 97. 2), причем с единственной целью – подвергнуть коллегу критике, уличить в хронологических неточностях. См. к проблеме: Lendle 1968; Smart 1986.

⁷⁰ Итоговой из которых является: Подосинов 2015.

⁷¹ Литература о географических представлениях Геродота очень обширна. Отметим здесь только новейшую работу выдающегося исследователя (Bichler 2018), из справочного аппарата которой желающий легко почерпнет сведения о предыдущих.

своим значительным вкладом в хронологические штудии⁷². Считается (и, видимо, справедливо), что именно он первым в Греции (наряду с Гиппием Элидским) стал серьезно заниматься проблемами исторической хронологии⁷³. Таким образом, ему явно была ближе темпоральная тематика, чем спациональная.

Что же касается первой группы (которая по понятным причинам в данной статье имеет для нас большее значение), к ней можно причислить Харона Лампсакского и Дамаста Сигейского. Харон однозначно признается историком более ранним, нежели Геродот. Его творческая деятельность развевалась, судя по всему, в первой половине V в. до н.э. В том, что он посвятил себя исследованию прошлого, несомненно, сказалось его происхождение из полиса, находящегося в зоне Черноморских проливов, близ легендарной Трои (в этом плане о нем можно сказать то же, что и о Дамасте, см. ниже).

Харон был плодовитым и разносторонним автором. Приведем следующее свидетельство о нем (Suid. s.v. *Χάρων* = Char. FGrHist. 262. T1): «Харон. Лампсакиец, сын Пифокла⁷⁴, родившийся⁷⁵ при первом Дарии, в 79-ю олимпиаду; а, скорее, он был во времена Персидских войн, в 75-ю олимпиаду⁷⁶. Историк; написал сочинения “Эфиопские дела”, “Персидские дела” в 2-х книгах, “Эллинские дела” в 4-х книгах, “О Лампсаксе” в 2-х книгах, “Ливийские дела”, “Летописи⁷⁷ лампсакийцев” в 4-х книгах⁷⁸, “Пританы, или архонты⁷⁹, лакедемонян” (оно посвящено хронологии), “Основания городов” в 2-х книгах, “Критские дела” в 4-х книгах (в нем он говорит и о законах, установленных Миносом), “Перипл мест, что за Геракловыми столпами”⁸⁰».

Однако значимость данного автора обуславливается отнюдь не только количеством и тематическим разнообразием сочинений. Хотя и этим тоже: обратим внимание, например, на тот факт, что он едва ли не первым обратился в прозе к ставшему затем столь популярным у эллинов жанру *κτίσεις* – рассказов (часто легендарного характера) о том, как основывались города (по большей части колонии)⁸¹. Полагают, что подобного рода сказания фигурировали уже в поэзии

⁷² См. об этом: Ruschenbusch 2003; Möller 2007.

⁷³ Р. Фаулер ставит вопрос, кому же все-таки принадлежит приоритет в данной сфере – Гелланику или Гиппию, – и приходит к выводу, что скорее Гелланику (Fowler 2013, 685–687). Фукидид, правда, критикует последнего именно за хронологические упущения, но это только потому, что сам он пошел по той же стезе еще дальше.

⁷⁴ Но Павсаний, автор более ранний, называет отца Харона Пифеем.

⁷⁵ Или «живший» (причастие *γενόμενος* здесь можно понять как в том, так и в другом смысле).

⁷⁶ Здесь налицо явная хронологическая путаница. Правление Дария I в Персии датируется 522–486 гг. до н.э. 79-я олимпиада – 464/463 – 461/460 гг. до н.э.; 75-я олимпиада – 480/479 – 477/476 гг. до н.э. На эту последнюю действительно пришлось «Персидские войны» в узком смысле (поход Ксеркса), а вот между правлением Дария и 79-й олимпиадой – ровно никакой корреляции. Возможно, понимать пассаж следует в том смысле, что Харон родился при Дарии I (а родился он, подчеркнем, как персидский подданный – в то время Лампсак контролировался Ахеменидами), известности же достиг в 79-ю олимпиаду.

⁷⁷ «Летописи» – исправление издателей, в «Суде» – «границы».

⁷⁸ Якоби считает, что этот труд тождествен «Летописям лампсакийцев».

⁷⁹ Слова «или архонты» Якоби предлагает убрать, так как, по его мнению, это не часть названия труда, а пояснение автора словаря.

⁸⁰ Название этого труда не раз озадачивало исследователей, вплоть до того, что отрицались его аутентичность или даже само существование (кстати, ни одного фрагмента от него не дошло). Что мог грек эпохи Харона рассказать о «местах, что за Геракловыми столпами»?

⁸¹ Об этом жанре см.: Schmid 1947.

эпохи архаики⁸², а уже к V в. до н.э., ко времени Харона, приобрели прозаический характер.

Главное, однако, в другом. Как ни мало сохранившихся фрагментов Харона (а их действительно немного), даже из них ясно видно, что перед нами действительно крупный представитель раннеклассического историописания. И, скажем шире, в целом раннеклассической словесности. По содержанию дошедшие фрагменты весьма разнообразны: здесь и изящная новелла в «геродотовском» духе о хитроумной стратегеме фракийского вождя против греческого города (Char. FGrHist. 262. F1), и подробно изложенная этимологическая легенда об основании Лампсака (Char. FGrHist. 262. F7), и чисто сказочный сюжет о нимфе-гамадриаде (Char. FGrHist. 262. F12), и отрывки сугубо информационного характера... Фрагмент об основании Лампсака (происходящий или из «Оснований городов», или, как считает Ф. Якоби⁸³, из другого трактата – «Летописи лампсакийцев») – один из наиболее интересных. Остановимся на нем подробнее и даже приведем целиком.

Char. FGrHist. 262. F7a = Plut. Mor. 255a–e: «Были братья-близнецы из Фокеи⁸⁴, из рода Кодридов (τοῦ Κωδριδῶν γένους)⁸⁵, – Фоб⁸⁶ и Блепс; из них Фоб первым бросился в море с Левкадских скал⁸⁷, как рассказал Харон Лампсакский. Он, обладая властью и царским авторитетом (ἔχων δὲ δύναμιν καὶ βασιλικὸν ἄξιωμα)⁸⁸, приплыл в Парий⁸⁹ по собственным делам. И, став другом и гостеприимцем (φίλος καὶ ξένος) Мандрону, царствовавшему над бебриками⁹⁰ (βασιλεύοντι Βεβρύκων), которых прозвали питиоесцами⁹¹, он оказал им помощь и воевал вместе с ними (ἐβοήθησε καὶ συμπολέμησεν αὐτοῖς), когда тех беспокоили соседи. А Мандрон оказал Фобу и многие другие знаки дружелюбия, когда тот отплывал, и, в том числе, пообещал отдать ему часть своей страны и города (μέρος τῆς τε χώρας καὶ τῆς πόλεως), если он пожелает прибыть в Питиоессу, взяв с собой фокейцев в качестве дополнительных поселенцев⁹² (ἐποίκους). Итак, Фоб, убедив сограждан (τοὺς πολίτας), послал вождем этих поселенцев (ἐποίκους) брата. И все им от Мандрона было, как они и ожидали, а они, получив

⁸² Dougherty 1994 (впрочем, со скептическим отношением к тезису, согласно которому в архаический период уже существовал специальный литературный жанр легенд об основании городов).

⁸³ Jacoby 1993, 4.

⁸⁴ Фокея – один из самых значимых городов материковой Ионии.

⁸⁵ Знаменитый древнегреческий аристократический род, ветвь Нелеидов из Пилоса. Основатель рода – Кодр, легендарный афинский царь. Согласно легендарной традиции (данные которой в этом случае, безусловно, в общей форме соответствуют действительности), некоторые из сыновей Кодра возглавили ионийскую колонизацию и основали эллинские города на восточном побережье Эгейского моря. Поэтому Кодриды зафиксированы и в ряде полисов Ионии.

⁸⁶ Вариант: Фокс.

⁸⁷ Знаменитая скала на острове Левкада у западных берегов Греции; с нее бросались те, кто страдал безнадежной любовью (например, источники часто называют в данной связи поэтессу Сапфо). Те, кому удалось выжить после прыжка, будто бы исцелялись от страсти.

⁸⁸ Поскольку вначале Кодриды были в Фокее (как и, например, в Милете, Эфесе) наследственными царями. К тому же Фоб (Фокс) был потомком ойкиста.

⁸⁹ Греческая колония на северо-западе Малой Азии, в Троаде.

⁹⁰ Фракийское (?) племя. Довольно часто упоминается в мифах о событиях «героической» эпохи (особенно в мифе об аргонавтах).

⁹¹ От упоминаемого чуть ниже города с названием Питиоесса («Сосновый», распространенный топоним, иногда пишущийся как «Питиусса»).

⁹² Именно так обычно понимают употребленный здесь термин «эпойки» (в отличие от «апойков» – первоначальных колонистов).

от соседних варваров обильную прибыль как военную добычу, стали для бебриков вначале ненавистны, а потом и страшны⁹³. Итак, желая от них избавиться, Мандрона, мужа честного и справедливого к грекам, бебрики не сумели убедить, а вот когда он покинул их, они стали готовиться погубить фокейцев обманом. А дочь Мандрона Лампсака, еще девушка, узнала об этих кознях; и прежде всего она пыталась отвлечь от них своих друзей и родственников, объяснить им, что они посягают на ужасное и нечестивое дело, желая убить благодетелей и союзников (εὐεργέτας καὶ συμμάχους), которые к тому же теперь еще и сограждане (νῦν δὲ καὶ πολίτας). Но поскольку она не могла их убедить, то тайно предупредила эллинов об этих делах и посоветовала им остерегаться; а они, подготовив некое жертвоприношение и пир, вызвали питиоесцев в предместье, а сами разделились надвое, и одна их часть захватила стены, другая же перебила людей. Вот так-то овладев городом (τὴν πόλιν κατασχόντες), они и Мандрона призывали обратно, веля ему царствовать совместно с ними (συμβασιλεύειν τοῖς παρ' αὐτῶν), и Лампсаку, умершую от болезни, с пышностью похоронили в городе, а город назвали Лампсаком в ее честь. Поскольку же Мандрон, избегая подозрений в измене, отказался жить с ними, а жен и детей погибших пожелал вывезти к себе, то поселенцы охотно, без всяких обид, выслали их. И Лампсаке они вначале воздавали почести как героине, а позже постановили приносить ей жертвы как богине⁹⁴; и так они поныне приносят эти жертвы».

Перед нами блестящий (причем, повторим и подчеркнем, очень ранний!) образчик колониального пространственного нарратива, причем с акцентом на противостояние эллинов и варваров. Как раз во времена, когда писал Харон, этот топос «эллина – варвары» начал складываться, но не достиг еще своей окончательной формы, в которой мы его находим, скажем, у Аристотеля, у которого знаки позитива и негатива уже неизбежно расставлены (эллина – «добро», варвары – «зло»). У Харона мы такого не найдем; в его сочинении, по всей видимости, господствовала такая же система представлений по данному вопросу, как у его современников Эсхила и Геродота. Варвары здесь (по крайней мере, какие-то из них) вполне способны на благородство⁹⁵. Да они еще не столь уж и четко отделены от греков: Мандрон и Лампсака носят имена, которые могут быть поняты как вполне греческие. Подчеркнем, что перед нами этиологическая легенда, объясняющая название города, но вряд ли имеющая реальные исторические корни⁹⁶.

Из других фрагментов Харона, имеющих специальный оттенок, отметим следующие. Char. FGrHist. 262. F3a = Athen. IX. 394e: «А Харон Лампсакский в “Персидских делах”, повествуя о Мардонии и персидском войске, погибшем у Афона, пишет, в частности, следующее: “И белые голубки тогда впервые появились у эллинов, а прежде их не было”». Речь идет о неудачном походе персов на Грецию в 492 г. до н.э., когда флот Мардония, двигаясь вдоль северного побережья Эгейского моря и огибая Афон, потерпел кораблекрушение. Во фрагменте приве-

⁹³ В целом весьма корректно рисуются отношения между прибывшими греческими поселенцами и местными жителями в период колонизации.

⁹⁴ В действительности, возможно, Лампсака с самого начала являлась туземным божеством, почитавшимся в регионе, где была основана эта греческая колония.

⁹⁵ Ср. Char. FGrHist. 262. F1, где варвар-фракиец Нарис оказывается хитроумнее греков Кардии и благодаря этому одерживает над ними победу.

⁹⁶ Ей придает, на наш взгляд, чрезмерно большое значение И. Малкин (Malkin 1985).

дена яркая, живая деталь о голубках. Харон, видимо, придавал ей символическое значение. Char. FGrHist. 262. F8 = Schol. Apoll. Rhod. II. 2: «Амик царствовал над бебриками, которые в те времена держали в своей власти и прибрежные, и другие части Вифинии. А некоторые из них поселились и в Лидии, в окрестностях Эфеса и Магнесии. Харон же говорит, что и страна лампсакийцев прежде называлась Бебрикией из-за населивших ее бебриков. А род их исчез по причине случавшихся войн, подобно некоторым другим народам». Этот фрагмент тематически тесно примыкает к рассмотренному выше пассажи об основании Лампсака; не случайно в нем тоже фигурируют бебрики. Char. FGrHist. 262. F10 = Plut. Mor. 861a–d (приводим часть фрагмента – только цитату из Харона без контекста): «Афиняне же, придя на помощь ионийцам, приплыли на двадцати триерах, пошли походом на Сарды и захватили все в Сардах и вокруг, кроме царской стены (χωρίς τοῦ τείχους τοῦ βασιλῆως). А сделав это, они возвратились в Милет». Описывается знаменитый эпизод Ионийского восстания 500–493 гг. до н.э., о котором хорошо известно и из Геродота (но Харон – автор более ранний). Когда повстанцы напали на Сарды, город оказался под их контролем почти весь, кроме акрополя, на котором укрылся персидский гарнизон. Стало быть, именно акрополь Сард у Харона характерным образом назван «царской стеной». Почему именно так – в честь персидских царей? Вряд ли. Сарды не входили в число их резиденций, да и их акрополь, естественно, не был создан персами, он существовал уже в лидийское время⁹⁷. Очевидно, уже тогда – при Крезе или даже раньше – он начал обозначаться греками как «царская стена», в честь царей Лидии.

Большое специальное значение представляет фрагмент, в котором речь идет о границах Троады (Char. FGrHist. 262. F13). Поскольку в нем содержатся данные не только Харона, но и Дамаста, его мы приведем чуть ниже, в связи с этим последним. Другой фрагмент, отличающийся некоторой физиологичностью, характерен тем, что в нем пространственные образы наличествуют в символизме сновидений. Char. FGrHist. 262. F14 = Tertull. De an. 46: «Что Астиаг, повелитель мидян, который увидел во сне, что из мочевого пузыря его дочери Манданы, тогда еще девушки, было такое истечение, что затопило Азию, сообщает Геродот, равно как и о том, что в год после ее свадьбы ему приснилось, что у нее из тех же мест разрослась виноградная лоза по всей Азии. Это передает также Харон Лампсакский, автор более ранний, чем Геродот». А вот фрагмент, который имеет отношение к проливу Боспору Фракийскому (правда, Якоби относит его к сомнительным по причинам, которые будут обозначены далее). Char. FGrHist. 262. F16 = Scholl. Apoll. Rhod. II. 168: «История о Боспоре у древних рассказывается по-разному. Ведь, по словам Нимфиды⁹⁸, Акарион повествует, что-де фригийцы, желая переплыть пролив⁹⁹, построили корабль, имевший на носу вырезанную фигуру – переднюю часть быка. А когда они переплыли, это море из-за внешнего вида судна было названо Боспором¹⁰⁰». «Акарион» – невозможное, явно искаженное имя автора. Среди предлагавшихся эмендаций – и «Харон»; конечно, это

⁹⁷ Pedley 1968.

⁹⁸ Нимфид из Гераклеи Понтийской – историк III в. до н.э.

⁹⁹ Фригийцы – народ фракийского происхождения; им действительно пришлось переправляться из Европы в Азию в районе Черноморских проливов.

¹⁰⁰ Т.е. «Бычьим (или коровьим) путем».

далеко не единственный возможный вариант, но достаточно вероятный. Харон, происходивший, напомним, из зоны Черноморских проливов, явно интересовался историей своего региона.

Практически несомненно, что именно к Харону восходит и следующий замечательный по живости и колориту рассказ о пограничной распре между Лампсаком и Парием – соседними городами в зоне проливов. Хотя имя Харона в нем не упоминается, Якоби уверенно включает его в число фрагментов этого историка, будучи убежден, что свидетельство взято из его труда «Летописи лампсакийцев». Char. FGrHist. 262. F17 = Polyae. VI. 24: «Лампсакийцы и парийцы, споря о границах их земли, договорились, как только запоют птицы, послать людей из каждого города навстречу друг другу; и где посланные встретятся, там быть границе между их землями. А когда они так решили, лампсакийцы уговорили некоторых из рыбаков в тех¹⁰¹ местах, чтобы они, когда увидят парийцев, проходящих мимо¹⁰², щедро клали рыбу в костер, совершали обильные возлияния вином, как бы принося жертву Посейдону, и позвали бы тех благоговейно почтить бога, приняв участие в возлияниях. Рыбаки так и сделали¹⁰³, а те, послушавшись рыбаков, вместе с ними ели и пили, пренебрегши важностью своего пути. Лампсакийцы же, поспешив, успели дойти до святилища Гермеса. А оно отстоит от Пария на семьдесят стадиев, а от Лампсака – на двести. С помощью этой хитрости лампсакийцы отрезали для себя у парийцев столько земли, установив пограничным знаком святилище Гермеса». Перед нами блестящий образчик исторической разработки спационального топоса границы, который здесь, заметим, переходит в спационально-темпоральный¹⁰⁴, поскольку установление пространственной границы увязывается с решением определенной временной задачи, с которой лучше справляются лампсакийцы.

Дамаст же Сигейский работал несколько позже Харона. Он принадлежит к современникам Геродота и был, судя по всему, примерно одних лет с великим галикарнасцем или чуть моложе. Его называют учеником Гелланика Лесбосского, а этот последний родился на двенадцать лет раньше Геродота (Gell. XV. 23). В словаре «Суда» о Дамасте говорится следующее (Suid. s.v. Δαμάστις = Damast. FGrHist. 5. T1): «Дамаст. Сигейнин из Сигея, что в Троаде, сын Диоксиппа, живший ранее Пелопоннесских войн, современник Геродота, родом – из людей богатейших; историк. Написал он сочинения “О событиях в Элладѣ”, “О родителях и предках отправившихся походом на Илион” в двух книгах, “Перечень племен и городов”, “О поэтах и софистах” и многие другие. А был он учеником Гелланика».

Таким образом, по названиям известны четыре труда Дамаста. От них сохранилось совсем мало фрагментов, что прискорбно. Ведь даже из этих «жалких крох» можно заключить, что перед нами фигура немалого масштаба, серьезный и ответственный автор, отличавшийся, помимо прочего, интересом как к истории (в том числе в ее мифографо-генеалогической «ипостаси»), так и к географии; в данном отношении он, как и Харон, сродни Гекатею.

¹⁰¹ «Тех» – необходимая добавка издателей.

¹⁰² Эмendaция Якоби: в тексте – «проходя мимо», что явно неверно.

¹⁰³ «Так и сделали» – необходимая добавка издателей.

¹⁰⁴ О пересечении спациональных и темпоральных категориях в древнегреческих нарративах см. Purves 2010.

На творчество Дамаста, несомненно, повлияло место, из которого он происходил. Историк был родом из Сигея в Троаде – пункта достаточно знаменитого. Именно в Сигее помещали «Стоянку кораблей», то есть лагерь ахейцев во время осады Трои. Весть этот регион, в том числе и Сигей, был буквально пропитан «троянской мифологией», столь хорошо знакомой грекам по гомеровскому эпосу. В конце VII – первой половине VI в. до н.э. за Сигей шла борьба между лесбосцами и афинянами, завершившаяся афинской победой при Писистрате.

«Троянская мифология», безусловно, присутствует во фрагментах Дамаста. Он, в частности, был одним из первых греческих авторов (наряду с Геллаником), упоминающих Рим, причем в связи с Энеем (Damast. FGrHist. 5. F3 = Dion. Hal. Ant. Rom. I. 72. 2). В том же «троянском» контексте следует трактовать и его рассуждения о границах Троады и Эолиды.

Этот пассаж обязательно следует здесь привести. Damast. FGrHist. 5. F9 = Strab. XIII. 1. 4 (= Char. FGrHist. 262. F13): «Однако, поскольку эолийцы рассеялись по всей стране, которую, как мы говорили, поэт¹⁰⁵ называет троянской, из тех, кто жил позже, одни именуют Эолидой ее всю, а другие – ее часть, и Троей – одни всю ее, а другие – часть, совершенно ни в чем не соглашаясь друг с другом. Ведь Гомер указывает начало Троады прямо у мест по Пропонтиде, от Эсепа¹⁰⁶; а Евдокс – от Приапа и Артаки¹⁰⁷ <...> изменяя ее границы¹⁰⁸ в меньшую сторону. Дамаст же еще сильнее сокращает ее, начиная от Пария; и, опять же, он продолжает ее до Лекта, а у других – иначе. Харон Лампсакский отнимает еще триста стадиев, начиная Троаду от Практия <...> а продлевает до Адрамиттия. А Скилак Кариандский¹⁰⁹ начинает ее от Абидоса; подобным же образом Эфор говорит, что Эолида простирается от Абидоса до Кимы, а у других – иначе».

Перед нами свидетельство кипевших в древнегреческой литературе с достаточно раннего времени острых споров чисто спационального характера. Порождены они, в частности, тем, что в архаическую эпоху имели место колонизация и освоение Троады греками Эолиды. Поскольку два этих региона, находясь рядом, соприкасались до того тесно, что могли с какого-то момента начать восприниматься как единое целое, в действительности таковым не являясь, закономерно стал актуальным вопрос об их разграничении (как неоднократно отмечалось выше, в пространственных представлениях категория границы – одна из ключевых, если не самая ключевая).

Где тот или иной автор видел границы Троады и Эолиды (почему, скажем, Дамаст видел их так, а Харон – по-другому, а Скилак – еще иначе) – это, несомненно,

¹⁰⁵ Гомер.

¹⁰⁶ Название реки.

¹⁰⁷ В издании Р. Фаулера после слов «от Приапа до Артаки»: «местечка на острове кизикийцев, обращенного к Приапу». После слов «начиная Троаду от Практия»: «ведь таково расстояние от Пария до Практия».

¹⁰⁸ «Границы» – поправка издателей; у Страбона ошибочное «горы».

¹⁰⁹ Скилак Кариандский, живший в VI в. до н.э., упоминается еще Геродотом (Herod. IV. 44). Это достаточно известный представитель раннегреческой исторической и географической науки. Дошедший до нас перипл, связывавшийся в античности обычно с именем Скилака, а ныне фигурирующий в изданиях как «перипл Псевдо-Скилака», в его окончательном виде относится к IV в. до н.э.; кто на самом деле подготовил этот окончательный вариант – неизвестно. Тем не менее практически несомненно, что в него вошли (пусть даже в виде, в той или иной степени измененном) «куски» из подлинного сочинения Скилака.

зависело от каких-то злободневных факторов, действовавших в их время, в частности, от политического соперничества полисов. Детали этого соперничества от нас теперь уже ускользают. Впрочем, бросается в глаза, что исходным звеном «цепочки мнений» предстает здесь «Илиада» Гомера, в которой, кстати, Трояда имеет наибольшую величину, а последующие авторы ее уменьшают. Здесь перед нами, между прочим, аналогия с тем, как Гомер воспринимал соседний с Троадой Геллеспонт. Для него это не только нынешний Дарданелльский пролив (как Геллеспонт понимали в более позднее время), но также и акватории, прилегавшие к нему как с юго-запада (северо-восточная часть Эгейского моря), так и с северо-востока (Пропонтида – полностью или частично, иногда даже Боспор Фракийский)¹¹⁰.

Еще один интересный, сохранившийся от Дамаста фрагмент специального характера имеет отношение к проблеме гипербореев и Рипейских гор. Damast. FGrHist. 5. F1 = Steph. Byz. s.v. Ὑπερβόρειοι: «Гипербореи. Племя. Протарх¹¹¹ же говорит, что, дескать, Альпы были названы Рипейскими горами и все живущие за¹¹² Альпийскими горами именуются гиперборейями. А Антимак¹¹³ утверждает, что гипербореи тождественны аримаспам. Дамаст же в сочинении “О племенах” говорит, что выше скифов¹¹⁴ обитают исседоны, а еще выше этих последних – аримасы, а выше аримаспов – Рипейские горы, с которых дует борей, а снег с них никогда не сходит¹¹⁵. А за этими горами, по словам Дамаста, простираются земли гипербореев вплоть до противоположного моря¹¹⁶. Другие же говорят иначе. Гелланик пишет “гипербории”, с дифтонгом¹¹⁷».

Весь фигурирующий здесь дискурс возникает в результате рефлексии по поводу «скифского логоса» Геродота. А вот мнение Дамаста, которое тут тоже присутствует, кажется, этим дискурсом еще не затронуто и сохраняет элементы некой независимой ранней традиции.

Damast. FGrHist. 5. F8 = Strab. I. 3. 1: «И одним из его¹¹⁸ вздорных высказываний сам он¹¹⁹ называет то, что он принимает Аравийский залив за озеро, а Диотим, сын Стромбиха, возглавлявший посольство афинян, проплыл вверх по Кидну¹²⁰ от Киликии до реки Хоаспа, которая течет у Суз, и прибыл на сороковой день в Сузы, – это, дескать, ему¹²¹ рассказал сам Диотим. Затем он удивляется, как это возможно, что Кидн, пробившись через Евфрат и Тигр, протек в Хоасп». Damast. FGrHist. 5. F10 = Strab. XIV. 6. 4: «Почему же следует удивляться поэтам

¹¹⁰ В связи с пониманием Геллеспонта Гомером, а также с проблемами эолийской (и ионийской) колонизации этого региона сошлемся на свою большую статью: Суриков 2013б.

¹¹¹ Протарх из Тралл – географ I в. до н.э.

¹¹² Поправка издателей, у Стефана «под».

¹¹³ Некоторые издатели исправляют на «Каллимах». Антимак Колофонский – поэт классической эпохи. Его самое известное произведение – поэма «Лида». Каллимах Киренский – знаменитейший эллинистический ученый поэт и филолог, работавший в Александрии.

¹¹⁴ «Выше» здесь и далее – в смысле «дальше от моря в глубь материка» (обычное греческое словоупотребление).

¹¹⁵ Поправка издателей, у Стефана «в снеге на них никогда недостатка нет».

¹¹⁶ Т.е., очевидно, северного моря, географически противоположного Средиземному.

¹¹⁷ Ὑπερβόρειοι, а не Ὑπερβόρειοι.

¹¹⁸ Дамаста.

¹¹⁹ Эратосфен.

¹²⁰ Река, впадающая в Средиземное море в Киликии.

¹²¹ Дамасту.

<...>¹²² сравнивая писания Дамаста, который приводит длину острова¹²³ с севера на юг, от Гиерокепии, как он говорит, до Клид¹²⁴? Нехорошо и у Эратосфена: ведь, упрекая того¹²⁵, он говорит, что Гиерокепия не с севера, а с юга. А она вовсе и не с юга, а с запада».

Эти два фрагмента опять же иллюстрируют интерес Дамаста к пространственным построениям, но, с другой стороны, показывают, что эти его построения были подчас произвольными и крайне уязвимыми, что и вызывает возмущение Страбона. Последний, кстати, относился к сигейскому историку весьма пренебрежительно: «Нехорошо поступает и Эратосфен, ибо он еще в большей мере упоминает людей, не заслуживающих упоминания, в чем-то опровергая их, в чем-то доверяя и пользуясь ими как свидетелями, – например, Дамастом и другими такого же рода <...> А тот, кто пользуется Дамастом как свидетелем, ничем не отличается от того, кто называет свидетелем Бергейца¹²⁶ или Евгемера Мессенского¹²⁷ и других, о которых сам Эратосфен говорит, порицая написанный ими вздор» (Strab. I. 3. 1 = Damast. FGrHist. 5. T7). Как вопиющая несуразность великим географом, например, расцениваются сведения Дамаста об азиатских реках, которым он придает направления, являющиеся физически невозможными.

* * *

Можно было бы рассмотреть еще «космогоническую пространственность» у Акусилая, но ограниченные рамки статьи уже не позволяют этого сделать. Вкратце отметим только, что Акусилай, как доказал Р. Фаулер, был первым и последним из историков, в чьем труде присутствовал раздел, посвященный теогонии. В дальнейшем такового не имелось ни у Гекатея, ни у Ферекида (вопреки тому, что считал Ф. Якоби).

В связи же с теогонией Акусилая следует сказать, что в силу общей специфики древнегреческой религии как «натуральной», выросшей из обожествления сил природы, любая теогония у эллинов была одновременно и космогонией. Последняя у Акусилая имеет черты как сходства, так и отличия от наиболее канонической – гесиодовской. И у поэта, и у историка первым началом выступает Хаос (являющийся, безусловно, пространственным понятием). А вот далее Гесиод называет происшедшие из Хаоса Гею-Землю, Тартар и Эрос (Hes. Theog. 116 sqq.), Акусилай же – иные стихии: Никту-Ночь и Эреб (Acusil. FGrHist. 2. F6b).

Подведем некоторые итоги. Архаическая эпоха древнегреческой истории была временем настолько динамичным, богатым переменами, что по отношению к ней в последние годы нередко применяют понятие «пространственно-временное сжатие», которое определяют как «процессы, настолько революционизирующие объективные качества пространства и времени, что мы вынуждены вно-

¹²² В издании Р. Фаулера после слов «удивляться поэтам»: «а особенно таким, у которых вся забота – о способе выражения».

¹²³ Кипра.

¹²⁴ «Ключей».

¹²⁵ Дамаста.

¹²⁶ Имеется в виду Антифан из Берги – географ III в. до н.э., имевший репутацию недобросовестного автора.

¹²⁷ Знаменитый эллинистический утопист, в псевдогеографическом сочинении придумавший страну Панхею.

сильные изменения, иногда довольно радикальные, в свои представления о мире»¹²⁸. Именно период архаики был для эллинов порой таких изменений, в том числе, как верно указано в цитате, и в специальных категориях, которые принимали во многом иной вид.

В частности, представлявшийся раньше обширным мир Эгеиды оказался лишь маленькой частичкой колоссальных пространств, открывшихся эллинам в ходе колонизации. Новые реалии требовали осмысления. Стали составляться первые карты; появился дискурс о материках и Океане; обострились пограничные споры, что привлекло внимание к самой категории границы. Все эти процессы в той или иной мере отразились у древнейших историков, которые ведь и сами были закономерным порождением той же бурной архаической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Вен, П. 2003: *Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении*. М.
- Мусбахова, В.Т. 2014: В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский. В кн.: Д.А. Мачинский (ред.), *Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии*. СПб., 75–92.
- Подосинов, А.В. 2015: *Куда плывал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи*. М.
- Суриков, И.Е. 2011: *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Суриков, И.Е. 2013а: Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском. *ВДИ* 1 (284), 167–176.
- Суриков, И.Е. 2013б: «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгеидой и Пропонтидой и его роль в античной истории). *ПИФК* 4 (42), 3–44.
- Суриков, И.Е. 2019: Пространственные категории у древнейших греческих историков. I. Гекатей Милетский, «Европа». *ПИФК* 3 (65), 53–71.
- Фрейденберг, О.М. 1990: Утопия. *Вопросы философии* 5, 148–167.
- Bichler, R. 2018: Herodotus the Geographer. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 139–155.
- Dougherty, C. 1994: Archaic Greek Foundation Poetry: Questions of Genre and Occasion. *JHS* 114, 35–46.
- Dougherty, C. 2001: *The Raft of Odysseus: The Ethnographic Imagination of Homer's Odyssey*. Oxford.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography. II. Commentary*. Oxford.
- Hansen, M.H. 1997: Hekataios' Use of the Word *Polis* in his *Periegesis*. In: T.H. Nielsen (ed.), *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 17–27.
- Heidel, W.A. 1987: *Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus*. Book II. New York–London.
- Jacoby, F. 1993: *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist)*. Tl. 3: *Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie)*. A. Autoren ueber verschiedene Staedte (Laender). Nr. 262–296. 3 Aufl. Leiden–New York–Köln.
- Janni, P. 2016: The Sea of the Greeks and Romans. In: S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke (eds.), *Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*. Leiden–Boston, 21–42.

¹²⁸ Morris 2000, 260; Dougherty 2001, 5.

- Lendle, O. 1968: Die Auseinandersetzung des Thukydides mit Hellanikos. In: H. Herter (Hg.), *Thukydides*. Darmstadt, 661–682.
- Lister, R.P. 1979: *The Travels of Herodotus*. London.
- Lloyd, A.B. 1975–1988: *Herodotus*. Book II. Leiden.
- Lloyd, A.B. 2002: Egypt. In: E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds.), *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 415–435.
- Lloyd, A.B. 2004: Herodotus on Egypt and Ethiopia. In: V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.), *The World of Herodotus*. Nicosia, 43–52.
- Malkin, I. 1985: What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies. *Athenaeum* 63, 114–130.
- Moers, G. 2010: The World and the Geography of Otherness in Pharaonic Egypt. In: K.A. Raaf-laub, R.J.A. Talbert (eds.), *Geography and Ethnography: Perceptions of the World in Pre-Modern Societies*. Oxford, 169–181.
- Möller, A. 2007: The Beginnings of Chronography: Hellanicus' *Hiereiai* In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 241–262.
- Morris, I. 2000: *Archaeology as Cultural History*. Malden.
- Nagy, G. 2018: Herodotus on Queens and Courtesans of Egypt. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 109–122.
- Pedley, J.G. 1968: *Sardis in the Age of Croesus*. Norman.
- Purves, A.C. 2010: *Space and Time in Ancient Greek Narrative*. Cambridge.
- Ruschenbusch, E. 2003: Was Hellanikos the First Chronicler of Athens? *Klio* 85/1: 7–8.
- Schmid, P.B. 1947: *Studien zu griechischen Ktisissagen*. Freiburg.
- Schwab, A. 2016: The 'Rediscovery' of Egypt: Herodotus and his Account of Egypt in the *Voyage dans la Basse et la Haute-Égypte* (1802) by Vivant Denon. In: J. Priestley, V. Zali (eds.), *Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond*. Leiden–Boston, 254–277.
- Smart, J.D. 1986: Thucydides and Hellanicus. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing*. Cambridge, 19–35.
- Vannicelli, P. 2007: Herodotus' Egypt and the Foundations of Universal History. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 211–240.
- Wainwright, G.A. 1953: Herodotus II, 28 on the Sources of the Nile. *JHS* 73, 104–107.

REFERENCES

- Bichler, R. 2018: Herodotus the Geographer. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 139–155.
- Dougherty, C. 1994: Archaic Greek Foundation Poetry: Questions of Genre and Occasion. *JHS* 114, 35–46.
- Dougherty, C. 2001: *The Raft of Odysseus: The Ethnographic Imagination of Homer's Odyssey*. Oxford.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography. II. Commentary*. Oxford.
- Freydenberg, O.M. 1990: Utopiya [Utopia]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy] 5, 148–167.
- Hansen, M.H. 1997: Hekataios' Use of the Word *Polis* in his *Periegesis*. In: T.H. Nielsen (ed.), *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 17–27.
- Heidel, W.A. 1987: *Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus*. Book II. New York–London.
- Jacoby, F. 1993: *Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist)*. Tl. 3: *Geschichte von Staedten und Voelkern (Horo-graphie und Ethnographie)*. A. Autoren ueber verschiedene Staedte (Laender). Nr. 262–296. 3 Aufl. Leiden–New York–Köln.

- Janni, P. 2016: The Sea of the Greeks and Romans. In: S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke (eds.), *Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition*. Leiden–Boston, 21–42.
- Lendle, O. 1968: Die Auseinandersetzung des Thukydides mit Hellanikos. In: H. Herter (Hg.), *Thukydides*. Darmstadt, 661–682.
- Lister, R.P. 1979: *The Travels of Herodotus*. London.
- Lloyd, A.B. 1975–1988: *Herodotus*. Book II. Leiden.
- Lloyd, A.B. 2002: Egypt. In: E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds.), *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 415–435.
- Lloyd, A.B. 2004: Herodotus on Egypt and Ethiopia. In: V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.), *The World of Herodotus*. Nicosia, 43–52.
- Malkin, I. 1985: What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies. *Athenaeum* 63, 114–130.
- Moers, G. 2010: The World and the Geography of Otherness in Pharaonic Egypt. In: K.A. Raaf-laub, R.J.A. Talbert (eds.), *Geography and Ethnography: Perceptions of the World in Pre-Modern Societies*. Oxford, 169–181.
- Möller, A. 2007: The Beginnings of Chronography: Hellanicus' *Hiereiai* In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 241–262.
- Morris, I. 2000: *Archaeology as Cultural History*. Malden.
- Musbakhova, V.T. 2014: V poiskakh granitsy mezhdu Evropoy i Aziey: Gekatey Miletskiy [In the search of the border between Europe and Asia: Hecataeus of Miletus]. In: D.A. Machinskiy (ed.), *Ladoga v kontekste istorii i arkheologii severnoy Evrazii* [Ladoga in the context of history and archaeology of the Northern Eurasia]. Saint Petersburg, 75–92.
- Nagy, G. 2018: Herodotus on Queens and Courtesans of Egypt. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 109–122.
- Pedley, J.G. 1968: *Sardis in the Age of Croesus*. Norman.
- Podosinov, A.V. 2015: *Kuda plaval Odissey? O geograficheskikh predstavleniyakh grekov arkhaiskoy epokhi* [Where did Odysseus sail? On geographical notions of the Greeks of the Archaic period]. Moscow.
- Purves, A.C. 2010: *Space and Time in Ancient Greek Narrative*. Cambridge.
- Ruschenbusch, E. 2003: Was Hellanikos the First Chronicler of Athens? *Klio* 85/1: 7–8.
- Schmid, P.B. 1947: *Studien zu griechischen Ktisissagen*. Freiburg.
- Schwab, A. 2016: The 'Rediscovery' of Egypt: Herodotus and his Account of Egypt in the *Voyage dans la Basse et la Haute-Égypte* (1802) by Vivant Denon. In: J. Priestley, V. Zali (eds.), *Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond*. Leiden–Boston, 254–277.
- Smart, J.D. 1986: Thucydides and Hellanicus. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing*. Cambridge, 19–35.
- Surikov, I.E. 2011: *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii* [Essays on historical writing in Classical Greece]. Moscow.
- Surikov, I.E. 2013a: Nekotorye soobrazheniya ob ischeznuvshem prolive Bospore Sindskom [Some considerations on an extinct strait, the Sindian Bosphorus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1 (284), 167–176.
- Surikov, I.E. 2013b: “Gellespont burnotechnny” (Proliv mezhdu Egeidoy i Propontidoy i ego rol' v antichnoy istorii [“The rapidly flowing Hellespont” (The strait between the Aegean and the Propontis and its role in ancient history)]). *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 4 (42), 3–44.
- Surikov, I.E. 2019: Prostranstvennye kategorii u drevneishikh grecheskikh istorikov. I. Gekatey Miletskiy, “Europa” [The earliest Greek historians' spatial categories. I. Hecataeus of

- Miletus, "Europe"]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 3 (65), 53–71.
- Vannicelli, P. 2007: Herodotus' Egypt and the Foundations of Universal History. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 211–240.
- Veyne, P. 2003: *Greki i mifologiya: vera ili neverie? Opyt o konstituiruyushchem voobrazhenii* [Greeks and mythology: belief or disbelief? An essay on the constituting imagination]. Moscow.
- Wainwright, G.A. 1953: Herodotus II, 28 on the Sources of the Nile. *JHS* 73, 104–107.

SPATIAL CATEGORIES IN THE EARLIEST GREEK HISTORIANS. II. HECATAEUS' "ASIA" AND OTHER RELEVANT TEXTS

Igor E. Surikov

Institute of World History Russian Academy of Sciences, Russia
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
isurikov@mail.ru

Abstract. Spatial (that is connected with space) topic has been becoming during recent decades more and more urgent in Classical studies. "Spatial modus" was extremely significant, in particular, also for Ancient Greek historians. Of the latter, the author here is interested in their very first group – early Ionian historians of Late Archaic and Early Classical period, Herodotus' predecessors.

This article continues analysis of spatial categories in Hecataeus of Miletus, citing "Asia" – the second book of his treatise "The Description of the Earth". Data are also taken from extant fragments of some other early historians – Charon of Lampsacus, Damastes of Sigeum.

During the Archaic period, because of the sharp rhythm of changes, there took place "space-time compression", as it is sometimes rendered nowadays. That led to alterations in spatial categories. New realities demanded consideration, which was an aim for the earliest historians, among other authors.

Keywords: ncient Greece, the earliest historians, geography, Hecataeus of Miletus, "The Description of the Earth", "Asia", Charon, Damastes, spatial categories

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-157–173

ФИЛЫ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ АФИН

В.С. Ленская

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
vlenskaya@yandex.ru

Аннотация. Афинская религиозная жизнь отличалась пестротой культов, каждый из которых был «закреплен» за определенным объединением, которое этот культ финансировало, организовывало связанные с ним праздники и жертвоприношения и выдвигало служителей культа: так, известны культы, входившие в компетенцию полиса, демов, родов, фратрий, частных культовых объединений. Таким же объединением, имевшим свою культовую систему, была фила. Культовая деятельность фил сводилась преимущественно только к одному культу – культу героя-эпонима филы, и в этом существенная особенность сакральной жизни фил, в отличие от других объединений, где число объектов поклонения было не ограничено. Каждый эпоним имел свое святилище, около которого происходили собрания филы и где приносились жертвы. Жрецами филы изначально являлись родовые жрецы, с древнейших времен обслуживавшие культ героя-эпонима. С конца V – начала IV в. до н.э. в составе жречества начинаются перемены, и жрецами могут становиться избранные лица из числа филетов; однако с родовым жречеством связи не прерывались никогда. Каждая фила имела свои земельные владения, доходы от которой шли на устройство ее культа. Филы как структурообразующие единицы полиса принимали участие в организации религиозной жизни Афин, взяв на себя обязанности набора и обучения команд для полисных агонов, а также задачу набора эфебов, принимавших активное участие в религиозных церемониях полиса.

Ключевые слова: древняя Греция, Афины, религия, фила, жрецы, герой-эпоним

Афинская религиозная жизнь отличалась пестротой культов, каждый из которых был «закреплен» за определенным объединением, которое этот культ финансировало, организовывало связанные с ним праздники и жертвоприношения и выдвигало служителей культа: так, известны культы, входившие в компетенцию полиса, демов, родов, фратрий, частных культовых объединений. Таким же объединением, имевшим свою культовую систему, была фила. Культовая деятельность фил сводилась преимущественно (за небольшими исключениями) только к одному культу – культу героя-эпонима филы, и в этом существенная особенность сакральной жизни фил, в отличие от других объединений, где число объектов поклонения было не ограничено.

Данные об авторе: Ленская Валерия Сергевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН.

Согласно Аристотелю, Клисфен дал десяти новым филам «в качестве эпонимов из ста предварительно намеченных архегетов¹ десятерых, которых изрекла пифия» (Arist. Athen. Pol. 21. 6). Ими были Эрехтей, Эгей, Пандион, Леос, Акамант, Ойней, Кекропс, Гиппотоонт, Аякс, Антиох. Принцип выбора героев-эпонимов нам неизвестен: среди них есть и персонажи, связанные с древнейшими пластами аттической мифологии (Эрехтей, Эгей, Пандион, Кекропс, Гиппотоонт), и герои-пришельцы (Антиох, потомок Геракла, Аякс, саламинский герой), и малоизвестные нам лица (Ойней, Леос, Акамант). Тем не менее, по утверждению Ю. Крон, все они играли значительную роль в мифологической истории Афин и были выбраны в качестве эпонимов фил, прежде всего, из соображений политических и патриотических. Герои-эпонимы должны были служить филетам примером в их общественной и военной деятельности, а элевсинец Гиппотоонт и саламинец Аякс, помимо того, – укрепить связь Афин с присоединенными Элевсином и Саламином². А. Моммзен предположил, что все эти герои были «закреплены» за определенной частью года соответственно праздникам, так что каждый из них играл важную роль в каком-либо большом культовом событии этой десятины года; в порядковом номере филы учитывалась также роль героя в афинской истории – первой филлой считалась фила древнейшего афинского героя Эрехтея, две последние (Эантида и Антиохида) носили имена пришельцев³; именно в таком порядке филы фигурировали в официальных документах. Общественная жизнь афинских фил была тесно связана с их эпонимами: им принадлежали святилища, где отправлялись культы фил и хранились постановления фил, они считались владельцами денежных фондов фил. Культ героя в наибольшей степени соответствовал тем обязанностям, которые были возложены на филу, – прежде всего это касается системы набора воинских подразделений по филам: так, Демосфен в надгробной речи перечисляет все афинские филы, патетически подчеркивая, что члены фил сражались, руководствуясь примером своих мифических прародителей-героев (Dem. LX. 27–31). Здесь же можно вспомнить об агонах на афинских праздниках, участники которых также набирались по филам; и в этом случае пример героя-эпонима должен был вдохновлять агонистов на подвиги. Плутарх, разбирая вопрос о том, почему хор Эантидской филы никогда не ставился на последнее место, предполагает, что причиной является «умиловительная поблажка эпониму этой филы», поскольку Аякс прославился нетерпимостью к поражениям и исключительной гневливостью в случае оскорбленного самолюбия (Plut. Quaest. conv. 628a–629b).

В 307/6 г. до н.э. были образованы две новые филы – Антигонида и Деметриада, к которым в 224/3 г. до н.э. была добавлена Птолемиада. В 201 г. до н.э. Антигонида и Деметриада были распущены, а в 200 г. до н.э. образована новая фила Атталида. В 126/7 г. н.э. была создана последняя фила Адрианида. Таким образом, к старым клисфеновским филам были добавлены еще 5 новых, при этом общее

¹ Этимология термина, по всей видимости, связана с ἀρχή (начало) и ἡγεμονία (вести) – Parker 1996, 120.

² Kron 1976, 242–245. А. Моммзен считает, что Гиппотоонт был связан с мистериями, в частности, через своего деда Триптолема, героя элевсинского мистерийного цикла (Mommmsen 1889, 479). Даже в конце IV в. до н.э. жрец Гиппотоонта упомянут в одном из элевсинских отчетов как получивший деньги на жертвенный пирог богиням (IG II² 1672, 290–291, 329/8 г. до н.э.).

³ Mommmsen 1889, 466–479.

число фил менялось в разные периоды постклассической эпохи⁴. Эпонимами новых фил стали уже не мифологические герои, а исторические личности-правители.

В данной статье мы намерены рассмотреть следующие вопросы: во-первых, что представляли собой культы фил, где находились святилища героев и как они координировали с общественной жизнью фил, каковы были источники финансирования культов фил, какие магистраты были связаны с сакральной деятельностью фил – все эти вопросы относятся к внутренней жизни филы; во-вторых, мы постараемся выяснить, каким образом фила участвовала в полисной религиозной жизни и, таким образом, выйдем за рамки самой филы и рассмотрим ее вклад в полисную сакральную систему. В качестве источников использованы преимущественно эпиграфические материалы, поскольку именно они в наибольшей степени освещают поставленные нами вопросы. Каждая фила издавала свои постановления и устанавливала посвятельные стелы герою, хотя количество сохранившихся надписей невелико и неравномерно распределено по разным филам. Тем не менее, как и в случае с демами, именно эти документы позволяют нам охарактеризовать общественную и сакральную жизнь афинских фил, довольно скудно засвидетельствованную в литературных источниках.

Источники, освещающие культовую деятельность афинских фил, в основной своей массе относятся ко времени, начиная от создания Клисфеновских фил до конца IV в. до н.э. Однако афинские филы продолжали существовать (и даже множиться) и в эллинистический, и в римский периоды и, как свидетельствуют источники, хотя и не столь многочисленные, как раньше, отнюдь не прерывали своей культовой практики. Поэтому мы не стали ограничивать хронологические рамки нашей работы классическим временем; так же, как и во многих других вопросах, касающихся культа, афиняне и здесь были консерваторами и традиционалистами и старались сохранять «отцовские заветы». Во всяком случае, никаких радикальных изменений в культовой практике афинских фил, за исключением постепенного изменения состава жречества (о чем ниже), в источниках не зафиксировано.

Отметим, что афинские филы, в отличие от демов и даже фратрий, изучены достаточно плохо. Имеются две, из которых одна довольно старая, монографии, посвященные филам. В небольшом исследовании Э. Сцанто, датированном началом XX в., несколько страниц уделено лишь ионийским, доклизфеновским филам⁵. В недавней монографии О. Грота о греческих филах разных полисов рассматриваются только политические проблемы и никоим образом не затрагиваются вопросы культа⁶. Из новых работ следует отметить главу о филах в книге Н. Джонса⁷, посвященной афинским объединениям; глава отличается хорошей источниковой базой, изложены довольно подробные сведения о местонахождении святилищ фил, однако вопросы о культовой деятельности фил затрагиваются лишь мимоходом. Героям-эпонимам фил посвящена монография Ю. Крон⁸: исследовательница подробно рассматривает мифологическую историю каждого героя, разбирает вопросы о местонахождении их святилищ и исследует их иконографию; чуть менее подроб-

⁴ Traill 1975, XIV-XVI, 26–31.

⁵ Szanto 1902, 39–46.

⁶ Grote 2016.

⁷ Jones 1999, 151–194.

⁸ Kron 1976.

но эти же вопросы поднимаются в одной из глав монографии Э. Кернс о героях Аттики⁹. Нельзя не упомянуть до сих пор не устаревшую статью Р. Шлайфера об общественных культах Афин¹⁰, в которой несколько страниц посвящено жрецам героев-эпонимов. Наконец, вопросы, связанные со землевладением фил, анализируются в монографии Н. Папазаркадаса; как обычно, этого автора отличает прекрасная сводка всех известных на данный момент источников, посвященных теме¹¹.

Основным культом филы, как мы уже сказали, был культ одного героя. Герою-эпониму филы приносились жертвы, он считался собственником земель и денег филы (Dem. XXIV. 8; XLIII. 58; LVIII. 14), ему сдавали отчеты должностные лица филы (Dem. LVIII. 14), в его святилище ставили важнейшие декреты филы (IG II² 1140, 1149, 1156, 1158, 1163, etc.). Известный памятник героям-эпонимам, остатки которого сохранились на агоре (Paus. I. 5. 1; Aristoph. Fr. 126 К παρὰ τοὺς ἀρχηγέτας), был сооружен в сер. IV в. до н.э.; правда, какой-то другой памятник эпонимам, впоследствии снесенный, существовал на агоре и ранее – о нем упоминает Аристофан в комедии «Мир», датируемой 421 г. до н.э. (Aristoph. Pax. 1183–84)¹²; здесь под статуей соответствующего героя вывешивались объявления и постановления филы. Однако культовым (а часто и общественным) центром каждой филы являлось святилище ее героя.

Святилища героев-эпонимов находились на Акрополе – Эрехтей (Paus. I. 26. 5; IG II² 1146, 1150, 1165); Пандион (IG II² 1144, 1148, 1152), Кекропс (IG II² 1156, 1158), Эгей (Paus. I. 22. 5; IG II² 656); недалеко от агоры, в деме Мелита – Аякс (SEG 35:104; Harpocr. s.v. Εὐρυσάκειον; s.v. Κολωνέτας); в городе за пределами агоры, в деме Ксипете (SEG 23:78) или, по другой версии, в деме Керамике (IG II² 4983) – Акамант, в Киносарге – Антиох (SEG 3:115); за пределами самого города, в Элевсине – Гиппотоонт (Paus. I. 38. 4; IG II² 1149, 1153); святилище филы Леонтиды могло находиться на агоре, в Леокорейоне (святилище дочерей Леос)¹³, в городском деме Скамбониды¹⁴ или довольно далеко от города, в районе современного монастыря Дафни в 11 км от городского центра, где было найдено посвящение эпимелетов Леосу (IG II² 2818)¹⁵; местонахождение святилища филы Ойнеиды не установлено (по предположению Ю. Крон, оно могло находиться в Ахарнах)¹⁶. О святилищах пяти постклассических фил ничего неизвестно, кроме святилища филы Птолемаиды, которое, согласно надписи 212/11 г. до н.э., должно было располагаться в Еврисакейоне (Agora XVI. 233)¹⁷. Новые эпонимы почи-

⁹ Kearns 1989, 80–92.

¹⁰ Schlaifer 1940, 251–257.

¹¹ Papazarkadas 2011, 99–111.

¹² Shear 1970, 196, 203–222; Thompson, Wycherley 1972, 38–41; Camp 1986, 97–100.

¹³ Thompson, Wycherley 1972, 41, 121–123; Wycherley 1957, 13, 108–113.

¹⁴ Kron 1976, 201.

¹⁵ McLeod 1959, 126.

¹⁶ Kron 1976, 188. Подробнее о предполагаемом местонахождении всех святилищ – Kron 1976, 53, 89 109, 124–127, 146–147, 173, 181, 188, 191–192; Jones 1999, 156–161; McLeod 1959, 125–126.

¹⁷ Jones 1999, 160. Издатель надписи предполагает, что Птолемаида унаследовала это святилище вместе с демами, изъятыми из Эантиды и приписанными к Птолемаиде, – в данном случае, речь идет о деме Афидна, к которому принадлежал чествуемый эпимелет (ibid.). Впрочем, выбор Еврисакейона для культа Птолемея трудно объяснить, так что вопрос о святилище филы остается нерешенным.

тались уже не как герои, а как боги¹⁸, хотя в данном случае культ героев и богов трудно дифференцировать – все новые эпонимы получили по статую в древнем памятнике героям-эпонимам¹⁹.

Очевидно, что после реформ Клисфена в качестве главных культовых центров фил были избраны уже существовавшие святилища; и, поскольку до сер. V в. до н.э. все храмы находились в ведении древних родов (согласно Аристотелю, Клисфен «роды, фратрии и жречества предоставил всем иметь по отеческим заветам» – *Athen. Pol.* 21. 6), то вероятнее всего предположить, что для обслуживания новых полисных административных единиц были приспособлены родовые святилища и их жречество. Р. Шлайфер считает, что некоторые филы сразу могли создать должности своих собственных жрецов, поскольку в доклизфеновых Афинах не существовало культа их героев²⁰, однако нам ближе предположение Э. Кернс, разделяемое Ю. Крон²¹, согласно которому каждый культ героя-эпонима был организован на старой родовой основе. Действительно, могла ли Пифия выбрать в качестве героев-эпонимов лиц, не имевших культа в Афинах? Кернс утверждает, что только Аякс, будучи саламинским героем, не имел своего святилища в Афинах, а культ Аякса справлялся в святилище его сына Еврисака в Мелите; именно Еврисакейон использовала фила Эантида в качестве своего культового центра²². Как известно, все афинские жрецы до сер. V в. до н.э. были представителями какого-либо знатного рода, и вариант выбора жреца из другой среды пока еще не мыслился. Гентильный жрец был полным хозяином в подвластном ему святилище и не собирался делить его с кем-либо еще: прошло полтора столетия после реформы Клисфена, прежде чем члены филы Эрехтеиды выбрали своего жреца (*IG II² 1146*). К тому же в меняющейся действительности статус жреца, обслуживающего культ крупного государственного подразделения, должен был стать для родового жреца почетным и сулил дополнительные выгоды как самому жрецу, так и всему его роду. Без сомнения, роль жреца филы в начальный период существования этой должности не ограничивалась лишь ритуальными действиями; это должна была быть могущественная и обладавшая большим общественным опытом фигура, имевшая возможность оказывать влияние на принимаемые филлой решения; должность была пожизненной. Кроме того, было ли дельфийское жречество заинтересовано в появлении «непрофессиональных» жрецов, являвшихся фактически полисными магистратами? Скорее можно предположить, что выбор 10 героев из 100 осуществлялся, помимо всего прочего, по принципам авторитетности рода и его жрецов среди дельфийского жречества и возможности для Дельф наблюдать за деятельностью новых афинских структур. Если вспомнить, что Клисфен как представитель рода Алкмеонидов находился в дружеских отношениях с Дельфами²³, то выбор законодателя должен был совпадать с интересами дельфийского оракула. Древнего жречества не было у Аякса, однако имя героя Саламина, окончательно ставшего афинским владением в конце VI в. до н.э., было важно «присвоить»

¹⁸ Mikalson 1998, 81.

¹⁹ Shear 1970, 198.

²⁰ Schlaifer 1940, 255–256.

²¹ Kearns 1989, 85; Kron 1976, 55.

²² Согласно надписи, декрет филы Эантиды должен был быть выставлен ἐν τῷ Εὐρισακείῳ (SEG 35:104); Ferguson 1938, 18; Kron 1976, 183–184; Kearns 1989, 82.

²³ Surikov 2000, 148.

афинянам в политических целях, поэтому в качестве жрецов Эантиды выступило гентильное жречество сына Аякса Еврисака, Саламинии: Еврисакейон, святилище Саламиниев (Agora 19 Leases L4 a, b), являлся одновременно и культовым центром Эантиды (SEG 35:104)²⁴. Перемены в структуре жречества фил происходили на протяжении V и IV веков до н.э., и только в начале III в. до н.э. имена жрецов филы регулярно появляются в декретах, чествующих пританов фил²⁵.

Так, культовым центром Эрехтеиды стал Эрехтейон, жрецы же Эрехтея кооптировались из рода Этеобутадов²⁶; замена Этеобутада на ежегодно избираемого жреца произошла лишь в сер. IV в. до н.э., о чем свидетельствует постановление филы IG II² 1146; возможно, это было связано с какими-то разногласиями между Этеобутадами и филлой, что, вероятно, было закреплено введением новой ἐπιθετος θυσία (помимо жертвоприношения Посейдону и Эрехтею, традиционными для Этеобутадов), о которой упоминается в надписи (IG II² 1146, 11)²⁷. И все же, несмотря на выбор негентильного жреца, в надписи сер. III в. до н.э. мы встречаем имя жреца, являвшегося членом другой филы – некоего Аристонима сына Аристонима из дема Питтос филы Кекропиды (Agora XV 98); с большой долей вероятности перед нами вновь появляется Этеобутада²⁸. Да и трудно себе представить полный разрыв филы с родовым жречеством до тех пор, пока фила продолжала использовать древнейшие святилища, хозяевами которых оставались представители одного рода. Даже при появлении негентильных жрецов связи с родовым жречеством прерваться не могли.

Согласно довольно поздней надписи 27/6–18/7 г. до н.э., жрецом Кекропса был представитель рода Аминандридов, некий Аристон сын Сосистрата из Атмонии (IG II² 2338).

Нам известно несколько случаев, когда жрецами филы названы представители других фил, однако без уточнения их родовой принадлежности – например, жрецами все той же Кекропиды были афинянин из дема Пэания филы Пандиониды (Agora XV 132, 215/4 до н.э.) и дема Памботады филы Эрехтеида (Agora XV 261, 95/4 г. до н.э.); не исключено, что все они являлись представителями рода Аминандридов²⁹, поскольку члены одного рода могли проживать в разных демах и филах. Жрецом филы Гиппотонтиды был афинянин из дема Гаргетт филы Эгеиды (Фрасипп сын Каллия: Agora XV, 193, до 178/7 г. до н.э., Agora XV, 194, 178/7 г. до н.э., Agora XV, 243, 135/4 г. до н.э.); гентильные жрецы, как известно, занимали свою должность пожизненно, а наследовали им их потомки³⁰, поэтому в данном случае мы имеем дело или с одним человеком, или, возможно, также и с его внуком. Объяснение такому положению, когда жрецом филы становился представитель другой филы, пока может быть предложено только одно: жрецы, не принадлежавшие филе, были гентильными жрецами и продолжали обслуживать

²⁴ Ferguson 1938, 1, 16, 18.

²⁵ Dow 1937, 15–16.

²⁶ Töpffer 1889, 113–133; Parker 1996, 290–293.

²⁷ Все древние родовые культы можно без сомнения отнести к категории πατριοι θυσίαι; ο πατριοι и ἐπιθετοι θυσίαι см. Lenskaya 2016, 911.

²⁸ Parker 1996, 293 с отсылками к Plut. X Orat. 843b, где среди потомков Ликурга Этеобутада назван Аристоним сын Симмаха, также см. Kirchner 1901, 2189.

²⁹ Ср. Kearns 1989, 84.

³⁰ Blok, Lambert 2009, 95–99.

свои родовые культы, одновременно являвшиеся и культами фил³¹. Иначе приглашение жреца из чужой филы объяснить невозможно.

Сакральная деятельность фил требовала немалых расходов; тем не менее расходы фил должны были быть значительно меньше, чем, скажем, расходы демов – им не нужно было расходовать деньги на организацию праздников и агонов и на большое количество жертвоприношений разным богам и героям. Исходя из данных надписей, мы можем заключить, что деньги тратились на жертвоприношения эпониму, на издание декретов и на венки для чествуемых лиц, причем последнее, похоже, было самым дорогостоящим делом: обычная стоимость золотых венков составляла 500 драхм (иногда встречаются 1000 драхм), и такие венки фигурируют в надписях фил гораздо чаще, чем в надписях демов.

Жертвоприношения на собраниях филетов происходили с определенной регулярностью, установленной самими филетами. Так, в декрете филы Эрехтеида в заслугу одному из эпимелетов ставится то, что он совершал жертвоприношения «в установленные дни» ἐν τοῖς καθήκουσι χρόνοις (IG II² 1165, 7), то есть, по всей видимости, на общих собраниях филы, которые должны были собираться регулярно (если дальнейшее восстановление верно, то κατὰ μῆνα κατὰ τὰ γεγραμμένα IG II² 1165, 8–9). Так, сохранилось свидетельство о собрании филы Пандиониды, которое происходило после полисного праздника Пандии (17 елафеболиона; поскольку жертвы героям канонически положено было приносить вечером или ночью, то время собрания вполне оправдано). На этом собрании жрец Пандиона был увенчан золотым венком и за особые заслуги освобожден решением филы от всех литургий навечно, то есть получил пожизненную ателию (IG II² 1140, 386/5 г. до н.э.). Скорее всего, собрания фил происходили в районе святилища (IG II² 1149)³², хотя окончательно этот вопрос не решен. Возможно, собрания могли созываться в разных местах – например, Элевсин, где было расположено святилище Гиппотоонта, был менее удобен для всех членов Гиппотонтиды, нежели городской центр, поэтому альтернативным местом собраний могло быть другое место – например, Асклепейон на склоне Акрополя: до нас дошли две надписи, в которых члены филы чествуют филетов-жрецов Асклепия (IG II² 1163, 1171), причем почетный декрет филы должен был быть установлен как в святилище Гиппотоонта, так и в Асклепейоне (IG II² 1163, 25–26); вряд ли такие чествования были необходимы и возможны, если бы не существовало связи между культом Асклепия и культом Гиппотоонта. И, действительно, мы знаем, что Асклепий играл определенную роль в элевсинском культе и в элевсинском ареале³³, где было расположено святилище Гиппотоонта.

³¹ Cp. Schlaifer 1940, 256, Kron 1976, 181–182.

³² Kron 1976, 53.

³³ Связь между культом Асклепия и элевсинским культом очевидна: Асклепий прибыл в Афины из Пирея в дни празднования мистерий, на пути ему было предоставлено временное прибежище в афинском Элевсинии, в рамках празднования мистерий был учрежден праздник Эпидаврии. Далее происходила борьба между Кериками и жрецами нового святилища, возможно, по причине того, что Керики сами претендовали на жречество (подробнее см. Lenskaya 2015, 388–389). Посвятительные надписи элевсинских жрецов найдены в Эпидавре (Clinton 1974, 65–66). Существование местного культа Асклепия и Гигеи засвидетельствовано в Элевсине, причем, согласно одной из поздних надписей, закором в этом культе был представитель семьи иерофантов (IG II² 4479, 40/1–53/4 гг. н.э.) – см. Clinton 1974, 29. n 17.

То же самое можно предположить о собраниях филы Леонтиды: святилища Леоса, как мы уже упоминали выше, находились в отдаленном от центра районе Дафни, в Леокорейоне на агоре и в деме Скамбониды, и филеты, возможно, могли использовать в разное время все три культовых центра³⁴. На собраниях фил, помимо светских вопросов, решались культовые дела – выбирались жрецы (там, где они были выборные), хорегии и гимнасиархи, которых фила обязана была выставить для афинских праздников, происходили награждения особо отличившихся из них, вплоть до освобождения от всех литургий на несколько лет или пожизненно (IG II² 1147, дарование ателии хорегу Эрехтеиды на два года), решались вопросы финансирования культа и слушались отчеты эпимелетов, которые заведовали денежными средствами. Наиболее важные постановления писались на стелах и выставлялись в святилище героя-эпонима.

Интересно было бы поставить вопрос – кому приносили жертвы филеты? Самый очевидный ответ – это своим эпонимам; и, действительно, упоминания об этих жертвах мы встречаем в надписях в первую очередь. Однако, по-видимому, иногда жертвовали не только героям, но и богам: так, в надписи Акамантиды говорится о жертвоприношениях «богам» τοῖς θεοῖς (IG II² 1166), а в надписи филы Эрехтеиды – о жертвоприношениях Посейдону (который всегда ассоциировался с Эрехтеем), а также о некоей ἐπιθετος θυσία, которая, вероятно, была установлена филлой вдобавок к традиционным древнейшим жертвам Эрехтею и Посейдону (IG II² 1146). В декрете филы Пандиониды говорится о жертвоприношениях «Пандиону и другим богам» (IG XII, 6 1:255, 4–5). Кроме того, в определенные периоды могли быть добавлены чрезвычайные жертвоприношения, как это мы видим в надписи Акамантиды, где пританы постановили, чтобы члены филы принесли жертву о спасении воюющих филетов Афине Nike, Афине Полиаде и Диоскурам (Agora XVI 114 (2), 304/3 или 302/1 до н.э.).

По-видимому, расходы на обычные жертвоприношения эпонимам были небольшими – мы встречаем только два упоминания о суммах в 50 драхм (IG II² 1152, Agora XVI 80 [1], обе надписи из Пандиониды). Традиционно считается, что жертвоприношение героям, в отличие от богов, не требовало большого количества жертв, жертвы сжигались полностью, и мясо не делилось³⁵. Тем не менее в чрезвычайных случаях жертвы богам могли быть дорогостоящими. Так, в вышеупомянутой надписи Акамантиды о специальных расходах на жертвы во время военных действий говорится, что на жертву Афине Nike, Афине Полиаде и Диоскурам и эпониму выделяется 300 драхм, а на жертву Диоскурам и агон в их честь будет ежегодно выделяться 200 драхм (Agora XVI 114 (2), 21–22, 304/3 или 302/1 до н.э.), а в чуть более поздней надписи той же Акамантиды засвидетельствован выбор иеропея, он «приносил жертвы богам, которым постановили жертвовать филеты» (IG II² 1166, 2–5, I пол III в. до н.э.). Иеропеи выбирались обычно для организации пышных праздников и агонов, сопровождавшихся обильными

³⁴ То, что святилища принадлежали разным филам, не должно нас смущать: достоверно известно, например, что Еврисакейон, святилище Эантиды, находилось в деме Мелита филы Кекропиды. Поскольку филы использовали древние святилища, территориально они могли быть расположены вне границ филы (Kron 1976, 174).

³⁵ Ekroth 14, n.3 с обширной библиографией; правда, сам автор придерживается иного мнения, однако основой его гипотезы являются неафинские источники. Для Афин обильные жертвоприношения эпонимам фил и угощения после таких жертвоприношений не засвидетельствованы.

пирами³⁶. Иеропей филы встречается лишь однажды и неясно, насколько типичной была эта должность. Также мы видим, что и агоны не были чужды филе, хотя вряд ли типичны, неизвестно, поскольку других свидетельств о каких-либо агонах, устраиваемых филлой, не осталось.

Основным источником денежных средств филы являлись ее земельные владения. Фила, как и мелкие административные единицы полиса, демы, владела определенными земельными массивами, которые могла сдавать в аренду заинтересованным лицам. У Демосфена процитирован закон «Те, которые не вносят арендную плату за священные участки богини и других богов, а также эпонимных героев, будут лишены гражданских прав – сами они, их потомки (и наследники), пока задолженность не будет выплачена» (Dem. LIII. 48). Одним из самых ранних сохранившихся документов о сдаче в аренду земли филы является надпись IG I³ 252, датирующаяся сер. IV в. до н.э.; надпись плохо сохранилась, однако читаемые части позволяют сказать, что речь идет о сдаче в аренду земли филы эпимелетами на 10 лет. В почетном декрете филы Эрехтеиды, датирующемся первой половиной IV в. до н.э., говорится, что чествуемый филет был инициатором псефизмы, «чтобы Эрехтеиды все знали все свои владения и чтобы эпимелеты <...> обходя владения дважды в год, проверяли бы земли, обрабатываются ли они в соответствии с договорами и поставлены ли пограничные камни...» (IG II² 1165, 17–22) – скорее всего, речь идет о сдаваемых в аренду землях филы. Декрет той же Эрехтеиды предписывает приносить жертвы Посейдону и Эрехтею и тратить $\epsilon\kappa\ \tau\acute{o}\upsilon\ \mu\iota\sigma\theta\omega\mu\acute{\alpha}\tau\omega\upsilon\varsigma$ (SEG 25:140, сер. IV в. до н.э.). Декрет неизвестной филы обязывает арендаторов некоего участка выплачивать арендную плату трижды в год эпимелетам и казначею филы (IG II² 1168, сер. III в. до н.э.).

Сохранилась серия надписей с Самоса второй половины V в. до н.э. (когда остров находился под властью Афин), представляющих собой пограничные камни участков, принадлежавших героям-эпонимам (IG XII, 6. 1. 247–251: повторяется словосочетание $\hbar\omicron\rho\omicron\varsigma\ \tau\epsilon\rho\epsilon\nu\omicron\varsigma\ \epsilon\lambda\omicron\nu\omicron\mu\omicron\nu\varsigma\ \text{Αθ\epsilon}\nu\eta\theta\epsilon\upsilon$ в разных вариациях). В данном случае не вполне ясно, принадлежали ли земли отдельным филам или группе героев-эпонимов. Н. Папазаркадас отмечает, что в последнем случае возможен вариант, что существовал полисный культ героев-эпонимов, однако источниками он не засвидетельствован, так что вопрос пока остается без ответа³⁷.

После битвы при Херонее афиняне вновь завладели Оропом, земли которого были разделены между филами, по одному участку на две филы (Нурер. Еух. 16–17). В ходе раздела возникли разногласия, о чем свидетельствуют речь Гиперида, а также декрет, изданный филами Эгеидой и Эантидой о границах земель (Agora XVI. 84, ок. 330 г. до н.э.), и надпись в честь некоего Евтидема из филы Антиохида, который принимал участие в распределении земель, выделенных для фил в Оропе (SEG 3:117, 13–19, 303/2 г. до н.э.). Последний персонаж, кроме того, участвовал в распределении земель, выделенных для фил на Лемносе; согласно той же надписи, разногласия между филами возникли и на Лемносе, и Евтидем чествуется филлой Антиохидой за то, что вместе со жрецом сумел отстоять оспариваемый участок в пользу Антиохида (SEG 3:117, 6–13). Участие жреца предполагает использование доходов с участка для культовых целей. Также плохо со-

³⁶ Lenskaya 2012.

³⁷ Papazarkadas 2011, 101.

хранившийся пассаж из декрета Эгеиды и Эантиды позволяет предположить, что доход от аренды земли шел, в частности, на жертвоприношения – δεδόχθαι ταῖς φυλαῖς θῦσαι (Agora XVI. 84, l. 3–4, восстановление Н. Папазаркадаса)³⁸.

Сохранилась аттическая надпись типа ὄρος сер. IV в. до н.э. (IG II² 2670), в которой сообщается, что данный участок является обеспечением приданого некоей Гиппоклей в один талант, причем реальным обеспечением является лишь часть участка, оцененная в талант, остальная же часть заложена филе Кекропиде, Ликомидам и флийцам. Обычно ее объясняют в том смысле, что муж Гиппоклей выставил часть участка в качестве обеспечения (ἀποτίμημα) за приданое³⁹, остальную же часть заложил филе Кекропиде, роду Ликомидов и жителям дема Флия за денежную ссуду, данную этими объединениями мужу⁴⁰. Таким образом, Кекропида выступает одним из кредиторов денежной ссуды под земельное обеспечение, хотя и в компании с другими объединениями – флийцами и Ликомидами⁴¹. Папазаркадас отмечает, что это единственный известный нам случай кредитования от имени филы в Аттике, хотя в содружестве с филой выступают еще дем и род⁴².

Тем не менее за пределами Аттики нам известны примеры кредитования, хотя и не ипотечного, что выясняется из самосского декрета филы Пандиониды: в нем говорится, что филой кому-то были даны займы деньги, и чтобы не тратить на жертвоприношение Пандиону и другим богам τὰ κοινὰ τῆς φυλῆς, предписывалось вернуть деньги и проценты в течение года (IG XII, 6. 1: 255).

Кроме того, у нас есть единственное и довольно ненадежное свидетельство о том, что филам могли принадлежать какие-то дома – упоминание τῶν οἰκῶν в плохо сохранившемся декрете неизвестной филы нач. III в. до н.э. (IG II² 1164). Из надписей других административных и культовых объединений известно, что дома, как и земли, нередко сдавались в аренду.

Таким образом, сдача земель в аренду, ипотечные операции и выдача общественных денег под проценты обеспечивали филе определенные доходы. В декрете Эрехтеиды, в плохо сохранившейся части, говорится о том, что деньги на некие нужды должны быть взяты ἐκ τῶν κοινῶν προσόδων (IG II² 1165, 11). В каждой филе ежегодно избирался казначей, упоминание о котором часто встречается в документах фил. Например, в почетном декрете филы Кекропиды сер. IV в. до н.э. говорится буквально следующее «...Избранный усердно исполнял хорегию для филы Кекропиды, похвалить его ради доблести по отношению к делам филы и увенчать золотым венком за 500 драхм, казначею дать деньги на венок из прибыли (τῆς προσόδου). Поставить стелу в святилище Кекропса, записать это постановление секретарю филы» (IG II² 1158). Контроль над доходами филы осуществляли ежегодно избиравшиеся эпимелеты, в течение года фактически управлявшие делами филы; именно они собирали и распределяли денежные средства филы. В нашем распоряжении имеются два документа, литературный и эпиграфический, в каждом из которых зафиксирован случай хищения эпимелетом денежных активов

³⁸ Papazarkadas 2011, 110, n.48.

³⁹ Об ἀποτίμημα см. Finley 1973, 38–52.

⁴⁰ Finley 1973, 99; Jones 1987, 60; Papazarkadas 2011, 109.

⁴¹ Участие Ликомидов и флийцев можно попытаться объяснить тем, что нам известна Гиппоклей, кузина Демосфена, которая, возможно, была замужем за Ликомидом (Davies 1971, 142). Ликомиды жили в деме Флия, входившем в филу Кекропиду.

⁴² Papazarkadas 2011, 109.

филы. В одной из речей Демосфена прямо говорится: «...Когда он был назначен филой эпимелетом, при даче отчета он был уличен в расхищении денег, принадлежащих храму героев-эпонимов» (Dem. LVIII. 14). И хотя недостача составляла 700 драхм, в итоге жители филы Леонтиды вынудили незадачливого эпимелета выплатить 7 мин (Dem. LVIII. 18). Подобный случай засвидетельствован в надписи: некий Никодим, будучи эпимелетом филы Эантида, при сдаче отчета был уличен в том, что удержал $666 \frac{2}{3}$ драхм и присужден вернуть долг под обеспечение имущества; помимо того, ему был назначен штраф в государственную казну в том же размере (Agora XIX. P26, 505–528, сер. IV в. до н.э.). В обоих случаях прямо говорится, что деньги принадлежат герою-эпониму (которому формально и давали отчет – Dem. LVIII. 14), что было обычной формулировкой в греческих документах и неким штампом для греческого сознания. О Никодиме говорится, что он собирал священные деньги $\epsilon\upsilon\lambda\acute{\epsilon}\xi\alpha\varsigma$ τὸ ἱερὸν ἀργύριον (l. 507–508), и это дало Папазаркадасу возможность предположить существование некоего священного налога⁴³; однако мы думаем, что деньги, формально принадлежавшие божеству, не могли называться иначе, и вряд ли существовал некий священный налог, не зафиксированный более ни в одной из афинских территориально-административных единиц; скорее всего, это были просто арендные деньги. В данном случае прослеживаются четкие параллели с демами: эпимелеты, как и демархи, следили за сдачей земель в аренду и собирали арендные взносы, казначеи хранили деньги и выдавали по постановлению собрания на необходимые нужды.

Что касается должностных лиц, связанных с культовой деятельностью филы, то в ходе предыдущего изложения мы уже неоднократно упоминали о них, так что нам остается лишь вкратце резюмировать. Эпимелеты филы, осуществлявшие общее руководство филой, контролировали и финансы филы: они следили за сдачей земель филы в аренду и сбором арендной платы, выделяли средства на жертвоприношения и венки для чествуемых лиц, заботились о записи декретов на стелах для выставления в святилищах эпонимов; после окончания срока службы эпимелеты обязаны были дать полный отчет филе. Казначеи филы являлись хранителями денежных средств. Жрецы филы совершали жертвоприношения и все ритуальные действия, а также могли принимать участие в спорных делах о земле, принадлежавшей филе, как, мы это видели, случилось на Лемносе. Зачастую жрецами являлись не члены филы и не выборные лица, а гентильные жрецы с пожизненным сроком службы, издревле обслуживавшие культ героя филы; в первоначальный период существования такая ситуация была типична для всех фил, и лишь в конце V – нач. IV в. могли начаться изменения; впрочем, в некоторых филах гентильных жрецов мы встречаем и в дальнейшем. Наконец, в отдельных филах для устройства каких-то ритуальных действий избирались иеропеи, хотя упоминание о иеропее филы встречается лишь однажды.

Как известно, большую роль в финансировании культов в демах играли частные лица-благотетели, которым посвящены многочисленные благодарственные надписи демотов⁴⁴. Мы не встречаем таких спонсоров в филах⁴⁵, однако в

⁴³ Papazarkadas 2011, 109, n. 37.

⁴⁴ Whitehead 1986, 171–175.

⁴⁵ О спонсорстве частных лиц в филе можно говорить в связи с устройством ими общих обедов для членов филы на Дионисиях и Панафинях (τὰ φυλετικὰ δεῖπνα – Dem. XX. 21; XXI. 156; XXXIX.

данном случае вклад частных лиц в культовую сферу проявлялся несколько по-другому – филы избирали литургов, которые брали на себя подготовку музыкальных и спортивных команд, соревновавшихся и защищавших честь филы на полисных праздниках. И здесь мы переходим к решению второй поставленной нами задачи – рассмотрению степени участия фил в организации полисной сакральной жизни, а точнее, в устроении полисных праздников.

Мы знаем, что многие большие праздники в Афинах, посвященные разным божествам, включали в свою программу командные соревнования. Поскольку их проведение требовало больших затрат, полис перепоручил организацию и финансирование таких агонов частным лицам-литургам, которые выбирались по филам. Литурги набирали команды, каждая из которых представляла свою филу, и обеспечивали ее подготовку, снаряжение, выступление и, в случае победы своей команды, награждение. Агонами, в которых команды состязались по филам, являлись состязания лирических хоров, пиррихистов, бег с факелами, регата, эвандрия и антиппасия⁴⁶. К состязаниям допускались только афинские граждане, члены филы, иностранцы не имели права принимать в них участие. Сохранилось довольно много свидетельств об этих агонах, освещающих их связь с филами; основную массу свидетельств составляют надписи, сообщающие о победе той или иной филы, в которых часто указываются имена литургов (хорегов, гимнасиархов, агонофетов, триерарахов), а иногда и имена победителей – участников агонов. Выставление команд для полисных агонов являлось серьезной и ответственной задачей для филы, поскольку борьба за первенство являлась доминантой всех полисных мероприятий, а победа отмечалась самым торжественным образом. При этом нужно помнить, что агоны происходили в рамках праздников в честь богов и считались посвящением божеству, и, таким образом, часть обязанностей по организации религиозной жизни полис перекладывал на филу.

Следующий аспект включенности фил в религиозную жизнь Афин – это участие в полисных праздниках эфебов, которые были организованы по филам. Присутствие в данной статье раздела об эфебах, на наш взгляд, не противоречит ее концепции: во второй ее части мы рассматриваем вклад филы в религиозную жизнь полиса; как мы сказали выше, по филам набирались команды для участия в полисных праздниках, по филам же набирались отряды эфебов, а эфебия, по словам одной из исследовательниц, была «одним из путей, и, возможно, самым методичным, приобщиться к религиозным традициям полиса как целого»⁴⁷. Мнения о времени появления института эфебии различны: одни исследователи считают, что эфебия появилась в 30 гг. IV в. до н.э. и основателем ее был Ликург Афинский⁴⁸, другие предполагают, что этот институт возник раньше – в нач. IV, в V или даже в конце VI в. до н.э.⁴⁹. Гипотезы о раннем возникновении эфебии осно-

7; Athen. Deipnosoph. 185d), однако это лишь косвенно затрагивает культовую сферу.

⁴⁶ Bondar' 2009, 26, 60, 87, 105, 107–108; Goette 2007, 177–126.

⁴⁷ Muñiz Grijalvo 2005, 268.

⁴⁸ Wilamowitz-Moellendorff 1893, 193–194; Henderson 2011, 61–76.

⁴⁹ Pélékidis 1962, 71–79; Reinmuth 1952; 1971, 123–138. При этом мнения о характере эфебии различаются: так, Х. Пелекидис считает, что ранняя эфебия была почти идентична эфебии ликурговой, О. Рейнмут полагает, что при Ликурге она была реорганизована и окончательно оформлена. Большинство современных исследователей поддерживает последнюю точку зрения (см. Видаль-Наке 2001, 135. Сн. 1 с библиографией; Parker 1996, 253–255).

ваны на интерпретациях отрывков литературных источников, поскольку первые дошедшие до нас эпиграфические свидетельства относятся только к сер. 30 гг. IV в. до н.э. (правда, одна надпись в восстановлении О. Рейнмута может быть датирована 361/0 г. до н.э. – Reinmuth, *Ephebic Inscr.* 1, однако датировка остается спорной⁵⁰). Каждая фила ежегодно выставляла отряд эфебов, в течение двух лет несших службу в афинских гарнизонах; каждым отрядом командовал софронист, избиравшийся филлой. Во времена Аристотеля имена эфебов записывали на бронзовую плиту, которая ставилась перед зданием Совета возле статуй эпонимов (Athen. Pol. 53. 4). Перед началом службы эфебы давали клятву в храме Аглавры на Акрополе (Poll. Onom. 8. 105; Schol. Dem. 19. 303), в которой, в частности, клялись защищать священную собственность Афин и почитать отеческие святыни ἀμυνῶ δὲ καὶ ὑπὲρ ἱερῶν καὶ ὁρίων...τιμῆσω ἱερὰ τὰ πατρία (SEG 21:519, 8–9, 16); возможно, как считают исследователи, они посещали также святилища героев-эпонимов, находившиеся в районе Акрополя и агоры, хотя прямых свидетельств об этом не сохранилось⁵¹. Далее эфебы под руководством своих софронистов и космета, осуществлявшего общее руководство всем корпусом эфебов, совершали торжественный обход афинских храмов (Arist. Athen. Pol. 42. 3).

Институт эфебии за время своего существования претерпевал изменения; в ее развитии обычно выделяют несколько этапов: эфебия времени Ликурга – «классический» вариант эфебии; эфебия периода с 323 до 166 г. до н.э., когда число эфебов резко уменьшается, срок службы снижается до одного года, а эфебами служат не все юноши, а только сыновья зажиточных граждан; эфебия 166–31 гг. до н.э. – период своего рода «возрождения» эфебии, в это время в связи с появлением государственного финансирования количество эфебов вновь возрастает⁵². При этом на всем протяжении своего существования эфебия оставалась институтом, непосредственно связанным с филлами: эфебы неизменно набирались по филлам.

Источники засвидетельствовали участие эфебов в важнейших афинских праздниках и жертвоприношениях. Правда, следует заметить, что участие эфебов в полисных культах было неодинаковым в разные периоды афинской истории – для эфебии времени Ликурга документально засвидетельствовано участие в Панафинейх (Dein. Fr. 16. 5=Нагр. s.v. σκαφίφοροι), жертвоприношениях и агонах в честь Немесиды Рамнунтской, Немесиях (IG II² 4594a, 330/29 г. до н.э.; Pouilloux 2 bis, 333/2 г. до н.э.) и Амфиарая в Оропе (Epigr. tou Oropou 352, 328/7 г. до н.э.), а также в лампадедромии на Гефестиях и Прометиях⁵³. К этому же времени относятся посвящения эфебов разных фил своему герою или какому-либо божеству – например, посвящение софрониста и эфебов Леонтиды герою (Reinmuth. *Ephebic Inscr.* 9, 332/1 г. до н.э.), посвящение эфебов и софрониста Эантиды герою Муниху после победы в беге с факелами (Reinmuth. *Ephebic Inscr.* 6, 333/2 г. до н.э.; Муних, по всей видимости, был героем возрастной группы победителей – Arist. Athen.

⁵⁰ Henderson 2011, 68. Мы используем эту неопубликованную диссертацию, поскольку она, на наш взгляд, на сегодняшний день является самым подробным исследованием об афинской эфебии.

⁵¹ Pélékidis 1962, 111; Kearns 1990, 330.

⁵² Pélékidis 1962, 155–209. Разные авторы дают различные варианты хронологических этапов (напр., Хендерсон выделяет следующие этапы эллинистического периода – 322–229, 229–167, 167–88 гг. до н.э. – Henderson 2011, 159, 208, 261), однако основная тенденция деления на этапы именно такая.

⁵³ Henderson 2011, 132–142.

Pol. 53. 4), посвящение эфевов неизвестной филы Амфиараю (Epigr. tou Oporou. 352, 328/7 г. до н.э.) и другие⁵⁴. В период македонского владычества (307–287 и 262–229 гг. до н.э.), когда число эфевов значительно сократилось, их участие в каких-либо сакральных действиях вообще не зафиксировано. Количество религиозных церемоний, в которых участвовали эфебы, резко увеличилось в период после 229 г. до н.э. – в надписях этого периода мы встречаем такие праздники с участием эфевов как Элевсинские мистерии, Дионисии, Тесеи, Гефестии, Плинерии, Осхофории, Галаксии, Эпитафии, Эантеи и др. – фактически ни один праздник не обходился без их участия⁵⁵. Эфебы сопровождали процессии, охраняли священные объекты и участвовали в состязаниях, исполняя роль блестящей гвардии, элитного корпуса, украшавшего своим присутствием любую церемонию⁵⁶. Правда, хотя в это время эфебы по-прежнему были разделены по филам (что неизменно фиксировалось в надписях), корпоративность и гражданская сплоченность филы почти не прослеживаются, и посвящений эфевов отдельных фил героям и богам мы не встречаем. Давно изменились и роль фил в общественно-политической жизни Афин, и система полисных ценностей, и состав эфевов. Тем не менее эфебы по-прежнему были связаны со своими филами, а в надписях эфевов фигурируют названия фил, что позволяет сделать вывод о том, что и в эллинистический период филы остаются подразделениями, которые были включены в религиозную жизнь Афин, в частности, посредством участия своих эфевов в религиозных праздниках и церемониях.

Итак, религиозная жизнь афинской филы в классическую эпоху была сосредоточена вокруг культа ее героя-эпонима; в дальнейшем появляются новые филы (всего известно 5 новых фил), культивировавшие эпонимов-действующих правителей. Каждый эпоним имел свое святилище (а в некоторых филлах, возможно, не одно), около которого происходили собрания филы и где приносились жертвы. Жрецами филы изначально являлись родовые жрецы, с древнейших времен обслуживавшие культ героя-эпонима. С конца V – нач. IV в. до н.э. в составе жречества начинаются перемены, и жрецами могут становиться избранные лица из числа филетов; однако с родовым жречеством связи не прерывались никогда. Каждая фила имела свои земельные владения, доходы от которой по большей части шли на устройство ее культа. Филы как структурообразующие единицы полиса принимали участие в организации религиозной жизни Афин, взяв на себя обязанности набора и обучения команд для полисных агонов, а также набора эфевов, принимавших активное участие в религиозных церемониях полиса.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарь, Л.Д. 2009: *Афинские литургии V–IV вв. до н.э.* СПб.
Видадь-Наке, П. 2001: *Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире.* М.
Ленская, В.С. 2012: Иеропеи в древней Греции. *ПИФК* 4, 179–191.
Ленская, В.С. 2015: Чужеземные боги в Афинах в V–IV вв. до н.э. *Мнемон* 15, 386–402.

⁵⁴ Henderson 2011, appendix A: Corpus of Ephebic Inscriptions, 338–356.

⁵⁵ Подробное описание праздников с участием эфевов см. в Pélékidis 1962, 211–56.

⁵⁶ Henderson 2011, 148–158, 217–238.

- Ленская, В.С. 2016: Проблемы финансирования полисных культов в Афинах в V–IV вв. до н.э. *ВДИ* 76/4, 902–918.
- Суриков, И.Е. 2000: *Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э.* М.
- Blok, J.H., Lambert, S.D. 2009: The Appointment of Priests in Attic Gene. *ZPE* 169, 95–121.
- Bondar', L.D. 2009: *Afinskie liturgii V–IV vv. do n.e. [Athenian liturgies V–IV BC]*. Saint Petersburg.
- Camp II, J. McK. 1986: *The Athenian Agora*. London.
- Clinton, K. 1974: *The Sacred Officials of the Eleusinian Mysteries*. Philadelphia.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Dow, S. 1937: Prytaneis. A Study of the Inscriptions Honoring the Athenian Counillors. *Hesperia Supplements* 1, 1–258.
- Ekroth, G. 2002: *The sacrificial Rituals of Greek Hero-Cults*. Liège.
- Ferguson, W.S. 1938: The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion. *Hesperia* 7, 1–74.
- Finley, M. 1973: *Studies in Land and Credit in ancient Athens, 500–200 B.C. The Horos Inscriptions*. New York.
- Goette, H.R. 2007: "Choregic" or victory monuments of the tribal Panathenaic contests. In: O. Palagia, A. Choremi-Spetsieri (eds.), *The Panathenaic Games. Proceedings of an international conference held at the University of Athens, May 11–12, 2004*. Oxford–Oakville, 177–126.
- Grote, O. 2016: *Die Griechischen Phylen*. Stuttgart.
- Henderson II, Th. 2011: *A History of the Athenian Ephebeia: 335–88 BC*. PhD (The Florida State University).
- Jones, N.F. 1987: *Public Organization in Ancient Greece: A Documentary Study*. Philadelphia.
- Jones, N.F. 1999: *The Associations of Classical Athens. The Response to Democracy*. N.-Y.–Oxford.
- Kearns, E. 1989: *The Heroes of Attica*. London.
- Kirchner, J. 1901: *Prosopographia Attica*. I. Berolini.
- Kron, U. 1976: *Die zehn attischen Phylenheroen. Geschichte, Mythos, Kult und Darstellungen*. Berlin.
- McLeod, W. 1959: An Ephebic Dedication from Rhamnous. *Hesperia* 28, 121–126.
- Mikalson, J. 1998: *Religion in Hellenistic Athens*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Mommzen, A. 1889: Die zehn Eponymen und die Reihenfolge der nach ihnen benannten Phylen Athens. *Philologus* 47, 449–486.
- Muñiz Grijalvo, E. 2005: Elites and Religious Change in Roman Athens. *Numen* 2, 255–282.
- Papazarkadas, N. 2011: *Sacred and Public Land in ancient Athens*. Oxford.
- Parker, R. 1996: *Athenian Religion: A History*. Oxford.
- Pélékidis, Ch. 1962: *Histoire de l'éphébie attique des origines à 31 avant Jésus-Christ*. Paris.
- Pouilloux J. 1954: *La Forteresse de Rhamnonte*. Paris.
- Reinmuth, O. 1952: Genesis of the Athenian Ephebia. *TAPA* 83, 34–50.
- Reinmuth, O. 1971: The Ephebic Inscriptions of the Fourth Century B.C. Leyden.
- Schlaifer, R. 1940: Notes on Athenian Public Cults. *Harvard Studies in Classical Philology* 51, 233–260.
- Shear, T.L. 1970: The Monument of the Eponymous-Heroes in the Athenian Agora. *Hesperia* 39, 145–222.
- Szanto, E. 1902: *Die griechischen Phylen*. Wien.
- Thompson, H.A., Wycherley, R.E. 1972: *The Athenian Agora. XIV. The Agora of Athens. The History, Shape and Uses of an Ancient City Center*. Princeton–New Jersey.
- Töpffer, J. 1889: *Attische Genealogie*. Berlin.
- Traill, J. 1975: *The Political Organization of Attica. A Study of the Demes, Trittyes and Phylai and their Representation in the Athenian Council*. Princeton–New Jersey.

- Whitehead, D. 1986: *The Demes of Attica 508/7–250 B.C. A Political and Social Study*. Princeton.
- Wilamowitz-Moellendorff, U. 1893: *Aristoteles und Athen*. I. Berlin.
- Wycheley, R.E. 1957: *The Athenian Agora. III. Literary and Epigraphical Testimonia*. Princeton–New Jersey.

REFERENCES

- Blok, J.H., Lambert, S.D. 2009: The Appointment of Priests in Attic Gene. *ZPE* 169, 95–121.
- Bondar, L.D. 2009: *Afinskie liturgii V–IV vv. do n.e. [Athenian liturgies of the 5th – 4th centuries BC]*. Saint Petersburg.
- Camp II, J. McK. 1986: *The Athenian Agora*. London.
- Clinton, K. 1974: *The Sacred Officials of the Eleusinian Mysteries*. Philadelphia.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Dow, S. 1937: Prytaneis. A Study of the Inscriptions Honoring the Athenian Counillors. *Hesperia Supplements* 1, 1–258.
- Ekroth, G. 2002: *The sacrificial Rituals of Greek Hero-Cults*. Liège.
- Ferguson, W.S. 1938: The Salaminioi of Heptaphylai and Sounion. *Hesperia* 7, 1–74.
- Finley, M. 1973: *Studies in Land and Credit in ancient Athens, 500–200 B.C. The Horos Inscriptions*. New York.
- Goette, H.R. 2007: “Choregic” or victory monuments of the tribal Panathenaic contests. In: O. Palagia, A. Choremi-Spetsieri (eds.), *The Panathenaic Games. Proceedings of an international conference held at the University of Athens, May 11–12, 2004*. Oxford–Oakville, 177–126.
- Grote, O. 2016: *Die Griechischen Phylen*. Stuttgart.
- Henderson II, Th. 2011: *A History of the Athenian Ephebeia: 335–88 BC*. PhD (The Florida State University).
- Jones, N.F. 1987: *Public Organization in Ancient Greece: A Documentary Study*. Philadelphia.
- Jones, N.F. 1999: *The Associations of Classical Athens. The Response to Democracy*. N.-Y., Oxford.
- Kearns, E. 1989: *The Heroes of Attica*. London.
- Kirchner, J. 1901: *Prosopographia Attica*. I. Berolini.
- Kron, U. 1976: *Die zehn attischen Phylenheroen. Geschichte, Mythos, Kult und Darstellungen*. Berlin.
- Lenskaya, V.S. 2012: Ieropei v drevney Gretsii [The Hieropoioi in Ancient Greece]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 179–191.
- Lenskaya, V.S. 2015: Chuzhezemnye bogi v Afinakh v V–IV vv. do n.e. [Foreign Gods of Athens in the 5th–4th centuries BC]. *Mnemon* 15, 386–402.
- Lenskaya, V.S. 2016: Problemy finansirovaniya polisnykh kultov v Afinakh v V–IV vv. do n.e. [Problems of Polis Cults Financing in Athens in the 5th–4th centuries BC]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 76/4, 902–918.
- McLeod, W. 1959: An Ephebic Dedication from Rhamnous. *Hesperia* 28, 121–126.
- Mikalson, J. 1998: *Religion in Hellenistic Athens*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Mommzen, A. 1889: Die zehn Eponymen und die Reihenfolge der nach ihnen benannten Phylen Athens. *Philologus* 47, 449–486.
- Muñiz Grijalvo, E. 2005: Elites and Religious Change in Roman Athens. *Numen* 2, 255–282.
- Papazarkadas, N. 2011: *Sacred and Public Land in ancient Athens*. Oxford.
- Parker, R. 1996: *Athenian Religion: A History*. Oxford.
- Pélékidis, Ch. 1962: *Histoire de l'éphébie attique des origines à 31 avant Jésus-Christ*. Paris.
- Pouilloux J. 1954: *La Forteresse de Rhamnonte*. Paris.
- Reinmuth, O. 1952: Genesis of the Athenian Ephebia. *TAPA* 83, 34–50.

- Reinmuth, O. 1971: The Ephebic Inscriptions of the Fourth Century B.C. Leyden.
- Schlaifer, R. 1940: Notes on Athenian Public Cults. *Harvard Studies in Classical Philology* 51, 233–260.
- Shear, T.L. 1970: The Monument of the Eponymous-Heroes in the Athenian Agora. *Hesperia* 39, 145–222.
- Surikov, I.E. 2000: *Iz istorii grecheskoy aristokratii pozdnearkhaicheskoy i ranneklassicheskoy epokh: Rod Alkmeonidov v politicheskoy zhizni Afin VII–V Cent. BC* [From the History of Greek Aristocracy of Late Archaic and Early Classic Periods: the Alcmaeonidae Family in the Political Life of Athens in the 7th–5th centuries BC]. Moscow.
- Szanto, E. 1902: *Die griechischen Phylen*. Wien.
- Thompson, H.A., Wycherley, R.E. 1972: *The Agora of Athens. The History, Shape and Uses of an Ancient City Center*. Princeton–New Jersey. (The Athenian Agora. XIV).
- Töpffer, J. 1889: *Attische Genealogie*. Berlin.
- Trails, J. 1975: *The Political Organization of Attica. A Study of the Demes, Trittyes and Phylai and their Representation in the Athenian Council*. Princeton–New Jersey.
- Vidal-Nake, P. 2001: *Chernyy okhotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire* [Le chasseur noir. Formes de pensées et formes de société dans le monde grec]. Moscow.
- Whitehead, D. 1986: *The Demes of Attica 508/7–250 B.C. A Political and Social Study*. Princeton.
- Wilamowitz-Moellendorf, U. 1893: *Aristoteles und Athen*. I. Berlin.
- Wycherley, R.E. 1957: *The Athenian Agora. III. Literary and Epigraphical Testimonia*. Princeton–New Jersey.

PHYLAI IN THE SYSTEM OF RELIGIOUS LIFE IN ATHENS

Valeriya S. Lenskaya

Institute of World History, Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
vlenskaya@yandex.ru

Abstract. Athenian religious life was distinguished by a variety of cults, each of which was “assigned” to a certain association, which financed this cult, organized related festivals and sacrifices and nominated the cult personnel: so, there were cults that were in the competence of the polis, demes, clans, phratries, private cult associations. The phyle was also such an association, which had its own cult system. The cult activity of phylai was reduced mainly to a single cult – the cult of the eponymous hero of a phyle, and this is an essential feature of the sacral life of a phyle, unlike other associations, where the number of deities was unlimited. Each eponym had its own sanctuary, near which meetings of the phyle took place and where sacrifices were made. Priests from the phyle were originally clan’s priests, who served the cult of the eponymous hero from ancient times. From the end of the 5th – beginning of the 4th century BC, changes begin in the structure of the priesthood, and persons elected from among the phyletai could become the priests; however, connections with the ancestral priesthood were never interrupted. Each phyle had its own land estates, the proceeds from which went to the structure of its cult. Phylai as the structuring units of the polis took part in organizing the religious life of Athens, undertaking the duties of recruiting and training teams for festival competitions, as well as the task of recruiting ephebes who took an active part in religious ceremonies of the polis.

Keywords: Ancient Greece, Athens, religion, phyle, priests, eponymous hero

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2020), 174–180
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2020), 174–180
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-174–180

ΠΥΡΟΚΑΥΣΙΣ: ГРАЖДАНСКАЯ И ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАКЕДОНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Ю.Н. Кузьмин

*Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара,
Россия*
yurimac@yandex.ru; yuri.kuzmin.1978@gmail.com

Аннотация. В надписях из Драмы (регион Амфиополя) и Неа Потидеи (Кассандрии), судя по палеографии, относящихся ко времени царствований последних Антигонидов – Филиппа V (221–179 гг. до н.э.) или Персея (179–168 гг. до н.э.), сохранились идентичные тексты военных установлений, в которых фигурирует ранее не встречавшийся термин *πυρόκαυσις* (его можно перевести как «очаг» или «костер»). По мнению М. Хадзопулоса, в ряде случаев *πυρόκαυσις* аналогичен *οἰκία* (семья, дом) и должен пониматься как административная мобилизационная единица, выставлявшая одного воина. Согласно альтернативной точке зрения, представленной Х. Хрисафисом, *πυρόκαυσις* равнозначен *λόχος* и обозначает подразделение из 16 воинов, размещавшихся вокруг одного костра в лагере. Можно выдвинуть еще одну гипотезу, что *πυρόκαυσις* – это административная единица, которая включала военнообязанных подданных царя, живших рядом в городе или деревне (среди них могли быть и родственники), которые в случае мобилизации, может быть, действительно формировали *λόχος* (отряд из 16 воинов) и группировались в походах вокруг одного костра. При этом к самой *πυρόκαυσις*, вероятно, было приписано большее число людей, из которых лишь 16 призывались. Проблема точного определения сущности *πυρόκαυσις* ждет дальнейшего исследования – особенно, если появятся новые эпиграфические документы, фиксирующие данное понятие.

Ключевые слова: *πυρόκαυσις*, *λόχος*, Антигониды, Македония, военная организация, гражданский коллектив

Последние полвека существования Македонского царства, на которые приходится правления Филиппа V (221–179 гг. до н.э.) и его сына Персея (179–168 гг. до н.э.) из династии Антигонидов, хорошо освещены источниками – благодаря как ли-

Данные об авторе: Кузьмин Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Автор выражает благодарность О.Л. Габелко, И.Г. Гурину, А.В. Дедюлькину, А.К. Нефёдкину, В.П. Никонорову, С.К. Сизову, И.Е. Сурикову и В. Хекелю за помощь в работе над статьей. Конечно же, они не несут ответственности за представленные выводы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00099 («Институт гражданства в федеративных и имперских государствах античности в пост-классическое время: правовые основы, практики, дискурсы»).

тературной традиции (Полибий, Ливий, Плутарх и другие авторы), так и эпиграфике. Увеличение в последние десятилетия корпуса надписей особенно значительно расширило знания о македонских городах, их гражданских учреждениях и взаимоотношениях с монархами, а также о военной организации времени Антигонидов.

В эпиграфических источниках, сохранивших тексты официальных документов, многие македонские города эллинистического времени обозначаются как πόλεις (IG XII 4 1 220–221), а их гражданские коллективы и жители как πολιτεύματα (SEG XLIX 722, 855) и πολῖται (SEG XLVIII 785). Города имели автономию во внутренних делах и собственные органы власти (народные собрания, советы, магистратов), но, будучи элементами монархического государства, они не могли проводить внешнюю политику, которая была прерогативой царского двора¹.

Для изучения военной организации времени последних Антигонидов и ее связи с гражданскими структурами важнейшими источниками являются две надписи, сохранившие идентичные тексты общегосударственных военных установлений – вероятно, царской διάταξις. Первая происходит из района г. Драма на севере Греции (были высказаны предположения, что ее следует связывать с Амфиполем), вторая из Неа Потидеи (античной Кассандрии) (см. илл.). Обе надписи серьезно повреждены, что затрудняет понимание ряда важных аспектов, в том числе и того, которому посвящена данная работа. Частично тексты надписей совпадают, частично дополняют друг друга.

Надписи из Драммы и Неа Потидеи были представлены П. Нигделисом и К. Сисманидисом на шестой конференции «Древняя Македония» в Салониках в 1996 г. и опубликованы в ее материалах, увидевших свет несколько лет спустя². В 2001 г. данные надписи стали одной из основ для книги М. Хадзопулоса о македонской армии и военной организации времени Антигонидов. Их тексты с восстановлениями, предложенными Хадзопулосом, были заново опубликованы в приложении к этой монографии³.

На основе палеографических критериев надписи из Драммы и Неа Потидеи однозначно относятся ко времени царствований Филиппа V или Персея⁴. Первые издатели допустили, что документ, копии которого сохранились в данных надписях, был связан с последней кампанией второй римско-македонской войны (200–197 гг. до н.э.) и мобилизацией, проведенной Филиппом V в марте 197 г. до н.э. накануне битвы при Киноскефалах⁵. По мнению Хадзопулоса, появление этого документа можно датировать и более ранним временем⁶. Сам характер установлений, зафиксированных в надписях из Драммы и Неа Потидеи, указывает на то, что они носили долговременный характер, а не были составлены накануне какой-то конкретной военной кампании⁷. Не вызывает сомнений, что как минимум их базовые принципы восходят ко времени более раннему, чем царствования последних

¹ См. подробнее: Hatzopoulos 2011, 235–241.

² Nigdelis, Sismanidis 1999, 807–822; ср. BE 2000 444.

³ Hatzopoulos 2001, 153–160, № 2.1 (Драма) – II (Неа Потидея); ср. SEG XLIX 722 (Неа Потидея), 855 (Драма).

⁴ Ср. Nigdelis, Sismanidis 1999, 811–812.

⁵ Nigdelis, Sismanidis 1999, 811–812; ср. Taylor 2016, 9, 11.

⁶ Hatzopoulos 2001, 24–26.

⁷ М. Мари предположила, что ряд эпиграфических источников, которые обычно датируют временем Филиппа V, включая и документы, связанные с военной организацией, можно попытаться

Рис. 1. Верхняя часть надписи из Неа Потидеи (Салоники, археологический музей, фото автора, 2016 г.)

Fig. 1. Upper part of the inscription from Nea Potidaea (Thessaloniki, Archaeological museum, photo by author, 2016)

Антигонидов. К тому же, можно допустить, что надписи из Драны и Неа Потидеи вообще могли быть изготовлены в разное время.

Надписи из Драны и Неа Потидеи сохранили подробное описание принципов набора в армию Антигонидов. Он проводился на основе имущественного ценза (при зачислении в элитный корпус *пельтастов* и *агему*, а также в отряд *гипаспистов*), числа мужчин в семье, их физического состояния, возрастных категорий и т.д. Призывной возраст начинался с 15 лет (когда, как теперь известно, македонские юноши включались в списки граждан в своих общинах), продолжаясь до 50 (а в ряде случаев и продлеваясь), хотя призывали пятнадцати- и шестнадцатилетних только в крайних случаях (как это было, например, в 197 г. до н.э., в конце второй войны с Римом – Liv. XXXIII.3.4). Имела место гибкая система призыва, которую можно представить на нескольких примерах. Так, если единственному сыну было больше 20 лет, а отцу 50, в поход уходил сын; если сын был моложе 20 лет, а отцу было 50 или меньше, мобилизовали отца; если отцу было более 50 лет, а сыну меньше 20, но больше 15, рекрутировали сына. Непризванный человек находился в запасе. Подданный царя, подлежащий призыву, мог выставять вместо себя замену⁸.

отнести к царствованию Персея (Mari 2018, 283–311).

⁸ Замена военнообязанного на другого человека могла происходить по-разному. Так, недавно Хадзопулос представил мнение, что в Македонии, как, например, и в Спарте эпохи классики, имела место практика усыновления богатыми семьями мальчиков из семей с низким социальным статусом

В надписях из Драмы и Неа Потидеи фигурирует не встречавшийся ранее термин *πυρόκαυσις*. Данное слово можно перевести как «очаг» или «костер», и очевидно, что оно связано с выражением *πυρὰ καίειν* – «разжигать костры», которое неоднократно зафиксировано в древнегреческой литературе в связи с военными кампаниями и размещением воинов в лагерях (например: Xen. *Anab.* IV.6.20; Polyb. III, 50, 8; Diod. XIII, 111.2; XV, 84.1; Polyae. IV, 6.11; IV.8.4)⁹. Первые издатели рассматриваемых надписей Нигделис и Сисманидис ограничились замечанием о том, что термин *πυρόκαυσις* связан с военной организацией¹⁰.

Развернутую интерпретацию понятия *πυρόκαυσις* предложил Хадзопулос. По его мнению, в ряде случаев *πυρόκαυσις* аналогичен также встречающемуся в данных надписях термину *οἰκία* (семья, дом) и должен обозначать административную мобилизационную единицу, выставлявшую одного воина¹¹. Мнение Хадзопулоса основывалось в том числе и на восстановлении им места в надписи из Неа Потидеи, в котором он увидел привязку к *πυρόκαυσις* «отца или матери» и описание ситуации, когда сын освобождался от военной службы для содержания родителей¹². По мнению Хадзопулоса, *πυροκαύσεις* являлись подразделениями *πολιτεύματα*¹³.

Однако недавно Х. Хрисафис представил точку зрения, что *πυρόκαυσις* являлась эквивалентом *λόχος* – подразделения, включавшего в македонской армии эллинистического времени 16 воинов, которое могло группироваться вокруг одного костра в лагере¹⁴.

На основе свидетельств эпиграфических источников времени поздних Антигонидов¹⁵ (Hatzopoulos 2001, № 3 = ISE II 114; EAM 87 = ISE II 110) в сравнении со схемами, присутствующими в теоретических «Тактиках» Асклепиодота, Арриана и Элиана (Asclep. Tact. 2.8–10; Arr. Tact. 9.6; X.1–9; Ael. Tact. 9.1–10), известно, что в эпоху эллинизма *лохи* были минимальными подразделениями македонской фаланги¹⁶.

Хрисафис допустил, что во фрагменте надписи из Неа Потидеи, в котором Хадзопулос предложил восстановление, связывающее *πυρόκαυσις* с «отцом или матерью», возможна иная реконструкция – когда воин демобилизуется из *πυρόκαυσις* для помощи родителям¹⁷. Таким образом, семья отделяется от *πυρόκαυσις*. Однако это лишь гипотеза по поводу заполнения лакуны, имеющая такое же право на существование, как и упомянутое выше восстановление Хадзопулоса.

и материальным положением. Таким образом, они включались и в военную организацию и при необходимости могли призываться вместо своих сводных братьев (Hatzopoulos 2016, 57–70; по поводу спартанского опыта см., например: Athen. VI.271e–f).

⁹ Cp. Hatzopoulos 2001, 91, n. 1.

¹⁰ Nigdelis, Sismanidis 1999, 820.

¹¹ Hatzopoulos 2001, 91–96; cp. Sekunda 2013, 104.

¹² Hatzopoulos 2001, 159, № 2.II = SEG XLIX 722 (Неа Потидея, сткк. 49–51): [Εάν] δ' ἐν τινὶ πυροκαύσει [ὅσιν ἢ] πατὴρ ἢ μήτηρ [...] διαπολειπέτωσαν αὐτὸν τροφέα τοῖς γονεῦσι...

¹³ Hatzopoulos 2001, 96–98.

¹⁴ Chrysafis 2014, 455–468; cp. Taylor 2016, 11.

¹⁵ Hatzopoulos 2001, 161–164.

¹⁶ О структуре фаланги в армии Антигонидов см., например: Feyel 1935, 45–65; Hatzopoulos 2001, 76–77; Sekunda 2013, 88–92; cp. Errington 1990, 243. Вероятно, что и в элитных корпусах пельтастов и гипаспистов также присутствовало деление на *лохи*.

¹⁷ Восстановление, предложенное Хрисафисом: [Εάν εὐρεθῇ τις] δ' ἐν τινὶ πυροκαύσει [οὗ ἢ] πατὴρ ἢ μήτηρ [ἀσθενεῖς ὄντες μὴ δύνοντα διοικονομεῖν τὰ τοῦ οἴκου ...] διαπολειπέτωσαν αὐτὸν τροφέα τοῖς γονεῦσι... (Chrysafis 2014, 459).

Развивая в определенной степени идею Хрисафиса, можно попытаться сравнить *πυρόκαυστις* с римским *contubernium*. Однако контуберний являлся сообществом воинов, размещавшихся в одной палатке в лагере или помещении в казарме¹⁸, а македонский *πυρόκαυστις*, несомненно, был связан с гражданской организацией.

Необходимо обозначить ряд моментов, которые показывают частичную уязвимость мнений как Хадзопулоса, так и Хрисафиса. Начать следует с того, что *πυρόκαυστις* и *οἰκία* фигурируют преимущественно в разных разделах военных положений из Драмы и Неа Потидеи и вряд ли являются синонимами¹⁹.

В надписи из Драмы упоминаются ситуации, которые маловероятны в контексте, если *πυρόκαυστις* являлась военно-административным аналогом *οἰκία*. Например: когда два человека, достигших призывного возраста хотят быть в одной *πυρόκαυστις*, они регистрируются как *σύνοικοι* («живущие вместе», «живущие рядом»)²⁰; также регламентируется процедура возвращения людей, нарушивших порядок регистрации, в *πυροκαύσεις*, к которым они были приписаны прежде²¹. Однако в одном месте *πυρόκαυστις* все же связана с «отцом» или человеком, его заменяющим²². Таким образом, семья могла быть частью *πυρόκαυστις*.

С другой стороны, представляется, что *πυρόκαυστις* – это не эквивалент *λόχος*. Термин *πυρόκαυστις* не фигурирует в «военном уставе» из Амфиполя²³ (Hatzopoulos 2001, № 3 = ISE II 114), в котором немало места уделено регламентации нахождения воинов в лагере и походе (с упоминанием наименований ряда подразделений и их командиров), а также в надписи из Килады (регион Козани, юго-запад древней Македонии), относящейся к концу царствования Филиппа V (181 г. до н.э.) (EAM 87 = ISE II 110). В надписи из Килады говорится о положительном решении царя по поводу обращения к нему группы воинов, просивших передать им земельный участок. В качестве просителей фигурируют командиры двух подразделений – *тетрарх* (стоял во главе *тетрархии* – отряда из 64 человек, включавшего 4 *лоха*) и *лохаг* (командир *лоха*), воины из *первого лоха* – *πρωτολοχία*, а также воин из элитного корпуса *γυμναστίστων*. Список воинов из *πρωτολοχία* с их именами и патронимиками прерывается из-за повреждения надписи на шестом человеке²⁴. Контекст этого документа теоретически подходит для использования обозначения *πυρόκαυστις* вместо *λόχος*, если следовать концепции Хрисафиса²⁵.

¹⁸ См., например: MacMullen 1984, 443.

¹⁹ Ср. Chrysafis 2014, 457.

²⁰ Hatzopoulos 2001, 154, № 2.I = SEG XLIX 855 (Драма, сторона А, сткк. 11–12): Ἀλλ' ἐὰν ἀμφότεροι [δντ]ες ἐν ἡλικίαι βούλωνται μίαν (ν)έμειν πυρόκαυστιν, καταχωρίζετωσαν συνοίκους.

²¹ Hatzopoulos 2001, 154, № 2.I = SEG XLIX 855 (Драма, сторона А, сткк. 17–18): ...οἱ τοιοῦτοι πάλιν ἀποκα[θι]στάσθωσαν εἰς τὰς πυροκαύσεις ἐν αἷς καὶ πρότερον ἤ[σαν].

²² Hatzopoulos 2001, 159, № 2.II = SEG XLIX 722 (Неа Потидея, стк. 37): Ἐν ᾧ δ' ἂν π[υροκ]αύσει ὑπάρχῃ πατήρ ἢ ἀναπ[ληρωτής]...

²³ Hatzopoulos 2001, 161–164.

²⁴ По поводу понимания *πρωτολοχία* в данной надписи не как первой шеренги тетрархии, состоявшей из четырех *лохагов* (такое значение приводится в античных «Тактиках» – Asclep. Tact. 2.5; Arr. Tact. 8.1; Ael. Tact. 7.1–3), а как *ὁ πρῶτος λόχος* (первого по счету *лоха*-ряда в тетрархии) см. Welles 1938, 248–249.

²⁵ В надписи упоминается о том, что воинов, отправивших петицию Филиппу V, связывали и религиозные обязательства – совместные жертвоприношения (EAM 87 = ISE II 110, сткк. 6–7: ...ἕως ἂν συντελῶσιν τὰς θυσίας ἐν τῷ Ἀπ[ε]λλαίῳ μηνί).

Из надписей из Драмы и Неа Потидеи все же очевидна связь πυροκαυσις с гражданской организацией (πολιτεύματα)²⁶. При этом следует отметить жесткий контроль включения людей в πυροκαυσις со стороны царской администрации. За процедуру регистрации в πυροκαυσις отвечали *эпистаты* – магистраты, представлявшие свои общины перед монархами, и другие должностные лица (ὁ ἐπὶ τὰς διαγραφὰς καὶ γραμματεὺς); все они несли ответственность за нарушения²⁷.

Завершая работу, можно высказать предположение, что πυροκαυσις – это административная мобилизационная единица, которая включала группу военнообязанных подданных царя, живших рядом в городе или деревне (среди них могли быть и родственники), которые в случае мобилизации, может быть, действительно формировали территориальный λόχος (подразделение из 16 воинов)²⁸ и группировались в лагере вокруг одного костра²⁹. При этом к самой πυροκαυσις, видимо, было приписано большее число людей, из которых лишь 16 призывались, а остальные оставались в резерве.

Необходимо отметить, что, как в случае с данной гипотезой, так и согласно концепции Хрисафиса, πυροκαυσις привязывается только к организации мобилизации пехоты. В связи с этим обстоятельством концепция Хадзопулоса о том, что πυροκαυσις – это военно-административный аналог οἰκία, имеет определенное преимущество, т.к. ее можно распространить как на пехоту, так и на конницу.

Проблема точного определения сущности πυροκαυσις ждет дальнейшего исследования – особенно, если появятся новые эпиграфические документы, фиксирующие данное понятие.

ЛИТЕРАТУРА

- Chrysafis, Ch.I. 2014: Pyrokausis: its Meaning and Function in the Organization of the Macedonian Army. *Klio* 96/2, 455–468.
 Errington, R.M. 1990: *A History of Macedonia*. Berkeley–Los Angeles–London.
 Feyel, M. 1935: Un nouveau fragment du règlement militaire trouvé à Amphipolis. *Revue archéologique* 6, 29–68.
 Hatzopoulos, M.B. 1996: *Macedonian Institutions under the Kings I. A Historical and Epigraphic Study*. Athens.

²⁶ Следует заметить, что πυροκαυσις должны были быть и в периферийных северо-западных регионах Македонии, менее затронутых урбанизацией и развитием полисных структур, чем ее центральная и восточная части. С другой стороны, нет никаких оснований считать, что система πυροκαυσις распространялась, помимо Македонии, на внешние владения Антигонидов – то, что можно назвать Македонской державой.

²⁷ Hatzopoulos 2001, 154, № 2.I = SEG XLIX 855 (Драма, сторона А, сткк. 21–31): Τῶν δὲ μὴ κατακε[χ]ωρισμένων [πρό]τερον ἐν τοῖς πολιτεύμασιν μήτε οἱ ἐπιστάτα[ι] μ[ηδέν]α προσγραφέτωσαν τῶν τ[οι]ούτων [ἐ]ν [ταῖς] π[υροκαυ]σε[σιν] εἰδότες μήτε ὁ ἐπὶ τὰς διαγραφὰς [... с. 6 ...] ΕΛΛ[... с. 10 ...] ΩΙ μὴδ' ὁ γραμματεὺς ἄνευ τοῦ ἐπερω[τ]ῆσαι τὸν βασιλέα καὶ ἐκεῖνον συνχωρήσαντα γραπτὸν [κα]ταβαλέσθαι· εἰ δὲ μὴ, [ὁ] ἐνκαταχωρισθεὶς ἢ προσγραφεὶς [πε]ριαιρείσθω ἐκ τῶν πυροκαυσεων καὶ ἀποτινέτω εἰς τὸ βασιλικὸν δραχμὰς τρισχιλίας, οἱ δὲ ἐπιστάται καὶ οἱ γραμματεῖς αὐτῶν κολαζέσθω[σαν] καὶ διὰ τῆς οὐσίας ἐκατέρων π[ρ]ασσέσθω τάλαντα [τρία (?) καὶ] τῷ μηνύσαντι τούτων διδόνθω τὸ ἡμισυ.

²⁸ См., например: ЕАМ 87 = ISE II 110, сткк. 13–14: ... τῶν ἐν τῇ πρωτολογί[αι] στ[ρα]τευομένων Εὐεστών (Эвия – поселение в Верхней Македонии, в Элимиотиде или Эордее; см. Hatzopoulos 1996, 97–101; 2001, 57).

²⁹ Следует заметить, что 16 воинов – это все же достаточно большое число людей для размещения вокруг одного костра.

- Hatzopoulos, M.B. 2001: *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux*. Athènes.
- Hatzopoulos, M.B. 2011: The Cities. In: R.J. Lane Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD*. Leiden–Boston, 235–241.
- Hatzopoulos, M.B. 2016: Σύντροφος: un terme technique macédonien. *Tekmeria* 13, 57–70.
- MacMullen, R. 1984: The Legion as a Society. *Historia* 33/4, 440–456.
- Mari, M. 2018: L'attività della cancelleria antigonide negli anni delle guerre romano-macedoniche. *Historika* 8, 283–311.
- Nigdelis, P., Sismanidis, K. 1999: Δύο αντίγραφα ενός επιστρατευτικού διαγράμματος του Φιλίππου Ε'. In: *Αρχαία Μακεδονία–VI/2. Θεσσαλονίκη*, 807–822.
- Sekunda, N.V. 2013: *The Antigonid Army*. Gdańsk.
- Taylor, M.J. 2016: The Macedonian Conscription Diagramma: Boys and Old Men. *Ancient Warfare* 9/5, 9–11.
- Welles, C.B. 1938: New Texts from the Chancery of Philip V of Macedonia and the Problem of the «Diagramma». *AJA* 42/2, 245–260.

ΠΥΡΟΚΑΥΣΙΣ: CIVIC AND MILITARY ORGANIZATION OF THE MACEDONIAN SOCIETY IN THE HELLENISTIC EPOCH

Yuri N. Kuzmin

Samara Branch of Moscow City University, Samara, Russia
 yurimac@yandex.ru; yuri.kuzmin.1978@gmail.com

Abstract. Inscriptions from Drama (region of Amphipolis) and Nea Potidaea (Cassandra) with identical texts of military regulations (possibly a royal *diagramma*), which according to their letter forms belong to the time of the last Antigonid kings, Philip V (221–179 B.C.) or Perseus (179–168 B.C.), attest the previously unknown term πυρόκαυσις (it can be translated as a «hearth» or «fire»). In the opinion of M.B. Hatzopoulos, the πυρόκαυσις is in some cases similar to the οἰκία (family, home) and should be understood as an administrative mobilization unit that provided one soldier for the military service. According to the alternative point of view proposed by Ch. Chrysafis, πυρόκαυσις is equivalent to the term λόχος and denotes a unit of 16 soldiers who shared one fire in the camp. However, one more hypothesis can be proposed, namely that the πυρόκαυσις is an administrative unit that included the king's subjects (possibly including relatives) living nearby in a city or village, who in the event of mobilization may have actually formed the λόχος (a group of 16 soldiers) and were grouped during campaigns around one camp-fire. At the same time, a larger number of people may have been assigned to the πυρόκαυσις, of whom only 16 were recruited in the army. The problem of the precise meaning of πυρόκαυσις awaits further research, especially if any new epigraphic documents elucidating this term come to light.

Keywords: πυρόκαυσις, λόχος, Antigonids, Macedonia, military organization, civil community

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-181–192

РЕЙНСКАЯ ГРАНИЦА ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В IV в.: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПОГРАНИЧНОЙ И ЭКСПЕДИЦИОННОЙ АРМИЙ

Е.А. Мехамадиев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e.mehamadiev@spbu.ru

Аннотация. Важная особенность рейнской границы поздней Римской империи в IV в. заключалась в том, что на территории провинций, располагавшихся по течению Рейна, размещались не только подразделения пограничной армии, но и подразделения региональной галльской экспедиционной армии. Две эти армии активно взаимодействовали друг с другом и вместе обороняли рейнский фронт от нашествий германских племен в течение всего IV в., но уже к началу V в. рейнские провинции империи находились под защитой только пограничных войсковых подразделений. Соответственно, автор ставит вопрос, как именно взаимодействовали друг с другом пограничная и экспедиционная армии, располагавшиеся на Рейне, и когда подразделения экспедиционной армии оставили Рейн и перешли в другие регионы (и в какие именно регионы)? Для ответа на этот вопрос автор обратился к поэме латинского поэта Публилия Оптациана Порфирия, современника императора Константина I Великого, к житию Мартина Турского и к «Истории франков» Григория Турского, рассмотрел сведения анонимного географического трактата *Expositio totius mundi* («Описание всего мира»), а также привлек данные официального законодательства и эпиграфики. Сопоставление указанных источников позволило проследить несколько важных тенденций в развитии военной организации рейнского фронта империи в IV в. Прежде всего, к 326 г. на Рейне размещались только пограничные соединения, отряды же экспедиционной армии выполняли службу на нижнем Дунае, во Фракии. Но в 357 г. в Галлии уже действовала самостоятельная и полноценная региональная экспедиционная армия, вместе с ней Цезарь Юлиан воевал против аламаннов. Судя по всему, данная армия переместилась из Фракии в Галлию в 353 г., в тот период она располагалась во внутренних землях Галлии, но впоследствии, к 357 г., Цезарь Юлиан разместил ее подразделения непосредственно на рейнской границе. В 394 г. подразделения галльской экспедиционной армии покинули рейнский фронт и передвинулись в Италию, где они продолжали пребывать вплоть до падения Западной Римской империи. Перемещение экспедиционных войск из Галлии в Италию значительно ослабило рейнский фронт и привело к военным успехам германцев в 406/407 гг., когда германцы разрушили рейнскую границу и вторглись в Галлию.

Ключевые слова: Римская империя, рейнская граница, Галлия, римская армия, легион Иовианов, Мартин Турский

Данные об авторе: Мехамадиев Евгений Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета.

В течение всего IV в. рейнская граница поздней Римской империи постоянно сталкивалась с вторжениями различных германских племен, грабивших земли Галлии, и вполне естественно, что в этой ситуации значительную роль в обороне Рейна играл не только сам факт наличия войсковых подразделений (и их количество), но и механизм их взаимодействия друг с другом. Специфика же рейнской границы заключалась в том, что там активно взаимодействовали друг с другом подразделения двух армий – пограничной и экспедиционной (полевой, мобильной), другими словами, на Рейне размещались не только пограничные войсковые подразделения, но и подразделения, входившие в состав региональной галльской экспедиционной армии. В данной статье на примере трех сюжетов, затрагивающих события 326, 355–361 и 394 гг., мы хотели бы рассмотреть, 1) как именно взаимодействовали друг с другом пограничная и экспедиционная армии Галлии (рейнского фронта), а также 2) когда и при каких обстоятельствах подразделения экспедиционной армии, активно действовавшие на участках рейнской границы, покинули этот фронт и переместились в другие регионы.

1. ПОГРАНИЧНЫЕ ГАРНИЗОНЫ РЕЙНА В 326 г.: ВОПРОСЫ СНАБЖЕНИЯ

*Crispi in fortia vires
non dubiae ripa Rhenum Rhodanumque tueri
ulteriore parant et Francis tristia iura*

(Opt. Carm. V, vv. 30–32)¹

«храбрые воины Криспа решительно защищают
земли по ту сторону берега Рена и Родана
и готовят для франков суровые законы»

Процитированные выше строки принадлежат Публилию Оптациану Порфирию (ок. 270–333 гг.) – латинскому поэту, современнику императора Константина I Великого (306–337 гг.) и придворному панегиристу, который составил в честь Константина несколько поэм, прославляющих военные победы этого императора².

И. Винанд датировал стихотворение, в состав которого входят процитированные выше строки, началом 326 г.³, соответственно, необходимо подчеркнуть, что Крисп, упомянутый в стихотворении, – не кто иной, как старший сын Константина, который в 317 г. был отправлен в Галлию в ранге Цезаря – Крисп должен был оборонять рейнский фронт от германских набегов в связи с перемещением резиденции самого Константина в город Сирмий на среднем Дунае⁴. Поскольку Константин теперь не мог постоянно находиться в Галлии, он доверил военное управление данными землями своему старшему сыну, и для нас совершенно оче-

¹ Цитируем текст по изданию: Polara 1973, 21.

² Подробнее о биографии Оптациана Порфирия и его связях с Константином см. в новейших исследованиях И. Винанда: Wienand 2012a, 422–424; 2012b, 228–230.

³ Wienand 2012b, 242.

⁴ Подробнее об этом см.: Pohlsander 1984, 86–87. Также см.: Olbrich 2010, 108, 110, 112–114.

видно – под защитой земель «по ту сторону» Рейна и Роны (Родана) Порфирий, склонный к риторическим преувеличениям, на самом деле имел в виду оборону земель самой Галлии, т.е. территорию «по эту сторону» Рейна и Роны, другими словами, галльские провинции, постоянно страдавшие от набегов франков и алеманнов.

В таком случае возникает вполне закономерный вопрос: кого Оптациан Порфирий имел в виду под «воинами Криспа» (*Crispi... vires*, дословно, конечно же, «мужи Криспа»), точнее – о каких именно войсковых подразделениях латинский поэт говорил в своей поэме? На наш взгляд, для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к сведениям закона императора Константина I, который сохранился в «Кодексе Феодосия» (впоследствии был переиздан и в «Кодексе Юстиниана») в форме диалога императора с ветеранами, завершившими свою службу в армии – ветераны обратились к императору с просьбой предоставить им различные финансовые привилегии. Для нашего исследования принципиально важны два сюжета, отраженные в содержании закона: 1) встреча Константина с ветеранами состоялась в городе Веловоков (*in civitate Velovocorum*), т.е., на наш взгляд, в городе Белловаков (*civitas Bellovacorum*) в провинции Бельгика Вторая (этот город упоминается в т.н. *Notitia Galliarum*, «Списке галльских провинций» – *In provincia Belgica secunda civitates num. XII... Civitas Bellovacorum – Notitia Galliarum*, 6)⁵, другими словами, Константин прибыл в Галлию; 2) согласно тексту закона, когда Константин вышел навстречу ветеранам, «его приветствовали префекты, трибуны и самые выдающиеся мужи» (*et salutatus esset a praefectis et tribunis et viris eminentissimis* – CTh. VII. 20. 2pr).

Мы полагаем, что под префектами («начальниками») следует понимать командующих пограничными легионами, которые размещались на Рейне, в то время как трибуны, упомянутые в тексте, командовали войсковыми подразделениями экспедиционной (мобильной) армии, находившейся под непосредственным командованием Константина и сопровождавшей его во всех территориальных перемещениях. В самом деле, как показал М. Коломбо, в позднеримской армии трибуны командовали отдельными кавалерийскими или пехотными соединениями мобильной армии *comitatenses* (вексилляциями, ауксиями или легионами)⁶, следовательно, они не были связаны с пограничными войсковыми группировками. В таком случае логично возникает вопрос: когда был издан закон Константина I и какой военно-политический контекст он отражает?

С. Коннолли предположила, что закон был издан в 307 г., во время войн Константина с франками на рейнской границе, а ветераны, обратившиеся с просьбами к Константину, служили в тех подразделениях, вместе с которыми император воевал против франков⁷. М. Альбана датировала закон периодом между 307 и 324 гг., поскольку, с одной стороны, текст упоминает Константина в ранге *Augustus*, который он присвоил себе только после 307 г., а с другой – упоминает ранг *vir eminentissimus* («самый выдающийся муж»), который перестал использоваться в административной иерархии после 324 г.⁸

⁵ Цитируем текст *Notitia Galliarum* по изданию: Riese 1878, 142.

⁶ Colombo 2008, 124–126.

⁷ Connolly 2010, 96–97.

⁸ Albana 2016, 482–483.

Мы присоединяемся к позиции М. Альбаны и в связи с этим хотели бы предложить свой аргумент в пользу ее датировки. Дело в том, что в 316 г. Константин вместе со своей экспедиционной армией переместился из Галлии на средний Дунай, в Иллирик, где он одержал победу над своим политическим противником Лицинием – после завершения боевых действий император разместил свою резиденцию в городе Сирмий (провинция Верхняя Мезия). Через несколько лет, в 324 г., когда Константин окончательно разгромил Лициния, император-победитель разместил свою экспедиционную армию во Фракии на нижнем Дунае, куда он перенес и свою резиденцию (в город Сердика). Сама же мобильная (полевая) армия Константина *comitatenses* была создана в 312 г. в рамках подготовки к походу в Италию против узурпатора Максенция, который захватил власть в Риме в 306 г.⁹

Следовательно, в 307 г. в Галлии, где на тот момент правил Константин, еще не было отдельной и самостоятельной экспедиционной армии, она возникла позже, в 312 г., а уже через 4 года, в 316 г., оставила земли Галлии и переместилась на дунайский фронт. Поскольку закон о ветеранах, рассмотренный выше, упоминает трибунов, т.е. командный состав экспедиционной армии, мы можем датировать текст временем между 312 и 316 гг. – в этот период экспедиционная армия *comitatenses* и сам Константин все еще находились в Галлии, на рейнском фронте, следовательно, между 312 и 316 гг. император вполне мог встретиться с ветеранами пограничных легионов в провинции Бельгика Вторая, т.е. на территории северо-западной Галлии.

В таком случае, возвращаясь к строкам из поэмы Оптациана Порфирия, которые мы процитировали в начале статьи, подчеркнем, что под фразой «воины Криспа» (*Crispi... vires*) можно понимать только пограничные войсковые подразделения, располагавшиеся на Рейне – легионы, алы и когорты, поскольку к 326 г., когда была написана поэма, рейнский фронт и земли Галлии находились под защитой только пограничной армии. Подразделения экспедиционной армии, как мы уже отмечали выше, оставили рейнскую границу еще в 316 г. и с того времени размещались уже в балкано-дунайских провинциях.

Таким образом, закон Константина предоставляет ветеранам рейнских пограничных подразделений различные финансовые привилегии, но мы не будем их рассматривать, поскольку этот сюжет выходит за рамки нашей статьи. В связи с материалами, изложенными выше, мы хотели бы обратить внимание на другой, не менее важный, аспект: на наш взгляд, закон Константина в значительной мере улучшил не только финансовое положение ветеранов, т.е. воинов, завершивших срок своей службы и вышедших в отставку, но и продовольственное снабжение воинов действующей, активной службы, которые размещались в рейнских пограничных гарнизонах.

Совсем недавно, в 2016 г., Л. Ди Паола показала, что в поздней Римской империи знаменитые милевые камни (милиарии, мильные столбы), на которых были указаны расстояния от одного пункта до другого (в милях), использовались не только как инструмент почтовой службы или топографический знак для определения границ той или иной территории. По мнению исследовательницы, эти столбы использовались и как инструмент системы снабжения, точнее – в качестве гео-

⁹ Подробнее об этих процессах см.: Berchem 1952, 108; Colombo 2008, 126–127; Mirković 2012, 9–10; Craig 2007, 66.

графических ориентиров для провоза, перемещения и доставки продовольствия, в том числе и для армии. Л. Ди Паола опубликовала надпись на милевом столбе из общины Пистунина вблизи города Мессина на Сицилии, на основании этой надписи, датированной периодом между 321 и 324 гг., исследовательница пришла к выводу, что милевой столб из Пистунины функционировал как инструмент системы транспортировки товаров из северной Африки в Италию, поскольку Сицилия была наиболее удобным промежуточным пунктом для перемещения товаров из африканского побережья к берегам Италии¹⁰.

С учетом выводов Л. Ди Паолы обратимся к надписи на милевом столбе из города Брешиа на севере Италии. Данный столб располагался на участке дороги, ведущей из Аквилеи (вблизи современной Венеции) в Медиолан (Милан). Сама надпись была опубликована в итальянском антиковедческом журнале *Aquileia nostra* за 2012–2013 гг., текст упоминает трех правителей в ранге Цезаря – Криспа и Константина-младшего – сыновей Константина I Великого – и Лициния-младшего – сына императора Лициния:

[D]dd. nn[n] [[Iul(lius) (sic) Crispus e/t [[Licin(ianus) Licinius]] Iun(ior) e/t
[Cl(audius)] Constantinus Iu[n(ior)], / [n]o[b]b[b.] Caess[s], [b(ono) r(ei)]
p(ublicae) n[a]t(i). / M(ilia) p(assum) XXVII¹¹

«Наши повелители Юлий Крисп, Лициниан Лициний-младший и Клавдий Константин-младший, самые благородные Цезари, рожденные для благополучия государства. 27 тысяч шагов»

Издатель надписи С. Дон датировал ее временем между 317 г., когда Крисп и Лициний-младший получили титул Цезаря, и 324 г., когда Лициний-младший лишился данного титула в результате победоносной военной кампании Константина против Лициния-старшего¹². В таком случае следует подчеркнуть: в период 317–324 гг. в северной Италии и в Галлии уже не размещались отряды экспедиционной армии, с 316 г. они выполняли свою службу на дунайской границе. Соответственно, мы полагаем, что продовольственные ресурсы, перевозившиеся по дороге из Аквилеи в Медиолан, в дальнейшем переправлялись в Галлию для снабжения рейнских пограничных гарнизонов.

Более того, цитируемый выше Оптациан Порфирий утверждает, что гарнизоны, подчинявшиеся Криспу, размещались не только на Рейне, но и по берегам реки Родан, т.е. Роны, соответственно, можно предположить, что в первую очередь продовольствие, которое доставлялось из северной Италии, предназначалось для снабжения гарнизонов, находившихся у берегов Роны, поскольку территориально бассейн этой реки располагался ближе к северной Италии, чем рейнская граница. Другими словами, гарнизоны, располагавшиеся по течению Рейна, получали продовольствие уже после гарнизонов Роны. Естественно, мы не отрицаем тот факт, что рейнские гарнизоны снабжались продовольствием и непосредственно из галльских земель, но, на наш взгляд, по решению Константина они получали дополнительные продовольственные запасы уже из северной Италии. Тем самым Константин стремился разрядить ту напряженную обстановку, которая сложилась на рейнском фронте в результате недовольства ветеранов.

¹⁰ Paola 2016, 65, 73–74, 76–77.

¹¹ Don 2012/2013, 83.

¹² Don 2012/2013, 85.

2. ЦЕЗАРЬ ЮЛИАН И ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ ПРОТИВ АЛАМАННОВ: ПРОБЛЕМЫ РЕКРУТСКОГО НАБОРА

Анонимный географический трактат *Expositio totius mundi* («Описание всего мира»), составленный, по мнению Ж. Руже, в 359 г.¹³, содержит несколько важных сведений, проливающих свет на проблемы рекрутского набора в Галлии в тот период, когда Цезарь Юлиан (будущий император Юлиан Отступник) находился в Галлии и воевал с аламанными на рейнском фронте (355–361 гг.). Как пишет автор трактата, «Вся же область [т.е. территория Галлии – Е.М.] обладает сильными и славными мужами, поэтому говорят, что на войне войско Галлов многочисленное и сильное» (*Omnis autem regio viros habet fortes et nobiles: in bello itaque plurimum exercitum et fortem Gallorum esse dicuntur* – *Expositio E*, LVIII)¹⁴.

Мы абсолютно согласны с позицией К. Цукермана, который предположил, что вплоть до середины 370-х гг. в поздней Римской империи не было ежегодной и регулярной всеобщей рекрутской повинности, сбор рекрутов проводился только в связи с той или иной военной кампанией, в рамках подготовки к боевым экспедициям, более того, государство проводило рекрутские кампании только в тех регионах, которые непосредственно граничили с театром военных действий¹⁵. С учетом выводов К. Цукермана мы можем признать, что анонимный автор трактата говорит о тех воинах, которые, во-первых, родились и проживали на территории Галлии, а во-вторых, воевали под командованием Цезаря Юлиана против аламаннов на рейнском фронте. В таком случае мы можем поставить вопрос: о каких именно войсках говорит автор трактата – о пограничных или экспедиционных? Другими словами, для какой армии был проведен рекрутский набор, который подразумевает автор трактата, – для пограничной или экспедиционной?

Для ответа на этот вопрос обратимся к сведениям «Жизни св. Мартина Турского» – епископа города Тура в Галлии, жившего с 317 по 397 гг.¹⁶, данный текст был написан галльским хронистом Сульпицием Севером (жил примерно в 363–410/429 гг.). Согласно житию, в возрасте 15 лет (*cum esset annorum quindecim* – «когда ему было пятнадцать лет») Мартин, родившийся в Паннонии, но воспитанный в городе Тицин (*Ticinum*, современная Павия) в северной Италии, был призван на службу в армию. По словам Сульпиция Севера, Мартин поступил на службу в армию в соответствии с приказом «царей» (*a regibus*), который предписывал, «чтобы сыновья ветеранов были зачислены на военную службу» (*ut veteranorum filii ad militiam scriberentur*). Сульпиций уточняет, что первоначально юный Мартин «отслужил в алах схолариев при царе Констанции [император Константин II, средний сын Константина I Великого, правил в 337–361 гг. – Е.М.], а затем при Цезаре Юлиане» (*inter scholares alas sub rege Constantio, deinde sub Iuliano Caesare militavit* – *Sulp. Sev. Vita S. Martini*, 2. 2, 5)¹⁷.

¹³ Rougé 1966, 17, 19, 21. Датировка Ж. Руже была принята и в последующей историографии, см., например: Marasco 1996, 184 (*con validi argomenti*).

¹⁴ Цитируем текст по изданию: Rougé 1966, 198.

¹⁵ Zuckerman 1998b, 100.

¹⁶ Эти даты рождения и смерти святого, установленные по сведениям Григория Турского, знаменитого галльского историка, жившего уже в VI в., в настоящее время считаются общепризнанными и не подвергаются сомнению. См.: Barnes 2010, 226–228.

¹⁷ Здесь и далее цитируем текст по изданию: Fontaine 1967, 254.

Тем не менее Т. Барнс представил весомые аргументы в пользу того, что в реальности Мартин был зачислен на службу в армию в 352 г., а не в 332 г., если принимать во внимание дату рождения святого, в то время как Д. Вудс пришел к выводу, что Мартин проходил свою службу в школе гентиллов (*schola gentilium*), т.е. в одном из элитных подразделений императорской гвардии; эти подразделения (дворцовые школы) всегда размещались в резиденции императора и сопровождали его во всех территориальных перемещениях¹⁸.

Следовательно, поскольку в составе армии Юлиана находились дворцовые школы, в одной из которых служил Мартин, мы можем предположить, что Юлиан командовал экспедиционной (мобильной, полевой) армией, располагавшейся в тот период в Галлии – сами по себе дворцовые школы были мобильными войсковыми подразделениями, они перемещались вместе с императором и не входили в состав пограничной армии. А этот факт, в свою очередь, подразумевает, что галльские рекруты, которых так прославляет автор трактата *Expositio totius mundi*, были собраны для пополнения отрядов галльской экспедиционной армии, а не рейнских пограничных подразделений.

Судя по всему, экспедиционная армия, одержавшая победу над аламаннами, разместилась в Галлии еще в 353 г., когда Констанций II полностью разгромил своего политического противника Магненция, галльского узурпатора, и вернул земли Галлии под контроль законной императорской власти – сама же эта армия, в свою очередь, была перемещена в Галлию из Фракии, которая с 337 г. находилась под властью Констанция¹⁹.

В таком случае мы можем признать, что сведения «Жизни св. Мартина Турского», рассмотренные выше, позволяют уточнить, как функционировала экспедиционная армия Юлиана непосредственно во время боевых действий, какой была ее внутренняя организация. Прежде всего, на наш взгляд, Мартин вполне мог служить в армии и до 352 г., просто до этой даты он, судя по всему, проходил службу в рядовых подразделениях римской армии (не исключено, что в пограничных гарнизонах рейнского фронта), а затем, в 352 г., он вошел в состав элитной школы гентиллов. К этому моменту Мартину было около 35 лет, т.е. он был уже опытным и зрелым воином.

Еще один важный момент: очевидно, в середине IV в. в войсках экспедиционной армии, равно как и пограничной, продолжала действовать система обязательной наследственной службы, когда сыновья ветеранов зачислялись на военную службу и тем самым заменяли своих отцов, которые уходили в заслуженную отставку. И наконец в 352–357 гг. администрация галльских провинций проводила рекрутский набор по принципу *ad hoc* – здесь и сейчас – т.е. войсковые подразделения пополнялись исключительно в рамках подготовки к предстоящей военной кампании, рекрутами же становились местные жители той провинции, где в тот или иной момент времени непосредственно располагались войсковые подразделения.

¹⁸ Barnes 2010, 206; Woods 1995, 286–288.

¹⁹ См.: Мехамадиев 2018b, 6, 9–11.

3. ЛЕГИОН IOVIANI И РЕЙНСКАЯ ГРАНИЦА В 392–394 гг.: НОВАЯ НАДПИСЬ ИЗ КОНКОРДИИ (СЕВЕРНАЯ ИТАЛИЯ)

В 9 главе II-й книги своей знаменитой «Истории франков» Григорий Турский упоминает о нападении франков на рейнскую границу в районе современного Кельна, это нападение произошло в 388 г. Согласно Григорию Турскому, который, в свою очередь, цитирует не сохранившуюся до нашего времени «Историю» Сульпиция Севера, галльский узурпатор Магн Максим, управлявший тогда землями Галлии, отправил из Трира, где находилась его резиденция, несколько войсковых подразделений для отражения атаки франков. Битва прошла неудачно для римлян, многие воины и их командующие были убиты, и в том числе – некий Ираклий, трибун Иовинианов (*Heraclio Iovinianorum tribuno ac paene omnibus qui militibus praeeerant extinctis* – «Были убиты Ираклий, трибун Иовинианов, и почти все, кто возглавлял воинов» – Greg. Tur. LH. II. 9)²⁰.

В этом рассказе для нас важны сведения о местонахождении позднеримского легиона Иовинианов (другие варианты его названия, которые часто встречаются в источниках – Иовианы, *Ioviani* и Иовии, *Iovii*). Из рассказа Григория Турского совершенно ясно, что в 388 г. данный легион размещался на рейнской границе, в Трире, и выполнял там свою военную службу. Подчеркнем, что этот легион всегда обладал привилегированным статусом – вместе с другим легионом, Геркулиев = Геркулианов (*Herculiani*), он был создан в период правления Диоклетиана и его коллеги Максимиана Геркулия (284–305 гг.), легионы получили свои имена в честь богов, которым поклонялись Диоклетиан (Зевс = Иовий) и Максимиан (Геркулес = Геракл). По мнению М. Чарльза, оба легиона изначально, с самого момента своего создания, обладали привилегированным военным рангом, поскольку они входили в состав императорской гвардии Диоклетиана²¹.

Тем не менее, как видим, в 388 г. легион Иовианов (и, возможно, Геркулиев) размещался на одном из участков рейнской границы и вместе с подразделениями пограничной армии отражал атаки франков на галльские территории. Но из сведений византийского историка Зосима ясно, что легионы Иовианов и Геркулиев размещались в Галлии уже в 350 г. – командующий этими легионами, Магненций, сверг законного императора Константа, правившего тогда в западных провинциях империи, и установил свою власть над Галлией. Это событие произошло в городе Августодун в Галлии (современный Отен на востоке Франции)²². Другими словами, в 350 г. легион Иовианов находился во внутренних землях Галлии. Судя по всему, в 353 г., когда Констанций II перевел в Галлию свою экспедиционную армию, легион Иовианов (вместе с легионом Геркулиев) вошел в состав этой армии и продолжил размещаться во внутренних провинциях Галлии. На наш взгляд, последующий же перевод легиона Иовианов из внутренних регионов Галлии на рейнскую границу (где он располагался к 388 г.) произошел как раз в период Юлиана, во время его военных кампаний против аламаннов (355–361 гг.), когда он активно использовал в боях против германцев подразделения галльской экспедиционной армии.

²⁰ Цитируем текст по изданию: Krusch 1887, 54, l. 4–5.

²¹ Charles 2004, 112–113, 115, 117, 120.

²² См.: Мехамадиев 2018a, 28–49.

Тем не менее латинская надгробная эпитафия из коммуны Конкордия-Саджиттария на севере Италии (в округе Венеции), опубликованная в 2002 г., свидетельствует о размещении легиона Иовианов в Италии: Flavio Lito[---] / Iovian(orum) Eugen[---] / annor(um) XL stip(endia) [---] / bene[merenti fecit?] («Флавию Лит... Иовианов Евген(ий)... 40 лет, срок службы... достойно служившему сделал»)²³. Цитированная надпись происходит с территории обширного воинского кладбища, где было обнаружено множество других эпитафий, все они упоминают различные позднеримские войсковые подразделения. Еще в 1969 г. Д. Хоффманн доказал, что надписи из Конкордии датируются 394 г. и тем самым отражают военный конфликт между итальянским узурпатором Евгением, захватившим власть в 392 г., и законным императором восточной половины империи Феодосием I – в 394 г. Феодосий I вторгся в Италию и разгромил войско Евгения в битве при реке Фригид вблизи города Аквилея (на севере Италии)²⁴. Соответственно, по мнению Д. Хоффманна, на кладбище в Конкордии были захоронены воины двух противоборствующих армий, погибшие в ходе битвы.

С учетом выводов Д. Хоффманна мы можем признать, что легион Иовианов входил в состав армии Евгения – в самом деле, в 388 г., согласно Григорию Турскому, этот легион размещался на рейнском фронте, т.е. в западной половине империи, а значит, в 392 г. он перешел под власть Евгения и его союзника, полководца Арбогаста, франка по происхождению, которые свергли законного императора Валентиниана II (правил тогда в западных провинциях империи) именно на территории Галлии, в городе Вьенн (современный Вьен на юго-востоке Франции). Испанский хронист начала V в. Павел Орозий в своей хронике «История против язычников» сообщает, что в 394 г. Арбогаст, готовившийся к неизбежной войне с Феодосием I, «собрал отовсюду бесчисленные и непобедимые войска либо из римских гарнизонов, либо из союзных варваров» (*contraxit undique innumeras inuictasque copias, uel Romanorum praesidiis uel auxiliis barbarorum* – Oros. VII. 35. 11). На наш взгляд, под «римскими гарнизонами», о которых говорит Орозий, как раз и следует понимать войсковые подразделения, размещавшиеся на рейнской границе, в том числе и легион Иовианов.

На основании эпиграфических данных и сведений Григория Турского Т. Грюневальд показал, что в период между зимой 392/393 гг. и летом 393 г. Арбогаст, командовавший всеми экспедиционными войсками западной половины империи в должности начальника воинов (*magister militum*), действительно размещался на рейнской границе вблизи Кельна, где он воевал против своих соплеменников, франков²⁵. Соответственно, на наш взгляд, после лета 393 г. Арбогаст оставил рейнский фронт и переместился в северную Италию, чтобы подготовиться к неминуемому вторжению Феодосия I. Естественно, Арбогаст взял с собой множество подразделений, размещавшихся на рейнской границе, и среди них – легион Иовианов, ранее располагавшийся в Трире. Как результат, надпись из Конкордии фиксирует пребывание данного легиона в северной Италии, где он принял участие в битве при реке Фригид именно на стороне Евгения и Арбогаста.

²³ Croce Da Villa 2002, 178.

²⁴ Hoffmann 1969, 91. См. также: Hoffmann 1963, 25.

²⁵ Grünwald 1988, 247.

Соответственно, на основании рассмотренных ранее сведений мы можем проследить довольно переменчивый механизм взаимодействия пограничной и экспедиционной армий на рейнской границе империи в течение IV в., когда изменения в методах и формах взаимодействия зависели от изменений внутривосточной ситуации в империи.

Когда в 316 г. Константин I оставил Галлию и переместился на средний Дунай, он перевел из Галлии на Дунай и свою экспедиционную армию, следовательно, рейнская граница империи осталась под защитой только пограничных гарнизонов. Очевидно, в силу этих причин Константин улучшил не только финансовое положение ветеранов пограничных подразделений, но и продовольственное снабжение действующих гарнизонов – теперь они получали дополнительные запасы продовольствия из Италии, а не только непосредственно из Галлии.

После того, как в 353 г. сын Константина, Констанций II, одержал окончательную победу над галльским узурпатором Магненцием и вернул земли Галлии под свой контроль, он разместил многие подразделения дунайской экспедиционной армии в Галлии, поскольку эти подразделения воевали с ним в Галлии и северной Италии против Магненция, а чуть позже Цезарь Юлиан во время своих военных кампаний против аламаннов активно переводил подразделения экспедиционной армии из внутренних галльских земель непосредственно на рейнскую границу для усиления ее защиты от набегов германцев. Судя по всему, среди подразделений, переведенных на рейнскую границу, был и легион Иовианов. Вплоть до конца IV в. эти подразделения размещались на рейнском фронте, но в 393/394 гг., в связи с обострением внутривосточной ситуации в империи, подразделения галльской экспедиционной армии и в том числе легион Иовианов были переведены в северную Италию, где они продолжали оставаться и в последующий период, примерно до середины V в. В этой связи необходимо подчеркнуть, что позднеримский административный справочник *Notitia Dignitatum* («Список должностей»), составленный между 401 и 419 гг.²⁶, фиксирует легион Иовианов именно в Италии (ND. Occ. VII. 3). Соответственно, на наш взгляд, отвод подразделений галльской экспедиционной армии с рейнской границы в Италию существенно ослабил оборону галльских земель – по причине этого перемещения впоследствии, уже в 406/407 гг., целые массы германских племен практически беспрепятственно перешли через Рейн, разрушили рейнскую границу и вторглись в Галлию.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Albana, M. 2016: Costantino e i veterani: osservazioni in margine a CTh 7, 20, 2. In: L. De Salva (ed.), *Fra Costantino e i Vandali. Atti del Convegno Internazionale di Studi per Enzo Aiello (1957–2013)*, Messina, 29–30 ottobre 2014. Bari, 479–496.
- Barnes, T.D. 2010: *Early Christian Hagiography and Roman History*. Tübingen.
- Berchem, D. van. 1952: *L'armée de Dioclétien et la réforme Constantinienne*. Paris.
- Charles, M. 2004: *Mattiobarbuli* in Vegetius' *Epitoma Rei Militaris*: The *Ioviani* and the *Herculiani*. *Ancient History Bulletin* 18, 109–121.
- Colombo, M. 2008: *Constantinus rerum novator: dal comitatus diocleziano ai palatini di Valentiniano I*. *Klio* 90, 124–161.

²⁶ О датировке *Notitia Dignitatum* см.: Zuckerman 1998a, 143, 144, 146; Pottier 2006, 231–232; Kaiser 2015, 245, 257; Kulikowski 2000, 360, 362, 375.

- Connolly, S. 2010: Constantine answers the Veterans. In: S. MacGill (ed.), *From the Tetrarchs to the Theodosians. Later Roman History and Culture, 284–450 CE*. Cambridge, 93–116.
- Craig, H.C. 2007: *Contesting Late Roman Illyricum: Invasions and Transformations in the Danubian-Balkan Provinces*: PhD Dissertation. University of Princeton.
- Croce Da Villa, P. 2002: Due nuove iscrizioni di militari in Concordia. In: M. Buora (ed.), *Miles Romanus dal Po al Danubio Tardoantico. Atti del Convegno internazionale Pordenone – Concordia Sagittaria, 17–19 marzo 2000*. Pordenone, 175–182.
- Don, S. 2012/2013: Un nuovo miliario di Crispo, Liciniano Licinio Iunior e Costantino II dalla via Mediolano-Aquileiam. *Aquileia nostra* 83/84, 83–87.
- Fontaine, J. (ed.). 1967: *Sulpice Sévère. Vie de Saint Martin*. T. I. Paris (Sources Chrésiennes 133).
- Grünewald, Th. 1988: Arbogast und Eugenius in einer Kölner Bauinschrift. Zu CIL XIII 8262. *Kölner Jahrbuch für vor- und frühgeschichte* 21, 243–252.
- Hoffmann, D. 1969: *Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum*. Bd. I. Düsseldorf.
- Hoffmann, D. 1963: Die spätrömischen Soldatengrabschriften von Concordia. *Museum Helveticum* 20, 22–57.
- Kaiser, A.-M. 2015: Egyptian Units and the Reliability of the Notitia Dignitatum, pars Orientis. *Historia* 64/2, 243–261.
- Krusch, B. (ed). 1887: *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum*. T.I. Pars I. Fasc. I. *Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum libri X*. Hannoverae.
- Kulikowski, M. 2000: The “Notitia Dignitatum” as a Historical Source. *Historia* 49/3, 358–377.
- Marasco, G. 1996: L’Expositio totius mundi et gentium e la politica religiosa di Costanzo II. *Ancient Society* 27, 183–203.
- Mekhamadiev, E.A. 2018a: Gall’skiy uzurpator Magnentsiy i dalmatskaya kavaleriya v 350 g.: k voprosu o traktovke svedeniy vizantiyskogo istorika Zosima (Zos. II. 42. 2 i 4) [The Gallic usurper Magnentius and the Dalmatian cavalry in 350 AD: on the interpretation of Zosimus’ story (Zos. II. 42. 2 and 4)]. In: A.Yu. Prokopen (ed.), *Proslogion. Problemy sotsial’noy istorii i kul’tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [Proslogion. Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture] Pt. 4 (2). Saint Petersburg, 28–49.
- Мехамадиев, Е.А. 2018а: Галльский узурпатор Магненций и далматская кавалерия в 350 г.: к вопросу о трактовке сведений византийского историка Зосима (Zos. II. 42. 2 и 4). В кн.: А.Ю. Прокопьев (ред.), *Proslogion. Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени* 4 (2). СПб., 28–49.
- Mekhamadiev, E.A. 2018b: Plemyanik imperatora Konstantina I Tsezar’ Dalmatsiy-mladshiy I nizhnedunayskaya granitsa Rimskoy imperii v 335–337 gg.: voennyi aspekt problem [Dalmatius the Junior, a Nephew of Emperor Constantine I the Great and the Lower Danube Frontier of the Roman Empire in 335–337: a Military Aspect of the Problem]. *Vestnik Perm-skogo universiteta. Seriya «Istoriya»* [Science Journal of Perm State University. History] 2 (41), 5–14.
- Мехамадиев, Е.А. 2018b: Племянник императора Константина I Цезарь Далмаций-младший и нижнедунайская граница Римской империи в 335–337 гг.: военный аспект проблемы. *Вестник Пермского университета. Серия «История»* 2 (41), 5–14.
- Mirković, M. 2012: Co-Regency: Constantine and Licinius and the Political Division of the Balkans. *Zbornik Radova Vizantološkog Instituta* 49, 7–18.
- Olbrich, K. 2010: Kaiser in der Krise – religions- und rechtsgeschichtliche Aspekte der ‘Familienmorde’ des Jahre 326. *Klio* 92/1, 104–116.
- Paola di, L. 2016: Il *cursus publicus* in età tardoantica: storia di un servizio di stato tra conservazione e mutamento. *Antiquité Tardive* 24, 57–80.
- Polara, I. (ed.). 1973: *Publilii Optatiani Porfyrii Carmina*. Vol. I. Torino.
- Pohlsander, H.A. 1984: Crispus: Brilliant Career and Tragic End. *Historia* 33/1, 79–106.

- Pottier, B. 2006: L'Histoire Auguste, le consul Aurelianus et la réception de la Notitia Dignitatum en Occident. *Antiquité Tardive* 14, 225–234.
- Riese, A. (ed.) 1878: *Geographi latini minores*. Heilbronn.
- Rougé, J. (ed.) 1966: *Expositio totius mundi et gentium*. Paris. (Sources Chrétiennes 124).
- Wienand, J. 2012a: Die Poesie des Bürgerkriegs. Das constantinische *aureum saeculum* in den *carmina* Optatians. In: G. Bonamente, N. Lenski, R. Lizzi Testa (eds.). *Costantino prima e dopo Costantino. Constantine before and after Constantine*. Bari, 419–444.
- Wienand, J. 2012b: The Making of an Imperial Dynasty. Optatian's *Carmina Figurata* and the Development of the Constantinian *domus divina*. *Giornale Italiano di Filologia* 3/1-2, 225–265.
- Woods, D. 1995: A Note Concerning the Early Career of Valentinian I. *Ancient Society* 26, 273–288.
- Zuckerman, C. 1998a: Comtes et ducs en Égypte autour de l'an 400 et la date de la Notitia Dignitatum Orientis. *Antiquité Tardive* 6, 137–147.
- Zuckerman, C. 1998b: Two reforms of the 370s: recruiting soldiers and senators in the divided Empire. *Revue des Études Byzantines* 56, 79–139.

THE LATE ROMAN EMPIRE RHINE LIMES DURING THE FIFTH CENTURY: ON THE WAY OF INTERACTION BETWEEN FRONTIER AND MOBILE TROOPS

Evgeniy A. Mekhamadiev

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
e.mekhamadiev@spbu.ru

Abstract. The main peculiarity of Late Roman Rhine frontier during the fifth century was a joint placement of both detachments of frontier and field (mobile) armies. These armies intensively interacted with each other and defended the Rhine frontier together during all the forth century, but at the beginning of the fifth century the Rhine provinces were defended already by frontier detachments only. So, the author asks how precisely frontier and mobile military units interacted with each other and when mobile units left the Rhine frontier and came in another regions (also the question is about the location of these regions). For to answer the question the author turned to a poem of the Latin poet Publilius Optatianus Porfyrius, who was an eye-witness of the Emperor Constantine I the Great, to “Life of Saint Martin of Tour” and “The History of the Franks” by Gregory of Tour, considered evidence of anonymous geographic treatise *Expositio totius mundi* (“A Description of all the World”), and also applied to evidence of laws and inscriptions. Having compared these sources, the author concluded that at AD 326 the Rhine frontier had the frontier units only, while mobile expeditionary troops were at Lower Danube, in Thrace. But to AD 357 Gaul already received a self-sufficient and single regional expeditionary army, this army fought against the Alamanns under Julian the Caesar (a future Emperor Julian the Apostate). Obviously, this army came in Gaul from Thrace in 353, then it served in internal Gallic lands, but next time, up to AD 357, Julian the Caesar transferred mobile troops at the Rhine frontier strictly. In AD 394 mobile Gallic troops left the Rhine frontier and advanced down in Italy where they continued to be until the fall of the Western part of the Roman Empire. The movement in Italy seriously reduced a defence of the Rhine frontier and led to military success of the Germans, who broke out the Rhine frontier and invaded in Gaul in AD 406/407.

Keywords: Late Roman Empire, Rhine frontier, Gaul, Roman army, Legion of Ioviani, Martin of Tour

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-193–205

СОБОРНЫЕ ПРАВИЛА И «АПОСТОЛЬСКИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ»: КТО ИМЕЛ ПРАВО ГОЛОСА ПРИ ВЫБОРЕ ЕПИСКОПОВ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ IV–V вв.?

А.Л. Костенецкий

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
kostav@bk.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка определить круг лиц, принимавших участие в выборах или назначении епископов христианской Церкви IV–V вв. и их рукоположении, а также тех лиц, которые могли оказывать влияние на отбор и утверждение кандидатов, на основании памятников канонического права этой эпохи – соборных правил и «Апостольских постановлений». В рассматриваемый период (как на востоке, так и на западе) был уже оформлен монархический епископат, существовала система митрополий и формировалась «пентархия» – возвышение кафедр в пяти крупнейших и старейших центрах христианства, которым подчинялись митрополии и епархии, входившие в их диоцезы. Это же время чрезвычайно богато соборами, на основании определений которых создавалось каноническое право христианской Церкви. В данной работе исследованы те соборные определения, которые регламентировали избрание и поставление епископов, кроме того, особое внимание уделяется правам мирян и клира, в связи с чем анализу подвергаются не только нормы, непосредственно регулирующие процедуру выборов и рукоположения, но и постановления, касающиеся взаимоотношений уже получивших посвящение архиереев со своей паствой. Исследование показало, что из 22-х правил, так или иначе затрагивающих отбор кандидатов, их посвящение в епископы и последующие взаимоотношения с народом (принятие или неприятие), только одно позволяет участвовать в выборах мирянам и два – клирикам. В подавляющем большинстве случаев назначение епископа – прерогатива епископата, среди которого в качестве главных действующих лиц выделяются митрополиты и коллегии местных епископов при них. Ряд правил прямо запрещает laikам влиять на выбор архиереев. Каноны в целом также закрепляют традицию соборного (не единоличного) рукоположения; при этом очень слабо разработано право в области регулирования выборов главных епископов диоцезов (будущих «патриархов» и пап) и митрополитов: немногочисленные правила, регламентирующие такие выборы, недостаточны и разнятся между собой в зависимости от времени и региона.

Ключевые слова: Поздняя античность, христианство, выборы епископов, правила соборов, неразделенная Церковь, выборы митрополитов, рукоположение

Данные об авторе: Костенецкий Александр Леонтьевич – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

Выборы епископов в ранней Церкви – тема, которой эпизодически касается большинство исследователей христианства, при этом зачастую (особенно в отечественной историографии) упоминается слово «демократичность» или его синонимы и производные. Для того чтобы лучше понимать источники, описывающие практику избрания и посвящения руководителей епархий и митрополий, представляется важным исследовать нормы права, регулирующие эту практику. Важнейшими из таких норм являются правила и постановления соборов епископов. IV–V вв. богаты соборами как на Востоке, так и на Западе, целый ряд из них затрагивает в своих определениях проблему поставления епископов и взаимодействия избранных епископов со своей паствой. К таковым следует отнести соборы Арелатский (Арльский) 314 г., Анкирский (ок. 314 г.), Никейский 325 г. (в христианской традиции называемый первым Вселенским), Антиохийский 341 г., Сардикский 343 г., Лаодикийский 360 г., Константинопольский 381 г. (в христианской традиции второй Вселенский), Туринский (Турский, Тавринский, конец IV или начало V в.), Карфагенский 419 г., Эфесский 431 г. (третий Вселенский), Халкидонский (четвертый Вселенский) 451 г., Арелатский 452 (443) г., Римский 465 г. и Римский Синод 499 г. Также следует рассмотреть *Oi κανόνες τῶν Ἀγίων Ἀποστόλων*, так как этот памятник датируется IV в. и его правила были восприняты церковной традицией как на Востоке, так и на Западе, наравне с соборными постановлениями. Исследуя правила этих соборов и сопоставляя их между собой, можно ответить на вопрос о круге лиц, которые, по задумке отцов церкви, должны были принимать участие в выборах и хиротонии епископов. Оригинальные (греческие и латинские) тексты соборных постановлений изданы в собрании Манси (*Sacrorum Conciliorum Nova Amplissima Collectio*)¹; также правила Вселенских соборов вошли в критическое издание Альбериги и Меллони (*Corpus Christianorum – Conciliorum oecumenicorum generaliumque decreta*)²; многие тексты приведены полностью в Истории церковных соборов К.И. Гефеле³.

В литературе, посвященной канонистике, как правило, мало уделяют внимания проблеме прав рядовых лаиков в выборе епископов, а историки-исследователи практических аспектов церковной жизни, затрагивающие местами проблемы демократичности в церкви (с точки зрения участия лаиков в управлении, выборах и проч.), не анализируют специально все каноны, регламентирующие выборы и взаимоотношения епископата с паствой.

М. Зальцман в монографии, посвященной «формированию христианской аристократии», высказывает мысль о том, что вступление не только в епископат, но даже в клир было невозможным без предварительного одобрения коллег – будущих собратьев по служению, – и именно оно играло ключевую роль в выборе ставленников на епископские должности⁴. К. Тордженсен в статье «Клир и миряне» отмечает ключевую роль епископата в поставлении своих коллег: по ее мнению, рукоположение архиереев почти с самого начала существования епископата больше соответствовало «назначению на должность», чем «избранию на служение»⁵,

¹ Mansi 1769.

² Alberigo, Melloni 2011.

³ Von Hefele 2007.

⁴ Salzman 2004, 62.

⁵ Torjesen 2008, 391–393.

однако эта исследовательница не приводит подробно нормы права, подтверждающие такую гипотезу.

Т. Барнс в своем труде, посвященном взаимодействию христианских императоров Востока с Константинопольскими архиепископами, утверждая, что практически все архиепископы с момента основания Константинополя как столицы ставились на престол (и низвергались) по воле императоров, подчеркивает, что формально, с точки зрения канонов, император «не имел права участвовать ни в выборах, ни в посвящении»⁶. С другой стороны, Л. Патсавос в монографии, посвященной клиру первых пяти столетий, утверждает, что на Востоке практика всенародного избрания епископов (в том числе глав митрополичьих округов) была «вне всякого сомнения» не только распространена, но и узаконена нормами канонического права, однако ссылается при этом на очень древние памятники (ранее IV в.), такие, как *Ἀποστολικὴ παράδοσις*, приписываемое Ипполиту Римскому, «Пастырь Ермы» и др.⁷, и не приводит никаких соборных постановлений IV или V вв. в подтверждение своей точки зрения. При этом следует отметить, что ни один из соборных актов IV–V вв., затрагивая интересующий нас вопрос – поставление епископов, не ссылается на памятники ранней христианской письменности такого рода, не повторяет их норм.

П. Гриффис в своем труде «Каноническое право и постимперская Галлия» рассуждает о проблеме выбора епископов в основном в контексте борьбы галльского епископата с влиянием варварских королей, пытавшихся – иногда небезуспешно – оказывать влияние на выбор или отвержение ставленников в контексте взаимодействия (или его отсутствия) с Римским престолом, однако из его поля зрения ускользает вопрос о роли мирян (не считая светских властей и их представителей) и низших клириков⁸. Тем не менее вывод, к которому он приходит, – общее значительное усиление роли митрополитов в выборе епископов своих провинций в течение IV–V вв., – заслуживает внимания. К аналогичному выводу относительно закрепления соборными правилами фактического главенства митрополитов в избрании епископов в Галлии приходит и историк галльского христианства

Э. Грифф, отмечая, что после Никейского собора в Церкви в целом распространяется традиция участия в поставлении епископов только епископов местной провинции⁹. В то же время его коллега Ж. Карпантье считает, что «епископ избирался христианским населением *civitas*»¹⁰, т. е. главным образом мирянами, и епископы требовались только для совершения акта хиротонии. К. Рэпп в монографии, специально посвященной античному епископату, указывает на то, что на Западе, особенно в Галлии, была распространена практика посвящения в епископы представителей аристократии, а также на наличие семейственности среди высшего духовенства: часто на архиерейские кафедры поставлялись ставленники, предки которых уже занимали церковные должности¹¹, что делало выбор довольно огра-

⁶ Barnes 2017, 186.

⁷ Patsavos 2007, 70, 77.

⁸ См. Griffith 2018, 103, 104, 110, 120.

⁹ Griffe. 1966/II, 125–126, 1966/III, 217.

¹⁰ Карпантье, Лебрен 2007, 549.

¹¹ Rapp 2005, 197–199.

ническим и едва ли оставляло народу (лаикам) возможность реально продвинуть своих кандидатов.

В российской историографии было распространено мнение о том, что выборы епископов являлись всенародными едва ли не до V века включительно. Наиболее ярко эту мысль выразил В. Болотов: по его словам, демократические выборы епископов в эпоху Вселенских соборов в соответствии с правилом «Кто должен управлять всеми, тот должен быть и выбран всеми» – это «нечто неоспоримое, не подлежащее даже обсуждению»¹². Этой же точки зрения придерживались и Н.Д. Тальберг, по мнению которого клир и народ «принимали живое участие» в избрании епископов¹³, и Н.П. Аксаков, издавший целую монографию «Об избрании епископов в древней христианской церкви» в начале 20 в. Аксаков в подтверждение демократичности (прямого участия лаиков) выборов епископов в V в. приводит пример избрания Кирилла Александрийского на Востоке, которое, по его мнению, было народным, а на Западе – письмо папы Римского Льва Великого Анастасию, в котором понтифик говорит о недопустимости поставления епископов против воли народа¹⁴. Среди современных исследователей В.В. Солодовников в работе «Первые Галльские соборы IV–V вв.» приходит к выводу, что в Галлии этого периода клирики и миряне имели право участвовать в выборе епископов¹⁵, основываясь главным образом на 54-м правиле Арелатского собора 452 г., которое будет рассмотрено ниже.

Однако не все разделяют такой взгляд: уже Е. Смирнов в позапрошлом столетии заметил, что в эпоху Вселенских соборов правом мирян на участие в выборах архиереев стали пользоваться разве что императоры и назначаемые ими чиновники: большинство лаиков и даже клириков постепенно утрачивали возможность влиять непосредственно на определение кандидатур епископов и митрополитов¹⁶. А.А. Вишневский в монографии «Каноническое право. Древняя Церковь и Западная традиция» однозначно трактует Apost. Can. 1 и Can. 4 Никейского собора 325 г. как нормы, «воспротивившиеся мирянам участие в избрании епископов»¹⁷. А. Митрофанов в своей «Истории церковных соборов в Италии (IV–V вв.)» замечает, что, несмотря на наличие на Западе «целого ряда» норм, «касающихся обязательности процедуры епископского избрания при участии клира и народа», к V в. выборы пап и епископов все-таки становятся по преимуществу делом епископата и отчасти – клира¹⁸. Е. Тельминов показывает, что в Галлии IV–V вв. рядовые епископы ставились митрополитами своих провинций, либо другими епископами с письменного согласия митрополита, либо (при отсутствии митрополита как такового) избирались и посвящались епископами своей провинции. При этом, по его мнению, миряне, хотя и могли принимать участие в выборах, но их голос не был решающим, и само участие – не было обязательным¹⁹: этот исследователь

¹² Болотов 1913/3, 174–175.

¹³ Тальберг 1991, 86.

¹⁴ Аксаков 1906, 79, 85.

¹⁵ Солодовников 2008, 88.

¹⁶ Смирнов 1872, 143–144.

¹⁷ Вишневский 2006, 30.

¹⁸ Митрофанов 2006, 478.

¹⁹ Тельминов 2009, 80–84.

ссылается как на Can. 20 Арелатского собора 314 г., так и на случаи из практики, представленные в письмах Сидония Аполлинария.

Рассмотрим порядок поставления епископов, различая, насколько возможно, акты избрания ставленника и его последующего рукоположения. Напрямую такой порядок регламентируют следующие постановления: Can. 1 «Правил святых апостолов», Can. 20 Арелатского собора 314 г.²⁰, Can. 4 и 6 Никейского 325 г., Can. 19 Антиохийского 341 г., Can. 6 Сардикского 343 г., Can. 12 Лаодикийского 360 г., Can. 13, 49 (60) и 50 (61) Карфагенского 419 г., Can. 28 Халкидонского 451 г., Can. 54 Арелатского 452 (443) г. и Can. 4 Римского Синода 499 г.

Can. 1 «Правил святых апостолов» лаконично предписывает, чтобы епископ поставлялся (χειροτονεῖσθω) двумя или тремя епископами. Ясно, что здесь непосредственно речь идет о минимальном количестве, необходимом для акта рукоположения, однако нет никаких строгих оснований считать, что это не может касаться и выбора ставленника, особенно с учетом того, что это правило – первое в довольно длинном списке (всего 85 правил): если бы составители считали нужным и важным сообщить что-то дополнительно о процедуре избрания, они бы это сделали. Can. 20 Арелатского собора 314 г. увеличивает минимальное количество епископов, необходимых для рукоположения (ordinare) своего будущего собрата до семи, в крайнем случае (si tamen non potuerit septem) – трех человек. Отдельно об избрании также ничего не говорится. Can. 4 Никейского собора 325 г. предписывает уже поставлять (καθίστασθαι) епископа всем епископам области, в которую входит его епархия, в крайнем случае, «по надлежащей нужде» – совершать рукоположение (χειροτονίαν ποιεῖσθαι) троим, причем отсутствующие архиепие-реи должны грамотами изложить свое согласие, а митрополит – утвердить. Can. 6 этого же собора уточняет, что если кто-то станет епископом без ведома и соизволения (χωρίς γνώμης) митрополита (главного епископа области) – не должен быть епископом. Также это правило предписывает выполнять решение (ψήφος) большинства епископов (τῶν πλείονων), если они согласны с выбором ставленника: несогласие «двух или трех» коллег не должно быть препятствием. Can. 19 Антиохийского собора 341 г. вторит приведенным выше правилам Никей: епископ должен рукополагаться (χειροτονεῖσθαι) собором под руководством митрополита, участвовать должны, по возможности, все епископы области, и добавляет: в случае невозможности собраться всем – по крайней мере большая часть епископов обязательно должны или присутствовать лично, или письменно изъявить свое согласие на посвящение кандидата, в противном случае поставление (κατάστασις) не имеет силы. Can. 6 Сардикского собора 343 г. предписывает ставить (καθίστασθαι) епископа митрополиту совместно со всеми епископами области; в случае отказа от участия кого-то из епископов, можно рукополагать без него – если есть необходимость и просит народ. Для поставления митрополита, помимо местных епископов, следует приглашать коллег из соседних провинций. Can. 12 Лаодикийского собора 360 г. повелевает митрополиту совместно с епископами провинции

²⁰ Здесь и далее не приводится нумерация поместных соборов различных городов (таких, как Arelat. I, II, III и т. д.), т. к. она не всегда однозначно трактуется в научной литературе: вместо этого приводятся примерные датировки. В случаях, когда датировка у различных исследователей разнится, одна из возможных дат приводится в скобках, напр. 398 (403) г. Аналогично при наличии разночтений в нумерации правил, напр. Can. 49 (61).

по своему «суду» (κρίσει) поставлять (καθίστασθαι) епископов. Can. 13 Карфагенского Собора 419 г. предписывает рукополагать (χειροτονεῖν) епископа «многим» епископам, собравшись вместе, в случае крайней нужды рукоположение могут совершить три епископа по повелению первенствующего (τοῦ πρωτεύοντος²¹). Can. 49 (60) этого же собора снова уточняет: «менее трех епископов, как определено в правилах, да не признается достаточным для рукоположения (χειροτονία) епископа». Очевидно, здесь имеет место ссылка на рассмотренный выше Can. 4 Никей. Can. 50 (61) предписывает в случае возникновения какого-либо ропота или несогласия с кандидатурой ставленника, чтобы к тем трем епископам, которые собрались совершить его рукоположение, обязательно присоединились еще один или два епископа и провели расследование сначала о лицах, имеющих претензии к ставленнику, затем о сути их претензий, и только если кандидат окажется чист от всех обвинений «пред лицом народа» – совершать хиротонию. Can. 28 Халкидонского собора 451 г., посвященный привилегиям Константинопольского архиепископа, предписывает последнему рукополагать (χειροτονεῖσθαι) митрополитов во всех подчиненных ему областях. При этом сначала должно иметь место «согласное, по обычаю, избрание» (ψήφισμα σύμφωνος κατὰ τὸ ἔθος) будущих митрополитов. Трудно сказать, о каком именно обычае идет речь – народного избрания или выборов коллегией епископов своей провинции. Сами митрополиты, согласно этому же правилу, должны хиротонисать епископов в своих областях совместно с провинциальными коллегами.

Can. 54 Арелатского собора 452 (443) г. предписывает, чтобы при возникновении необходимости назначения епископа епископы этой провинции предложили нуждающейся епархии трех кандидатов на выбор и рукоположили того из них, кого изберут «клирики и граждане»: *ut tres ab Episcopis nominentur, de quibus Clerici vel Cives erga unum habeant elegendi potestatem*. Can. 4 Римского Синода 499 г. относится исключительно к избранию Римских понтификов, а не епископов вообще. Согласно этому правилу, если папа умирает, не назначив себе преемника, то новым папой должен быть назначен (*ordinetur*) тот, кого изберет клир Рима, при этом необходимо либо полное единодушие, либо хотя бы простое большинство голосов за ставленника на престол: *quem cunctus clerus aut pars major elegerit*. Очевидно, последние две нормы выбиваются из общего ряда схожих и подтверждающих друг друга правил; интересно, что обе они были приняты в Западной церкви, также следует отметить их несходство между собой: Can. 54 Арелатского собора 452 г. – единственный, в котором реально прописывается право layков на участие в выборах архиерея, тогда как Римский синод предоставляет право избрания исключительно клиру, и то не во всех случаях.

Can. 2 Константинопольского собора 381 г. утверждает Can. 4 и 6 Никейского собора 325 г., прямо ссылаясь на них и требуя их неукоснительного выполнения в контексте разграничения сфер влияния епископов диоцезов (митрополитов), это же правило запрещает любым епископам совершать рукоположение (χειροτονία, в том числе – епископов) вне своих областей без приглашения. Аналогичный запрет повторяет Can. 8 Эфесского собора 431 г.: каждый митрополит имеет право

²¹ Под «первенствующим» здесь может иметься в виду старейший по хиротонии из трех епископов, а не митрополит, ср. с особым почитанием старших по хиротонии в Carthag. Can. 86 (97).

рукополагать епископов (ποιεῖσθαι χειροτονίας) только в своей области²². Can. 1 Римского собора 465 г., подобно Can. 2 Константинопольского собора, утверждает Никейские правила 4 и 6. Can. 2 Туринского собора 398(403) г., призванный урегулировать непростые взаимоотношения Вьенского и Арелатского епископов²³, предписывает предоставить власть совершать хиротонии епископов в провинции (ordinationum habeat potestatem) тому из них, кто будет признан главным епископом в области – summus sacerdos; в свою очередь, summus sacerdos должен быть признан тот из них, кто сумеет доказать, что его город является метрополией – гражданской столицей провинции. То есть власть поставлять епископов дается тому епископу, который правит в главном городе провинции, summus sacerdos здесь соответствует принятому на востоке званию митрополита.

Отдельно можно выделить «запрещающие» правила: это Can. 13 Лаодикийского собора 360 г., который повелевает: «да не будет позволяемо соборищу народа (ὄχλος) избирать (τὰς ἐκλογὰς ποιεῖσθαι) долженствующих произвестись во священство (καθίστασθαι εἰς ἱερατεῖον)», и Can. 5 Римского собора 465 г., накладывающий запрет на любого епископа (в том числе – Римского) назначать себе преемника при жизни. Относительно первого запрета нужно заметить, что этот канон следует сразу же после 12-го, который регламентирует поставление епископов, таким образом «священство», на которое запрещено избирать кандидатов «сборищу народа», здесь следует понимать как епископство: очевидно, отцам Лаодикийского собора не была близка идея всенародного избрания епископов. Второй запрет может свидетельствовать о том, что попытки назначить себе сменщика могли время от времени предприниматься Римскими папами и с этим явлением пытались бороться, однако, принимая во внимание рассмотренный выше Can. 4 Римского синода 499 г. (клир избирает папу только в том случае, если предыдущий папа сам не назначил преемника), следует предположить, что такая борьба была не очень успешной.

Несколько правил регулируют отношения епископов с паствой и сослужителями в случае отказа епархии их принять. Они заслуживают особого внимания, так как часто не попадают в поле зрения исследователей, интересующихся процедурой выбора епископов, в то же время важны для понимания реальной роли лаиков в церковной жизни. Can. 36 «Правил святых апостолов» предписывает не лишать епископского сана человека, рукоположенного в епископы и посланного в епархию, но не принятого местной общиной «по злобе народа» (παρὰ τὴν τοῦ λαοῦ μοχθηρίαν). Вместо этого предписывается отлучить клир города за то, что «не научили» народ. Can. 16 Антиохийского собора 341 г. указывает, что в случае если епископ, не имеющий епархии, вторгнется в чужую епархию, пусть даже не имеющую своего епископа, и займет ее кафедру без разрешения «совершенно-го собора», то должен быть отвержен, изгнан оттуда, «даже если бы его избрал весь народ» (καὶν εἰ πᾶς ὁ λαὸς ἔλοιτο αὐτόν). Can. 18 этого же собора повелевает не лишать чести и должности епископа, если он не пойдет в ту местность, для

²² Речь идет прежде всего о запрете Антиохийскому митрополиту самовольно поставлять епископов на Кипре; правило однозначно предписывает: «то же да соблюдается в иных областях».

²³ Гражданская столица провинции была перенесена из Вьена в Арелат, что вызвало возвышение Арелатского епископа, однако епископ Вьена не хотел отказываться от своего прежнего главенства и привилегий, см. Митрофанов А. Указ. соч., с. 404.

которой его рукоположили «не по своей вине», в том числе «по неприятию его народом или по другой, не зависящей от него причине». С другой стороны, Can. 18 Анкирского собора (ок. 314 г.) достаточно строг к епископу, если он, будучи не принятым в своей епархии, ищет место в чужих и «теснит» тамошних пастырей. Анкирский собор предписывает отлучать таких епископов от Церкви: непризнанным епископам разрешается только оставаться в чине пресвитеров в тех местностях, где они ранее служили пресвитерами, переход в чужие епархии запрещен. Из всех этих постановлений видно, что ситуации, в которых паства могла бы не принять поставленного для нее епископа либо избрать в качестве архипастыря для себя чужого епископа, практически могли возникнуть: Церковь вынуждена была учитывать возможность таких ситуаций. В то же время из прочтения этих норм видно, что каноны не признавали народное волеизъявление законным: если воля большей части народа вступала в конфликт с волей епископа и особенно с решением местного провинциального собора епископов, то народному выбору отцами соборов не придавалось серьезного значения, для епископа конфликт с паствой не был с их точки зрения «виной», за которую следовало бы понести ответственность.

Всего из рассмотренных 22-х канонов IV–V вв., относящихся к поставлению епископов и их рецепции паствой – двух «апостольских правил» и двадцати правил четырнадцати соборов (семи – восточных и семи – западных), 13 норм отражают реалии церковной жизни и законотворчества христианского Востока и 9 норм – Запада²⁴; 13 (или 14²⁵) норм относятся к IV в. и 9 (или 8) – к V в. Непосредственно о поставлении (*χειροτονία*, *ordinatio*, *κατάστασις* и соответствующие глаголы) епископов говорится в 14 правилах, тогда как об избрании – только в пяти: из них в Can. 6 Никей говорится о выборе ставленника большинством епископов (и нет ни одного слова о представителях laikов или хотя бы клира), Can. 13 Лаодикийского собора 360 г. накладывает прямой запрет на народное избрание, Can. 28 Халкидона («согласное, по обычаю, избрание» митрополита) теоретически может допускать вариативные толкования, Can. 4 Римского синода 499 г. говорит об избрании папы клиром без участия мирян – и то не во всех случаях, а только тогда, когда умерший папа сам не назначит себе преемника, – и лишь единственный Can. 54 Арелата 452 г. предписывает непосредственное участие в избрании «клира и граждан». Относительно Can. 28 Халкидона можно заметить, что нет никаких оснований считать его в чем-то принципиально отличающимся от Can. 19 Антиохийского собора, предписывающего согласие большинства епископов (и только их!) на кандидатуру ставленника на архиерейство. Для большинства правил избрание неотделимо от хиротонии, следовательно, его совершают те же лица, которые совершают рукоположение. Об устранении народа от избрания свидетельствуют также рассмотренные выше Can. 36 Апост. и Can. 16, 18 Антиохии; Can. 5 Римского собора 465 г. требует устранить действующего епископа от выбора для себя будущего преемника.

²⁴ Восток: «Правила святых апостолов», соборов – Никейского, Антиохийского, Лаодикийского, Анкирского, Халкидонского, Константинопольского, Эфесского, Запад – двух Арелатских, двух Римских, Сардикского, Карфагенского, Туринского соборов.

²⁵ В зависимости от того, к какому столетию относить Туринский (Турский) собор, датировка которого спорна.

Для рукоположения рядового епископа в подавляющем большинстве случаев (10 из 14 правил) обязательным считается непосредственное участие либо согласие (утверждение) митрополита; определяющими здесь являются Сав. 4 и 6 Никеи, которые, местами с небольшими изменениями, повторяются либо непосредственно утверждаются (на них прямо ссылаются Сав. 2 Константинопольского собора 381 г. и Сав. 1 Римского 465 г.) постановлениями других соборов, как восточных, так и западных. Желательным чаще всего считается участие в поставлении или заочное согласие всех епископов области; минимальное количество епископов, необходимое для самого акта рукоположения – чаще всего три (Сав. 20 Арелата 314 г., Сав. 4 Никеи, Сав. 13 Карфагена); единственная норма, позволяющая двух, – Сав. 1 Апост., а Сав. 2 Турина, которая дает повод предположить, что хиротонию мог совершить и митрополит в одиночку.

Поставление главного епископа митрополии (области, провинции) или диоцеза митрополита или папы (на востоке – архиепископа, впоследствии патриарха) регламентируют всего 3 правила: Сав. 6 Сардикского собора 343 г., Сав. 28 Халкидона и Сав. 4 Римского Синода 499 г. Они не схожи друг с другом, притом только первое из них (рукополагать митрополита всем епископам митрополии совместно с приглашенными коллегами из соседних провинций) может быть применимо ко всем христианским поместным церквям; второе (поставление Константинопольским престолом митрополитов Понта, Азии и др. подчиненных ему областей после некоего местного «согласного, по обычаю, избрания») и третье (выборы папы клиром Рима) имеют явно местный характер, определенный специфическими условиями обычаев регионов и времени.

На основании исследованного материала норм законодательства христианской Церкви IV–V вв. можно сделать следующие выводы. Каноны однозначно указывают на примат епископата в вопросе как посвящения, так и выбора ставленников на епископские должности. Епископат действительно мыслит себя (в лице отцов подавляющего большинства соборов, издавших правила) как монархический: забирает себе право не только на совершение хиротонии, но и на важнейшую роль в отборе кандидатов. Это общая черта всех вообще актов церковного законодательства IV–V вв. Народ в качестве субъекта избирательного права отсутствует везде²⁶, кроме Сав. 54 Арелатского собора 452 г., и это исключение своим резким контрастом с остальными нормами еще ярче подтверждает общее правило. Кроме того, даже в этом постановлении кандидатуры для выборов изначально выдвигаются представителями епископата, а не народа. Народ может попытаться отказаться принять поставленного для него епископа или переманить к себе чужого епископа (однако Сав. 36 Апост. и Сав. 16 и 18 Антиохии показывают, что и в этом епископат ему откажет, признав его требования незаконными), но не может сам поставить епископом желательного для него человека. Как справедливо заметил еще в позапрошлом столетии Фюстель де Куланж применительно к Галлии, несмотря на стремление гражданского общества «выработать традицию, чтобы народ сначала указывал свое желание, и епископ оказывался его избран-

²⁶ Физическое присутствие или отсутствие народа и его поведение при избрании и рукоположении епископа – это отдельная проблема, исследование которой не входит в задачи настоящей статьи, т. к. относится к практике церковной жизни, а не канонам, для ее освещения необходимы другие источники.

ником», канонические правила «устанавливали, что новый епископ должен был назначаться другими епископами»²⁷. При этом следует уточнить, что такая же картина имеет место не только в Галлии, но во всей христианской Церкви – как на востоке, так и на западе.

То же касается и клира: ни священники, ни дьяконы, ни низшие церковнослужители даже не упоминаются в канонах, регламентирующих выборы епископов, за исключением двух случаев. Наделение правом голоса клириков, наблюдаемое помимо *Can. 54 Арелата*, в *Can. 4 Римского Синода 499 г.*, не может считаться сколько-нибудь распространенным и узаконенным, так как речь идет только о выборах епископа одного города и только в определенных случаях. Допущение этим же правилом факта назначения папой преемника для себя само по себе указывает на авторитарный характер власти епископов в вопросе выбора ставленника.

Отчетливо прослеживается власть областных епископов (митрополит, *summus sacerdos*) в отношении выборов кандидатов на руководство епархиями, принадлежащими их области. Без участия или согласия митрополита рукоположение епископов в его провинции не совершается, кроме того, отдельные нормы (напр., *Can. 2 Турина*) дают повод предположить, что митрополит мог назначить епископа и самостоятельно.

Вместе с властью митрополита видна и власть коллегии местных епископов: значительное количество правил подчеркивает, что для поставления епископа необходимо участие или одобрение по возможности всех епископов области (во главе с митрополитом), или хотя бы большей части из них. Области строго разграничиваются: избрание и хиротония епископов в данной области есть дело епископата именно этой области, лишь для избрания митрополита предлагается приглашать коллег из соседних областей, притом только в одном постановлении (*Can. 6 Сардикского*). В лице митрополита возвышается власть именно той коллегии епископов, которую он возглавляет.

Наибольшая вариативность источников наблюдается в том, что касается количества епископов, необходимого для рукоположения своего будущего коллеги. Представлены нормы, предписывающие участие от «по возможности всех епископов области», «по возможности семи» до «хотя бы» трех или двух епископов, также есть норма (*Can. 2 Туринского собора*), которая оставляет возможность для толкования в смысле единоличного рукоположения. Однако следует заметить, что, во-первых, прямого разрешения на единоличное рукоположение не содержит ни одно постановление; во-вторых, чаще всего в качестве минимума называется число три. Это значит, что решающее большинство отцов-законотворцев как IV, так и V столетия мыслили епископскую хиротонию как соборный, а не единоличный акт.

Заслуживает внимания отсутствие сколько-нибудь единой стройной картины канонического регулирования процедур выборов и хиротонии либо интронизации главных епископов областей (митрополий) и диоцезов (будущих патриархий, крупных поместных церквей, границы которых главным образом уже сформировались в V в.). Если *Can. 6 Сардикского собора 343 г.* предписывает вполне понятную и логичную процедуру поставления митрополитов (епископами своей об-

²⁷ Фюстель де Куланж 1904, 679.

ласти и приглашенными из соседних) в условиях уже оформившихся митрополий при обширной власти и авторитете митрополитов, но еще без значительного возвышения над митрополитами будущих патриархов, то эту модель можно представить применимой к любому региону того времени. Но в 451 г. Сп. 28 Халкидона уже повелевает рукополагать митрополитов не собору местных епископов, а владыке Константинополя – главе диоцеза, при этом в халкидонских актах ничего не говорится о митрополитах в других диоцезах (как они должны избираться и кем рукополагаться) и, главное, о процедуре избрания самих глав диоцезов – церковных начальников Константинополя, Рима, Антиохии и проч. А уже в 499 г. Сп. 4 Римского синода повелевает избирать папу Римского клиру Рима и считает нормальной практику назначения живым папой своего преемника, которую тот же Рим осудил за 30 лет до этого.

Ясно, что для понимания того, как в действительности проходили выборы и посвящение высших церковных иерархов, так же, как и для прояснения картины епископских выборов и хиротоний в целом, реального участия (или его отсутствия) в них народа или отдельных его представителей, необходимо обращение к источникам, свидетельствующим о практических фактах церковной жизни. Материал законодательных церковных актов важен тем, что он дает общее представление о том, как мыслили и чем руководствовались действующие лица при поставлении епископов, но не является исчерпывающим.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков, Н.П. 1906: *Об избрании епископов в древней христианской Церкви*. СПб.
- Болотов, В.В. 2008: *Лекции по истории древней Церкви*. Т. 3–4. М.–Минск.
- Вишневский, А.А. 2006: *Каноническое право. Древняя Церковь и Западная традиция*. М.
- Карпантье, Ж., Лебрен, Ф. 2007: *История Франции*. СПб.
- Митрофанов, А.Ю. 2006: *История церковных соборов в Италии (IV–V вв.)*. М.
- Смирнов, Е. 1872: *История христианской Церкви*. Вып. 2 (313–1054 гг.). Рязань.
- Солодовников, В.В. 2008: *Первые Галльские соборы IV–V вв.* М.
- Тальберг, Н. 1991: *История христианской церкви*. Ч. 1. М.
- Тельминов, Е.А. 2009: *Христианская церковь в общественно-политической жизни Галлии V в. н. э.* Дис. ... канд. ист. наук. Тобольск.
- Фюстель де Куланж, Н.Д. 1904: *История общественного строя Древней Франции*. СПб.
- Alberigo, G., Melloni, A. (eds.) 2011: *Corpus Christianorum – Conciliorum œcumenicorum generaliumque decretal.* Vol. 1. Turnhout.
- Barnes, T. D. 2017: *Emperors and Bishops of Constantinople (324–431)*. In: G.E. Demacopoulos (ed.), *Christianity, Democracy, and the Shadow of Constantine (Orthodox Christianity and Contemporary Thought)*. New York, 175–201.
- Griffe, É. 1966: *La Gaule chrétienne à l'époque romaine*. Vol. II, III. Paris.
- Griffith, P. 2018: *Canon Law in Post-Imperial Gaul*. PhD Thesis. London.
- Hefele von, C.J. 2007: *History of the Councils of the Church: from the Original Documents, to the close of the Second Council of Nicaea A.D. 787*. Vol. 1–4. Portland.
- Mansi, J.D. (ed.) 1769: *Sacrorum Conciliorum Nova Amplissima Collectio*. Vol. 2–7. Florentia.
- Patsavos, L. J. 2007: *A Noble Task: Entry into the Clergy in the First Five Centuries*. Brookline.
- Rapp, C. 2005: *Holy bishops in late antiquity. The Nature of Christian Leadership in an Age of Transition*. Los Angeles–London.

- Salzman, M.R. 2004: *The Making of a Christian Aristocracy: Social and Religion Change in the Western Roman Empire*. Cambridge.
- Torjesen, K.J. 2008: Clergy and laity. In: S. Harvey (ed.), *The Oxford Handbook of Early Christian Studies*. Oxford, 389–405.

REFERENCES

- Aksakov, N.P. 1906: *Ob izbranii episkopov v drevney khristianskoy Tserkvi* [On the election of bishops in the ancient Christian Church]. Saint Petersburg.
- Alberigo, G., Melloni, A. (ed.) 2011: *Corpus Christianorum – Conciliorum œcumenicorum generaliumque decretal*. Vol. 1. Turnhout.
- Barnes, T. D. 2017: Emperors and Bishops of Constantinople (324–431). In: G.E. Demacopoulos (ed.), *Christianity, Democracy, and the Shadow of Constantine (Orthodox Christianity and Contemporary Thought)*. New York, 175–201.
- Bolotov, V.V. 2008: *Lektsii po istorii drevney Tserkvi*. T. 3–4 [Lectures on the history of the ancient church]. Vol. 3–4. Moscow–Minsk.
- Fyustel' de Kulanzh, N.D. 1904: *Istoriya obshchestvennogo stroya Drevney Frantsii*. [The history of the social system of ancient France]. Saint Petersburg.
- Griffe, É. 1966: *La Gaule chrétienne à l'époque romaine*. Vol. II, III. Paris.
- Griffith, P. 2018: *Canon Law in Post-Imperial Gaul*. PhD Thesis. London.
- Hefele, C.J. 2007: *History of the Councils of the Church: from the Original Documents, to the close of the Second Council of Nicaea A.D. 787*. Vol. 1–4. Portland.
- Karpant'e, Zh., Lebre, F. 2007: *Istoriya Frantsii* [History of France]. Saint Petersburg.
- Mansi, J.D. (ed.) 1769: *Sacrorum Conciliorum Nova Amplissima Collectio*. Vol. 2–7. Florentia.
- Mitrofanov, A.Yu. 2006: *Istoriya tserkovnykh soborov v Italii (IV–V vv.)* [The history of church councils in Italy (the 4th and 5th centuries)]. Moscow.
- Patsavos, L.J. 2007: *A Noble Task: Entry into the Clergy in the First Five Centuries*. Brookline.
- Rapp, C. 2005: *Holy bishops in late antiquity. The Nature of Christian Leadership in an Age of Transition*. Los Angeles–London.
- Salzman, M.R. 2004: *The Making of a Christian Aristocracy: Social and Religion Change in the Western Roman Empire*. Cambridge.
- Smirnov, E. 1872: *Istoriya khristianskoy Tserkvi. Vypusk 2 (313–1054)* [The history of the Christian church. Iss. 2 (313–1054)]. Ryazan.
- Solodovnikov, V. 2008: *Pervye Gall'skie sobory IV–V vv.* [The first Gallic councils of the 4th and 5th centuries]. Moscow.
- Talberg, N. 1991: *Istoriya khristianskoy tserkvi* [The history of the Christian church.]. Pt. 1. Moscow.
- Telminov, E.A. 2009: *Khristianskaya tserkov' v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Gallii V v. n. e.* [The Christian Church in the socio-political life of Gaul in the 5th century AD]. Tobolsk.
- Torjesen, K.J. 2008: Clergy and laity. In: S. Harvey (ed.), *The Oxford Handbook of Early Christian Studies*. Oxford, 389–405.
- Vishnevskiy, A.A. 2006: *Kanonicheskoe pravo. Drevnyaya Tserkov' i zapadnaya traditsiya* [Canon Law. Ancient Church and Western Tradition]. Moscow.

COUNCIL RULES AND “APOSTOLIC DECREES”: WHO HAD THE RIGHT TO
VOTE WHEN CHOOSING BISHOPS OF THE CHRISTIAN CHURCH IN THE
FOURTH AND FIFTH CENTURIES?

Aleksandr L. Kostenetskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
kostav@bk.ru

Abstract. The article attempts to determine the circle of people who participated in the election or appointment of bishops of the Christian Church of the 4th-5th centuries and their ordination, as well as those who could influence the selection and approval of candidates, on the basis of monuments of canon law of this era - the Council rules and the “Apostolic decrees”. In the period under review, both in the east and in the west, a monarchical episcopate was already formed, a system of metropolitans existed and a “pentarchy” was being formed - the rise of the thrones in the five largest and oldest centers of Christianity, to which the metropolises and eparchies, those were part of their dioceses, were subordinated. This time is extremely rich in councils, on the basis of the definitions of which the canon law of the Christian Church was created. In this work, we examine those council’s definitions, that governed the election and appointment of bishops, in addition, special attention is paid to the rights of laity and clergy, so we research not only the rules directly regulating the election and ordination procedure, but also decisions regarding relationships already consecrated bishops with their flock. The study showed that out of 22 rules, that one way or another are concerned with the selection of candidates, their ordination as bishops and subsequent relations with the people (acceptance or rejection) - only one allows lay people to participate in election, and two allow clergymen. In the vast majority of cases, the appointment of a bishop is the prerogative of the episcopate, among which the main characters stand out as metropolitans and collegiums of local bishops under them. A number of rules explicitly prohibit laity to influence the choice of bishops. The canons as a whole also reinforce the tradition of conciliar (not sole) ordination; at the same time, the law in the field of regulating the elections of the main bishops of the dioceses (future “patriarchs” and popes) and the metropolitans is very poorly developed: the few rules governing such elections are insufficient and vary among themselves depending on time and region.

Keywords: Late Antiquity, Christianity; election of bishops; council’ rules; undivided Church; election of the metropolitans; ordination

Круглый стол «Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2020), 206–226
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2020), 206–226
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-206–226

НАСЕЛЕНИЕ НИЗОВИЙ КУБАНИ XIII–XIV вв. ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

И.А. Дружинина

Институт археологии РАН, Москва, Россия
inga_druzh@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена результатам комплексного анализа археологических и антропологических материалов, полученных при изучении серии грунтовых некрополей золотоордынского времени, локализуемых в низовьях Кубани (Гостагаевский, Жукова, Псебепс-3, Бердичка 3, Натухаевское 5), которые в научной литературе уже получили атрибуцию как погребальные памятники средневековых адыгов. Автор обращает внимание на целый ряд специфических черт, таких, как каменные гробницы особой конструкции, практика разновременных захоронений в одной грунтовой могиле, наличие деревянных гробов в каменных гробницах и других, которые выделяют данную группу памятников на фоне синхронных могильников Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья. Приведены аргументы в пользу версии о полиэтничном характере населения, оставившего могильники. Показаны аналогии особенностям погребальных комплексов рассматриваемых некрополей в средневековых памятниках Тамани, Крыма и Дона. Представлен широкий археологический комментарий результатов анализа антропологических материалов из этих могильников.

Ключевые слова: археология средневековья, антропология, Нижняя Кубань, грунтовые могильники, каменные ящики, черкесы, Золотая Орда

Данные об авторе: Дружинина Инга Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник группы археологии Кавказа Института археологии Российской академии наук.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-29-04313 офи_м)

В последнее десятилетие особую актуальность получила проблема этнокультурной атрибуции серии грунтовых могильников золотоордынского времени, локализующихся в низовьях Кубани, по рекам ее левобережного бассейна – Гостагайка, Маскага, Псебепс (далее – анапская группа грунтовых могильников). Памятники представляют собой некрополи с ингумационными погребениями в простых грунтовых ямах или в каменных гробницах, расположенных плотными рядами. Погребения одиночные или содержат останки нескольких человек, захороненных в разное время. Ориентировка погребенных – западная с сезонными отклонениями.

Полевые исследования памятников этой группы начались в 1979 г. с раскопок некрополя в 3 км южнее станицы Гостагаевская¹. Поиски аналогий памятнику были ограничены «южным направлением» – курганными могильниками с ингумационными погребениями в плитовых гробницах Восточно-Причерноморской² или «Анапско-Геленджикской групп адыгских могильников», для которых были характерны разновременные захоронения в одной каменной гробнице, наличие под курганной насыпью одной или нескольких гробниц, отсутствие единой ориентировки погребенных, обкладка насыпи камнями в два–три ряда, а также обкладка из каменных плит, поставленных на ребро³. Некрополь Гостагаевский также получил «адыгскую атрибуцию». При этом в поле зрения исследователей не вошли грунтовые могильники с погребениями в каменных ящиках, расположенные к западу, на Тамани, для которой левобережные низовья Кубани (вплоть до окрестностей Анапы) в эпоху средневековья являлись ближайшей периферией⁴.

На протяжении последующих тридцати лет этнокультурный состав популяций, оставивших погребения в долине р. Гостагайка, предметно не изучался. Отмечалась лишь близость могильников с каменными ящиками (в том числе и Гостагаевского) окрестностей Анапы и полуострова Абрау-Закубанским, главным образом, белореченским курганам XIV–XV вв.⁵

На новый этап обсуждения данная проблематика вышла в 2010-х гг., когда один за другим в низовьях Кубани в ходе спасательных археологических исследований были раскопаны аналогичные грунтовые могильники: примерно в 35 км к востоку от Анапы, у станицы Варениковская, на правом берегу р. Псебепс, в 2010 г. был исследован могильник на поселении Жукова⁶; в 2016 г. в 300 м к востоку от него, на левом берегу Псебепса, – могильник Псебепс-3⁷; в 2013 г. в 3 км от станицы Натухаевская – могильник Натухаевское 5⁸; в 2015 г. в долине р. Бедричка (приток Маскаги) – могильник Бедричка-3⁹.

Как и на Гостагаевском некрополе, захоронения здесь совершались в каменных ящиках или простых грунтовых ямах, которые располагались плотными рядами. Значительная часть могил содержала останки от 2 до 7 человек, захоронен-

¹ Алексеева, Шавырин 1980, 92.

² Алексеева 1959, 16–17.

³ Стрельченко 1968, 23–30.

⁴ Чхаидзе 2013, 47, 54–58.

⁵ Армарчук 2003, 226.

⁶ Нечипорук 2018, 154–159.

⁷ Гончаров и др. 2018, 432.

⁸ Бонин 2015, 323–325.

⁹ Дружинина и др., 2017.

ных в разное время, причем эта особенность обряда была характерна не только для захоронений в гробницах, но и для погребений в простых ямах.

В оценке этнокультурной принадлежности анапской группы некрополей мнения археологов разделились. Часть исследователей поддерживает версию о связи данных памятников с протоадыгами¹⁰. Это мнение базируется на сложившемся еще в середине прошлого столетия представлении о том, что Северо-Восточное Причерноморье и Закубанье были заселены однородным в этнокультурном отношении населением. Локальные особенности погребальных (да и бытовых) памятников региона объясняются при этом спецификой погребальных обрядов и материальной культуры различных «адыгских племен»¹¹.

Однако сегодня, в свете результатов археологических исследований одного только района низовой Кубани, ограниченного с юга долиной р. Масага, а с востока – правобережьем р. Псебепс, подобный подход к оценке этнокультурной специфики обитавшего здесь в золотоордынский период населения представляется неоправданно упрощенным¹². В числе исследованных на этой территории погребальных памятников XIII – начала XV вв. грунтовые и курганные могильники, погребения одиночные и содержащие разновременные захоронения нескольких человек; в простых ямах, в гробах, в колодах, в каменных гробницах, в свою очередь, различающихся по материалу изготовления и конструкции; помимо них известны грунтовые или подкурганные погребения с сопутствующими конскими захоронениями, подкурганные урновые кремации и ингумационные погребения с признаками пережитков обряда трупосожжения¹³. В границах одних и тех же памятников уживались разные погребальные обряды, свидетельствующие не только о длительном, еще с «домонгольского» времени, сохранении традиционных практик, ритуалов, погребальных церемоний, то есть религиозных воззрений, характерных для этнически разнородных популяций, сосуществовавших на одной территории, но и о сложных процессах их интенсивного смешения в рамках формирующейся поликультурной общности¹⁴.

Эти процессы влияли и на формирование локальных особенностей могильников – грунтовых и курганных – с ингумационными погребениями в каменных гробницах. Сегодня в Северо-Восточном Причерноморье выделяются четыре группы плитовых могильников, локализующиеся в окрестностях поселка Ново-Михайловский, Геленджика, Новороссийска, Анапы.

Анапская группа включает курганные и грунтовые могильники, расположенные в бассейнах рек Масага – на юге и Псебепса – на востоке. В отличие от гробниц остальной части Северо-Восточного Причерноморья, составленных из необработанных плит дикого камня, каменные ящики этой группы изготовлены из белого камня (ракушечника) и с особой тщательностью: плиты подтесывали, выравнивали, для плотной стыковки в них выбивали пазы глубиной до 10 см, стыки обмазывали глиной; на внутренней поверхности отдельных плит прослежи-

¹⁰ Гончаров и др. 2018, 432; Ларенок, Нечипорук 2012, 348; Нечипорук 2018, 155 и др.

¹¹ Алексеева 1959; Стрельченко 1968.

¹² Дружинина 2016а; Нарожный 2019, 24.

¹³ Верещагин, Голубев 2018, 411–414; Армарчук 2003, 216; Дружинина 2018, 406–412.

¹⁴ Нарожный 2011, 25; Дружинина 2016а, 215–218.

ны следы побелки известью. Характерной особенностью является подсыпка дна гробницы песком.

Одной из локальных особенностей курганных некрополей с гробницами анапской группы, неизвестной в плитовых могильниках остальной территории Северо-Восточного Причерноморья, являются впущенные в каменные гробницы деревянные гробы. Еще одной специфической чертой являются каменные оградки прямоугольной формы, сооруженные из поставленных на ребро камней и не примыкающие к насыпям или группам грунтовых погребений, а отстоящие от них на некотором расстоянии.

Инвентарь плитовых погребений анапской группы отличает большое количество импортов (поливной керамики и стеклянной посуды, зеркал, редких для Северо-Западного Кавказа типов украшений: стеклянных браслетов, височных колец с зерно-сканными бусинами, очелий, лазуритовых подвесок и др.), монетных находок, поделок из кости, ремесленных инструментов и серпов, заготовок и брака и др. По минимуму представлены предметы вооружения. Одним из главных отличий вещевого комплекса грунтовых некрополей анапской группы является заметное присутствие в составе погребального инвентаря лепной кухонной керамики, в том числе и кочевнической, в отличие от могильников остальных групп Северо-Восточного Причерноморья, а также Закубанья, где в погребениях абсолютно преобладает столовая посуда¹⁵.

Сравнительное изучение могильников с плитовыми погребениями Северо-Восточного Причерноморья показало, что для памятников окрестностей Ново-Михайловского, Геленджика и в меньшей степени Новороссийска погребения в каменных ящиках можно рассматривать как этнокультурный признак – черту, характерную для погребального обряда местного зихского населения еще с раннего средневековья, в то время как для района бассейна Масага – правобережья Псебепса практика грунтовых захоронений в плитовых гробницах – явление «надэтничное», связанное с влиянием фактора иного характера, а именно – с христианизацией населения, причем населения полиэтничного. Распространение общей веры нивелировало разнообразие обрядов и в большой степени интенсифицировало процесс формирования на Нижней Кубани единой этнокультурной общности¹⁶.

В этом отношении самые близкие аналогии, в том числе и по территориальному признаку, – погребальные конструкции грунтовых могильников анапской группы – обнаруживают в погребениях средневековых некрополей Таманского полуострова¹⁷ и Крыма¹⁸.

Так, каменные ящики кладбища около церкви Иоанна Предтечи в Керчи сооружены из тщательно обработанных и подогнанных впритык плит белого камня, швы между плитами заполнены известковым раствором. Гробницы содержали от одного до шести погребенных, ориентированных на З и ЮЗ. Погребения часто перекрывались камкой или дно посыпалось песком¹⁹. Инвентарь погребений

¹⁵ Армарчук 2017, 33.

¹⁶ Дружинина 2018, 263–299.

¹⁷ Чхаидзе 2006, 54, 55.

¹⁸ Макарова 1998, 365–382; Майко 2007, 21, 44 и др.

¹⁹ Макарова 1998, 366–381.

XIII–XIV вв. этого некрополя, а также ряда могильников Судакской долины практически идентичен находкам из грунтовых каменных гробниц низовий Кубани.

Относительно состава населения, оставившего керченские погребения, Т.И. Макарова указывала на его неоднородность и несомненное присутствие, наряду со значительным греческим этнокомпонентом Боспора, а также элементами местной этнической среды, тюркоязычных кочевников XII–XIII вв.²⁰

Столь же многокомпонентным являлось и население дельты Кубани, которое было представлено зихами, касогами, аланами, тюркоязычными кочевниками, а также греками, гетузами и представителями других народов и общностей. Отсутствие среди особенностей грунтовых некрополей анапской группы характерных «признаков “степного” происхождения», в числе которых называют «кремирование покойного, курганный насыпь, наличие коня, разнообразие оружия и упряжи»²¹, можно объяснить процессами седентаризации и христианизации выходцев из Степи. Аналогичные процессы происходили в золотоордынское время на территории Крыма и хорошо известны по письменным источникам. Заметки на полях Сугдейского Синаксария содержат сведения об активном проникновении кочевой элиты во все сферы светской и духовной жизни Сугдеи: «Все городские севасты (правители) с конца XIII в. носили традиционные для кочевников или двойные, смешанные с греческими, имена, а также были родственниками вчерашних кочевников. Монголы и турки были городскими священниками (или состояли с ними в родстве), церковными служителями и монахами. Та же картина наблюдалась и среди рядового православного населения Сугдеи»²². Активное проникновение тюрков в греко-православную среду – городскую и сельскую, дворцовую, военную, ремесленную и крестьянскую – происходило в XIII–XV вв. и на другой стороне Черного моря, в Трапезундской империи²³.

Материалы открытых поселений Северо-Восточного Причерноморья (Андреевская щель 1 и 2, Борисовка, Гайдук 2, Глебовское, Гостагаевское, Су-Псех 2 и др.), в свою очередь, свидетельствуют о неоднородном этнокультурном составе местных племен. Часть поселений на полуострове Абрау (Глебовское и Борисовское) характеризуются наличием многочисленных ям и отсутствием капитальных построек. И в этом смысле сближаются с открытыми селищами Нижнего Подонья и Восточного Приазовья, которые носят характер сезонных кратковременных поселений²⁴.

Материалы Гостагаевского поселения, где зафиксированы каменные кладки строений, и поселения Жукова, где обнаружена строительная черепица, позволяют рассматривать эти памятники как часть ближайшей периферии провинциально-византийской культуры городов Крыма и Тамани, пограничной с культурой населения предгорий Закубанья – протоадыгов и абазин, не воспринявших традиций каменного домостроения, а также с полиэтническим населением степных районов Западного Закубанья, материалы поселений которых (заглубленные округлые основания юртообразных жилищ (Молдавановское 2, X–XIII вв.), остатки полужем-

²⁰ Макарова 1998, 381.

²¹ Нечипорук 2018, 155.

²² Малышев 2013, 146–147.

²³ Шукуров 1995, 68–103.

²⁴ Армарчук 2017, 38.

лянок, обожженные глинобитные полы и стены, суфы, каны (Железнодорожное 1 и 2, XIV в.))²⁵ также не находят аналогий в этнографии адыгов.

Весомым аргументом в дискуссии об этнокультурном составе населения дельты Кубани эпохи Золотой Орды должны выступить результаты антропологических исследований. Тем более, что серии из могильников Псебепс-3 и Жукова исследованы антропологами²⁶. Основным общим источником для сравнительного изучения обеих серий послужили результаты проведенного В.П. Алексеевым анализа материалов из различных памятников Северного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья²⁷.

Первый вывод, к которому пришли исследователи: серии могильников Жукова и Псебепс-3 очень близки краниологии «причерноморских адыгов» (по В.П. Алексееву).

Второй важный вывод: антропологические коллекции не однородны. На материалах могильника Жукова Е.Ф. Батиева обнаружила присутствие двух европеоидных морфологических компонентов, первый – долихокранный с узким хорошо профилированным лицом – преобладал среди мужского населения, второй – мезобрахиокранный со среднешироким или широким лицом, немного уплощенным на уровне орбит – среди женского²⁸. Особых различий мужской и женской серий (возможно, ввиду малочисленности последней) могильника Псебепс-3 не отмечено²⁹.

Если сравнить усредненные показатели женских серий могильника Жукова и Псебепс-3, на первый взгляд, они почти не отличаются друг от друга. Однако индивидуальные данные женских черепов из Псебепса-3 демонстрируют их высокую однородность³⁰. И совершенно иную картину обнаруживают материалы женской выборки могильника Жукова³¹: здесь усредненные показатели выводились как среднее арифметическое между значительно различающимися величинами. Так, минимальное и максимальное значение назомалярного угла составили соответственно 133,3 и 144,9, зигомаксиллярного угла – 119,4 и 130,4, угла выступания носа – 14,0 и 29,0 и т.д. А потому поиск аналогий каждому из двух выявленных морфологических компонентов представляется гораздо более продуктивным, нежели их некоему усредненному арифметическому.

В контексте обсуждения своеобразия женской серии могильника Жукова интересны результаты изотопного анализа Sr из образцов двух женских погребений некрополя Бедричка-3 с изотопными сигналами контрольных образцов, которыми послужили раковины моллюской *Gastropoda*, взятые на месте раскопок памятника. Исследование показало, что примерно первые десять лет жизни обследованные провели в геохимических условиях, сходных с местностью, где были возведены гробницы некрополя, а, следовательно, местное происхождение этих женщин, которые, таким образом, не принадлежали к мигрантам первого поколения³².

²⁵ Барагамян 2014, 29–31.

²⁶ Батиева 2011; Герасимова, Фризен, Васильев 2018.

²⁷ Алексеев 1961, 208–220.

²⁸ Батиева 2011, 166.

²⁹ Герасимова, Фризен, Васильев 2018, 108.

³⁰ Герасимова, Фризен, Васильев, 2018, 113, табл. 3.

³¹ Батиева 2011, 165, табл. 5.

³² Дружинина, Медникова 2019, 112, табл. 1.

Еще один важный вывод, полученный при изучении краниологических серий могильников Жукова и Псебепс-3, – это сходство мужской выборки обоих некрополей с аланскими материалами³³. Сравнение жуковских материалов проводилось по методу Пенроуза с выборками из могильников Дуба-Юрт, Мошечая Балка и Гамовское ущелье, Змейская. Согласно таблице 6³⁴, мужская серия наиболее близка черепам из аланских могильников – прежде всего Дуба-Юрт, а также Гамовского ущелья, Мошечая Балка. При сравнении жуковских материалов с краниологией из «адыгских» курганов оказалось, что первые значительно дальше отстоят от пятигорской и особенно черкесской групп (по В.П. Алексееву). И только причерноморская группа обнаруживает столь же близкое сходство с жуковскими материалами, что и памятники аланского круга из Чечни и верховий Кубани. Женская серия, напротив, очень заметно отличается от материалов из Дуба-Юрта, Гамовского ущелья, в меньшей степени от серии из Мошечой Балки и черкесской группы. Самые близкие аналогии находит с материалами погребений причерноморской группы.

Эти данные показывают, что могильники Псебепс-3 и Жукова оставило сложное по этническому составу европеоидное население, компонентами которого в том числе были представители племен Северо-Восточного Причерноморья и аланы. Однако итоговые выводы, представленные в публикациях, не отражают данных наблюдений: «Обе серии, и мужская и женская, при всем своеобразии, наибольшее сходство обнаруживают с черепами из курганов, определенно связанных с адыгским этносом (серии из “черкесских курганов” XIV–XVI вв. н.э.)»³⁵. Коллеги, проводившие сравнение выборки из могильника Псебепс-3 пошли еще дальше, указав конкретное «адыгское племя», с которым можно напрямую сопоставить материалы некрополя XIV в.: «Любопытен факт некоторого сближения с этой совокупностью, содержащей серию натухайцев, серии из Псебепса 3, отличающейся также очень крупным продольным диаметром и происходящей с территории исконного проживания натухайцев»³⁶. Здесь замечу, что субэтноним «натухайцы» на страницах источников не встречается ранее середины XVIII в.³⁷, нужно ли говорить, что этнокультурная ситуация Низовий Кубани этого времени бесконечно далека от реалий эпохи Золотой Орды.

В качестве «археологического комментария» к итоговым выводам антропологов в целом считаю необходимым вновь³⁸ обратить внимание коллег на ключевой момент, без учета которого ошибки в интерпретации результатов исследований много вероятны.

Значительная часть краниологического материала, послужившего для В.П. Алексеева источниковой базой исследования, происходила из могильников, либо не связанных с предками адыгов, либо оставленных смешанным по составу населением, либо из памятников, этнокультурная принадлежность которых не установлена. Вот, к примеру, дословная характеристика источника – одного из

³³ Батиева 2011, 166–167; Герасимова, Фризен, Васильев 2018, 112–113.

³⁴ Батиева 2011 167.

³⁵ Батиева 2011, 167.

³⁶ Герасимова, Фризен, Васильев 2018, 117.

³⁷ Волкова 1973, 25.

³⁸ Дружинина 2016; 2016а.

№ и название признака	1. Черво- ная щель	2. Каза- во 2	3. Кабар- динка	4. Песбег-3	5. Жукова	6. Ильчевское гор-ще	7. Печенети	8. Золотое	9. Старый Крым	10. Нижнее Подонье (грунт. погр.)	11. Жданов- ский
1. Продольный диаметр	187,0	185,2	179,2	190,4	185,2	186,8	186,3	177,43	185,7	178,9	179,3
8. Поперечный диаметр	133,3	141,6	139,8	141,6	139,6	140,8	141,4	144,46	146,0	153,5	151,0
8.1. Черепной указатель	71,4	–	78,0	74,4	75,4	–	75,9	81,5	78,6	86,3	84,3
17. Высотный диаметр	134,0	137,6	138,7	143,4	141,4	139,6	130,0	135,09	137,8	134,5	130,0
9. Наименьшая ширина лба	98,7	98,4	96,8	101,9	97,8	98,3	98,0	97,53	–	101,1	99,7
45. Скуловая ширина	128,0	130,4	130,4	137,6	132,2	136,3	138,5	133,31	142,2	145,0	141,6
48. Верхняя высота лица	72,0	70,2	72,3	75	72,4	74,5	75,6	70,53	72,4	75,5	74,7
48.45. Верхний лицевой указатель	53,9	–	55,4	54,4	55,3	–	54,7	52,9	–	–	52,8
55. Высота носа	52,8	52,5	53,0	54,0	51,9	54,6	53,8	52,31	–	54,4	53,6
54. Ширина носа	24,0	23,9	24,4	25,0	25,5	25,2	24,6	24,65	–	27,2	25,7
54.55. Носовой указатель	45,3	–	46,3	46,3	49,3	–	45,7	47,3	–	50,0	48,0
51. Ширина орбиты	41,7	42,3	42,8	42,6	41,9	42,5	42,8	41,08	–	44	43,4
52. Высота орбиты	31,2	33,1	31,9	32,9	33,1	35,5	34,4	34,11	–	34,9	33,8
52.51. Орбитный указатель от mf	74,8	–	74,5	77,3	79,2	–	80,4	83,1	–	79,4	78,0
SC	8,8	9,2	9,0	10,9	–	10,66	7,7	–	–	–	9,7
SS	4,8	4,6	4,6	5,0	–	5,78	4,8	–	–	–	5,0
SS:SC Симметрический указатель	54,8	–	51,4	45,9	50,0	–	62,3	50,07	50,4	46,4	52,0
77. Наименьший угол	134,7	–	135,8	135,6	137,9	–	141,0	137,66	145,3	145	140,2
75 (1) Угол выступания носа	34,7	32,7	30,0	31,7	29,6	32,6	29,6	29,86	30,0	25,3	30,4
zm	119,0	–	123,0	122,9	124,1	–	136,5	127,12	135,1	135,4	128,6

Табл. 1. Средние размеры и указатели мужских черепов из средневековых могильников Северо-Западного Кавказа, Северо-Восточного Причерноморья, Крыма, Подонья, Приднепровья и Припяти (Составлена по: Батиева 2010; 2011; Герасимова 2019; Герасимова, Тихонов А.Г. 2003; Герасимова и др. 2018; Круц 2003; Иванов 2021; Комаров, Китов 2016)

Table 1. Average sizes and indexes of male skulls from the medieval burial grounds of the Northwest Caucasus, Northeast Black Sea, Crimea, Don River Region, Dnieper River Region and Irtys River Region (Compiled by: Batieva 2010; 2011; Gerasimova 2019; Gerasimova, Tikhonov 2003; Gerasimova et al. 2018; Kruts 2003; Ivanov 2021; Komarov, Kitov 2016)

трех могильников, материалы которого входят в серию «Побережье суммарно», на аналогиях с которой, во многом, основываются выводы по краниологии могильников Псебепс-3 и Жукова: «Новороссийск. Три мужских и четыре женских черепа из курганов близ Новороссийска хранятся в музее антропологии МГУ. Год раскопок и имя собирателя неизвестны, однако черепа зарегистрированы как адыгейские»³⁹. Всего же серия «Побережье суммарно» насчитывает 14 мужских и 10 женских черепов⁴⁰, иными словами, непонятно происхождение одной пятой черепов мужской серии и без малого половины женской выборки. Безусловно, выбор источников определялся В.П. Алексеевым сложившимися к началу 1960-х гг. научными представлениями о средневековых предках адыгов, состоянием изученности их археологических памятников и целого комплекса проблем межнационального и межкультурного взаимодействия на территории Северного Кавказа в пред- и золотоордынскую эпоху. Однако именно на результатах анализа этой источниковой базы были сделаны выводы, на которые и поныне опираются специалисты в решении проблемы происхождения адыгов⁴¹.

Ранее уже приходилось обращать внимание на перспективность сравнения антропологических серий из могильников Псебепс-3 и Жукова не только с выборками из некрополей Северо-Восточного Причерноморья, Закубанья, но и с материалами могильников Тамани, Восточного Крыма, выборками из памятников кочевников Восточно-Европейских степей.

В таблице 1 представлены серии из могильников Северо-Восточного Причерноморья – Кабардинка XIV–XV вв., Церковная Щель XVI–XVII в., Закубанья – Казазово 2 второй половины XIII–XIV вв., некрополей X–XII вв. аланского Ильичевского городища, Восточного Крыма – Золотое, Старый Крым XIV в., объединенная серия из грунтовых могильников Нижнего Подонья XIII–XIV вв., из печенежских погребений Приднепровья XI в., для сравнения также были привлечены результаты анализа краниологической серии из кимако-кыпчакского Ждановского могильника X–XII вв. с левобережья Иртыша⁴².

На графике 1 представлены результаты проведенного М.Б. Медниковой анализа методом главных компонент пяти основных признаков мужских серий (1 – продольный диаметр, 8 – поперечный диаметр, 17 – высотный диаметр, 45 – скуловая ширина, 48 – верхняя высота лица). По форме мозгового отдела выделяются два скопления. Первое: выборки № 4 – Псебепс-3, № 6 – Ильичевское городище, а также № 5 – Жукова, второе – выборки № 2 – Казазово 2 и № 3 – Кабардинка (рис. 1).

Еще более показательны результаты кластерного анализа (рис. 2)⁴³. В обособленную группу выделились выборки из грунтовых погребений Нижнего Подонья эпохи Золотой Орды и кимако-кыпчакского Ждановского могильника X–XII вв. Прииртышья. Остальные выборки распределились по двум кластерам. В первый вошли материалы могильников 1 – Церковная Щель, 8 – Золотое, 3 – Кабардинка, 5 – Жукова и 2 – Казазово 2, объединяющим общим признаком для которых, по

³⁹ Алексеев 1961, 209.

⁴⁰ Алексеев 1961, табл. 1 и 2.

⁴¹ Дружинина 2016, 212.

⁴² Комаров, Китов 2016.

⁴³ Автор выражает глубокую благодарность д.и.н. М.Б. Медниковой, осуществившей межгрупповой анализ серий из табл. 1 методами многомерной статистики.

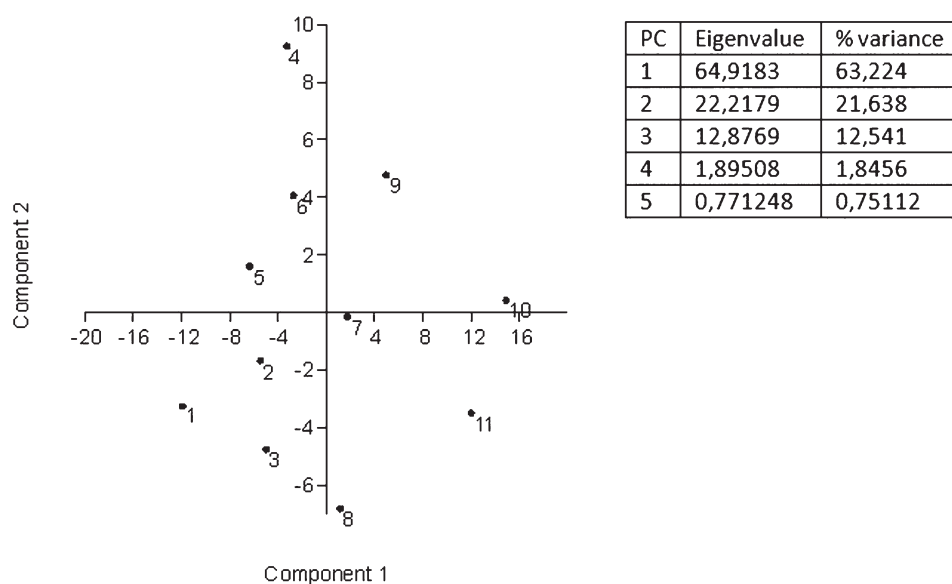

Рис. 1. Мужские черепа из средневековых могильников Северо-Западного Кавказа, Северо-Восточного Причерноморья, Крыма, Подонья, Приднепровья и Приитышья в пространстве I и II главных компонент

Fig. 1. Male skulls from the medieval burial grounds of the Northwest Caucasus, Northeast Black Sea, Crimea, Don River Region, Dnieper River Region and Irtysh River Region space of I and II main components

всей видимости, стало превалирование или значительное присутствие протоадыгского этнического компонента. Именно в этом кластере оказались могильники Казазово 2 (в меньшей степени) и особенно Церковная Щель, которые можно в данном контексте рассматривать как близкие к «контрольным» протоадыгским сериям.

Второй кластер, напротив, объединил могильники, где протоадыгский этнический компонент незначителен или отсутствует вовсе: 7 – печенежская серия, 9 – Старый Крым, а также показавшие наибольшую близость выборки из могильников на Ильичевском городище и Псебепс-3. Для второго кластера общим признаком стало превалирование аланского, а также кочевнического компонентов.

Важно подчеркнуть, приведенные в сводной таблице и на графиках данные наглядно показывают, что серии из могильников Псебепс-3 и Жукова при очевидном сходстве заметно отличаются друг от друга. Возможное объяснение видится в том, что основу населения, оставившего два этих памятника, составляли представители протоадыгов и алан, а специфику обеих серий обеспечивало как соотношение этих двух этнокомпонентов, так и присутствие различных иных этнических групп.

Самое высокое соответствие черепа мужской серии обоих могильников (Псебепс-3 и Жукова) показали с объединенной выборкой из некрополей X–XII вв. аланского Ильичевского городища, которую М.М. Герасимова характеризует как

«самую крупноголовую, высокосводную и долихокранную из всех урупских серий, несмотря на то, что в серии есть несколько брахикранных черепов»⁴⁴.

Показательно, что краниологии из могильника Жукова самой близкой оказалась выборка из Казазово 2. Возможно, близость этих двух серий объясняет большее, чем в других памятниках этого кластера, проявление аланского компонента. С другой стороны, очень любопытно близкое соседство на представленных графиках серий Казазово 2 и Жукова с выборкой из мужских погребений печенегов Приднепровья. Материалы могильника Псебепс-3 и вовсе вошли в один кластер с печенежскими. Мужская серия из погребений печенегов – долихокранная с невысоким сводом, широким и высоким, ортогнатным среднепрофилированным лицом, высоким переносом и значительно выступающим носом, комплекс признаков характеризует серию как европеоидную⁴⁵.

В данном контексте закономерно обратиться к материалам самого известного памятника, в составе полиэтничного населения которого присутствовали печенеги, – городищу Саркел – Белая Вежа. Тем более, что для Саркела на протяжении всей его истории «особенно значительными и, по всей вероятности, прямыми были связи с берегами Керченского пролива»⁴⁶. Заметными были и контакты населения Саркела с племенами Северо-Западного Кавказа, что, в первую очередь, проявляется в присутствии так называемой «касожской керамики» в слоях городища⁴⁷. Изучив кухонную керамику с поселения Жукова (конец XII – начало XIV в.), перекрытого в первой половине XIV в. рассматриваемым в данной статье могильником, П.А. Ларенок не только пришел к выводу о ее несомненных параллелях с «касожской» и печенежско-гузской (по С.А. Плетневой) посудой из Саркела – Белой Вежи, но также и о «значительно большей доле в составе жителей Саркела – Белой Вежи представителей племен Закубанья»⁴⁸.

В данной связи особый интерес вызывает наличие общей специфической особенности, выявленной на могильниках Жукова, Псебепс-3 и погребальных памятниках Саркела, в первую очередь, в захоронениях из больших насыпей 17/10, 24/6, 19/1. Этой особенностью являются разновременные захоронения в одной грунтовой яме или в одном деревянном гробу⁴⁹. Подчеркну, данная черта погребального обряда в эпоху Золотой Орды не характерна для курганных и грунтовых могильников предгорий Закубанья, южного побережья Краснодарского водохранилища и Северо-Восточного Причерноморья – исторической территории проживания протоадыгов, в которых среди погребений, совершенных в простых грунтовых ямах или на уровне древнего горизонта, абсолютно преобладают одиночные захоронения⁵⁰. Не характерны разновременные захоронения в простых грунтовых ямах и для средневековых могильников Тамани⁵¹.

⁴⁴ Герасимова 2019, 186.

⁴⁵ Круз 2003, 229. Интересно, что женская печенежская серия – брахикранная, в целом с большей монголоидной примесью.

⁴⁶ Артамонов 1958, 45.

⁴⁷ Плетнева 1959, 239, 241; Армарчук 2017, 38.

⁴⁸ Ларенок 2012, 90.

⁴⁹ Артамонова 1963, 42.

⁵⁰ Дружинина 2018.

⁵¹ Чхаидзе 2004, 404–408.

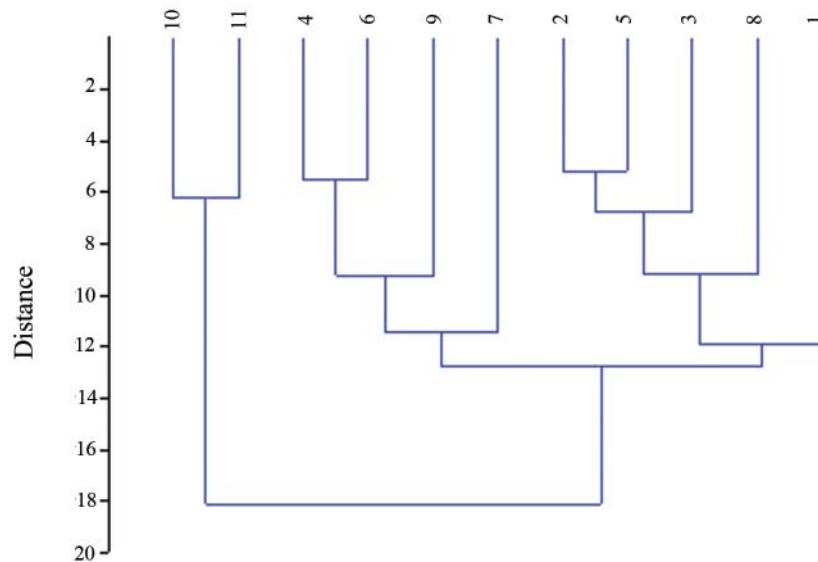

Рис. 2. Мужские черепа из средневековых могильников Северо-Западного Кавказа, Северо-Восточного Причерноморья, Крыма, Подонья, Приднепровья и Приитышья. Результаты кластерного анализа

Fig. 2. Male skulls from medieval burial grounds of the Northwest Caucasus, Northeast Black Sea, Crimea, Don River Region, Dnieper River Region and Irtysh River Region. Results of the cluster analysis

Сравнение показателей мужских серий из могильников Жукова и Псебепс-3 с выборкой из погребений насыпей 24/6 и 19/1 Саркела показывает очень высокую близость (табл. 2). Погребенные в насыпях Саркела оставлены сложным по составу и во многом уже метисным населением. В частности, индивиды из разновременных, т.н. «двойных» погребений, выявленных в насыпи 24/6, по антропологическому типу были европеоидами, а также представителями расового типа Среднеазиатского междуречья⁵².

Как известно, ввиду постоянной угрозы со стороны половцев жизнь в Саркеле – Белой Веже с середины XI в. постепенно замирала и в 1117 г. население в основном покинуло город. Еще несколько десятилетий на его месте просуществовало половецкое зимовище, при этом осталась и небольшая часть прежнего населения. Окончательно город запустел в середине XII в.⁵³ Гипотетически, часть обитателей Саркела – Белой Вежи могла переселиться на восточное побережье Боспора, в окрестности Матархи, и на земли обитания касожских племен – в Закубанье. Вопрос этот, безусловно, требует отдельной, самой тщательной проработки и взвешенных оценок.

⁵² Артамонова 1963, 47.

⁵³ Артмонов 1958, 83–84; Плетнева 1959, 272.

№ и название признака	Псебепс-3	Жукова	Саркел, насыпь 24/6	Саркел, насыпь 19/1
1. Продольный диаметр	190,4 (10)	185,2 (14)	184,7 (27)	184,6 (23)
8. Поперечный диаметр	141,6 (10)	139,6 (14)	140,3 (27)	141,0 (21)
8.1. Черепной указатель	74,4 (10)	75,4 (14)	76,1 (26)	77,1 (21)
17. Высотный диаметр	143,4 (10)	141,4 (14)	136,5 (19)	135,3 (12)
45. Скуловая ширина	137,6 (8)	132,2 (11)	134,2 (24)	132,1 (19)
48. Верхняя высота лица	75 (10)	72,4 (14)	71,6 (27)	71,2 (17)
48:45. Верхний лицевой указатель	54,4 (8)	55,3 (11)	53,3 (23)	53,7 (16)
54:55. Носовой указатель	46,3 (10)	49,3 (13)	48,8 (25)	47,3 (17)
52:51. Орбитный указатель от mf	77,3 (10)	79,2 (14)	76,9 (20)	81,3 (16)
SS:SC Симотический указатель	45,9 (10)	50,0 (14)	47,4 (19)	45,4 (11)
77 Назомаллярный угол	135,6 (10)	137,9 (14)	135,8 (21)	137,4 (12)
75 (1) Угол выступления носа	31,7 (6)	29,6 (13)	29,0 (15)	29,9 (10)
zm	122,9 (10)	124,1 (14)	125,6 (21)	126,3 (11)

Табл. 2. Средние размеры и указатели мужских черепов из могильников Псебепс-3, Жукова и насыпей 26/4 и 19/1 Саркела – Белой Вежи (Составлена по: Батиева 2011; Герасимова и др. 2018; Гинзбург 1963)

Table. 2. Average sizes and indexes of male skulls from Psebeps-3, Zhukov burial grounds and mounds 26/4 and 19/1 of Sarkel – Belaya Vezha (Compiled by: Batieva 2011; Gerasimova et al. 2018; Ginzburg 1963)

Особый интерес представляет сравнение материалов грунтовых могильников низовий Кубани с краниологией из Восточного Крыма. Мужская серия из Псебепс-3 почти не выявила эти связи, тогда как определенное сходство устанавливается между мужскими черепами из могильников Жукова и Золотое (рис. 1 и 2).

Ряд исследователей связывают происхождение некоторых крымских памятников золотоордынского времени (Пампук-Кая, Дзукалаи) с переселением на полуостров групп «адыгов»⁵⁴. Не исключая самой возможности миграции отдельных коллективов из низовий Кубани в Крым, со своей стороны отмечу, что гипотеза об «адыгской волне переселения» в конце XIII – начале XIV в. в междуречья Каци – Бельбека и в Алуштинскую долину требует более веских оснований, поскольку в качестве основного ее аргумента исследователи рассматривают наличие в «адыгских» погребениях Крыма жертвенной пищи⁵⁵ – признака, не характерного для погребальных памятников оседлого населения Северо-Восточного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа золотоордынского времени.

Особенности грунтовых могильников анапской группы скорее позволяют ставить вопрос об обратном движении – о переселении части населения Крыма на восточное побережье Боспора – в районы дельты Кубани. Представляется, что частью полиэтничного населения, участвовавшего в формировании грунтовых могильников Нижней Кубани, могло быть население Восточного Крыма, пострадавшего во время гонений на христиан в 1320–1330-х гг.⁵⁶ Так, известно, что на рубеже XIII–XIV вв. Судак и Каффа пережили целый ряд вооруженных нападений

⁵⁴ Мыц 2009, 226; Бочаров 2016, 157.

⁵⁵ Мыц 2009, 217, 226; Бочаров 2016, 157.

⁵⁶ Дружинина 2018, 323–324.

монголов. В 1309 г. была разорена Каффа, в 1322 г. начались гонения на христиан в Судак. В 1323 г. римский понтифик Иоанн XXII (1313–1334) в письме к хану Узбеку (1313–1341) просил о возможности христианам вернуться в город и о возвращении им церквей, которые были превращены в мечети. Но гонения продолжались: в 1327 г. была разрушена София Сугдейская, убит митрополит Сугдеи и Фулл. Сменивший его Лука смог занять престол только спустя десять лет – в 1337 г.⁵⁷

В этом отношении интересны результаты межгруппового анализа крымских серий, проведенного методами многомерной статистики А.В. Ивановым, которые показали, что выборка из могильника Золотое XIII–XIV вв. (Азовское побережье Керченского полуострова) морфологически близка населению Херсона X–XIII вв., особенно сериям из некрополя при «храме с Ковчегом» и «Базилики на холме», а также из Эски-Кермена и христианских некрополей Юго-Западной Таврики. Относительно связей Восточного Крыма и Северо-Западного Кавказа А.В. Иванов, не обнаружив сколько-нибудь близких аналогий⁵⁸, обращает внимание на то, что основу антропологического комплекса, связанного с т.н. «адыгами», составляют относительно узколикие, преимущественно долихокранные типы – встречающиеся в составе населения Юго-Восточного Крыма морфологические комплексы, связанные, по всей видимости, с проникновением на полуостров в раннесредневековый период различных групп алан.

Появление поселения и некрополя Золотое А.В. Иванов объясняет вынужденной миграцией по территории Крыма групп местного ромеизированного населения смешанного происхождения в период вовлечения Таврики в орбиту политического влияния Золотой Орды⁵⁹. Вполне возможно, что эхо этих событий донеслось и до восточного – азиатского – берега Боспора.

В завершение следует подчеркнуть: представленные в работе наблюдения, полученные на основе сравнительного анализа серий из могильников Жукова и Псебепс-3 с краниологическими материалами средневековых памятников соседних с дельтой Кубани территорий, безусловно, носят предварительный характер, в том числе требуют более широкой программы сравнительных исследований антропологические материалы. Но уже на данном этапе очевидна перспективность поднятых в исследовании вопросов, которая, как хочется надеяться, убедит специалистов не ограничивать свой научный поиск ближайшими территориальными аналогиями и побудит их рассматривать культурно-исторические процессы, протекавшие на Северо-Западном Кавказе и в Северо-Восточном Причерноморье, на фоне широкой панорамы событий и явлений одной из самых бурных страниц мировой истории, какой была эпоха Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, В.П. 1961: Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья. В сб.: Н.В. Анфимов (ред.), *Сборник материалов по археологии Адыгеи* 2. Майкоп, 208–220.

⁵⁷ Майко, Джанов 2015, 34.

⁵⁸ Серии из могильников Псебепс-3 и на поселении Жукова исследователь не рассматривал.

⁵⁹ Иванов 2021 (в печати). Автор сердечно благодарит А.В. Иванова за возможность ознакомиться с результатами его исследования, находящегося в печати.

- Алексеева, Е.М., Шавырин, А.С. 1980: Исследования в Анапе и Анапском районе. В сб.: *Археологические открытия 1979 года*. М., 91–92.
- Алексеева, Е.П. 1959: Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. *Труды Карачаево-Черкесского НИИ* 3, 3–82.
- Армарчук, Е.А., 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. В сб.: С.А. Плетнева (ред.), *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века*. М., 207–227.
- Армарчук, Е.А. 2017: *Керамика Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII веков*. М.–СПб.
- Артамонов, М.И. 1958: Саркел – Белая Вежа. В сб.: М.И. Артамонов (ред.), *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* 1, 7–84. М.–Л. (МИА 62).
- Артамонова, О.А. 1963: Могильник Саркела – Белой Вежи. В сб.: М.И. Артамонов (ред.), *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* 3, 9–209. М.–Л. (МИА 109).
- Барагамян, Р.А. и др. 2014: Две группы позднесредневековых керамических сосудов из поселения «Железнодорожное 2». *Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона* 2, 29–38.
- Батиева Е.Ф. Материалы к антропологии нижнедонского населения в эпоху Золотой Орды. В сб.: Н.А. Дубова (ред.), *Человек: его биологическая и социальная история* 1. М., 130–138.
- Батиева, Е.Ф. 2011: Антропологические материалы из могильника XIII–XIV века средневекового поселения «Жукова». *ВА* 19, 161–168.
- Бонин, А.В., 2015: Охранно-спасательные работы 2010–2013 гг. в Анапе, Новороссийске и Крымском районе Краснодарского края. В сб.: *Археологические открытия 2010–2013 годов*. М., 323–325.
- Бочаров, С.Г. 2016: Средневековое селение Дзукалаи на Керченском полуострове. *Поволжская археология* 4(18), 144–160.
- Верещагин, В.В., Голубев, Л.Э., 2018: Воинские погребения с лошадьми из курганных могильников «Гостагаевская-1» и «Гос. №258» В сб.: У.Ю. Кочкаров (ред.), *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье*. Карачаевск, 411–414.
- Волкова, Н.Г. 1973: *Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа*. М.
- Герасимова, М.М. 2019: Краниологические особенности населения верховий левобережья р. Кубань VIII–XII вв. *ВА* 4(48), 178–196.
- Герасимова, М.М., Тихонов, А.Г. 2003: Новые краниологические данные к проблеме происхождения адыгов. В сб.: Т.И. Алексеева (ред.), *Горизонты антропологии*. М, 286–290.
- Герасимова, М.М., Фризен, С.Ю., Васильев, С.В. 2018: Краниологические материалы из средневековых могильников Краснодарского края. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 4 (43), 108–119.
- Гинзбург, В.В. 1963: Антропологический состав населения Саркела – Белой Вежи и его происхождение. В сб.: М.И. Артамонов (ред.), *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* 3, 260–281. М.–Л. (МИА 109).
- Гончаров, Е.Ю., Красильникова, Л.И., Козмирчук, И.А. 2018: Монетные находки с поселения и могильника Псебепс-3 (Краснодарский край). В сб.: У.Ю. Кочкаров (ред.), *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье*. Карачаевск, 432–435.
- Дружинина, И.А. 2016: К изучению этногенеза адыгов по данным краниологии: археологический контекст. В сб.: *Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа*. Грозный, 211–214.
- Дружинина, И.А. 2016а: Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон. В сб.: *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Казань–Ялта–Кишинев, 215–218.

- Дружинина, И.А. 2018: *Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов*: дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. М.
- Дружинина И.А., Лысанов В.Л., Малышев, А.А., Медникова, М.Б. 2018: Грунтовые погребения в каменных ящиках в долине р. Бедричка: новые материалы о населении Северо-Западного Кавказа в эпоху Золотой Орды. *Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе* 2, 278–283.
- Дружинина, И.А., Медникова, М.Б. 2019: Между Крымом, Кавказом и Степью: население степного левобережья Кубани в XIV в. (По материалам археологического и антропологического изучения грунтовых могильников). *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология* 1, 104–116.
- Иванов, А.В. 2021: Средневековое население Керченского полуострова по антропологическим материалам из некрополя Золотое. В сб.: *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. (В печати).
- Комаров, С.Г., Китов, Е.П. 2016: Новые краниологические данные к вопросу об антропологическом составе тюркского населения степной полосы Среднего Прииртышья X–XII вв. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 2 (33), 97–111.
- Круц, С.И. 2003: Антропологическая характеристика ногайцев XVI–XVIII вв. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа* 4, 206–239.
- Ларенок, П.А. 2012: Саркел–Псебепс – гузы-печенег-касоги... *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 13, 86–104.
- Ларенок, П.А., Нечипорук, А.А. 2012: Средневековое поселение и грунтовый могильник “Жукова”. В сб.: *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации*. Махачкала, 347–348.
- Майко, В.В. 2007: *Средневековые некрополи Судакской долины*. Киев.
- Майко, В.В., Джанов, А.В. 2015: *Археологические памятники Судакского региона Республики Крым*. Симферополь.
- Макарова, Т.И. 1998: Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи. *МАИЭТ* 4, 344–393.
- Малышев, А.Б. 2013: Христиане и христианство в среде золотоордынской аристократии. В сб.: В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко (ред.), *От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи*. М., 142–165.
- Мыц, В.Л. 2009: *Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты*. Симферополь.
- Нарожный, Е.И. 2011: Об одной «войне» против черкесов. *Золотоордынская цивилизация* 4, 20–28.
- Нарожный, Е.И. 2018: Об “этнокультурных”, “этномиксационных” и “этноформирующих” процессах XIII–XV вв. в Северо-Восточном Причерноморье (дискуссионные аспекты проблемы) В сб.: *Этногенез и этническая история народов Кавказа*. Грозный, 712–730.
- Нарожный, Е.И. 2019: Археологические памятники XIII–XV вв. на Кубани (некоторые актуальные направления в их изучении). *Социально-гуманитарный вестник* 24, 22–32.
- Нечипорук, А.А. 2018: Средневековый грунтовый могильник Жукова в Западном Закубанье. *Археология евразийских степей* 4, 154–159.
- Плетнева, С.А. 1958: Керамика Саркела – Белой Вежи. В сб.: М.И. Артамонов (ред.), *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* 2, 212–272. М.–Л. (МИА 75).
- Стрельченко, М.Л. 1968: *Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв.*: дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. ИИМК РАН. Ф-35. Оп. 2-д. №. 176.
- Чхаидзе, В.Н. 2004: Средневековые погребения Таманского городища. *ДБ* 7, 404–424.

- Чхаидзе, В.Н. 2006: Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове. В сб.: Ю.В. Зеленева (ред.), *Средневековая археология Евразийских степей. Материалы и исследования по археологии Поволжья* 3. М.–Йошкар-Ола, 53–86.
- Чхаидзе, В.Н. 2013: Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства. В сб.: Н.А. Алексеенко (ред.), *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»*. Севастополь, 47–68.
- Шукуров, Р.М. 1995: Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? *Причерноморье в средние века* 2, 68–103.

REFERENCES

- Alekseev, V.P. 1961: Antropologicheskiy tip adygov v epokhu pozdnego srednevekov'ya [Anthropological type of the Adyghe during the Late Middle Ages]. In: N.V. Anfimov (ed.), *Sbornik materialov po arkheologii Adygei* [The collection of materials on archaeology of Adygea] 2. Maykop, 208–220.
- Alekseeva, E.M., Shavyrin, A.S. 1980: Issledovaniya v Anape i Anapskom rayone [Researches in Anapa and the Anapa district]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1979* [Archaeological discoveries 1979]. Moscow, 91–92.
- Alekseeva, E.P. 1959: Ocherki po istorii cherkesov v XIV–XV vv. [Essays on history of the Circassians in the 14th and 15th centuries]. In: *Trudy Karachaevo-Cherkesskogo Nauchno issledovatel'skogo instituta* [Proceedings of the Karachaevo-Cherkessk Scientific Research Institute] 3, 3–82.
- Armarchuk, E.A. 2017: *Keramika Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya XI–XIII vekov* [Ceramics of the Northeast Black Sea of the 11th to 13th centuries]. Moscow–Saint Petersburg.
- Armarchuk, E.A. 2003: Pamyatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya X–XIII vekov [Sites of the Northeast Black Sea Region of the 10th – 13th centuries]. In: S.A. Pletneva (ed.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka* [The Crimea, Northeast Black Sea and Transcaucasia during the Middle Age: the 4th to 13th centuries]. Moscow, 207–227.
- Artamonov, M.I. 1958: Sarkel – Belaya Vezha [Sarkel – Belaya Vezha]. In: M.I. Artamonov (ed.), *Trudy Volgo-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Mission] 1, 7–84. Moscow–Leningrad. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Researches on Archaeology of the USSR] 62).
- Artamonova, O.A. 1963: Mogil'nik Sarkela – Beloy Vezhi [Burial ground of Sarkel – Belaya Vezha]. In: M.I. Artamonov (ed.), *Trudy Volgo-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Mission] 3, 9–209. Moscow–Leningrad. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Researches on Archaeology of the USSR] 109).
- Baragamyán, R.A., Vasilinenko, D.E., Tishchenko, I.B. 2014: Dve gruppy pozdne-srednevekovykh keramicheskikh sosudov iz poseleniya «Zheleznodorozhnoe 2» [Two groups of Late Medieval ceramic vessels of the settlement of “Zheleznodorozhnoe 2”]. *Arkheologiya i etnografiya Pontiysko-Kavkazskogo regiona* [Archaeology and Ethnography of the Pontic-Caucasian Region] 2, 29–38.
- Batieva, E.F. 2010: Materialy k antropologii nizhnedonskogo naseleniya v epokhu Zolotoy Ordyy [Materials to anthropology of the Low Don River population during the Golden Horde times]. In: N.A. Dubova (ed.), *Chelovek: ego biologicheskaya i social'naya istoriya* [The Human: his biological and social history] 1. Moscow, 130–138.
- Batieva, E.F. 2011: Antropologicheskie materialy iz mogil'nika XIII–XIV veka srednevekovogo poseleniya “Zhukova” [Anthropological materials from the burial ground of the 13–14th

- centuries of the medieval Zhukov settlement]. *Vestnik antropologii* [*Herald of Anthropology*] 19, 161–168.
- Bocharov, S.G. 2016: Srednevekovoe selenie Dzukalai na Kerchenskom poluostrove [Medieval Dzukalai Settlement on the Kerch Peninsula]. *Povolzhskaya arkheologiya* [*The Volga River Region Archaeology*] 4(18), 144–160.
- Bonin, A.V., 2015: Okhranno-spasatel'nye raboty 2010–2013 gg. v Anape, Novorossiyske i Krymskom rayone Krasnodarskogo kraia [Security rescue efforts of 2010–2013 in Anapa, Novorossiysk and the Krymsk District of the Krasnodar Region]. In: *Arheologicheskie otkrytiya 2010–2013 godov* [*Archaeological discoveries 2010–2013*]. Moscow, 323–325.
- Chkhaidze, V.N. 2004: Srednevekovye pogrebeniya Tamanskogo gorodishcha [Medieval burials on the Taman settlement]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 7, 404–424.
- Chkhaidze, V.N. 2006: Srednevekovye pogrebeniya v kamennykh yashchikakh na Tamanskom poluostrove [Medieval burials in stone boxes on the Taman Peninsula]. In: Yu.V. Zeleneev (ed.), *Srednevekovaya arkheologiya Evraziyskikh stepey. Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya* [*Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes. Materials and Research on the Archaeology of the Volga River Region*] 3, 53–86.
- Chkhaidze, V.N. 2013: Zikhskaya eparkhiya: pis'mennye i arkheologicheskie svidetel'stva [Diocese Zikhia: written and archaeological evidences]. In: N.A. Alekseenko (ed.), *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «Imperiya» i «Polis»* [*“Empire” and the “Polis”*]. Sevastopol, 47–68.
- Druzhinina, I. A., Mednikova, M. B. 2019: Mezhdru Krymom, Kavkazom i Step'yu: naselenie stepnogo levoberezh'ya Kubani v XIV v. (Po materialam arkheologicheskogo i antropologicheskogo izucheniya gruntovykh mogil'nikov) [Between the Crimea, the Caucasus and Steppe: the Kuban River steppe left bank population in the 14th century (based on archaeological and anthropological studding the ground necropolises)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [*Moscow University Bulletin. Ser. 23: Anthropology*] 1, 104–116.
- Druzhinina, I.A. 2016: K izucheniyu etnogeneza adygov po dannym kraniologii: arkheologicheskii kontekst [Studying the ethnogenesis of the Adyghe according to the craniology: archaeological context]. In: *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza* [*Study and preservation of the archaeological heritage of the Caucasian Peoples*]. Grozny, 211–214.
- Druzhinina, I.A. 2016a: Nizhnee Zakuban'e v XIII–XIV vv.: na granitse kul'tur i prirodnikh zon [Lower Trans-Kuban in the 13th–14th Centuries: on the border of cultures and natural zones] In: *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na evraziyskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy* [*Dialogue of urban and steppe cultures on the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde*]. Kazan–Yalta–Kishinev, 215–218.
- Druzhinina, I.A. 2018: *Pogrebal'nye pamyatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya i Severnogo Kavkaza XIII–XVIII vv. kak istochnik po istorii adygskikh narodov* [*Burial sites of the Northeast Black Sea and the Northern Caucasus of the 13–18th centuries as a source on history of the Adyghe people*]: PhD. Moscow.
- Druzhinina, I.A., Malyshev, A.A., Mednikova, M.B., Lysanov, V.L. 2017: Gruntovye pogrebeniya v kamennykh yashchikakh v doline r. Bedrichka: novye materialy o naselenii Severo-Zapadnogo Kavkaza v epokhu Zolotoy Ordy [Burial grounds in stone boxes: New materials on the population of the Northwest Caucasus during the Golden Horde times]. In: A.P. Derevyanko (ed.), *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule-Belokurikhe* [*Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress*]. Barnaul, 332–333.
- Gerasimova, M.M. 2019: Kraniologicheskie osobennosti naseleniya verkhoviy levoberezh'ya r. Kuban' VIII–XII vv. [Craniological features of the population of the Upper Kuban River

- left bank in the 8th to 12th centuries]. *Vestnik antropologii* [*Herald of Anthropology*], 4(48), 178–196.
- Gerasimova, M.M., Frizen, Page Yu., Vasilyev, S.V. 2018: Kraniologicheskie materialy iz srednevekovykh mogil'nikov Krasnodarskogo kraia [Craniological materials from medieval burial grounds of the Krasnodar Region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [*Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography*] 4 (43), 108–119.
- Gerasimova, M.M., Tikhonov, A.G. 2003: Novye kraniologicheskie dannye k probleme proiskhozhdeniya adygov [New craniological data to a problem of origin of the Adyghe]. In: T.I. Alekseeva (ed.), *Gorizonty antropologii* [*Horizons of Anthropology*]. Moscow, 286–290.
- Ginzburg, V.V. 1963: Antropologicheskii sostav naseleniya Sarkela – Beloy Vezhi i ego proiskhozhdenie [The anthropological structure of the population of Sarkel – Béla Vezha and his origin]. In: M.I. Artamonov (ed.), *Trudy Volgo-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [*Proceedings of the Volga-Don Archaeological Mission*] 3, 260–281). Moscow–Leningrad. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [*Materials and researches on archaeology of the USSR*] 109).
- Goncharov, E.Yu., Krasilnikova, L.I., Kozmirschuk, I.A. 2018: Monetnye nakhodki s poseleniya i mogil'nika Psebeps-3 (Krasnodarskiy kray) [Coin finds from the settlement and necropolis of Psebeps-3]. In: *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [*The Caucasus in the system of cultural ties of Eurasia in the ancient time and the Middle Ages*]. Karachaevsk, 432–435.
- Ivanov, A.V. 2021: Srednevekovoe naselenie Kerchenskogo poluostrova po antropologicheskim materialam iz nekropolya Zolotoe [The medieval population of the Kerch Peninsula on the anthropological materials from Zolotoe necropolis]. *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare* [*Proceedings of the VI (XXII) of the All-Russian Archaeological Congress in Samara*]. (Forthcoming).
- Komarov, S.G., Kitov, E.P. 2016: Novye kraniologicheskie dannye k voprosu ob antropologicheskom sostave tyurkskogo naseleniya stepnoy polosy Srednego Priirtysh'ya X–XII vv. [New craniological data on the anthropological structure of the Turkic population of steppe strip of the Middle Irtysh in the 10–12th centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [*Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography*] 2 (33), 97–111.
- Kruts, S.I. 2003: Antropologicheskaya kharakteristika nogaytsev XVI–XVIII vv. [Anthropological characteristics of the Nogais of the 16–18th centuries]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza* [*Materials on studying historical and cultural heritage of the North Caucasus*] 4, 206–239.
- Larenok, P.A. 2012: Sarkel–Psebeps – Guzy–Pechenegi–Kasogi... [Sarkel–Psebeps – The Guzy–the Pechenegs–the Kasogi...]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [*Materials and researches on archaeology of the Northern Caucasus*] 13, 86–104.
- Larenok, P.A., Nechiporuk, A.A. 2012: Srednevekovoe poselenie i gruntovyy mogil'nik "Zhukova" ["Zhukov" medieval settlement and the burial ground]. In: *Noveyshie otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii* [*The recent discoveries in the Northern Caucasian archaeology: researches and interpretations*]. Makhachkala, 347–348.
- Makarova, T.I. 1998: Arkheologicheskie raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechy [Archaeological excavations in Kerch near the Church of Saint John the Baptist]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria*] 6, 344–393.
- Malyshev, A.B. 2013: Khristiane i khristianstvo v srede zolotoordynskoy aristokratii [Christians and the Christianity among the Golden Horde aristocracy]. In: V.P. Stepanenko,

- A.G. Yurchenko (eds.), *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedi* [From Onon to the River Thames. The Borjigin and their western neighbors]. Moscow, 142–165.
- Mayko, V.V. 2007: *Srednevekoveye nekropoli Sudakskoy doliny* [Medieval necropolises of the Sudak Valley]. Kiev.
- Mayko, V.V., Dzhanov, A.V. 2015: *Arkheologicheskie pamyatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym* [Archaeological sites of the Sudak Region of the Republic of Crimea]. Simferopol.
- Myts, V.L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty* [Kaffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts]. Simferopol.
- Narozhnyy, E.I. 2011: Ob odnoy «voynе» protiv cherkesov [About a “war” against the Circassians]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Civilization of the Golden Horde] 4, 20–28.
- Narozhnyy, E.I. 2018: Ob “etnokul’turnykh”, “etnomiksatsionnykh” i “etnoformiruyushchikh” protsessakh XIII–XV vv. v Severo-Vostochnom Prichernomor’e (diskussionnye aspekty problemy) [On the “ethnocultural”, “ethno-migration” and the “ethno-forming” processes in the 13th to 15th centuries in the Northeast Black Sea Region (debatable aspects of a problem)] In: *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Kavkaza* [Ethnogenesis and ethnic history of the Caucasian peoples]. Grozny, 712–730.
- Narozhnyy, E.I. 2019: Arkheologicheskie pamyatniki XIII–XV vv. na Kubani (nekotorye aktual’nye napravleniya v ikh izuchenii) [Archaeological sites of the 13th to 15th centuries in the Kuban (some relevant directions in their studying)], *Sotsial’no-gumanitarnyy vestnik* [Social and Humanitarian Bulletin] 24, 22–32.
- Nechiporuk, A.A. 2018: Srednevekovyy gruntovyy mogil’nik Zhukova v Zapadnom Zakuban’e [Zhukov medieval burial ground in the Western Trans-Kuban]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes] 4, 154–159.
- Pletneva, S.A. 1958: Keramika Sarkela – Beloy Vezhy [Ceramic of Sarkel – Belaya Vezha]. In: M.I. Artamonov (ed.), *Trudy Volgo-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Volga-Don Archaeological Mission] 2, 212–272). Moscow–Leningrad. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches on archaeology of the USSR] 75).
- Shukurov, R.M. 1995: Tyurki na pravoslavnom Ponto v XIII–XV vv.: nachal’nyy etap tyurkizatsii? [Turkic peoples on the Orthodox Pontus in the 13–15th centuries: initial stage of a tyurkization?]. *Prichernomor’e v srednie veka* [The Black Sea in the Middle Ages] 2, 68–103.
- Strelchenko, M.L. 1968: *Material’naya kul’tura adygeyskikh plemen Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIII–XV vv.* [Material culture of the Adyghe tribes of the Northwest Caucasus in the 13th – 15th centuries]. PhD. Institute for Material History RAS. Fund 35. List 2-d. No. 176.
- Vereshchagin, V.V., Golubev, L.E., 2018: Voinskie pogrebeniya s loshad’mi iz kurgannykh mogil’nikov «Gostagaevskaya-1» i «Gos. № 258» [Burials of warriors with horses in the kurgan necropolises of “Gostagayevskaya-1” and “Gos. No. 258”] In: U.Yu. Kochkarov (ed.), *Kavkaz v sisteme kul’turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov’e* [The Caucasus in the system of cultural ties of Eurasia in the Ancient time and Middle Ages]. Karachaevsk, 411–414.
- Volkova, N.G. 1973: *Etonimy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza* [Ethnonyms and tribal names of the Northern Caucasus]. Moscow.

POPULATION OF THE LOWER KUBAN OF THE 13th–14th CENTURIES
ON ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL MATERIALS:
CONTINUATION OF THE DISCUSSION

Inga A. Druzhinina

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
inga_druzh@mail.ru

Abstract. The article deals with results of the complex analysis of the archaeological and anthropological materials from a series of the 14th and 15th centuries necropolises localized in the lower Kuban River Region (Gostagayevsky, Zhukova, Psebeps-3, Bedrichka-3, Natukhayevsky-5). These necropolises are already attributed to be burial sites of the medieval Adyghe. The author pays special attention to a number of peculiar features such as the stone tombs of a special construction, the practice of burials occurring at different times in one grave, the presence of wooden coffins in stone tombs and other details which allocate this group of sites to synchronous burial grounds in the Northwest Caucasus and Northeast Black Sea Region. The author suggests the multiethnic nature of population which left the burial grounds under consideration. Analogies are shown to features of funeral complexes of the considered necropolises in medieval sites of the Taman peninsula, the Crimea and the Don River Region. A wide archaeological comment of results of the analysis of anthropological materials from these burial grounds is submitted.

Keywords: Medieval archaeology, anthropology, Lower Kuban River Region, burial grounds, stone boxes, the Circassians, Golden Horde

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-227–236

НОВАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В XVI–XIX вв.

И.Р. Атнагулов

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
i.atnagulov@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен краткий анализ одного из эпизодов этнической истории России. После присоединения во второй половине XVI в. земель Казанского ханства значительно изменился этнический, этнокультурный и этноконфессиональный ландшафты страны, резко увеличилась доля народов тюркской и финно-угорской групп. Среди народов тюркской группы было значительное число поклонников мусульманства. Это население, исторически и культурно связанное с враждебным России мусульманским миром, создавало очаги напряженности на новых территориях. Поэтому целью государственной деятельности была скорейшая интеграция всех этих народов в социальную систему страны. Достигалась она путем решения трех задач. Во-первых, это принудительная христианизация. Началась она сразу после победы над Казанью и реализовывалась с разным успехом. Результатом политики христианизации стали не только принявшие эту религию чуваша, марийцы, удмурты и часть татар, но и бежавшие от христианства на башкирские земли представители тех же народов. На Южном Урале они образовали новые идентичности по конфессиональному признаку. Во-вторых, государство занималось созданием сословно-классовой структуры населения. В создание Оренбургской губернии, новых населённых пунктов и военного сословия привлекалось тюркское население – татары и башкиры. Результатом этой деятельности стало появление новых идентичностей по сословному признаку. Это казаки – татары мусульмане и христиане, тептяри, мешеряки, нагайбаки, башкиры. Третьей задачей стало экономическое освоение. Крестьянская колонизация русскими, мордвой, татарами, чувашами и другими создала на Южном Урале обширные очаги с этнически смешанным населением. Такая ситуация повлияла на формирование множества новых локальных разновидностей хозяйственно-культурных типов. К концу XIX в. на Южном Урале фиксировались такие новые идентичности, как мешеряки, тептяри, крещёные татары, нагайбаки и другие. Трёхсотлетняя деятельность государства по унификации этнокультурного ландшафта региона привела к его усложнению.

Ключевые слова: этноистория, тюркские и финноугорские народы Поволжья и Урала, христианизация, сословия, новые идентичности

Данные об авторе: Атнагулов Ирек Равильевич – доктор исторических наук, заведующий центром этноистории Институт истории и археологии УрО РАН.

Во второй половине XVI в. Московское Царство увеличило свои территории, в том числе за счёт присоединения Казанского ханства. Вместе с новыми землями было обретено значительное число неславянского (тюркского и финноугорского) населения. Вхождение Среднего Поволжья и Южного Приуралья усложнило этнический состав населения страны. Последовавшая вслед за этим русская колонизация приобретенных территорий, а вслед за ней и перемещение других народов на восток, изменили конфигурацию расселения этносов и демографическую ситуацию региона. Во-первых, стали появляться анклавные территории с русским населением внутри татарских, башкирских, марийских и других этнических массивов. Во-вторых, сформировались территории сплошного расселения русских, внутри которых возникли анклавные территории – татарские, марийские, удмуртские и прочие. В-третьих, значительные группы татар, чувашей, мордвы, марийцев и удмуртов, вовлеченные в миграционные процессы, вместе с русскими на новых территориях расселения образовывали этнически смешанные группы населения. В Южном Приуралье возникли этнические анклавы среди территории сплошного расселения башкир. Удалённость от этнической территории, новые этносоциальные условия, а порой и новая природно-географическая среда – всё это повлияло на формирование новых локальных форм культуры, а вместе с тем и новых идентичностей – восточных марийцев, закамских удмуртов, ясачных бобылей, крещёных татар, казаков со всем их этнокультурным разнообразием – татар, тептярей, мещеряков, башкир, нагайбаков и других. Если на Среднем Урале в XVIII в. русские численно доминировали, то на Южном они находились среди преобладающего тюркского населения. Доля русских в Южном Приуралье в начале XVIII в. составляла 15%, в то время как на Среднем и Северном Урале она доходила до 91%¹.

В состав нового государства все эти народы вошли, по историческим меркам, весьма быстро и не всегда добровольно. Как следствие, на протяжении второй половины XVI и последующих столетий, вплоть до последней четверти XVIII в. среди народов региона наблюдались многочисленные протестные акции, выливающиеся нередко в кровопролитные войны.

Политика государства по отношению к народам Среднего Поволжья и Южного Урала, которая ещё недавно являлась внешней, после 1552 г. становится внутренней. В процессе политико-административного строительства на вновь присоединённых территориях государственная власть неизбежно сталкивалась с необходимостью решения, говоря современным языком, «национального вопроса». В контексте того времени определялась главная цель этой политики – формирование из числа неславянского населения Поволжья и Урала лояльного новой власти населения. Достижение этой цели осуществлялось посредством выполнения трёх задач – христианизации, сословно-классового строительства и русской хозяйственно-экономической колонизации.

Религиозная политика

Процесс вхождения неславянских народов Поволжья и Урала в состав Московского Царства, затем России, во второй половине XVI–XVIII вв. состоял из

¹ Александров 2003, 37.

двух этапов. Сначала осуществлялось включение (добровольно или завоеванием) этих народов в Российское государство. Например, мордва, самые западные группы татар, некоторые группы марийцев, живших на правобережье Волги, в основном вошли добровольно. Судьба жителей левобережья решалась в ходе боевых действий русских войск под предводительством Иоанна IV против Казани. Затем проводились государственные мероприятия по сближению местных народов с русскими. Первой из них была политика обращения в православное христианство.

Религиозный фактор в истории человечества, едва ли с не момента возникновения института государства, являлся одним из главнейших, отражающих степень лояльности населения тому или иному политическому режиму. Различные государственные системы вплоть до начала XX в., в отдельных случаях и поныне, среди основных задач внутренней политики и культурного дизайна общества стремились создать социум, в конфессиональном отношении максимально гомогенный. Не является исключением в этом отношении история становления конфессионального ландшафта России. Православие, являвшееся государственной религией, распространялось вслед за присоединением новых территорий и подданных из числа неславянских народов. После крещения финноязычного населения европейского Севера следующим масштабным по числу неофитов проектом была христианизация народов Среднего Поволжья и Приуралья.

К моменту вхождения в состав Русского государства этноконфессиональный ландшафт Среднего Поволжья и Приуралья был следующим. Татары, башкиры и мордва в подавляющем большинстве исповедовали мировые религии. Татары и башкиры – мусульманство, мордва – православное христианство. Чуваша, марийцы и удмурты являлись поклонниками родовых культов. Перечисленная этнонимическая номенклатура отражает этнический состав населения того времени. Изменения этнокультурной картины региона возникают со второй половины XVI в.

Политика принудительной христианизации стала причиной массовых миграций на восток, в Приуралье, что в свою очередь привело к изменению этнической карты региона. Это было связано как с динамикой границ этнических территорий, так и появлением новых идентичностей. Возникновение последних, с одной стороны, было связано с переходом в православие. Так, например, произошло с крещеными татарами, которые усвоили новый этноним – кряшены (тат. керэшен-нер) и выработали комплексы собственных культурных черт². С другой, это происходило в результате того, что части народов Поволжья, не принявшие православие, спасаясь от христианизации, переселялись в Приуралье на башкирские земли, оказываясь в территориальной изоляции от основной массы собственного народа. Так произошло с некоторыми чувашами, марийцами и удмуртами. Вдали от материнских этносов образовались новые идентичности (субэтноты, этноконфессиональные группы), возникшие по религиозному признаку – различные группы некрещеных чувашей, марийцев и удмуртов с оригинальными комплексами культуры. В это число входят и мусульманизированные чуваша, добровольно принявшие ислам как реакцию на принудительную христианизацию³. Появлению культурных отличий у них способствовали консервация архаических (дохристианских) черт и контакты с башкирами и татарами. Влияние этих процессов было

² Мухаметшин 1977, 154.

³ Ягафова 2007, 101–117.

настолько сильным, что все эти локальные этнографические группы до сих пор фиксируются исследователями на территории Республики Башкортостан и в других соседних регионах. Из них известны закамские удмурты, восточные марийцы⁴, чувашаи некрещенные и мусульмане. Этническое самосознание ряда групп крещеных татар выросло столь заметно, что наблюдается отказ от использования ими в качестве самоназвания этнонима «татары».

Государственная политика по принудительной христианизации населения во второй половине XVI–XVIII вв., таким образом, оказала прямое влияние на формирование новой этнической карты региона. Обращение в православие привело не только к появлению христиан среди тюркских и финноугорских народов, но и образованию новых этноконфессиональных групп, возникших на основе неприятия христианства.

Сословно-классовое строительство

Как было сказано, народы Поволжья и Приуралья, вошедшие во второй половине XVI в. в состав Русского государства, делали это далеко не во всех случаях добровольно. Свидетельством тому было не только сопротивление казанских татар, но и последующие народные восстания чувашей, марийцев, удмуртов и башкир. Поэтому второй после христианизации важнейшей задачей государства являлось обеспечение безопасности на вновь присоединенных территориях и укрепление государственных границ. С самого начала процесса присоединения Среднего Поволжья и Южного Приуралья эта задача реализовывалась посредством сословно-классового структурирования общества.

После присоединения Среднего Поволжья и Южного Приуралья в 1552 г. и вплоть до 1730-х гг. присутствие государства в приграничных с казахскими землями областях ограничивалась надзором за перемещениями и соблюдением ясачной повинности среди башкир и прочих коренных народов⁵. Ситуация меняется принципиально с 1730-х гг. Петровская политика по решению «восточного вопроса» получила дальнейшее развитие, подразумевавшее налаживание дипломатических связей с государствами Средней Азии и прямой выход на их рынки⁶. Для достижения этой цели необходимо было осуществить политическое и социальное устройство края. В 1730–1740-х гг. был реализован крупный государственный проект по созданию Оренбургской губернии. Строительство нового субъекта на административной карте России подразумевало основание сетки населенных пунктов с четко выстроенной структурой населения. Российское правительство особенно заботилось об увеличении русского компонента в составе населения региона путем численного преумножения казачьих подразделений. Итогом этой деятельности было создание Оренбургского казачьего войска – одного из крупнейших в Российской империи. Кроме того, с начала 1730-х гг. на Урале происходил рост

⁴ Садиков 2016, 14–20, 91–97.

⁵ Преображенский 1972, 167–168.

⁶ Акманов 2007, 170.

металлургической промышленности, что также вызвало приток русского населения⁷. К концу XVIII в. доля русских в Южном Приуралье увеличилась до 41%⁸.

Формирование оренбургского казачества происходило в основном за счет русских казаков других войск или рекрутированных в казаки крестьян. Спецификой вновь образованных казачьих соединений Оренбуржья являлось и то, что здесь присутствовал довольно заметный нерусский компонент. В составе казаков были подразделения, сформированные исключительно или при участии калмыков, башкир, тептярей, мещеряков (мишарей), татар (как мусульман, так и крещеных). Для некоторых из перечисленных групп нахождение в казачьем сословии сыграло определяющую роль в формировании их идентичностей. Калмыки, башкиры и татары-мусульмане, состоявшие в оренбургском казачьем войске, с утратой своего социального статуса во второй половине XIX в. и в советский период истории сохранили при этом этническую идентичность. В 1865 г. башкиры, мещеряки и тептяри были переведены из военного в гражданское ведомство. Мишарские и тептярские идентичности, в том числе возникшие и как сословные (казачьи), сохранились поныне, занимая подчиненное положение по отношению к татарской. Обе фиксировались в переписях населения 1897 и 1926 гг. В 1897 г. были отмечены группы населения с родными языками мещерякским и тептярским, а в 1926 г. они уже записаны как отдельные народы. В дальнейшем советская практика национально-государственного строительства определяла их положение в числе татар. Ныне мишари и тептяри Челябинской и Курганской областей, называя себя татарами, сохраняют память о казачьем прошлом и связанных с этим прежних самоназваниях⁹.

Татары и калмыки, служившие в Оренбургском казачьем войске, как и башкиры, с утратой сословной идентичности сохранились в рамках этнических, солидаризовавшись с остальной массой соплеменников. Калмыки в первые десятилетия XX в. начали, вместо навязанного им православия, открыто исповедовать буддизм. После учреждения в 1920 г. в Нижнем Поволжье Калмыцкой автономной области они получили разрешение на воссоединение с собственным народом. По переписи 1926 г. калмыки в южных районах Троицкого округа Уральской области фиксировались уже единично¹⁰, а в последующих отсутствовали совсем. Потомки татар-казачей не мишарской и не тептярской принадлежности проживают ныне в Варненском и Чесменском районах Челябинской области¹¹.

Примером трансформации сословной идентичности в этническую являются нагайбаки. Один из указов Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. определяет в казачью службу мещеряков и крещеных татар Уфимской провинции¹². Последние вскоре получили обозначение «казаки-нагайбаки» от названия специально построенной для них крепости Нагайбакской. Возникнув в 1736 г. как казачье сословие среди крещеных татар Уфимской провинции, они уже в конце XIX в. фиксировались как самостоятельная идентичность, а в материалах переписи населения 1926 г. отмечены как отдельный народ СССР. Этническая идентичность нагайба-

⁷ Преображенский 1989, 259–260.

⁸ Александров 2003, 37.

⁹ ПМА 2019, Курганская обл., Сафакулевский р-н, с. Сафакулево.

¹⁰ Плешков 1928, 8.

¹¹ ПМА 2019, Челябинская обл., Чесменский р-н, с. Редутово.

¹² Добросмыслов 1900, 190–198.

ков, основанная на памяти о принадлежности в прошлом к казачьему сословию и приверженности православно-христианскому вероисповеданию, сохранилась до настоящего времени и зафиксирована в материалах переписей населения 2002, 2010 гг. и полевых данных автора¹³.

Хозяйственная колонизация

Представленная картина по интеграции неславянских народов Поволжья и Урала была бы неполной без учета фактора хозяйственного освоения этих территорий. В первую очередь следует дать оценку особенностям хозяйственно-экономических укладов народов региона того времени. Среднее Поволжье, а особенно Южное Приуралье всегда являлись контактной зоной между тремя хозяйственно-культурными системами Евразии. Во-первых, это комплексы оседлых пашенных земледельцев Восточной Европы; во-вторых, тип кочевого и полукочевого скотоводства степной и лесостепной части внутренней Евразии; в-третьих, хозяйственно-культурный тип охотников и рыболовов таежной зоны Приуралья и Сибири.

На момент вхождения в состав Московского Царства народы региона относились ко всем перечисленным хозяйственным типам. Принадлежность к ним не совпадала с языковыми или религиозными границами, но обнаруживала определенные закономерности. Пашенные земледельцы населяли западные и северо-западные (средневожско-прикамские) регионы бывшего Казанского ханства. К ним относились мордва, чуваша, татары, марийцы и удмурты. Кочевники и полукочевники, казахи и башкиры соответственно, населяли юго-восточные степные области. Жители горнолесного Приуралья – часть башкир и манси – относились к хозяйственно-культурным типам таежной зоны.

Наиболее развитые формы земледельческого хозяйства сложились у мордвы и чувашей. У средневожских татар опыт земледельческого хозяйства имелся с эпохи Вожской Булгарии, однако их хозяйственно-культурный тип, основанный на пашенном земледелии, сложился в сочетании с более высокопродуктивным, по сравнению с другими земледельческими народами, скотоводством. Животноводческое хозяйство татар, как и у прочих оседлоземледельческих народов, было пастбищно-стойловым, пастушеским. Свидетельством кочевого прошлого предков казанских татар являлось то, что в составе стада у них значительную долю занимали лошади и мелкий рогатый скот. Вместе с тем, как и у других земледельцев региона, у татар практически повсеместно было развито мясомолочное направление (крупный рогатый скот) и птицеводство. Марийцы и особенно удмурты земледельческое хозяйство сочетали с лесными промыслами.

Хозяйственно-культурный тип башкир к XVIII в. представлял собой сочетание разных систем. Доминирующим типом было полукочевое скотоводство. Состав стада соответствовал кочевникам Евразии – это лошади и овцы. Западные группы башкир, контактировавшие с татарами, находились на стадии перехода к оседлоземледельческому хозяйству. В хозяйстве башкир горнолесной зоны значительную долю занимали лесные промыслы, которые имели сибирские таежные черты. Башкиры лесостепной зоны Зауралья, по сравнению с другими террито-

¹³ Атнагулов 2015, 142.

риальными группами, скотоводами являлись в наибольшей степени. Здесь этот тип хозяйства, как и переносные жилища в виде тюркской или монгольской юрты, сохранялись вплоть до первых десятилетий XX в.

Одни народы (мордва, татары и горные марийцы) до второй половины XVI в. уже имели опыт контактов с русскими. Другие (башкиры, луговые марийцы и южные удмурты) до этого времени с русскими не встречались. Различались они и по уровню общественного развития – высокофеодализованные татары и в меньшей степени – мордва и башкиры. Удмурты и марийцы представляли позднеродовые общества.

Одной из центральных задач государства в это время было хозяйственное освоение новых территорий. Стихийная крестьянская колонизация, в некоторой степени управляемая государством, отчасти решала данную проблему, но не полностью. Массовые управляемые и неуправляемые перемещения населения из центральной России и Среднего Поволжья на Южный Урал и в Зауралье оказали решительное влияние на формирование этнической картины региона. Башкиры, обладая большими земельными угодьями, позволяли на условиях аренды занимать их земли под земледельческое хозяйство. Большое число переселенцев из Среднего Поволжья, покинувших родные земли по разным причинам (безземелье, насильственная христианизация, феодальный произвол и другое), в подобные экономические взаимоотношения с башкирами вступали весьма охотно. Нередко это были этнически смешанные поселения, внутри которых происходили контакты, которые привели к появлению новых сословных идентичностей – тептярей и ясачных бобылей. Среди них были переселившиеся из Поволжья и Прикамья татары, чуваша, мордва, марийцы, удмурты, то есть представители практически всех народов региона. Общее название всего этого населения – припущенники, что значит припущенные на башкирские земли.

Вся эта пестрая в этническом отношении смесь народов обладала одним общим признаком, который в одинаковой степени выделял их на фоне башкир, – оседлоземледельческим типом хозяйства. К XIX в. на территории Южного Приуралья, на башкирских землях уже довольно прочно осели земледельцы – татары, татары-кряшены, нагайбаки, некрещеные чуваша, лугово-восточные марийцы, закамские удмурты, тептяри и мещеряки. В дополнение к комплексам этноконфессиональных и этносословных признаков, описанных выше, они, в отличие от башкир, как было отмечено, принадлежали к хозяйственно-культурному типу пашенных земледельцев.

Земледельческая колонизация Урала и Западной Сибири осуществлялась русскими государственными крестьянами как стихийно, так и под контролем чиновников. Не препятствовали они в этом процессе и другим народам. Распространение земледелия в приграничных районах Урала и Сибири имело и военно-стратегическое значение. Развитие центров земледелия в регионе значительно удешевляло поставки хлеба и иного продовольствия для военно-служилого населения. С другой стороны, и сами казаки, поверстанные из земледельческого населения, могли прокормить себя. Земледельческое освоение различными народами территорий Южного Приуралья и Зауралья укрепляло их на новых землях, а новые идентичности (казаки-тептяри, казаки-мещеряки, казаки-татары, казаки-нагайбаки) своим

существованием были во многом обязаны в том числе и реализации государственной политики по земельному освоению Приуралья и Западной Сибири.

Этническая картина региона, таким образом, складывалась во многом под влиянием государственной политики по социальному обустройству края. Результатом этих процессов было изменение границ ареалов расселения народов, появление территорий со смешанным этническим составом, возникновение новых групп населения с новыми, не существовавшими до этого идентичностями и этнонимами.

Это отражается в материалах переписей населения. Например, данные Всероссийской переписи населения 1897 г. показывают, что на территории Оренбургской губернии, помимо тюркоязычных групп с родными языками – чувашским, татарским и башкирским, имелись также группы, говорящие на мещерякском и тептярском языках¹⁴. В документах по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. появляются такие отдельные группы, как кряшены и нагайбаки¹⁵.

Государственная политика, проводимая со времени правления Ивана IV и едва ли не до окончания истории Российской империи, по отношению к «иногородцам» Поволжья и Урала была нацелена на максимально возможное упрощение этнокультурной картины, приближению тюрков и финно-угров к культуре восточных славян. Нахождение тюркоязычного населения в военно-служилом сословии во многом объединило их исторические судьбы и народную память с русскими. Длительное совместное проживание выработало типологически общие черты хозяйства, основанного на земледелии и пастбищном скотоводстве. Не прошли бесследно усилия Русской православной церкви и государства по унификации религиозного ландшафта. Однако привело это не к упрощению, а усложнению этнической картины.

ЛИТЕРАТУРА

- Акманов, И.Г. (ред.) 2007: *История Башкортостана с древнейших времён до наших дней*. Т. I. Уфа.
- Александров, В.А. (ред.) 2003: *Русские*. М.
- Атнагулов, И.Р. 2015: Структура нагайбакских идентичностей: история и факторы формирования. *Уральский исторический вестник* 2, 133–143.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php
- Добросмыслов, А.И. (ред.) 1900: *Материалы по истории России*. Оренбург.
- Мухаметшин, Ю.Г. 1977: *Татары-кряшены*. Казань.
- Плешков, А.М. (ред.) 1928: *Список населённых пунктов Уральской области*. Т. XIII. *Троицкий округ*. Свердловск.
- Преображенский, А.А. 1989: *История Урала с древнейших времён до 1861 г.* М.
- Преображенский, А.А. 1972: *Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века*. М.
- Садиков, Р.Р. 2016: *Финно-угорские народы Республики Башкортостан*. Уфа.

¹⁴ Тройницкий 1904, 57.

¹⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР.

- Тройницкий, Н.А. (ред.) 1904: *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.* Т. XXVIII. *Оренбургская губерния*. СПб.
- Ягафова, Е.А. 2007: Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII – начале XX века. *Этнографическое обозрение* 4, 101–117.

REFERENCES

- Akmanov, I.G. (ed.) 2007: *Istoriya Bashkortostana s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Bashkortostan from ancient times to the present day]. Ufa.
- Alexandrov, V.A. (ed.) 2003: *Russkiye* [Russians]. Moscow.
- Atnagulov, I.R. 2015: Struktura nagaybaskikh identichnostey: istoriya i faktory formirovaniya [Nagaibak identity structure: history and evolution factors]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal] 2, 133–143.
- Dobrosmyslov, A.I. (ed.) 1900: *Materialy po istorii Rossii* [Materials on the history of Russia]. Orenburg.
- Mukhametshin, Y.G. 1977: *Tatary-kryasheny* [Tatars-kryashens]. Kazan.
- Pleshkov, A.M. (ed.) 1928: *Spisok naselyennykh punktov Ural'skoy oblasti*. T. XIII. *Troitskiy okrug* [List of localities in the Ural region. Vol. XIII. Troitsk district]. Sverdlovsk.
- Preobrazhenskiy, A.A. 1972: *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII veka* [Ural and Western Siberia in the late 16th – early 18th century]. Moscow.
- Preobrazhenskiy, A.A. 1989: *Istoriya Urals s drevneyshikh vremen do 1861 g.* [History of the Urals from ancient times to 1861]. Moscow.
- Sadikov, R.R. 2016: *Finno-ugorskiye narody Respubliki Bashkortostan* [Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan]. Ufa.
- Troynitskiy, N.A. (ed.) 1904: *Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* Т. XXVIII. *Orenburgskaya guberniya* [The first General population census of the Russian Empire, 1897. Vol. XXVIII. Orenburg province]. Saint-Petersburg.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. *Natsional'ny sostav naseleniya po respublikam SSSR* [All-Union population census of 1926. National composition of the population by the republics of the USSR], http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php
- Yagafova, E.A. 2007: Islamizatsiya chuvashy v Uralo-Povolzh'ye v XVIII – nachale XX veka [The Islamization of the Chuvash in the Ural-Volga Region from the 18th through the Beginning of the 20th Century]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review] 4, 101–117.

NEW ETHNIC MAP OF THE MIDDLE VOLGA AND SOUTHERN URALS AS A RESULT OF STATE POLICY IN THE 16th – 19th CENTURIES

Irek R. Atnagulov

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
i.atnagulov@mail.ru

Abstract. The article presents a brief analysis of one of the episodes in the ethnic history of Russia. After the annexation of the lands of the Kazan khanate in the second half of the 16th century, the ethnic, ethno-cultural and ethno-confessional landscapes of the country changed significantly. The share of peoples of the Turkic and Finno-Ugric groups has sharply increased.

Among the peoples of the Turkic group there was a significant number of fans of Islam. All this population, historically and culturally associated with the Muslim world hostile to Russia, created hotbeds of tension in the new territories. Therefore, the goal of state activity was to integrate all these peoples into the country's social system as soon as possible. It was achieved by solving three problems. First of all, this is forced Christianization. It began immediately after the victory over Kazan and was implemented with varying success. The result of the policy of Christianization was not only the Chuvashs, Maris, Udmurts and some Tatars who adopted this religion, but also representatives of the same peoples who fled from Christianity to the Bashkir lands. In the southern Urals, they formed new identities along confessional lines. In the second place, the state was engaged in creating the class structure of the population. The creation of the Orenburg province, new settlements and the military class attracted the Turkic population – Tatars and Bashkirs. The result of this activity was the emergence of new identities on the basis of class. Is the Cossacks – Tatar Muslims and Christians, Teptyars, Meshcheryaks, Nagaybaks, Bashkirs. The third task was economic development. Peasant colonization by Russians, Mordvas, Tatars, Chuvashs, and others created vast pockets of ethnically mixed populations in the southern Urals. This situation has influenced the formation of many new local varieties of economic and cultural types. By the end of the 19th century, such new identities as Meshcheryaks, Teptyars, baptized Tatars, Nagaybaks and others were recorded in the southern Urals. The state's three-hundred-year effort to unify the region's ethno-cultural landscape has made it more complex.

Keywords: ethnic history, Turkic and Finno-Ugric peoples of the Volga region and the Urals, Christianization, estates, new identities

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2020), 237–246
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2020), 237–246
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-237–246

КАК ВЫГЛЯДЕЛИ ЗАКОНЫ XII ТАБЛИЦ? НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ ПО РИМСКОМУ ПРАВУ

В.А. Квашнин

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия
kvashninv195@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме репрезентации законов 12 таблиц в современной учебной и научной литературе. В центре внимания статьи находится вопрос о том, как выглядели законы 12 таблиц, не получивший окончательного решения. Авторы учебных пособий по римскому праву, как правило, воспроизводят положения немногочисленных русскоязычных работ, посвященных Законам. Разброс мнений, характерный для этого второстепенного вопроса заставляет обратить внимание на источники, поскольку это единственный способ верификации достоверности и обоснованности современных точек зрения. В ходе исследования были проанализированы данные античной традиции, что позволило прийти к ряду выводов о первом памятнике древнеримского писаного права. Для древних авторов также характерно расхождение в вопросе о том, как выглядели таблицы Законов, так и археологических, не позволяющих настаивать на этой гипотезе. Представление о Законах, формируемое учебной литературой, в целом отражает общую ситуацию в историографии. В первую очередь это связано с неполнотой и противоречивостью имеющихся в нашем распоряжении аутентичных источников. В то же время, по нашему мнению, проблема принятия Законов должна быть более глубоко и подробно освещена учебниках для университетов по истории древнего Рима.

Ключевые слова: древний Рим, законы XII таблиц, римское право, античная традиция

Данные об авторах: Квашнин Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедр юриспруденции и всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета.

В основу статьи положен доклад, прочитанный на XIX международной научно-практической конференции юрфака МГУ им. М.В. Ломоносова «Конституция Российской Федерации и современный правопорядок» (28–30 ноября 2018 г.).

Принятие в республиканском Риме в V в. до н.э. правового свода, известного как законы XII таблиц (далее – Законы) получило широкое освещение как в научной, так и учебной литературе. При этом если в учебных пособиях, предназначенных для историков, акцент делается на событиях, связанных с борьбой плебеев за уравнивание в правах с патрициями, что и стало, по широко распространенному мнению, главной причиной издания Законов, то в учебниках по всеобщей истории государства и права и римскому праву, изучаемых будущими юристами, они скорее представлены в качестве первого памятника писаного права¹. В этой связи обращает на себя внимание, как по-разному трактуется в юридических учебниках различные аспекты принятия Законов, будь то причины, вызвавшие их запись, место, где они находились или даже их внешний вид. В результате неспециалист, пожелай он изучить данный вопрос по вузовским учебникам, оказался бы во власти неразрешимого противоречия. В качестве примера обратимся к вопросу о том, как выглядели знаменитые Законы по мнению авторов русскоязычных и переводных учебных пособий. Для удобства восприятия материала все учебники, как современные, так и предшествующего времени, были разделены по признаку материала носителя информации и выстроены в хронологическом порядке (табл. 1).

Таблица 1

Медь	Дерево	Бронза
Пухта 1864, 76: медные доски	Омельченко 2000, 17: деревянные выбеленные доски, позднее – медная двух (или трех)- многогранная колонна	Муромцев 1883, 105: бронзовые доски
Падалетти 1883, 22: медные доски	Скрипилев 2003, 21: деревянные доски, возможно бронзовые или мраморные	
Дождев 1996, 85: медные доски	Рубаник 2011, 110: деревянные выбеленные доски, позднее – медная двух (или трех)- многогранная колонна	
Пухан, Поленак-Акимовская 2000, 22: медные доски	Кудинов 2013, 18: деревянные доски	
Графский 2007, 189: медные доски		
Вениосов / Шелкопляс 2012, 79: медные доски		
Суслов 2012, 40: медные доски		

Как видно из приведенной таблицы, разброс версий относительно материала, на котором был запечатлен текст Законов, достаточно велик: в ней присутствуют доски из меди, дерева, бронзы, мрамора и даже некие многогранные колонны, выполненные из меди. Можно заметить, что авторы учебных пособий, как правило,

¹ Так, по мнению Д.В. Дождева (1993, 12), принятие законов XII таблиц по своему значению выходит за рамки сословной борьбы, имея своей целью посредством кодификации норм права утверждение равенства граждан перед законом.

либо следуют своим предшественникам, выбирая версию по собственному вкусу, либо воспроизводят положения немногочисленных русскоязычных работ, посвященных Законам². Это особенно заметно на примере учебников О.А. Омельченко и В.Е. Рубаника, в которых присутствует упоминание о медной двух либо трехгранной колонне, позаимствованное из вышедшей в конце XIX в. монографии отечественного романиста Б.В. Никольского. В основе этой работы, блестящей по исполнению и языку, содержащей множество ценных наблюдений и выводов, лежит, тем не менее, весьма спорная и никак не обоснованная источниками идея о существовании некоего медного памятника в виде колонны, на которой был высечен текст Законов³.

Следует отметить, что сам Б.В. Никольский отчетливо осознавал недоказуемость своей гипотезы. Так, он отмечал, что «на самую внешнюю форму, на фигуру памятника мы не имеем никакого указания. Мы... не имеем ни одного указания на то, что самый памятник действительно представлял из себя двенадцать отдельных досок, укрепленных на виду у всех в публичном месте»⁴. Дав удачное определение гипотетической медной колонне как «памятнику - невидимке», исследователь признает, что «мы не имеем никаких положительных данных для того, чтобы определить, с какого именно времени могло начаться обыкновение воздвигать медные памятники законам»⁵.

Разброс мнений, характерный для такого, казалось бы второстепенного вопроса, как характер носителя правовой информации в раннем Риме, заставляет с особым вниманием обратить внимание на то, что именно сообщают имеющиеся в нашем распоряжении источники, поскольку это единственный способ верификации достоверности и обоснованности представленных в учебной литературе точек зрения (табл. 2). Для этого нами были привлечены сведения Ливия, Дионисия Галикарнасского, Диодора Сицилийского, Горация, Помпония и Цицерона.

Таблица 2

Медь	Дерево	Слоновая кость	Пергамент
Liv. III. 57. 10: <i>tabulis duodecim... in aes</i>	Hor. Ad Pis. 396-399: <i>... leges incidere ligno</i>	Pomp. (Dig. I. 2. 2, 4): <i>tabulae eboreae</i>	Cic. De leg. III. 20. 46: <i>...duodecim tabularum libellus</i>
Dion. X. 57: <i>εἰς στήλας χαλκας</i>			
Diod. XII. 26. 1: <i>εἰς δώδεκα χαλκοῦς πίνακας</i>			

Для древних авторов также характерно расхождение в вопросе о том, как выглядели таблицы Законов. Они упоминают о меди (*aes*, *χαλκας*), дереве (*ligno*), сло-

² В этой связи обращает на себя внимание то, что авторы наиболее удачного, на наш взгляд, русскоязычного пособия по римскому праву, вышедшего еще в 1948 г. под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского, обходят этот вопрос.

³ Никольский 1897, 2–29.

⁴ Никольский 1897, 6.

⁵ Никольский 1897, 24–26.

новой кости (*eboreae*), но не упоминают ни о бронзе, ни о мраморе, ни о многогранных колоннах, присутствующих в современных работах. В этом плане показательна терминология, используемая Цицероном, который сообщает о «*duodecim tabularum libellus*». Хотя по контексту вроде бы понятно, что речь идет о рукописной копии Законов, используемой, прежде всего, в учебных целях, почва для сомнений в любом случае остается. Так, по мнению Б.В. Никольского, «Цицерон, говоря о XII таблицах как о *libellus*, очевидно представлял их себе в виде рукописи, а не в виде медных досок»⁶. Вообще создается впечатление, что никто из древних авторов не видел Законы в их исходном состоянии и описывал их, исходя из собственного понимания и современных ему реалий римской жизни. В литературе справедливо указывалось, что упоминание о деревянных таблицах могло появиться по аналогии с выбеленными досками, на которых записывались и выставлялись на Форуме преторские эдикты⁷. На металлических носителях, медных либо бронзовых, записывались тексты законов, которые затем распространялись в муниципиях и на территории провинций⁸. Известный пример подобного рода – текст *lex Rubria*, выполненный на медной доске и найденный в 1760 г. в окрестностях Плаценции.

Как можно заметить, особняком стоит экзотически выглядящая версия Помпония о слоновой кости, на которую был нанесен текст Законов. Впрочем, за неимением подтверждающих ее сведений она может быть отброшена как результат ошибки переписчика либо самого автора. Еще Ж.-Ж. Скалигер прибегал к эмendaции текста Помпония, настаивая на том, что данное место следует читать как «*tabulae roboreae*», т.е. деревянные доски (букв. «сделанные из дуба») ⁹. В пользу этой точки зрения говорит свидетельство Горация, упоминающего о «вырезанных на древе законах». Свое подтверждение оно находит в комментариях Порфириона, где встречается выражение «*tabulis roboreis*» и псевдо-Акрона, писавшего о «*leges ligno*» (Porph. Comm. 352; Ps. Acr. Comm. II. 639).

Поскольку свидетельства древних авторов прямо противоречат друг другу, в отечественной романистике возникла гипотеза последовательной смены носителя текста Законов, которая условно может быть обозначена как «эволюционная». В общих чертах она была заложена Б.В. Никольским, по мнению которого начальная редакция Законов, подготовленная первой комиссией децемвиров, была обнародована на деревянных досках. Эту стадию исследователь обозначает как «промульгацию» Законов, внесенных для обсуждения сначала в сенат, а затем для голосования в комиции. Только после этого, а также дополнения свода Законов еще двумя таблицами, подготовленными второй комиссией децемвиров, они были перенесены на медь¹⁰. Свое развитие эта гипотеза получила в работах Л.Л. Кофанова, который дополнил первые два этапа третьим. Используя свидетельство Цицерона, он предположил, что в эпоху Поздней республики текст Законов был перенесен на пергамент и папирус¹¹. В общем виде «эволюционная гипотеза» может быть представлена следующим образом (табл. 3).

⁶ Никольский 1897, 3.

⁷ Муромцев 1883, 237; Никольский 1897, 24; Дождев 1996, 85, прим. 13.

⁸ Муромцев 1883, 2, 239.

⁹ Никольский 1897, 5.

¹⁰ Никольский 1897, 13–17.

¹¹ Кофанов 2006, 322.

Таблица 3

I этап	деревянные таблицы	подготовка, обсуждение в сенате и голосование в комициях первой комиссией децемвиров
II этап	медные таблицы	обнародование свода Законов по завершении работы второй комиссии децемвиров
III этап	пергаментные книги	распространение текста в книжных копиях в период Поздней республики

Достоинством данной гипотезы является то, что она позволяет примирить противоречащие друг другу свидетельства различных авторов, объединив их в рамках единой системы. При этом отсутствие четких указаний в нарративных источниках и полное отсутствие археологического материала делает эту гипотезу не более чем набором допущений, по своему логичным, но требующим более весомых доказательств. Казалось бы, скудость и разногласия источников делает ситуацию безвыходной. Однако следует учитывать, что существует свидетельство эпохи Средневековья, относящееся к Законам. Итальянский глоссатор XIII в. Денарий Одофред сообщает, что в свое время им были обнаружены остатки децемвирального свода: «И из этих двух таблиц кое-что сохранилось в Латеране, в Риме: написаны они плохо, так как там нет знаков препинания, ни разделения слов и ничего невозможно понять, если не развернуть буквы» (пер. Л.Л. Кофанова)¹². Следует сказать, что сообщение Одофреда не было безоговорочно принято исследователями нового времени. К примеру, Г.Ф. Пухта считал, что Одофред вообще видел какой-то другой правовой памятник и принял его за текст Законов, поскольку не имел соответствующей квалификации¹³.

Тем не менее, в сообщении Одофреда содержится важный момент, позволяющий говорить о древности обнаруженного им памятника. Это упоминание особого типа письма, получившего распространение в греческом мире, т.н. бустрофедона, использовавшегося в Риме только в архаический период, в VII–IV вв. до н.э.¹⁴ Как можно видеть, Одофред ничего не говорит о том, из какого материала были изготовлены упоминаемые им две таблицы. Как представляется, это не могли быть ни дерево, ни медь, учитывая огромный срок времени, прошедший с V в. до н.э., когда, согласно наиболее распространенной в литературе версии античной традиции, были созданы законы, и до XIII в., когда жил Одофред. Использование бустрофедона позволяет откинуть и версию о том, что им была обнаружена одна из позднейших копий.

Так из чего же были изготовлены остатки обнаруженных итальянским глоссатором таблиц? Вполне возможно, что это был камень, который использовался для записей законов как в греческом мире, так и на близких по времени римских памятниках. В этой связи приведем только два примера. Первый — это свод гре-

¹² Odofr. In Dig.vet. I. 1. 6: Et de istis duabus tabulis aliquid est apud Lateranum Romae et male sunt scriptae: quia non est ibi punctus nec paragraphus in littera et nisi revolveritis litteras non possetis aliquid intelligere

¹³ Пухта 1864, 77.

¹⁴ Кофанов 2006, 323.

ческих законов из Гортины на Крите, который сохранился в виде надписи на каменной стене. Гортинская надпись датируется V в. до н. э., потому греческий свод был создан примерно в одно время с римскими Законами. Второй пример связан непосредственно с римским Форумом, где находится *Lapis Niger* («Чёрный камень») – каменная плита, сохранившая одну из древнейших надписей на латыни. Созданная примерно в VI в. до н.э., она записана бустрофедоном, так же как и тот текст, что в свое время был обнаружен Одофредом. В то же время недостаток источников, как нарративных, так и археологических, не позволяет настаивать на этой гипотезе, которая в настоящее время может носить только рабочий характер.

Отдельной проблемой является название децемвирального свода, известного нам как законы XII таблиц. В учебной литературе можно встретить различные варианты обозначения Законов на латинском языке, причем зачастую с ошибками (табл. 4). Между тем, как показал еще Б.В. Никольский на основе тщательного анализа античной традиции, в источниках Законы обозначались как XII tabulae или просто Duodecim, а не *leges XII tabularum* или *lex XII tabularum*¹⁵. Как представляется, целесообразным было бы употребление в научных и учебных публикациях устоявшегося в русскоязычной литературе оборота «законы XII таблиц», не прибегая к латинской терминологии, особенно при отсутствии специальной подготовки и соответствующих знаний.

Таблица 4¹⁶

<i>lex duodecim tabularum</i>	Иоффе/Мусин 1975, 9
<i>decemviri legibus scribundi</i>	Графский 2007, 189
<i>leges duodecim tabularum</i>	Иванов 2012, 72

Уместным будет отметить, что аналогичные проблемы возникают при попытке, к примеру, уяснить время создания свода норм преторского права – *edictum perpetuum* (табл. 5). Как можно видеть из нее, дата издания «вечного эдикта» в учебных пособиях варьируется в промежутке между 125 и 138 гг., и это при том, что период Принципата в отличие от эпохи принятия Законов достаточно хорошо изучен. Ошибки допускаются даже в именах, когда Сальвий Юлиан (от лат. *salvus* – «здоровый») превращается в Савелия (форма древнеевр. Саул/Шауль, букв. «испрошенный»).

Таблица 5

Сальвий Юлиан в 131 г.	Дождев 1996, 111
Сальвий Юлиан в 125-138 гг.	Новицкий/Перетерский 1997, 29
Сальвий Юлиан между 125 и 128 гг.	Покровский 1998, 145
юрист Юлиан в 130 г.	Пухан, Поленак-Акимовская 2000, 41
Савелий Юлиан в 131 г.	Омельченко 2000, 19
юрист Юлиан ок. 130 г.	Скрипилев 2003, 24
юрист Сальвий Юлиан ок. 130 г.	Томсинов 2011, 228

¹⁵ Никольский 1897, 89–91.

¹⁶ Курсивом выделено ошибочное написание.

Вообще, тема многочисленных ошибок в учебных пособиях по римскому праву требует особого рассмотрения. Если некоторые из них можно списать на недостаточно хорошую редактуру и корректуру, то большинство производит впечатление слабого и поверхностного знакомства с предметом изложения. Ограничимся всего несколькими примерами подобного рода ошибок (табл. 6).

Таблица 6

Пример	Неправильно	Правильно
Коростелин/Таран 2002, 43	Исполнение жрецами своих священных обязанностей требовало огромных познаний текстов, в том числе эзотерических (тайных). Поэтому с древнейших времен жречество фиксировало свои реальные и эзотерические познания с помощью различного рода тайнописи (криптографии)	отсутствует в источниках, являясь фантазией авторов
Коростелин/Таран 2002, 44	<i>fasci consularii</i> Фаски (фасции) представляли собой пучки прутьев, перетянутые красным шнуром или связанные ремнями, которые являлись атрибутом власти высших магистратов и носились ликторами	<i>fasti consularii</i> Консульские фасты представляли собой ежегодные списки консулов в Риме, которые велись с VI в. до н.э.
Коростелин/Таран 2002, 44	<i>jas magistratuum</i>	<i>ius magistratum</i>
Коростелин/Таран 2002, 49	<i>jus praetorium</i>	<i>ius praetorium</i>
Коростелин/Таран 2002, 49	претор вступал в должность на <i>пятилетний</i> срок	все ординарные магистраты, включая преторов, исполняли свою должность один год (за исключением цензоров, чьи полномочия не превышали 18 месяцев)
Рубаник 2011, 106	законы хранились в храме <i>Сатурналий</i>	в храме Сатурна на Форуме находилась римская казна и финансовая документация. Сатурналии - декабрьский праздник в честь Сатурна, который отмечался с 17 по 23 декабря
Иванов 2012, 74	«Элиево право» (<i>ius Aelianum</i>)	«Элианово право»
Иванов 2012, 74	<i>ius homorarium</i>	<i>ius honorarium</i>

Иванов 2012, 77, прим. 1	преторские эдикты именовались альбомами (от слова «белый») из-за того, что их текст черными или красными буквами наносился на специально выбеленную для этого <i>стену</i>	album praetoris назывались деревянные выбеленные доски, на которые наносился текст преторского эдикта
Иванов 2012, 83	труд <i>Пиктора</i> Квинта Фабия <i>Пиктор</i> Фабий	Квинт Фабий Пиктор - такова правильная последовательность личного (praenomen), родового (nomen) и семейного (cognomen) имен.

Подводя итоги, отметим, что представление о Законах, формируемое литературой, в целом отражает общую ситуацию в учебной историографии. В первую очередь это связано с неполнотой и противоречивостью имеющихся в нашем распоряжении аутентичных источников. В то же время, по нашему мнению, проблема принятия Законов должна быть более глубоко и подробно освещена в вузовских учебниках по истории древнего Рима, поскольку они неизбежно являются главным источником сведений для авторов, пишущих учебные пособия для юристов. В равной степени это относится к специальной литературе, где явно ощущается недостаток работ, посвященных истории принятия Законов и их содержанию. Восполнение этого пробела пошло бы только на пользу как в изучении проблем частного и публичного римского права, так и для более адекватного и глубокого уяснения контекста тех или иных сюжетов всеобщей истории государства и права.

ЛИТЕРАТУРА

- Вениосов, А.В. (ред.). 2012: *История государства и права зарубежных стран*. Минск.
 Графский, В.Г. 2007: *Всеобщая история права и государства*. М.
 Дождев, Д. В. 1993: *Римское архаическое наследственное право*. М.
 Дождев, Д. В. 1996: *Римское частное право*. М.
 Иванов, А.А. 2012: *Римское право*. М.
 Иоффе, О.С., Мусин, В.А. 1975: *Основы римского гражданского права*. Ленинград.
 Коростелин, В.А., Таран, П.Е. 2002: *История римского права*. Симферополь.
 Кофанов, Л.Л. 2006: *Lex et ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э.* М.
 Кудинов, О. А. 2013: *Римское право*. М.
 Муромцев, С.А. 1883: *Гражданское право древнего Рима*. М.
 Никольский, Б.В. 1897: *Система и текст XII таблиц. Исследование по истории римского права*. СПб.
 Новицкий И.Б., Перетерский, И.С. (ред.) 1997: *Римское частное право*. М.
 Омельченко, О.А. 2000: *Римское право*. М.
 Падалетти, Г. 1883: *Учебник истории римского права*. Одесса.
 Покровский, И.А. 1918: *История римского права*. Петроград.
 Пухан, И., Поленак-Акимовская, М. 2000: *Римское право*. М.
 Пухта, Г.Ф. 1864: *История римского права*. Т. I. Вып. 1-2. Москва.
 Рубаник, В.Е. 2011: *История государства и права зарубежных стран*. СПб.

- Скрипилёв, Е.А. 2003: *Основы римского права*. М.
Суслов, А.А. 2012: *Римское право*. Томск.
Томсинов, В.А. (ред.) 2011: *Всеобщая история государства и права*. Т.1. Древний мир. Средние века. М.

REFERENCES

- Dozhdev, D.V. 1993: *Rimское arkhaischeskoe nasledstvennoe pravo* [The Roman Archaic Hereditary Law]. Moscow.
Dozhdev, D.V. 1996: *Rimское chastnoe pravo* [The Roman Private Law]. Moscow.
Grafskiy, V.G. 2007: *Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva* [The Universal History of the Law and State]. Moscow.
Ioffe, O.S., Musin, V.A. 1975: *Osnovy rimskogo prava* [Basics of the Roman Law]. Leningrad.
Ivanov, A.A. 2012: *Rimское pravo* [The Roman Law]. Moscow.
Kofanov, L.L. 2006: *Lex i ius: vzniknovenie i razvitie rimskogo prava v VIII–III vekakh do n.e.* [Lex and ius: the emergence and development of the Roman law in the 8th–3rd BC]. Moscow.
Korostelin, V.A., Taran, P.E. 2002: *Istoriya rimskogo prava* [History of the Roman law]. Simferopol.
Kudinov, O.A. 2013: *Rimское pravo* [The Roman law]. Moscow.
Muromtsev, S.A. 1883: *Grazhdanskoe pravo drevnego Rima* [The Civil law of ancient Rome]. Moscow.
Nikolskiy, B.V. 1897: *Sistema i tekst XII tablits. Issledovanie po istorii rimskogo prava* [System and text of XII tables. The study of the Roman law history]. Saint Petersburg.
Novitskiy, I.B., Pereterkiy, I.S. (eds.) 1997: *Rimское chastnoe pravo* [The Roman Private Law]. Moscow.
Omelchenko, O.A. 2000: *Rimское pravo* [The Roman law]. Moscow.
Padaletti, G. 1883: *Uchebnik istorii rimskogo prava* [The Roman law history: the textbook]. Odessa.
Pokrovskiy, I.A. 1918: *Istoriya rimskogo prava* [History of the Roman law]. Petrograd.
Puchta, G.F. 1864: *Istoriya rimskogo prava* [History of the Roman law]. Moscow.
Puhan, I., Polenak-Akimovskaya, M. 2000: *Rimское pravo* [The Roman law]. Moscow.
Rubanik, V.E. 2011: *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [The history of state and law of foreign countries]. Saint Petersburg.
Skrpilev, E.A. 2003: *Osnovy rimskogo prava* [Basics of the Roman law]. Moscow.
Suslov, A.A. 2012: *Rimское pravo* [The Roman law]. Tomsk.
Tomsinov, V.A. (ed.) 2011: *Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva* [The universal history of the law and state]. Vol. 1. Ancient world. Middle Ages. Moscow.
Veniosov, A.V. (ed.) 2012: *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [The history of state and law of foreign countries]. Minsk.

WHAT DID THE LAWS OF THE XII TABLES LOOK LIKE?
SOME OBSERVATIONS ON THE EDUCATIONAL LITERATURE
ON THE ROMAN LAW

Vladimir A. Kvashnin

Vologda State University, Vologda, Russia
kvashninv195@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of representation of the Roman laws of XII tables (*leges XII tabularum*) in the modern educational and scientific literature. The article focuses on the problem of exterior of laws of the XII tables. This issue cannot be resolved satisfactorily. Modern authors believe that the tables were made of copper, bronze, wood or marble. As a rule, the authors of textbooks generally followed by his predecessors, choosing the version according to their own taste. They often reproduce the concepts of a few Russian-language works about Roman laws. The diversity of opinions of this minor issue makes us pay attention to the sources, since this is the only way to verify the reliability and validity of modern points of view. Ancient authors also disagree on the question about the external form of Laws. They report about copper (*aes*, χαλκός), wood (*ligno*), ivory (*eboreae*), but not bronze, marble or the copper column. The author of the article believes that none of the ancient authors saw the Laws in their original form and described them based on their own understanding and current realities of roman life. Information of ancient authors directly contradict each other. In this regard, Russian legal scientists created a hypothesis of evolutionary changes external form of Laws. In general, B.V. Nikolskiy formed this concept. Then L.L. Kofanov completed it in his works. The advantage of this hypothesis is that it can reconcile conflicting evidence from different authors, combining them in a single system. At the same time, the lack of clear information in narrative sources and the complete absence of archaeological material makes this hypothesis no more than a set of assumptions that require more significant evidence. The author using the information of Odofred, the Italian glossator of the 12th century. The author concludes that the Laws were carved in stone. At the same time, the lack of sources, both narrative and archaeological, does not allow to insist on this hypothesis. The points of view of textbook authors reflect the current situation in historiography. The main reason is the incompleteness and inconsistency of authentic sources. According to the author, the complex of problems related to the *leges XII tabularum* should be more deeply and in detail covered in university textbooks on history and law.

Keywords: Roman history, laws of XII tables, Roman law, ancient tradition

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-247–268

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТА КИБЕЛЫ НА БОСПОРЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.В. Быковская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
a_bykovskaya@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется зарубежная историография, посвященная культу богини Кибелы, а также достижения отечественной науки в области изучения культа на Боспоре. Современные исследователи пришли к пониманию культа Кибелы, в особенности его ритуальной составляющей, как сложного феномена, включающего разные элементы (в том числе «оргиастического», «мистерияльного»). Этот набор элементов варьируется в зависимости от конкретного хронологического периода и от региона распространения культа. Работы отечественных специалистов предоставляют обширный материал, касающийся почитания Кибелы на Боспоре в разные отрезки времени в рамках отдельных территорий. Предполагается, что в классический и раннеэллинистический периоды существовала связь между культами Деметры и Кибелы, олицетворявшими разные аспекты плодородия (с одной стороны, пашенное земледелие, с другой – производительные силы дикой природы). Боспоряне могли поклоняться двум богиням одновременно. В III в. до н.э. Кибела занимает лидирующую позицию, но теряет популярность к концу столетия. Причины этих процессов до конца не выяснены. Вероятно, первоначально имело место отождествление и синкретизация в некоторых чертах Кибелы и местного женского божества. Затем рост популярности богини происходит в позднеэллинистический период в результате воздействия нескольких факторов. Возможные причины: распространение оргиастических культов, религиозная политика Митридата VI Евпатора, римские влияния. Дальнейшего исследования и детальной проработки требуют вопросы о культе Кибелы на Боспоре в эпоху архаики, о проводившихся мистерияльных обрядах, о содержании локального варианта культа и некоторые другие.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Кибела, мистерии, Аттис, терракоты, Пантикапей, Мирмекий, Китей

Кибела или Матерь богов – одно из наиболее распространенных женских божеств на территории Средиземноморья и Малой Азии в эпоху античности. Образ сидящей на троне богини с тимпаном, окруженной львами, встречается в произведениях искусства во всех уголках античной ойкумены. Кибеле посвящена обширная научная литература, в которой культ богини выступает как в качестве

Данные об авторе: Быковская Александра Викторовна – аспирантка кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

самостоятельного объекта исследования, так и анализируется в рамках обзорных религиозно-исторических работ.

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТА КИБЕЛЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ритуал – важнейшая составляющая античной религии. Имеются сведения о нескольких вариантах ритуалов, связанных с культом Кибелы, каждый из которых за время своего существования претерпел значительные метаморфозы. По мнению Дж. Гаспарро, отсутствует единообразный облик культа богини: это подвижная система элементов, которые могут сочетаться друг с другом, а могут развиваться отдельно, относительно независимо друг от друга¹. Дж. Гаспарро выделяет несколько таких элементов, составляющих культ, в том числе «оргиастический» и «мистерияльный».

После заимствования греками фригийской богини Кибелы (основной теоним у фригийцев – *Matar*) можно говорить о двух линиях развития культа: «эллинской» и «фригийской». Греки отождествили Кибелу с богиней Реей примерно в VI в. до н.э.², в результате она была включена в структуру эллинских верований и ритуалов. Существует гипотеза, что Рея и Кибела восходят к одному древнему анатолийскому божеству³, и это облегчает идентификацию двух богинь. В литературных источниках применяются теонимы Кибела (*Κυβέλη*), Матерь (*Μήτηρ*) или Матерь богов (*Μήτηρ θεῶν*). Первый почти не используется в надписях. Часто добавляется эпитет, указывающий на конкретную местность или страну, хозяйкой которой является богиня («Диндимена», «Фригийская»). В некоторых центрах Балканской Греции Кибела стала главным божеством, часто под влиянием предшествовавших архаических культов (например, Геи и Фемиды в Дельфах)⁴.

Уже в поздней архаике в Греции зафиксирован «оргиастический» элемент культа Кибелы⁵, наиболее характерный и часто встречающийся. Это шумные обряды, проводившиеся под покровом ночи преимущественно женщинами, с экзотическими танцами, громким пением со специфическим музыкальным сопровождением: мелодия флейты сочеталась со звуками ударных инструментов (кимвалы, кроталы, тимпаны), ритм которых вводил в состояние транса. Такой вариант культа подобен оргиастическим обрядам в честь Диониса. Часто ритуалы Диониса (Сабазия) и Кибелы объединялись и проводились совместно⁶. Тимпан Матери богов был введен во все формы вакхических почитаний⁷. Мифическими спутниками Реи-Кибелы в данных ритуалах выступали куреты, корибанты, кабиры, а Диониса – менады, сатиры. Обряды могли проводиться ночью в горах и пещерах, церемонии освещались факелами.

¹ Gasparro 1985, 119.

² Roller 1999, 121; Naumann, 1983, 110–135.

³ Farnell 1907, 289–306.

⁴ Vermaseren 1977, 36, pl. 28.

⁵ Gasparro 1985, 9–19, 119.

⁶ Euripides, *Bacchae* 55–60, 72–87, 120–134, Strabo, X, 3, 13.

⁷ Burkert 1987, 25.

Рис. 1. Терракота богини с коническим предметом, городище «Генеральское-Западное», III–II вв. до н.э. ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ». КТ-1953

Fig. 1. Goddess with conical object. Terracotta from the Generalskoye-Zapadnoye Settlement. The 3rd – 2nd cc. BC. Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Inv. КТ-1953

Для этих действий в источниках применяются термины ὄρυια, а также τελεταί⁸. Участие в подобных обрядах предполагало особый контакт адепта с божеством, который имел энтузиастический характер (одержимость божеством μανία). По аналогии с термином «вакханты» для участников ритуала Диониса, тех, кто одержим Кибелой, называли κύβηρος⁹.

Вероятнее всего, достижение божественной одержимости, измененного состояния сознания, катарсиса, временного освобождения от земных забот и было главной целью проведения оргиастического обряда богини¹⁰. Такого рода «очищение», сопровождавшееся выбросом эмоций, вполне могло иметь терапевтический эффект¹¹.

Альтернативой диким экстатическим обрядам в рамках эллинского культа Кибелы выступали, очевидно, более пристойные по форме публичные (либо проводимые среди членов религиозных сообществ) празднества, на которых исполнялись определенные, установленные заранее, церемонии. Так, в Афинах весной справлялись Галаксии, на которых подавалась галаксия – ячменная каша на молоке¹².

В ходе археологических раскопок на территории греческих поселений найдено значительное количество частных посвященных даров богине: чаще всего это терракотовые статуэтки Кибелы, votivные рельефы с ее изображением, что свидетельствует о широком распространении частного культа¹³. Такая форма поклонения характерна для античной культуры, а во Фригии она появилась позже. Среди приношений в святилищах Кибелы встречаются фигурки детей, женщин в длинных одеждах, часто с факелами и тимпанами, похожих на участников обрядов богини. Эти статуэтки выступали в качестве посредника при обращении к богине, могли представлять самого дедиканта либо лицо, за которое просят (ребенка, близкого родственника). К богине обращались с личной просьбой, просили помощи, защиты для детей и близких. Кибела могла насыщать болезни, безумие, поэтому ее молили об исцелении. В некоторых ионийских полисах богиня почиталась как защитница города и городских порядков (Афины, Смирна, Колофон)¹⁴.

Имеется ряд сведений о неких таинствах и обрядах в эллинском культе Кибелы, доступных только посвященным («мистерияльный» элемент, по Дж. Гаспарро). Об этих практиках известно немного. Обозначением для таких обрядов выступали термины τελεταί¹⁵, а также μυστήρια¹⁶, посвященного называли μυστής. Фригийская Кибела, отождествленная с греческой Реей, заняла авторитетную позицию Матери богов в эллинском пантеоне и была введена в обряды с их участием. По предположению Дж. Гаспарро, мистерияльные практики появились в культе богини не сразу, вероятным является влияние Элевсинских мистерий¹⁷. С данными практиками были связаны сакральные рельефы, на которых Кибела

⁸ Gasparro 1985, 10–11, 20.

⁹ Gasparro 1985, 14–15.

¹⁰ Gasparro 1985, 18.

¹¹ Burkert 1987, 19; Plato, Phaedrus, 244.

¹² Roller 1999, 218.

¹³ Vermaseren 1977, 36; Roller 1999, 218.

¹⁴ Vermaseren 1977, 32–35.

¹⁵ Pind. O.3 Schol. in v. 140 (= 79), Schol. in v. 137 b.

¹⁶ Gasparro 1985, 20.

¹⁷ Gasparro 1985, 64.

изображалась на троне между стоящими Гермесом и Гекатой (или Корой) с факелом. Не исключено, что Гермес выступает здесь в качестве проводника мистов и отвечает за их ритуальное очищение¹⁸. Самый ранний памятник происходит из Пирея и датирован началом IV в. до н.э.¹⁹

Ядро «фригийской» линии развития культа богини – взаимоотношения Кибелы и ее паредра Аттиса (его страдания, смерть и последующее фригийские обряды оплакивания). Еще одна отличительная особенность – институт жрецов-евнухов, существовавший в Малой Азии²⁰.

В античной традиции известно несколько версий мифа о Кибеле и Аттисе. Юноша представляется как возлюбленный богини. По одной из версий, уличенный Кибелой в неверности, он погиб в результате самооскопления. По просьбе безутешной богини Зевс оставил тело Аттиса нетленным (либо превратил в сосну)²¹.

Вопрос о происхождении божества Аттиса до сих пор вызывает дискуссии. Историк религии Д.Д. Фрезер связывал легенду об Аттисе с универсальной мифологемой умирающего и воскресающего бога в религиях Ближнего Востока, античных религиях и христианстве²². В рамках данной концепции Аттис – древнее божество малоазийского происхождения, жизненные метаморфозы которого отображают разные этапы вегетативного цикла живой природы. Согласно противоположной точке зрения, божественный образ Аттиса и легенда о нем – продукт античной традиции. Ее придерживается Л. Роллер²³, которая не исключает возможного обожествления одного из фригийских царей после смерти, в результате чего, после переосмысления данной фигуры эллинами, возникли представления о божественном паредре Кибелы.

Оппоненты Л. Роллер считают, что данная теория не объясняет появления в античной мифологии мотива самооскопления Аттиса²⁴. Верховный бог, иерархически равный Матар, мог существовать во Фригии, но он изображался на сакральных памятниках в виде быка, вероятно, под именем Ата и позднее был отождествлен с Зевсом²⁵. По другой версии, предшественники Аттиса – месопотамские жрецы (*assinu*, *galatur* и *kurgartu*)²⁶. По мнению М. Ланселотти, эвгемеристический подход, предполагающий прямое отождествление Аттиса со жрецом или царем, слишком упрощает имеющийся сложный материал²⁷. Имя Аттис было связано с неким ритуалом, проводимым царской династией Фригии. Возможно, имело место признание сверхъестественной природы конкретного исторического персонажа в сакральных представлениях фригийцев.

Шумные оргии характерны и для «фригийского» варианта культа, они сопровождались самоистязаниями и членовредительством. Жрецы-галлы, подобно их предшественникам метрагиртам, практиковали сбор подаяния на культовые нуж-

¹⁸ Roller 1999, 202.

¹⁹ Vermaseren 1977, pl. 23.

²⁰ Roller 1999, 231.

²¹ Arnob. *Adversus Nations*, 5.5–7, Paus. 7.17.10–11.

²² Фрезер 1980, 256–262.

²³ Roller 1999, 177–182.

²⁴ Lancellotti 2002, 12.

²⁵ Bögh 2007, 320–321.

²⁶ Borgeaud 1996, 78.

²⁷ Lancellotti 2002, 167.

ды. Для внешнего облика галлов была характерна женственность, они носили яркие одежды и украшения.

Эллинизация фригийского культа происходит примерно с конца IV в. до н.э., в результате вводится теоним Μῆτιρ с эпитетом на греческий манер, заимствуется эллинская иконография богини, в качестве вотивов используются терракоты²⁸. Во фригийских надписях часто присутствует еще одно имя богини – Ангдистис (Ангдистис). Теоним встречается в литературных источниках как обозначение двуполого существа из мифа о Кибеле и Аттисе. Под этим именем богиня упоминается у Страбона (Stab. XII. 5. 3). Средоточием фригийского культа Кибелы с эллинистического времени становится Пессинус.

В силу недостатка информации затруднительно реконструировать, какого рода ритуалы проводились во Фригии в доримский период. Известно, что данные обряды выражались в ежегодном оплакивании умершего Аттиса в начале весны. Таким образом, они могут быть связаны с сезонностью растительного цикла²⁹.

В источниках сохранились указания на «мистерияльный» элемент в культе Кибелы и Аттиса³⁰ во Фригии. Вероятно, он связан с обрядами, проводимыми жрецами-галлами. Не исключено, что речь идет о ритуальном самооскоплении.

«Эллинская» и «фригийская» линии развития культа не существовали независимо друг от друга. Так, культ Кибелы и Аттиса зафиксирован в Пирее, сначала в рамках фиаса, а затем – сообщества оргеонов (видимо, культ Аттиса был перенесен из Малой Азии). Согласно надписям, в честь богини и Аттиса проводились праздники Аттидеи: стросис (расстилание ложа) и оборудование двух тронов. Вероятно, истоки первого ритуала – во фригийском погребальном обряде в честь умершего царя. Культовый образ Аттиса мог размещаться на ложе для ритуального оплакивания. Истоком второго ритуала мог выступать обряд священного брака, когда статуи Кибелы и Аттиса устанавливались на стоящих рядом тронах³¹. Похожие ритуалы проводились на Хиосе.

Култ Кибелы в Пирее в рамках сообщества оргеонов развивался за рамками полисных институтов, туда принимали и граждан, и метеков, и вольноотпущенников, именно демократичностью и лояльностью может быть объяснено широкое распространение культа в античности³².

В Аттике фригийский теоним Ангдистис встречается в надписи на стеле из Пирея конца IV в. до н.э. – начала III в. до н.э. (самое раннее изображение Аттиса и первое упоминание теонима Ангдистис).. Примечательно, что в этой надписи также употребляется формула *κατὰ πρόσταγμα*, которая может обозначать, что декрет получил приказ божества во сне³³.

Античная традиция сохранила сведения о введении малоазийского культа Кибелы в Риме в 204 г. до н.э. с целью заручиться покровительством богини в войне с Ганнибалом (Liv. XXV, I, 6; Ovid., Fasti, IV, 265–270). Анатолийская богиня рассматривалась в качестве спасительницы и защитницы римлян – наслед-

²⁸ Roller 1999, 189.

²⁹ Gasparro 1985, 121.

³⁰ Gasparro 1985, 49–56.

³¹ Roller 1999, 223–224.

³² Roller 1999, 224, 233.

³³ Roller 1999, 217.

ников троянцев, в Риме почиталась под именем *Mater Magna*. Спорным является вопрос, какой вариант культа был привезен в Рим: «эллинский» из Пергама либо «фригийский»³⁴. Вместе с тем из источников можно сделать вывод, что одновременно с культом в Рим прибыли и жрецы из Малой Азии³⁵. В отличие от Греции, где заимствование культа Кибелы происходило децентрализованно, в Риме это был контролируемый процесс со строгой селекцией элементов, составляющих культ богини³⁶. Богиня была интегрирована в римский пантеон, были установлены ежегодные апрельские патрицианские празднования в честь нее – Мегалензии. В рамках фестиваля устраивались представления *ludi scaenici*³⁷. В Риме от участия в культе Кибелы зависела политическая карьера гражданина³⁸.

Первоначально в Риме малоазийские жрецы богини имели право отправлять церемонии в их традиционной манере только в пределах святилища. В последующем в официальные обряды вносились изменения в централизованном порядке: при императоре Клавдии введены церемонии, связанные с оплакиванием Аттиса, с «оргиастическим» элементом, некоторая модификация культа происходила и в последующем³⁹. Существовали и секретные мистерии Кибелы, вероятно, в рамках мартовских праздников в честь Аттиса.

Примерно со второй половины II в. н.э. проводятся тавроболии или криоболии – ритуальные жертвоприношения быков или баранов в честь Кибелы⁴⁰. Дискуссионным является вопрос о цели обряда: кровь жертвенного животного символизировала жизненную силу, которая влияла на продолжительность жизни посвящаемого⁴¹, либо речь идет о ритуальном очищении, а в некоторых случаях – о благоденствии императора и Империи⁴². Согласно одной из гипотез, тавроболия являлась замещением ритуала, практиковавшегося фригийскими галлами, который заключался в самокастрации⁴³.

КУЛЬТ КИБЕЛЫ НА БОСПОРЕ В VII–II в. до н.э.

Одним из главных источников сведений о религиозной жизни Боспора являются культовые комплексы, открытые на территории как европейского, так и азиатского Боспора, и связанные с ними артефакты. Большое значение имеет изучение памятников коропластики и граффити.

На основании имеющегося материала затруднительно сделать однозначный вывод о присутствии культа Кибелы на территории Боспора в архаический период. Немногочисленные терракотовые фигурки, найденные на боспорских поселениях, недостаточно информативны, поскольку демонстрируют малодифференцированные универсальные образы без атрибутов (богиня на троне, стоящая

³⁴ Roller 1999, 278.

³⁵ Vermaseren 1977, 96.

³⁶ Gasparro 1985, 120.

³⁷ Vermaseren 1977, 177–178; Gasparro 1985, 75.

³⁸ Roller 1999, 317.

³⁹ Gasparro 1985, 57–58.

⁴⁰ Vermaseren 1977, 179.

⁴¹ Vermaseren 1977, 106.

⁴² Vermaseren 1977, 06; Lancellotti 2002, 110.

⁴³ Lancellotti 2002, 114–115.

богиня-кора, погрудные односторонние изображения – протомеры). Эта иконография достаточно распространена в античной коропластике эпохи архаики. Образ сидящей на троне богини – ионийский, восходит к статуарной иконографии Бранхидов. Фигура божества фронтальна, поза торжественна, иератична, руки на коленях, образ статичный, схематичный, с небольшими вариациями. На голове богини полос или стефана. Подобные статуэтки найдены в Пантикапее⁴⁴, Мирмекии⁴⁵, Тиритакее⁴⁶, Киммерике⁴⁷, Нимфее⁴⁸, в Фанагории⁴⁹ и в других пунктах на обоих берегах Боспора Киммерийского. На сельских боспорских поселениях терракоты представлены в незначительных количествах⁵⁰. Терракоты VI–V вв. до н.э., найденные на Боспоре, в основном импортные (из Родоса, Самоса, Коринфа), реже встречаются терракоты из местной глины⁵¹. Статуэтки присутствуют как на поселениях, так и в некрополях, но их общее количество не велико.

Один и тот же образ мог использоваться в культах разных богинь (Деметры, Геры, Афродиты, Артемиды и т.д.). Однако на Боспоре рассматриваемые архаические фигурки связывают с земледельческими культами и ассоциируют, в основном, с Деметрой и Корой-Персефоной⁵². Вместе с тем остается открытым вопрос о принадлежности терракот данной иконографии и к культу Кибелы.

Терракотовые статуэтки с иконографией, характерной для Кибелы, появляются на Боспоре с конца V–IV вв. до н.э. Богиня изображается сидящей на троне с фиалой в правой руке, тимпаном в левой, львенком на коленях (или рядом с тронном), голова увенчана калафом. Атрибуты-маркеры Кибелы – фиала, лев и тимпан (подчеркивает «оргиастический» элемент в ритуале⁵³), однако встречаются фигурки только с двумя (одним) атрибутами. Терракоты богини найдены на многих поселениях европейского Боспора, в том числе в Пантикапее (на горе Митридат)⁵⁴, зольнике Мирмекии⁵⁵, центральном святилище Китея⁵⁶, они обнаружены и в местных некрополях⁵⁷.

Самым ранним эпиграфическим свидетельством почитания Кибелы на территории Боспора является надпись на дне аттической чернолаковой чаши конца 5 в. до н.э. из Мирмекии: «[_ _ _ ὁ/ ἡ θεῖνα ἀ]νέθηκεν τῇ Μητρί» («(такая-то) посвятила Матери»). После теонима проходит скол, надпись могла содержать эпитет богини⁵⁸. Следует отметить, что из Пантикапея происходят граффити IV в. до н.э. на донцах сосудов с надписями: «Μητ», «Μητρο», которые интерпретируются как теофорные имена владельцев⁵⁹.

⁴⁴ Глушеч 2006, 99.

⁴⁵ Денисова 1981, 22, табл. I, б, г.

⁴⁶ САИ Г1–11/1–2, табл. 35, 2–4.

⁴⁷ САИ Г1–11/1–2, табл. 27.1.

⁴⁸ САИ Г1–11/1–2, табл. 28, 2–4, 7.

⁴⁹ САИ Г1–11/4, табл. 17, 1.

⁵⁰ Кругликова 1970.

⁵¹ САИ Г1–11/1–2, 10.

⁵² Кобылина 1961, 29.

⁵³ Кобылина 1978, 10.

⁵⁴ САИ Г1–11/1–2, 14.

⁵⁵ САИ Г1–11/1–2, 40, 5; Денисова 1981, табл. VI, ж; табл. VI, в, табл. XIV, г-е и т.д.

⁵⁶ Молев 2010, 95; Кузина, Молева, Матукина 2014, кат. № 16–21, 43, возможно, кат. № 35–38.

⁵⁷ САИ Г1–11/3, табл. 14.1; Ханутина 2013, 303–304, 308.

⁵⁸ Гайдукевич, Михайловский 1961, рис. 9.

⁵⁹ Шауб 2010, 301.

Характер приношений (терракоты, граффити) свидетельствует о популярности частного культа богини. Относительно азиатской части Боспора можно уверенно констатировать присутствие частного культа богини в Горгии⁶⁰.

Данные археологии свидетельствуют о наличии не только частного поклонения богине, но и культа, организованного в официальном порядке либо в рамках религиозного сообщества. На акрополе Пантикапея (северный край верхнего плато горы Митридат) обнаружены остатки фундамента античного храма⁶¹, который, видимо, был основан на месте более раннего святилища. В XIX веке недалеко от этого места была найдена мраморная статуя Кибелы со львом и тимпаном, которая датируется I–II вв. н.э. Вероятность того, что статуя происходит из расположенного рядом храма, оценивается как высокая. Существование храма Кибелы на акрополе боспорской столицы подтверждают надписи на мраморных постаментах первой половины III в. до н.э.: посвящение Фригийской Матери, сделанное жрицей Гестиеей (КБН 21), и посвящение Матери (эпитет не сохранился), сделанное Леостратом за своего брата (КБН 23). Расположение святилища на возвышенном месте, наличие пещеры в окрестностях также характерны для культа богини в его малоазийском варианте⁶². По одной из версий, святилище Кибелы и расположенный вблизи храм Артемиды-Гекаты-Дитагойи были частью единого культового комплекса⁶³.

По мнению некоторых исследователей, святилище Кибелы было сооружено на акрополе Пантикапея одними из первых восточно-греческих переселенцев⁶⁴. Данной сакральной постройке могло предшествовать святилище близкой Кибеле местной богини, которой поклонялись автохтонные племена, населявшие эту территорию до прихода эллинов. В подтверждение данного обстоятельства приводится глосса Гесихия «Киммерийская богиня»⁶⁵. О наличии культа верховного женского божества у докиммерийского населения Северного Причерноморья писал еще М.И. Ростовцев⁶⁶. По его мнению, Великая Богиня не только олицетворяла производительные силы природы, но и покровительствовала племенам и государствам, влияла на войну и политику. Ученый отмечал определенную связь данного культа с высоким положением женщины у сарматов и меотов, возможное отражение в мифе об амазонках социальных реалий и ритуалов богини с участием вооруженных женщин⁶⁷.

Согласно недавней гипотезе, среди первопоселенцев могли присутствовать фригийцы и лидийцы, которые привезли собственные обряды богини на Боспор⁶⁸.

Ранние свидетельства существования культа Кибелы, относящиеся к V– началу IV вв. до н.э., обнаружены в Нимфее близ храма с апсидой на акрополе, первоначально атрибутированного как святилище кабиров. В целом находки терракот немногочисленны, среди них – фрагменты статуэтки сидящей Кибелы с тимпаном

⁶⁰ Алексеева 1997/75, 229.

⁶¹ Толстиков, Муратова 2017, 145–146.

⁶² Roller 1999, 200, 206.

⁶³ Толстиков, Муратова 2017, 148–149.

⁶⁴ Škorpič 1913.

⁶⁵ Гайдукевич 1949, 161; Шайб 2010, 302.

⁶⁶ Rostovtzeff 1919, 464–467.

⁶⁷ Rostovtzeff 1919, 469, 472.

⁶⁸ Толстиков, Муратова 2017, 145.

в руке. Вместе с ними найдена грубо исполненная глиняная форма для изготовления статуэтки Кибелы со львом на коленях. Указанные факты, а также интерпретация апсиды как архитектурного выражения пещеры (которая играла важную роль в культе Кибелы), позволяют выдвинуть предположения о поклонении Кибеле в святилище и о том, что оно было посвящено хтоническим богам⁶⁹.

Артефакты, возможно, связанные с почитанием Кибелы, обнаружены в зольниках боспорских городов Китея и Мирмекия. Такого рода памятники достаточно распространены на территории Европейского Боспора, однако вопрос об их назначении является дискуссионным. По всей видимости, зольники представляют собой «многофункциональные (универсальные) объекты, которые в разной степени или периодически служили и чисто утилитарным, хозяйственным (сбор мусора, печной золы...), и сакральным целям»⁷⁰.

В юго-восточной части центрального зольного холма Китея, в его приморской части, обнаружен сакральный участок конца V–III вв. до н.э. с ботросами, жертвенниками, алтарями и с фрагментами вотивных терракот⁷¹. Исследователи относят найденные терракоты к культам Деметры и Кибелы, которые одновременно могли почитаться на территории святилища, причем культ Деметры появился раньше. Обряды богинь могли различаться и проводиться в разные сезоны.

К кругу изображений Деметры отнесены протомы богини в калафе (или стефане), поддерживающей руками грудь, а также протомы стоящей богини в высоко подпоясанном хитоне и гиматии, застегнутом на плече круглой фибулой (по одной из версий, Кору-Персефоны). С Кибелой связываются терракоты богини, сидящей на троне с крестообразными выступами, со строгим или суровым выражением лица, с высоким калафом на голове, с фиалой в правой руке. Характерная деталь – поза Кибелы свободная, ноги широко разведены, колени расставлены. Покрытые темно-красной краской фигурки стоящей богини в длинном хитоне, характеризующиеся «строгой статичностью», также интерпретируются как изображения Кибелы, восходящие к иконографии VII в. до н.э.

На участке обнаружены остатки жертвоприношений крупного и мелкого рогатого скота, собак и диких животных, а также граффити, которые могут быть истолкованы как совместное посвящение Кибеле и Деметре, – ΔΚΥ, ΔΚ. В зольнике также найдено донце кратера с граффито по центру – ΜΗΤ⁷². Одновременное почитание обеих богинь в Китее связывается с культом плодородия, но с его разными аспектами: Деметры – с плодородием обрабатываемой земли, Кибелы – с производящими силами дикой природы. Терракоты с сюжетами, аналогичными найденным на святилище, но в меньшем количестве, обнаружены при раскопках некрополя Китея. Данные факты трактуются как свидетельство в пользу многофункциональности культов Деметры и Кибелы в Китее, но с акцентом на плодородии⁷³.

Артефакты, связанные с Кибелой, обнаружены и в раннеэллинистическом мирмекийском зольнике, который использовался с 20-х годов IV в. до н.э. до сере-

⁶⁹ Шауб 2010, 260.

⁷⁰ Масленников 2007, 454.

⁷¹ Кузина, Молева, Матукина 2014, 276–284.

⁷² Молев 2010, 95.

⁷³ Ханутина 2013.

дины III в. н.э.⁷⁴ Это как терракоты с традиционной иконографией богини на троне со львом и (или) тимпаном, так и изображения богини на троне без характерных атрибутов. Среди последних В.И. Денисова выделяет статуэтку местного производства с уникальным набором деталей: сидящая богиня с чашей в правой руке (левая утрачена) в башенной короне и эгиде с горгонеионом. Последний атрибут связывается либо с культом местного божества, либо с неким малоазийским культом Кибелы, в частности, с культом Кибелы-Афины⁷⁵. Исследователь отмечает широкое распространение иконографии Кибелы в боспорской коропластике в стереотипном варианте сидящей на троне богини, объясняя это тем, что данный образ здесь мог ассоциироваться с богиней автохтонного населения, верховным женским божеством. В.И. Денисовой выдвинута гипотеза о наличии культовых статуй богини как первоисточников для изделий коропластики, в которых прослеживается влияние местного стиля. Такие статуэтки составляли основную часть продукции боспорских мастеров VI–III вв. до н.э., что трактуется как свидетельство расцвета в этот период культа местной богини, потерявшего свое значение к концу III в. до н.э.

По мнению В.И. Денисовой, материалы раннеэллистического зольника свидетельствуют о том, что в Мирмекии главным почитаемым божеством являлась одна из ипостасей великой Матери всего сущего, олицетворение производительных сил природы⁷⁶. Данный культ мог быть привезен в Северное Причерноморье мореплавателями из Эгеиды. Артефакты, найденные в зольнике, отличаются разнообразием: предметы обихода (пряслица, иглы, рыболовные крючки), граффити с посвящениями на обломках посуды без указания имени божества⁷⁷, необгоревшие кости животных, захоронения собак, обломки амфор, светильники со следами горения и т.д. Опираясь на данный материал, исследователь реконструирует архаичные по своей сути ритуалы в честь богини, при этом земледельческий характер культа отрицает на основании того, что в ходе раскопок не найдено ни одного земледельческого орудия⁷⁸. Само наличие зольника связывается с некоей местной традицией. Таким образом, В.И. Денисова развивает идеи М.И. Ростовцева о культе автохтонной Великой богини докиммерийского населения Северного Причерноморья. Согласно позиции И.Ю. Шауба, в Ольвии и на Боспоре (главным образом в Пантикапее) богиня стала популярной, поскольку идентифицировалась с местным Великим женским божеством⁷⁹, а в Херсонесе ее функции могли перейти на богиню Деву⁸⁰.

Увеличение с III в. до н.э. количества терракот Кибелы фиксируется во многих населенных пунктах европейского Боспора⁸¹. Широкое распространение в местной коропластике получает иконография богини с горгонеионом, упомянутая выше и впервые описанная В.И. Денисовой. Подобные терракоты III–II вв. до н.э.

⁷⁴ Денисова 1981, 100–101.

⁷⁵ Денисова 1981, 52, 87.

⁷⁶ Денисова 1981, 108–111.

⁷⁷ Гайдукевич 1965.

⁷⁸ Гайдукевич 1965.

⁷⁹ Шауб 2010, 183, 301–302.

⁸⁰ Шауб 2010, 239.

⁸¹ Глушец 2006, 101.

происходят с мыса Зюк, поселений Генеральское-Западное, Кошара⁸², из Тиритакки⁸³, из Порфмия – две подобные терракоты⁸⁴, что свидетельствует о большой популярности этого образа. Такие же фигурки, оттиснутые в изношенных формах, находят и в культурном слое, и помещениях I в. до н.э. поселения Полянка⁸⁵. Вопрос происхождения горгонейона в локальной иконографии богини давно волнует исследователей. Одна из последних гипотез: изначальной матрицей выступала статуэтка Кибелы хорошего качества со стандартной иконографией (львенок на коленях), однако из-за долгого использования и тиражирования матриц произошла трансформация головы львенка в горгонейон, а его тела – во фрагмент гиматия⁸⁶.

На некоторых статуэтках сохранилась левая рука с неидентифицированным предметом конической формы (вместо тимпана). Этот атрибут иногда связывается с головным убором или каким-либо культовым предметом и может указывать на использование терракот в обрядах мистерий. Популярность культа Кибелы на Боспоре объясняется мощью ее образа как верховной владычицы и мистической силой, связанной с ее обрядами⁸⁷.

На северных рубежах Боспора, в Елизаветовском городище, подобная статуэтка была найдена в античном культовом сооружении, погибшем в результате пожара не позднее середины 70-х гг. III в. до н.э. в одном из помещений, представляющем собой закрытый археологический комплекс⁸⁸. В комнате находился глинобитный алтарь, возле обнаружена статуэтка богини с горгонейоном (по другой версии, с львиной маской), терракота полуобнаженного Аттиса и две похожие статуэтки, изображающие женщин с венком в одной руке и с кошельком в другой. В последнем образе мог быть воплощен персонаж нимфы, возлюбленной Аттиса, по другой версии – это Кора. К северу от статуэтки Кибелы найден фрагмент серебряной пластины с изображением Деметры, кроме того, в этом же помещении – терракота Диониса с канфаром. В исследовании отмечается многофункциональность богини (ее покровительство плодородию, которое обеспечило ее популярность; функции целительницы и защитницы, связь с загробным миром). Культ мог попасть в район устья реки Танаис намного раньше III в. до н.э. благодаря первым милетским колонистам, основавшим Крмны.

Следует отметить, что терракоты Аттиса появляются на Боспоре с III в. до н.э. Помимо фигурки из Елизаветовского городища, описанной выше, опубликована статуэтка из Западного Причерноморья, найденная в Пантикапее⁸⁹.

Из Керчи происходит мраморный посвятельный рельеф II в. до н.э. с изображением двух стоящих женщин и девочкой справа от них (КБН 27) с надписью: «Плусия за своих дочерей посвятила Ангиссе по (ее) повелению».

⁸² Глушеч 2006, 102–103.

⁸³ Денисова 1981, табл. XIV, а.

⁸⁴ КТ-696, КТ-733 в коллекции Восточно-Крымского Государственного историко-культурного заповедника.

⁸⁵ Масленников 2007, 59, рис. 31.1.

⁸⁶ Муратова, Ильина 2019.

⁸⁷ Глушеч 2006.

⁸⁸ Копылов 2015.

⁸⁹ Кобылина 1974, табл. 17, 2.

Рис. 2. Вотивный рельеф с Кибелой, Гермесом и Гекатой, северный склон горы Митридат, I в. до н.э. ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ». КЛ-869

Fig. 2. Cybele, Hermes and Hecate. Votive relief. Northern slope of Mithridates Mt. The 1st c. BC. Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Inv. KL-869

КУЛЬТ КИБЕЛЫ НА БОСПОРЕ В КОНЦЕ II в. до н.э. – III в. н.э.

В научный оборот введено большое количество артефактов, связанных с Кибелой, относящихся к концу II в. до н.э.–II в.н.э., что свидетельствует о небывалом расцвете культа богини. Основные находки: остатки античного храма на акрополе Пантикапея, а также культовая мраморная статуя Кибелы высотой 1,06 м с утраченной головой и левой рукой⁹⁰, тип иконографии восходит к знаменитой афинской статуе Кибелы второй половины V в. до н.э. работы скульптора Агоракрита (по другим данным – Фидия) (Plin. XXXVI, 17; Arr., *Periplus pont. Eux.* 9; Paus, I, 3, 5); значительное количество привозных мраморных статуэток Кибелы из Пан-

⁹⁰ Skorpil 1913, 197; Толстиков, Муратова 2017, 148–149.

тикапея и Мирмекия с иконографией малоазийского образца (львы по бокам или на коленях)⁹¹. Указанные фигурки могли быть как votivными приношениями в храм богини, так и домашними, устанавливаемые в святилищах⁹²; фрагменты крупной (высота 0,5 м) статуэтки Кибелы из Мирмекия производства Амиса либо Приены: сидящая богиня в башенной короне в пеплосе, хитоне и гиматии попирает ногами льва, край гиматия драпирует ноги⁹³. Статуэтка таких размеров могла предназначаться для стационарного размещения в общественном или частном святилище. Фрагмент похожей фигурки найден на городище Полянка⁹⁴.

Вместе с новой иконографией присутствуют канонические образы богини на троне местного производства, часто такие фигурки выполнены в затертых формах, использовавшихся в течение продолжительного времени⁹⁵. Среди них – терракоты богини с горгонеином, вероятно, выполненные в забитой матрице. Такие артефакты найдены на поселении Полянка⁹⁶, в слое разрушения дворцового храма на акрополе Пантикапея⁹⁷ (возможно, погиб при землетрясении 63 г. до н.э.). Четыре фигурки Кибелы происходят из азиатского Боспора (дом Хрисалиска, датирующийся рубежом II–I вв. до н.э. – серединой последней четверти I в. до н.э.), причем изображений Кибелы в данном помещении найдено больше, чем терракот, связанных с другими божествами⁹⁸. Доказательства частного культа Кибелы найдены и в Горгиппии⁹⁹.

В рассматриваемый период терракоты Аттиса становятся популярными на Боспоре¹⁰⁰. Вероятно, с Аттисом связан появившийся в Пантикапее¹⁰¹ во II–I вв. до н.э. образ пастуха-криофора, изображавшегося в восточной одежде (терракоты как привозные, так и из местной глины). С конца II в. до н.э. для боспорской корoplastики (особенно для Пантикапея) характерны собственные каноны изображения Аттиса – теперь он представляется в виде ребенка, играющего на сиринге¹⁰², спящего сидя на скале – здесь добавляются крылья (синкретический образ Эрота-Аттиса)¹⁰³. Иконография юноши-криофора в боспорских терракотах трансформируется в мальчика-криофора. Статуэтки Аттиса встречаются в могилах¹⁰⁴. С I в. до н.э. становятся популярными гипсовые налеты для саркофагов в виде фигурок Аттиса¹⁰⁵. Появляются синкретические образы Аттиса-Эрота, Митры-Аттиса, Аттиса-Мена.

С I в. до н.э. в Северном Причерноморье популярны известняковые рельефы местного производства (в том числе votivные), на которых Кибела обычно

⁹¹ Диатропов, Журавлев, Ломтадзе 2002, № 364; Skorpil 1913, 200, ob.7; Горончаровский 1999.

⁹² Горончаровский 1999.

⁹³ Кобылина (ред.) 1970, табл. 42, Денисова 1981, 53, табл. XV а.

⁹⁴ Кузина, Масленников 2014, 245, рис. 2.1.

⁹⁵ Глушец 2006, 102, инв. № КТ-187, КТ-695.

⁹⁶ Масленников 2007, 58, рис. 31.1, 31.2, 32.1.

⁹⁷ Ильина, Муратова 2008, 12, 296, кат. 32, ил. III 3.

⁹⁸ Сокольский 1976, 94–101, рис. 57.1–3, 4, 10.

⁹⁹ Алексеева 1997/49, 228–229; 1997/74, 7, 8.

¹⁰⁰ САИ Г1-11/1–2, 17.

¹⁰¹ САИ Г1-11/3, табл. 29, 1, 4.

¹⁰² САИ Г1-11/3, табл. 28, 3.

¹⁰³ САИ Г1-11/3, табл. 28, 2.

¹⁰⁴ САИ Г1-11/3, табл. 29, 3.

¹⁰⁵ Кобылина 1978, 14, рис. 20.

изображается вместе с Гермесом и Гекатой (или Корой)¹⁰⁶. В коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника представлено несколько рельефов из Пантикапея и близлежащих городов (Тиритаки, Нимфея) с указанными тремя персонажами; имеются также рельефы с одной только Кибелой. Памятники относятся к периоду с I в. до н.э. по II в. н.э., для них характерно несоблюдение пропорций и схематизм, есть грубо исполненные изделия¹⁰⁷. Наиболее ранний памятник происходит из Пантикапея¹⁰⁸: в наиске – сидящая Кибела с фиалой, тимпаном, львом на коленях, справа от нее Гермес с ойнохойей в правой руке, слева – Геката с факелом в руке. Распространенность данного сюжета в боспорской столице свидетельствует о широком распространении мистериальных обрядов богини в рассматриваемый период. Эта иконография может указывать на некоторую взаимосвязь (возможно, на взаимозаменяемость) между культурами представленных на рельефе божеств, из которых Геката и Гермес обладают способностью перемещаться между загробным миром и миром живых¹⁰⁹. Подобные находки свидетельствуют об увеличении числа почитателей Кибелы, в том числе в широких слоях местного населения, вплоть до поздней античности¹¹⁰.

Ко II–I вв. до н.э. относится граффито на фрагменте чернолаковой чаши: «*Ἡγάς Μεγάλης*» («Великой богини»). Это указание на принадлежность вотива богине (возможно, Кибеле), с указанием теонима в родительном падеже¹¹¹.

Популярность культа Кибелы на Боспоре подтверждается наличием теофорных имен *Μῦ* и *Μύης* на пантикапейских надгробиях и посвящениях I в. до н.э. – II в. н.э.¹¹² Данные имена рассматриваются в качестве сокращенной формы теонима богини *Μήτηρ*¹¹³. Второе эпиграфическое свидетельство употребления сокращенного теонима – надпись на мраморной плите из Пантикапея, относящаяся ко II в. н.э. (КБН 74), с посвящением мужем и женой (которая указана как жрица богини) своей рабыни богине Ма и Партенос.

Выдвигаются разные гипотезы относительно причин популярности культа Кибелы в рассматриваемый период. Так, увеличение количества терракот Аттиса и Кибелы во II–I вв. до н.э. объясняется распространением оргиастических культов¹¹⁴. Важно, что в конце II в. до н.э. Боспор вошел в состав державы Митридата VI Евпатора. В Понтийском царстве этого времени в рамках филэллинской политики Митридата поощрялось поклонение греческим богам, что могло импонировать боспорянам и способствовать расцвету этих божеств на Боспоре¹¹⁵. Определенное влияние на почитание Кибелы мог оказать факт реорганизации культа в Риме при Клавдии¹¹⁶. В связи с этим в образе богини в калафе и покрывале вправо на медных боспорских монетах Кесарии (Пантикапея), Гипепирии

¹⁰⁶ Кобылина 1978, 11–12.

¹⁰⁷ Матковская, Зинько, Иллариошкина 2004, № 19, 20, 21, 22, 23.

¹⁰⁸ Матковская, Зинько, Иллариошкина 2004, № 19.

¹⁰⁹ Толстиков, Муратова 2017, 148–149.

¹¹⁰ Кобылина 1978, 12–13.

¹¹¹ Яйленко 2006, 379.

¹¹² Струве (ред.) 1965, №№ 83, 132, 135, 280, 457, 525, 546, 619–621, 623, 692, 750.

¹¹³ Горончаровский 1999.

¹¹⁴ Кобылина 1961, 77.

¹¹⁵ Сапрыкин 2009, 324.

¹¹⁶ Горончаровский 1999.

Митридата VIII (39/40–44/45 гг.) исследователи видят Кибелу¹¹⁷. Отмечается, что культ Кибелы эллинского образца мог носить официальный характер в первые века нашей эры, при этом он не получил распространения среди широких масс местного населения.

Новая гипотеза выдвигается относительно почетной статуи Неокла II в. н.э., найденной в Анапе и представленной в традиционной иконографии (хитон, гиматий, связка свитков), но с необычным аксессуаром на шее (гривна с концами в виде змеинных головок, между которыми голова быка). Изображенный, предположительно, являлся адептом культа Кибелы, а гривна с головой быка может быть связана с богиней и ритуалом тавроболии, что характеризует персонажа как сторонника римского императора¹¹⁸.

С конца I – начала II в. н.э. в боспорской коропластике появляется схематизированный образ богини на троне, сохранивший некоторые атрибуты античной иконографии женских божеств (калаф, чаша). С культом данной богини соотносятся боспорские ритуальные терракоты-марионетки с подвесными конечностями, которые изображают жрецов и поклонников. Вероятно, они использовались в ритуалах богини, их часто находят в могилах. О ритуальной составляющей данного культа дают представление атрибуты и образ статуэток с подвесными ногами, среди которых условно выделяют танцоров, участников культового маскарада (с козлиными рогами на голове), музыкантов, воинов со щитами, жертвователей, жрецов (в головном уборе с «лучами», иногда с образом богини на троне впереди). Эти терракоты рассматриваются как «изображения культа местной Великой богини, находившейся на разной стадии посвящения», при этом данный культ – результат смешения элементов греческих, восточных сакральных традиций с местными¹¹⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в рамках исследований, касающихся культов, существовавших на Боспоре, выявлены следующие важные факты. Культ Кибелы был привнесен на Боспор первыми переселенцами из Малой Азии, где, предположительно, произошла синкретизация – слияние культа в некоторых чертах с культом местного женского божества. В классический и раннеэллинистический периоды Кибела почиталась совместно с Деметрой; сначала культ Деметры преобладал, с IV в. до н.э. большее распространение получает культ Кибелы, последний теряет популярность к концу III в. до н.э.; поклонение обеим богиням происходило в «эллинском» варианте и было связано с плодородием в его разных аспектах, а также с представлениями о загробном мире¹²⁰. В историографии по-разному объясняется причина популярности Кибелы на Боспоре в IV в. до н.э.: либо из-за отождествления и синкретизации ее с автохтонным женским божеством, либо широким распространением оргиастических обрядов. Существует гипотеза, что использовалась только иконография Кибелы для отправления культа местной богини.

¹¹⁷ Анохин 1986, 151, табл. 12: 322, 326.

¹¹⁸ Муратова 2018.

¹¹⁹ САИ Г1–11/3, 40–43.

¹²⁰ На хтоническое значение культа указывает и калаф в иконографии богини – см. Кобылина 1978, 10.

Культ Кибелы за все время существования на Боспоре подтверждается находками значительного количества терракот; наличие тимпана в иконографии свидетельствует, вероятно, об «оргастическом» элементе в обрядах, а изменение образа (богиня с горгонеионом и конусом) – о внесении новых элементов в ритуал.

В Пантикапее культ носил официальный характер, на первый план здесь выступают сотерические функции богини. Имеются отдельные свидетельства о присутствии «фригийского» варианта культа (теоним Ангисса), а также смешанных вариантов (терракоты Аттиса и Кибелы в закрытом археологическом комплексе Елизаветовского городища).

В позднеэллинистический и римский периоды имели место как внешние импульсы роста популярности богини (политика Митридата VI, римские влияния), так и внутренние (распространение оргиастических культов); присутствовал традиционный «эллинский» культ как в официальной, так и в приватной форме; параллельно существовал некий сходный локальный вариант ритуала синкретической Великой богини, природа которого требует дальнейшего изучения.

Приведенные артефакты (в особенности рельефы с Гермесом и Гекатой) свидетельствуют о проведении на Боспоре таинств, посвященных богине по эллинскому образцу («мистерияльный» элемент по Дж. Гаспарро).

Есть основания для вывода о том, что на Боспоре отправлялись ритуалы, характерные для римского культа Кибелы (тавроболии).

Итак, культ Кибелы на Боспоре представляет собой сложный феномен. С одной стороны, его эволюция шла в том же направлении, что и во всей античной ойкумене. С другой стороны, культ Кибелы на Боспоре имел локальные особенности. Важным достижением отечественной историографии является получение и анализ большого массива данных, характеризующих данный культ на отдельных территориях Боспорского государства. Вместе с тем требуют детальной проработки вопросы об архаическом культе богини, о характере почитания Кибелы в Пантикапее, о содержании мистерияльных обрядов, о «фригийском» и локальных синкретических вариантах, римских ритуалах и многие другие.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1997: *Античный город Горгииппия*. М.
 Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
 Быковская, А.В. 2018: Култ Кибелы на Боспоре: отдельные вопросы. *Таврические студии* 16, 24–28.
 Гайдукевич, В.Ф. 1949. *Боспорское царство*. М.–Л.
 Гайдукевич, В.Ф., Михайловский, К. 1961: Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956–1958 гг. В сб.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Исследования по археологии СССР*. Л., 127–138.
 Гайдукевич, В.Ф. 1965: Мирмекийские зольники-эсхары. *КСИА* 103, 28–37.
 Глушеч, Л.Н. 2006: Изображения богини на троне в коллекции терракот Керченского историко-культурного заповедника. *Научный сборник Керченского заповедника* 1, 99–121. Керчь.
 Голубцова, Е.С. 1977: *Идеология и культура сельского населения Малой Азии I–III вв.* М.
 Горончаровский, В.А. 1999: К вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века н.э. *Stratum plus. Археология и культурная антропология* 3, 224–227.

- Денисова, В.И. 1981. *Корoplastика Боспора*. Л.
- Диатропов, П.Д., Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 2002: Скульптура, надгробные памятники, изделия из мрамора и известняка. *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского*. М., 86–91.
- Ильина, Т.А., Муратова, М.Б. 2008: Вотивные терракоты из дворцового храма на акрополе Пантикапея. *ДБ* 12, 287–339.
- Кобылина, М. М. 1961: *Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории*. М.
- Кобылина, М. М. 1978: *Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э.* М.
- Копылов, В.П. 2015: Эллинский культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону. *БИ* 31, 121–134.
- Кругликова, И.Т. 1970: Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства. *Терракоты Северного Причерноморья* 2, 100–102.
- Кузина, Н.В., Масленников, А.А. 2014: Терракоты из раскопок античного поселения «Полянка» в Крымском Приазовье (2008–2013). *ДБ* 18, 240–256.
- Кузина, Н.В., Молева, Н.В., Матукина, А.Н. 2010: Комплекс терракотовых статуэток из Китейского святилища (раскопки 2007–2009). *ДБ* 14, 276–312.
- Масленников, А. А. 2007: *Сельские святилища Европейского Боспора*. Тула.
- Матковская, Т.А., Зинько, Е.А., Иллариошкина, Е.К. 2004: *Античная скульптура*. Киев. (Из коллекции Керченского историко-культурного музея-заповедника. Лапидарная коллекция. Т. I).
- Молев, Е.А. 2010: *Боспорский город Китей*. Симферополь–Керчь. (БИ Suppl. 6).
- Молева, Н.В. 2009: Об иконографии Деметры и Великой Матери (Кибелы) в боспорской пластике. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира*. СПб., 213–217.
- Муратова, М.Б. 2018: Так называемая статуя Неокла: к вопросу об этнической и социальной идентификации на Боспоре. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира*. СПб., 339–346.
- Муратова, М.Б., Ильина, Т.А. 2019: «Богиня на троне»: изменчивые атрибуты и меняющиеся агрибуции. В кн.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения*. Симферополь–Керчь, 333–338. (БЧ XIX).
- Сапрыкин, С. Ю. 1983: Культ Деметры в Боспорском царстве в VI–IV вв. до н. э. В кн.: *Из истории античного общества*. Горький, 59–71.
- Сапрыкин, С.Ю. 2009: *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. М.–Тула.
- Скржинская, М.В. 2010: *Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье*. Киев.
- Сокольский, Н.И. 1976: *Таманский толос и резиденция Хрисалиска*. М.
- Толстиков, В.П., Муратова, М.Б. 2017: О некоторых особенностях культа Кибелы в Пантикапее в первые века н.э. в свете новейших археологических исследований. *Таврические студии* 12, 144–149.
- Фрезер, Дж. Дж. 1980: *Золотая ветвь*. М.
- Ханутина, З.В. 2013: Терракоты из погребально-поминальных комплексов некрополя Китея (раскопки 1991–2011 г.г.). В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы Международной научной конференции*. СПб., 302–309.
- Шауб, И. Ю. 2010: *Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н.э.)*. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. СПб.
- Яйленко, В. П. 2006: Посвятительные граффити Пантикапея и округи. *ДБ* 9, 355–428.

- Boegh, B. 2007: The Phrygian Background of Kybele. *Numen* 54, 304–339.
- Borgeaud, P. 1996: *La Mer des Dieux: De Cybele a la Virge Marie*. Parie.
- Burkert, W. 1987: *Ancient Mystery Cults*. Cambridge.
- Farnell, L.R. 1907: *The Cults of the Greek States*. Oxford.
- Gasparro, G. S. 1985: *Soteriology and Mystic Aspects in the Cult of Cybele and Attis*. Leiden.
- Lancellotti, M. G. 2002: *Attis between myth and history: King, Priest, and God*. Leiden.
- Naumann, F. 1983: Die Ikonographie der Kybele in der phrygischen und der griechischen Kunst. *Istanbuler Mitteilungen* 28. Tübingen.
- Roller, E. Lynn 1999: *In search of god The Mother. The cult of Anatolian Cybele*. London.
- Rostovtzeff, M. 1919: Le culte de la Grande Deese dans la Russie méridionale. *Revue des Etudes Grecques* 32, 462–481.
- Škorpil, L. 1913: Kybelin kult v říši Bosporske. *Sborník prací filologických dvornímu radovi profesorů Josefu Kralovi k šedesátým narozeninám*. Praha, 190–203.
- Vermaseren, M.J. 1977: *Cybele and Attis. The Myth and the Cult*. London.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyy gorod Gorgippiya [Ancient Gorgippia]*. Moscow.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoye delo Bospora [Coinage of the Bosporus]*. Kiev.
- Boegh, B. 2007: The Phrygian Background of Kybele. *Numen* 54, 304–339.
- Borgeaud, P. 1996: *La Mer des Dieux: De Cybele a la Virge Marie*. Parie.
- Burkert, W. 1987: *Ancient Mystery Cults*. Cambridge.
- Bykovskaya, A.V. 2018: Cult Kybely na Bospore: ot del'nykh voprosy [Cybele Cult in the Bosporus: some aspects]. *Tavricheskiye studii [Taurida Studies]* 16, 24–28.
- Denisova, V.I. 1981: *Koroplastika Bospora [Terracotta from the Bosporus]*. Leningrad.
- Diatropov, P.D., Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2002: Skulptura, nadgrobnye pamyatniki, izdeliya iz mramora i izvestnyaka [Sculpture, tombstones, marble and limestone products]. In: *Na krayu oikumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo [On the Edge of Oikumene. Greeks and Barbarians on the Northern Shore of the Pontus Euxinus]*. Moscow, 86–91.
- Frazer, J.G. 1980: *Zolotaya vetv' [The Golden Bough]*. Moscow.
- Farnell, L.R. 1907: *The Cults of the Greek States* 3. Oxford.
- Gasparro, G.S. 1985: *Soteriology and Mystic Aspects in the Cult of Cybele and Attis*. Leiden.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoye tsarstvo [Bosporan Kingdom]*. Moscow–Leningrad.
- Gaydukevich, V.F., Mikhailovskiy, K. 1961: Mirmekiy v svete sovetsko-pol'skikh issledovaniykh 1956–1958 [Myrmekion in the light of the Polish-Soviet studies 1956–1958]. In: V.F. Gaydukevich (ed.), *Issledovaniya po arkheologiyi SSSR [Studies on the Archaeology of the USSR]*. Leningrad, 127–138.
- Gaydukevich, V.F. 1965: Mirmekiyskie zol'niki-eskhary [Myrmekion Ash Layers]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta Arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 103, 8–37.
- Glushets, L.N. 2006: Izobrazheniya bogini na trone v kolleksii terracot Kerchenskogo istoriko-kulturnogo zapovednika [Goddess on throne depictions at the Kerch Historical and Cultural Museum-Preserve collection]. *Nauchnyy sbornik Kerchenskogo zapovednika [Collection of Study Papers of the Kerch Museum-Preserve]* 1, 99–121.
- Golubtsova, E.S. 1977: *Ideologiya i kultura sel'skogo naseleniya Maloy Azii I–III vv. [Ideology and culture of the Asia Minor rural population in the 1st–3rd AD]*. Moscow.
- Goroncharovskiy, V.A. 1999: K voprosu o kul'te Kibely na Bospore v pervye veka n. e. [On the issue of the Cybele Cult in the Bosporus during first centuries AD]. *Stratum plus. Arkhe-*

- ologiya i kulturnaya antropologiya* [*Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*] 3, 224–227.
- Khanutina, Z.V. 2013: Terracoty iz pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov nekropolya Kiteya (raskopki 1991–2011 gg.) [Terracotta from burial complexes of Kytaiion Necropolis (Excavations 1991–2011)]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*The Bosporan Phenomenon. Art on the periphery of the Classical world. Proceedings of the International Scientific Conference*]. Saint Petersburg, 302–309.
- Ilina, T.A., Muratova, M.B. 2008: Votivnye terracotty iz dvortsovogo khrama na akropole Pantikapeya [Votive terracotta from the palace temple on the acropolis of Panticapaeum]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 12, 287–339.
- Kobylyina, M.M. 1961: *Terracotovyte statuetki Pantikapeya i Fanagorii* [*Terracotta statuettes from Panticapaeum and Phanagoria*]. Moscow.
- Kobylyina, M.M. 1978: *Izobrazheniya vostochnykh bozhestv v Severnom Prichernomor'e v pervye veka n.e.* [*Oriental Deities depictions from the Northern Black Sea Region during first centuries AD*]. Moscow.
- Kopylov, V.P. 2015: Ellinskiy kultovyy kompleks v Elizavetovskom gorodishche na Donu [Hellenic cult complex in the Elizavetovskoe Settlement on the Don River]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*] 31, 121–134.
- Kruglikova, I.T. 1970: Terracoty iz sel'ckikh poseleniy evropeyskoy chasti Bosporskogo gosudarstva [Terracotta from rural settlements of European part of the Bosporus]. *Terracoty Severnogo Pricheromor'ya* [*Terracotta of The Northern Black Sea Region*] 1–2, 100–102.
- Kuzina, N.V., Maslennikov, A.A. 2014: Terracoty iz raskopok antichnogo poseleniya “Polyanka” v Krymskom Priazov'ye (2008–2013) [Terracotta from excavations of the Polyanka Settlement at Crimean Azov Shore]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 18, 240–256.
- Kuzina, N.V., Moleva, N.V., Matukina, A.N. 2010: Kompleks terracotovykh statuetok iz Kiteyskogo svyatilishcha (raskopki 2007–2009) [The assemblage of terracotta statuettes from the Sanctuary of Kytaiion]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 14, 277–311.
- Lancellotti, M. G. 2002: *Attis between myth and history: King, Priest, and God*. Leiden.
- Maslennikov, A.A. 2007: *Sel'skie svyatilishcha Evropeyskogo Bospora* [*Rural Sanctuaries at the European Bosporus*]. Moscow–Tula.
- Matkovskaya, T.A., Zinko, E.A., Illarioshkina, E.K. 2009: *Antichnaya skulptura* [*Classical Sculpture*]. Kiev.
- Molev, E.A. 2010: *Bosporskiy gorod Kitey* [*Kytaiion, the Bosporan City*]. Kiev. (Bosporskie issledovaniya [*Bosporos Studies*]. Suppl. 6).
- Moleva, N.V. 2009: Ob ikonografii Demetri i Velikoy Materi (Kibely) v bosporskoy plastike [About iconography of Demeter and Cybele at Bosporan plastic art]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen Iskusstvo na periferii antichnogo mira* [*The Bosporan phenomenon. Art on the periphery of the ancient world*] 8. Saint Petersburg, 213–217.
- Muratova, M.B. 2018: Tak nazyvaemaya statuya Neokla: k voprosu ob etnicheskoy i sotsial'noy identifikatsii na Bospore [So-called Neocles Statue: concerning ethnic and social identification in Bosporus]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen Iskusstvo na periferii antichnogo mira* [*The Bosporan phenomenon. Art on the periphery of the ancient world*] 1. Saint Petersburg, 339–346.
- Muratova, M.B., Ilina, T.A. 2019: “Boginya na trone”: izmenchivye atributy i menyayushchiesya atributsii [“Goddess on the Throne”: volatile attributes and changing attributing]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriiskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti – tovary – otnosheniya* [*Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in the periods of Antiquity and the Middle Ages. Trade: Ways – Goods – Relationships*]. Simferopol–Kerch, 333–338. (Bosporskie chteniya [*Bosporan Readings*] XIX).

- Naumann, F. 1983: Die Ikonographie der Kybele in der phrygischen und der griechischen Kunst. *Istanbuler Mitteilungen* 28. Tübingen.
- Roller, E. Lynn 1999: *In search of god The Mother. The cult of Anatolian Cybele*. London.
- Rostovtzeff, M. 1919: Le culte de la Grande Deesse dans la Russie méridionale. *Revue des Etudes Grecques* 32, 462–481.
- Saprykin, S.Yu. 1983: Kult Demetry v Bosporskom tsarstve v VI–IV vv. do n. e. [The Cult of Demeter in the Bosporan Kingdom in the 6th–4th Centuries BC]. *Iz istorii antichnogo obshchestva* [From the History of Ancient Society]. Gorky, 59–71.
- Saprykin, S.Yu. 2009: *Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni* [Religion and Cults of the Hellenistic and Roman Pont]. Moscow–Tula.
- Skrzhinskaya, M.V. 2010: *Drevnegrecheskie prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'e* [Ancient Greek Festivals in Hellas and Northern Black Sea Region]. Kiev.
- Shaub, I.Yu. 2010: *Ellinskiye traditsii i varvarskie vliyaniya v religioznoy zhizni grecheskikh koloniy Severnogo Prichernomor'ya (VI–IV vv. do n.e.)* [Hellenic Traditions and Barbaric Influences in the Religious Life of the Greek Colonies of the Northern Black Sea Region (6–4 centuries BC)]. PhD Thesis. Saint Petersburg.
- Sokolsky, N.I. 1976: *Tamanskiy tolos i rezidentsia Khrysaliska* [The Taman Tholos and the Residence of Chrysaliskos]. Moscow.
- Tolstikov, V.P., Muratova, M.B. 2017: O nekotorykh osobennostyakh kulta Kibely v Pantikapee v gthvye veka n.e. v svete noveyshykh arkheologicheskikh issledovaniy [on some features of Cybele cult during first centuries AD in the light of recent archaeological discoveries]. *Tavrisheskiye studii* [Taurida Studies] 12, 144–149.
- Škorpil, L. 1913: Kybelin kult v řiši Bosporske. *Sbornik praci filologických dvornímu radovi professoru Josefu Kralovi k ředesatým naroženinám*. Praha, 190–203.
- Vermaseren, M.J. 1977: *Cybele and Attis. The Myth and the Cult*. London.
- Yailenko, V.P. 2006: Posvyatitelnye graffiti Pantikapeya i okruzi [Votive graffiti from Panticapaeum and vicinity]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 9, 355–428.

HISTORIOGRAPHY OF STUDYING THE CYBELE CULT IN THE CIMMERIAN BOSPORUS

Alexandra V. Bykovskaya

Lomonosov State University, Moscow, Russia
a_bykovskaya@mail.ru

Abstract. The article deals with foreign and Russian historiography of the Cybele cult study, especially in the Cimmerian Bosporus. Modern scholars have come to understand the Cybele cult to be a complex phenomenon that includes various elements (“orgiastic”, “mysterious”, etc.). These elements varied depending on the specific chronological period and the region. Russian scholars provide ample material concerning the Cybele worship in the Bosporus during various periods within specifics of the region. The author suggests in the Classical and early Hellenistic periods there was a connection between Demeter and Cybele cults, who represented different aspects of fertility (on the one hand, arable agriculture, on the other – the wild nature productive forces). The Bosporans could worship two goddesses at the same time. In the 3rd century BC Cybele occupies a leading position, but loses popularity by the end of the century. The reasons for these processes are not fully understood. Most likely, there was an initial identification and fusion in some features of Cybele and the local female deity. The next increase in goddess popularity occurs during the Late Hellenistic period as a result of several factors. In particular,

due to the spread of orgiastic cults, Mithradates VI's religious policy and Roman influences. The following issues require further research and detailed study: goddess archaic cult, mystery rites conducted, the content of local cult version and some others.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Cybele, Attis, mysteries, terracotta, Panticapaeum, Myrmekion, Kytaion

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2020), 269–286
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2020), 269–286
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-269–286

«КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ...»: К 100-ЛЕТИЮ ОТДЕЛА АРХЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН И 125-ЛЕТИЮ М.И. КАСЬЯНОВА

С.Л. Воробьева

Национальный музей Республики Башкортостан, Уфа, Россия
sveta_legion@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована история археологической науки в Башкортостане с середины XIX в. до середины XX в. В это время Национальный музей Республики Башкортостан, созданный как Уфимский губернский музей, являлся научно-исследовательским центром региона. Первые археологические разведки в Башкирии провел Р.Г. Игнатьев, приглашенный членами Уфимского статистического комитета в Уфу для пополнения фондов музея предметами археологии. Самые первые археологические коллекции поступили от К.Д. Романовского. В конце XIX в. фонды музея пополнялись случайными находками, раскопками любителей старины. В начале XX в. на территории Уфы впервые проведены профессиональные раскопки под руководством московского археолога В.В. Гольмстен. Материалы ее раскопок Чертова городища и Уфимского могильника хранятся в фондах музея. В 1920 г. в музее появляется отдел археологии, который возглавляет М.И. Касьянов. Он организовал сплошное археологическое обследование территории Башкортостана, открыл свыше 30 новых археологических памятников, проводил раскопки выявленных городищ и поселений. С 1936 г. в музей приходит работать Б.А. Коишевский – ленинградский археолог, репрессированный в Уфу. Он вместе с М.И. Касьяновым проводил археологические раскопки на территории Уфы, занимался составлением списка известных археологических памятников. В 1930-е гг. на территории Башкирии при поддержке музея работает ленинградский археолог А.В. Шмидт, участвует в археологических раскопках и разведках уфимский краевед П.Ф. Ищериков. В годы Великой Отечественной войны М.И. Касьянов ушел на фронт, а Б.А. Коишевский проводил инвентаризацию археологических фондов. В этом деле ему помогали эвакуированные сотрудники Украинской Академии наук Д.И. Блитель, Л.Д. Дмитриев и Е.Ф. Лагодовская. Именно благодаря этой

Данные об авторе: Воробьева Светлана Леонидовна – кандидат историч. наук, старший научный сотрудник Национального музея Республики Башкортостан.

работе Б.А. Коишевским было составлено описание 363 археологических памятников и проанализированы все имеющиеся материалы по археологии Башкирии. Военные годы завершили процесс становления археологической науки в Башкортостане, когда ведущую роль в этом играл Национальный музей республики Башкортостан.

Ключевые слова: история археологии, Уфимская губерния, Статистический комитет, Национальный музей Башкортостана, отдел археологии

Становление археологической науки в Башкортостане неразрывно связано с Национальным музеем Республики Башкортостан (далее – НМ РБ), где в 1920 г. появилась должность инструктора-археолога и отдел археологии. Первым штатным археологом был М.И. Касьянов (1895–1944). Статья посвящена 125-летию со дня рождения М.И. Касьянова и 100-летию с момента возникновения отдела археологии как структурного подразделения на базе НМ РБ. В исследовании освещен процесс становления археологической науки с середины XIX в. до середины XX в., когда археологическая наука в РБ выходит на новый, академический, уровень.

Истории археологии Южного Урала и Башкортостана посвящены работы Г.Т. Обыденновой¹, М.Ф. Обыденнова и Г.Н. Саватеевой², С.М. Васюткина³, Г.Н. Гарустовича и И.М. Минеевой⁴, А.И. Лебедева⁵, отдельные разделы в коллективных трудах⁶, неопубликованные исследования П.Ф. Ищерикова⁷. История НМ РБ рассмотрена в монографии Г.Ф. Валиуллина⁸. Отдел археологии в разные годы и биографические данные по отдельным сотрудникам частично освещались автором статьи в предыдущих исследованиях⁹ и в работах И.М. Минеевой¹⁰. В последние годы накоплена значительная база документальных источников из научного архива и фондов музея, не опубликованных ранее. Поэтому здесь подробно рассмотрена история становления археологической науки, непосредственно связанная с НМ РБ в середине XIX – первой половине XX вв. В качестве дополнительной источниковой базы использованы документы из научного архива УФИЦ РАН, ЦГИА РБ, редкие книги из фондов Национальной библиотеки РБ.

В 1864 г. по инициативе членов Оренбургского (Уфимского) статистического комитета (далее – СК) был образован Уфимский губернский музей. Он был открыт для широкого круга посетителей в 1886 г. В разные годы музей менял свое название: с 1919 г. – Историко-социальный музей народов Востока, с 1921 г. – Музей Южного Приуралья, с 1923 г. – Центральный Башкирский краеведческий музей, с 1934 г. – Башкирский центральный краеведческий музей, с 1946 г. – Центральный краеведческий музей БАССР, с 1947 г. – Государственный краеведческий музей

¹ Обыденнова 2002.

² Обыденнов 2019; Обыденнов, Саватеева 2012.

³ Васюткин 1968; Васюткин 1973.

⁴ Гарустович, Минеева 2003; Гарустович 2008.

⁵ Лебедев 2012.

⁶ Бадер 1976, 5-11; Мосин, Григорьев, Таиров, Боталов, Самигулов 2002.

⁷ НМ РБ. ДФ. Ф. 92.

⁸ Валиуллин 2014.

⁹ Воробьева 2015; Воробьева 2018.

¹⁰ Минеева 1995; 2000; 2004.

БАССР, с 1958 г. – Республиканский краеведческий музей БАССР, с 1984 г. – Башкирский государственный объединенный музей, с 1993 г. – Национальный музей Республики Башкортостан.

Информация о первых памятниках археологии с территории РБ была впервые опубликована в работах П.И. Рычкова (1712–1777), П.С. Палласа (1741–1811), И.И. Лепехина (1740–1802), И.П. Фалька (1732–1774) и Н.П. Рычкова (1746–1798).

Первоначально, в 1864 г. музей задумывался его создателями как краеведческий, широкого профиля. Уфа на тот момент являлась административным центром губернии, которой управлял Г.С. Аксаков (1820–1891). Первым директором музея был Н.А. Гурвич (1828–1914) – секретарь СК. Музей поддерживали и развивали в XIX в. члены СК К.А. Бух, А.К. Тимашев, А.Б. Иваницкий, Н.А. Гурвич, А.А. Пекер, В.И. Власов. Уже с 1864 г. по призыву СК, издавшего циркулярное письмо, из разных уголков губернии стали поступать отдельные предметы и коллекции, в том числе и археологические находки, собранные и хранящиеся у отдельных лиц – от предметов эпохи камня до нумизматических коллекций. В программе будущего музея, подготовленной Н.А. Гурвичем, наличие археологии рассматривалось как обязательная часть экспозиции. Сотрудники СК обратились с предложением заняться сбором археологических находок к Р.Г. Игнатьеву (1818–1886), проживавшему в то время в Верхнеуральском уезде. Он дал свое согласие и занялся археологическими разведками в пределах Верхнеуральского, Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии (ныне – территория Челябинской области). В 1865 г., после разделения единой Оренбургской губернии на Уфимскую и Оренбургскую, Р.Г. Игнатьев переезжает в Уфу, а затем принимает участие в раскопках в Зауралье по приглашению управителя Миасских золотых промыслов, члена СК подполковника К.Д. Романовского (1826–1866) – управляющего Миасским горным заводом. Всего на средства золотодобытчиков раскопано более восьми насыпей. Еще до членства в СК К.Д. Романовский занимался археологическими раскопками и располагал значительным собранием археологических находок. Он передал в музей коллекцию вещей из 8 курганов близ Каскинского и Кавелинского рудников (60 предметов). Все экспонаты сопровождались подробным описанием места и обстоятельств находки¹¹. Коллекцию отправили в ИАК, в 1870 г. она была возвращена с сообщением, что «это чудские древности, которые следует отнести к XI или XII столетиям»¹². После смерти К.Д. Романовского раскопки прекратились. Фонды пополнились первой крупной коллекцией археологических материалов.

В 1865 г. Р.Г. Игнатьев вместе с Н.А. Гурвичем и землемером Г. Агровым обследует Чертово городище вблизи г. Уфы. В итоге составлены план и описание памятника. Члены СК подготовили сборник, куда вошли статьи Р.Г. Игнатьева, посвященные описанию Чертова городища¹³, Убаларской степи и курганов вблизи Каскинского рудника¹⁴ и других известных на тот момент археологических памятников¹⁵. Только в Челябинском уезде он зарегистрировал более 500 курга-

¹¹ НМ РБ. ДФ. ОФ 21091. Л. 55–56.

¹² Пекер 1891, 8.

¹³ Гурвич 1868, 19–28.

¹⁴ Гурвич 1868, 30–40.

¹⁵ Гурвич 1868, 15–29.

нов¹⁶. Р.Г. Игнатьев впервые описал Кара-Абызское городище, расположенное в Благовещенском районе РБ. В 1866 г. он передал в дар музею камень от здания, находящегося близ станции Михайловской при речке Калкиной в Троицком уезде Оренбургской губернии¹⁷. Р.Г. Игнатьев проводил раскопки и в пределах современного Башкортостана (1867 г. – возле дер. Кальчировой на р. Аургазе; или курган с каменным склепом на территории мусульманского кладбища в Уфе), но находки из них не сохранились¹⁸. В одной из своих работ Р.Г. Игнатьев описал историю Уфимской губернии с древнейших времен¹⁹. Большую часть своих исследований он опубликовал на страницах Уфимских (Оренбургских) ведомостей²⁰.

В 1868 г. в СК в Уфу пришло письмо от МАО, которое просило содействовать в поддержке первого археологического съезда. Члены СК после обсуждения пришли к следующему решению: «уведомить Общество, что Уфим. Стат. Комитет вполне сочувствует этому просвещенному предприятию и что местом съезда Комитет предполагал бы предпочтительнее назначить Москву как центральный пункт для всех губерний»²¹. В трудах первого археологического съезда была опубликована работа Р.Г. Игнатьева²². Он является фактически основоположником Южно-Уральской (в целом) и башкирской (в частности) археологии²³.

В XIX в. археологические экспонаты поступали в музей со всех уголков губернии, о чем свидетельствуют сохранившиеся письма на имя губернатора того времени²⁴. Также передавали и уникальные экспонаты, найденные в различных областях Российской империи. Князь А.Г. Кугушев передал музею коллекцию из Крыма²⁵. Все наиболее значительные археологические находки отсылались СК для определения в Петербургскую ИАК, а также в МАО, откуда, к сожалению, большинство из них в Уфу не возвращалось, поступая куда-то на хранение²⁶. Но были случаи и успешного возврата предметов²⁷. В 1865 г. в фонды музея поступила коллекция от сотрудника СК А.В. Черникова-Анучина (? – после 1908) – серия бронзовых серпов, найденных возле дер. Миловка под Уфой, а также находки из близлежащего Лазоревского кургана²⁸. В те годы многие любители старины жертвовали музею свои собрания. Личную нумизматическую коллекцию передал музею А.Б. Иваницкий (1813–1891). В 1869 г. близ Стерлитамака, на реке Куганак, был обнаружен клад бронзового литья эпохи раннего железного века, поступивший в фонды музея. В 1899 г. в двух верстах от г. Бирска во время добычи глины вблизи места под названием Святой ключ были найдены разрушенные могилы и вещи (височные подвески, бусы, керамика), переданные в музей²⁹. В 1881 г. по-

¹⁶ Гурвич 1868, 28.

¹⁷ НМ РБ. ДФ. ОФ 21091. Л. 55.

¹⁸ Игнатьев 1873а, 154.

¹⁹ Игнатьев 1873б.

²⁰ Роднов 2008, 130–133.

²¹ Гурвич 1868, 12.

²² Игнатьев 1871.

²³ Обыденнов 2019, 89.

²⁴ НМ РБ. ДФ. ОФ 20636. 50 л.

²⁵ НМ РБ. ДФ. ОФ 20636. Л. 12.

²⁶ НМ РБ. ДФ. ОФ 33232/3. Л. 9.

²⁷ НМ РБ. ДФ. ОФ 20636. Л. 38, 40.

²⁸ НМ РБ. ДФ. ОФ 21088. Л. 53–58.

²⁹ НМ РБ. ДФ. ОФ 20636. Л. 34–35.

четный член СК К.А. Бух (1812–1895) передал в дар музею 43 монеты и предметы археологии: куски мозаики из Софийской мечети в Константинополе, обломки мрамора и мозаики из раскопок Помпеи³⁰. На 1891 г. в археологической экспозиции музея числилось 52 единицы, в нумизматической – 927 единиц³¹.

После смерти Р.Г. Игнатьева, отхода от дел Н.А. Гурвича в музейном деле в целом и в археологической работе в частности наступает застой. Но в конце XIX в. была издана брошюра, подготовленная управляющим Контрольной Палаты А.А. Пекером, посвященная истории создания Уфимского музея³². В этом издании описан и «археологический отдел музея» (фактически – экспозиция), который занимал две витрины и щиты с крупными вещами. Кроме уже упомянутых коллекций, А.А. Пекер описывает находки, полученные от помещика Г. Новикова в 1878 г. – материалы раскопок так называемых Новиковских курганов эпохи раннего средневековья³³.

С территории РБ в конце XIX в. археологические находки передаются уже не в Уфимский музей, а в фонды столичных научных обществ и музеев. В это время здесь работает археолог Ф.Д. Нефедов (1838–1902). Он впервые исследовал Ново-Турбаслинский могильник эпохи раннего средневековья³⁴, шиханы близ устья р. Белая³⁵, а также описал в своем отчете каменные жертвенники, хранящиеся в фондах Уфимского музея³⁶. Эти материалы постепенно стали привлекать внимание столичных ученых. Сотрудники МАО в начале XX в. обратили внимание на полное отсутствие каких-либо работ археологической направленности по обширной лесостепной зоне Южного Урала. В 1901–1903 гг. в Уфу был командирован известный в то время археолог и нумизмат Н.И. Булычев (1852–1919). Результатом его работ явилось издание каталога монетного фонда из Уфимского музея³⁷, а также – первый в истории региона альбом археологических находок с комментариями автора³⁸.

В апреле 1909 г. было образовано Уфимское семейно-педагогическое общество³⁹, одним из активных членов которого стал краевед П.Ф. Ищериков (1892–1961)⁴⁰. Осенью 1909 г., с началом учебного года, в семейно-педагогическом обществе, в секции изучения местного края, П.Ф. Ищериков на первом заседании сделал сообщение о собранных на территории возле Чертова городища в Уфе человеческого черепа, медных и костяных наконечников стрел и ржавого наконечника копья. Об этом была помещена заметка в «Уфимский вестник»⁴¹. В 1910 г. в Уфу прибывает московский археолог В.В. Гольмстен (1948–1920)⁴² и узнает о находках. Состоялось знакомство П.Ф. Ищерикова с ней. В.В. Гольмстен на средства

³⁰ Гурвич 1881, 1.

³¹ Гурвич 1891, 59–60.

³² Пекер 1891.

³³ Пекер 1891, 9.

³⁴ Нефедов 1879; 1889а–б.

³⁵ Нефедов 1879; 1889а–б, 69–70.

³⁶ Нефедов 1879; 1889а–б, Рис. 4–5, 12–13.

³⁷ Булычев 1902.

³⁸ Булычев 1904.

³⁹ НБ РБ. МК 37. У-83. С. 24389.

⁴⁰ РБ. ДФ. Ф. 92; ЦИА РБ. Ф. Р-4423. Оп. 1.

⁴¹ Красная Башкирия 13.10.1928, 4; 19.10.1929, 4.

⁴² См.: Кузьминых, Сафонов, Сташенков 2007.

семейно-педагогического общества (1000 рублей) рядом с Чертовым городищем (включая его вал и ров) провела раскопки летом 1910–1912 гг.⁴³. П.Ф. Ищериков был участником раскопок⁴⁴. За два года работ на могильнике обнаружено 28 погребений, содержащих как женские, так и мужские наборы инвентаря. Исследователь опубликовала результаты раскопок одного года⁴⁵, остальные же материалы были опубликованы только в 2003 г.⁴⁶. За 1909–1912 гг. В.В. Гольмстен также провела раскопки Александровских курганов в Белебеевском уезде, Бахмутинского и Охлебенинского могильников, Богоявленского монастыря в Стерлитамакском уезде, в Гафурийском районе РБ (соляные варницы и Солеварный городок у истоков р. Усолка – на месте современных корпусов санатория «Красноусольский»)⁴⁷. Часть материалов раскопок Чертова городища и могильника, расположенного рядом с ним (Уфимский могильник), поступили на хранение в созданный музей при семейно-педагогическом обществе, хранителем коллекции был П.Ф. Ищериков. Музей при обществе основан в 1911 г. как филиал-отделение Уфимского губернского музея⁴⁸. После закрытия семейно-педагогического общества в 1918 г. коллекция поступила на хранение в фонды НМ РБ, где она сохранилась до наших дней.

В.В. Гольмстен и член МАО Д.Н. Эдинг (1887–1946), сопровождавший исследовательницу в Башкирии, передали в дар музею коллекцию каменных орудий и керамики эпохи неолита, найденных ими у с. Перевицкого Рязанской губернии⁴⁹. В знак уважения к научной деятельности В.В. Гольмстен и Д.Н. Эдинга на Южном Урале Комитет Уфимского губернского музея принял их в действительные члены⁵⁰.

В начале XX в. руководство музея было обеспокоено сохранностью фондов. Согласно протоколу заседания от 1911 г. первым хранителем археологической коллекции был назначен секретарь СК г. Подобед, который, «по словам Его Превосходительства (имеется в виду губернатор – С.В.), много и с большой пользой работал как археолог в Новгородском музее»⁵¹.

В.В. Гольмстен вместе с сотрудниками секции изучения местного края Уфимского семейно-педагогического общества составила список известных им памятников археологии на территории Уфимской губернии. Возникает вопрос о создании археологической карты Уфимской губернии, но эта работа не была закончена из-за начавшейся Первой мировой войны. Музей в эти годы не ведет научно-исследовательскую работу. Боевые действия Гражданской войны протекали непосредственно на территории РБ, Уфа неоднократно переходила из рук в руки. Из музейных коллекций исчезли многие ценные вещи (особенно из серебра и золота), но основа фондов, в том числе и археологических, была сохранена.

⁴³ НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32. 43 л.; НМ РБ. ДФ. Ф. 314. Д. 2. ОФ 20082/1-2, ОФ 20083.

⁴⁴ НМ РБ. ДФ. Ф. 92. НВ 23319/108. Л. 4.

⁴⁵ НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32. 43 л.; 19126; 1913; 1914а.

⁴⁶ Овсянников, Яминов 2003.

⁴⁷ Гольмстен 1912а; 1914б.

⁴⁸ Гарустович, Минеева 2003, 8.

⁴⁹ НМ РБ. ДФ. ОФ 20636. Л. 43–44.

⁵⁰ Гарустович, Минеева 2003, 9.

⁵¹ НБ РБ. К 9. П-83. С. 16.

С приходом в регион Советской власти происходит расцвет краеведческой работы, который был санкционирован властями страны. В 1919 г. музей организует первые этнографические экспедиции и принимает на работу инструктора-этнографа Н. Колесницкого. В течение 1919 – начала 1920 г. руководство ищет подходящую кандидатуру на должность инструктора-археолога. И 1 августа 1920 г. на эту вакансию устраивается 25-летний М.И. Касьянов⁵², не имеющий исторического образования. В 1920–1921 гг. М.И. Касьянов впервые организует сплошное археологическое обследование территории БАССР⁵³. Всего за 1920-е гг. он открыл свыше 30 памятников археологии.

В 1920 г. было создано научное общество истории при Башнаркомпросе, которое в 1922 г. преобразовано в Общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии при Наркомате просвещения, а в 1926 г. – в Общество по изучению Башкирии⁵⁴. В 1920 г. в состав общества входил М.С. Смирнов – археолог, сотрудник, а затем директор Стерлитамакского краеведческого музея. Он провел ряд археологических раскопок на территории Башкортостана⁵⁵, в которых его сопровождал М.И. Касьянов. В 1921 г. М.С. Смирновым и М.И. Касьяновым было вскрыто несколько погребений эпохи средневековья на Бахмутинском могильнике и возле хут. Чандар (Нуримановский район РБ). Полевые материалы хранятся в Уфимском и Стерлитамакском музеях. После отъезда М.С. Смирнова из Башкортостана вся археологическая работа концентрируется в Уфе.

В 1928 г. в районе села Охлебинино М.И. Касьянов обнаружил три неизвестных ранее городища. На городище Ак-Таш (Охлебининское) он заложил «пробный шурф». В этом же году им в окрестностях с. Шланлы Стерлитамакского района найдены остатки плавильных печей и три стоянки: на горе Курмантау, близ с. Покровского и в окрестностях д. Толмачевка (Стерлитамакский район) и одно городище близ с. Табынского. Были обследованы и мавзолей Хусейн-Бека, и башни Турахана⁵⁶. Он впервые из исследователей записал и перевел надгробную эпитафию на мавзолее Хусейн-бека, так как знал башкирский и татарский языки. Много случайных находок, собранных местными жителями на этих памятниках, М.И. Касьянов приобретал на деньги музея⁵⁷. Фактически на каждом открытом им поселении он закладывал разведочные траншеи. К сожалению, от археологических исследований М.И. Касьянова практически не сохранилось записей. Личный архив М.И. Касьянова до сих пор не обнаружен (по всей видимости, он был утрачен в годы Великой Отечественной войны).

В 1920 г. М.И. Касьянов подписывается как заведующий отделом археологии Башкирского центрального краеведческого музея, в 1922 г. – как заведующий отделом археологии Музея Южного Приуралья. С 1923 г. в учреждении был историко-археологический отдел со следующими подотделами: каменный, бронзовый, железный периоды и исторический подотдел. Таким образом, в 1920-е гг. в музее был отдел археологии, который по неизвестным причинам впоследствии реор-

⁵² НМ РБ, ДФ. НВ. 23903/34. 1 л.

⁵³ НМ РБ, ДФ. НВ. 23903/78. 1 л.

⁵⁴ См.: Завьялов 1928.

⁵⁵ Смирнов 2003; НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 5. Д. 81. 14 л.

⁵⁶ Валиуллин 2014, 43.

⁵⁷ НМ РБ. НА. Оп. 1. Д. 48. Л. 13.

ганизовали. Предположительно, это произошло в 1939 г., когда М.И. Касьянова назначили заведующим отделом истории. В 1990-е гг. отдел был создан уже повторно.

С 1924 г. М.И. Касьянов состоял членом Общества по изучению Башкирии, поэтому часть полевых работ проводил на средства общества, ликвидированного в 1932 г. С самого начала своей работы в музее, М.И. Касьянов приступил к составлению археологической карты РБ по собранным материалам и плану Уфы времен пугачевского восстания⁵⁸. Итогом этого стало создание реестра памятников археологии Башкортостана. Этот перечень опубликовал сотрудник музея, геолог Г.В. Вахрушев (1894–1966) (впоследствии первый Председатель Башкирского филиала АН СССР). Он включал в себя 83 поселенческих и погребальных объектов, разделенных на городища (17 экз.), валы (20), курганы (27), могильники (14) и т.д.⁵⁹. Г.В. Вахрушев отметил слабую изученность и активное разрушение памятников археологии. Он назвал свой перечень предварительным, требующим значительной последующей доработки⁶⁰. Первый перечень памятников, подлежащих государственной охране, составленный М.И. Касьяновым на 16 листах, включал 76 пунктов⁶¹. Он также опубликовал ряд статей о своих находках на русском и татарском языках в местных газетах «Красная Башкирия» и др.⁶².

В 1920-е гг. музей посетил финский археолог А.М. Тальгрэн (1885–1945), занимавшийся изучением ананьинской культуры эпохи раннего железа. Он познакомился с уже богатой на тот момент коллекцией, часть предметов опубликовал в своей работе⁶³. В 1927–1928 гг. по приглашению краеведа П.Ф. Ищерикова в Башкирию из Ленинградского отделения Академии наук СССР приезжает археолог А.В. Шмидт (1894–1935), который совместно с музеем, частично на деньги музея и Общества по изучению Башкирии проводит раскопки Бахмутинского могильника, Чандарского селища и городища Кара-Абыз⁶⁴. Исследования проходили на высоком профессиональном уровне, в музее сохранились как материалы раскопок в фондах археологии, так и документальные источники – фотографии А.В. Шмидта и его переписка с музеем, финансовые документы о закупках оборудования для раскопок (в том числе и сит для просеивания земли)⁶⁵.

10 июня 1936 г. в Уфе при рытье котлована под фундамент Башкирского медицинского института по улице Зенцова рабочими случайно было выявлено богатейшее турбаслинское погребение эпохи раннего средневековья с золотыми украшениями. Для их изъятия сформировали комиссию в составе директора музея С.Г. Егорова и научного сотрудника М.И. Касьянова⁶⁶. 25 июля 1936 г. в Уфу прибыл представитель Академии наук СССР, профессор П.П. Ефименко, который принял участие в заседании Археологической комиссии при ЦИК БАССР с участием членов Правительства БАССР. В нем также участвовали: председатель

⁵⁸ Валиуллин 2014, 43.

⁵⁹ Вахрушев 1926.

⁶⁰ Вахрушев 1926, 43–45, 50.

⁶¹ НМ РБ. ДФ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–16.

⁶² Красная Башкирия 20.06.1929; 17.07.1936; 12.10.1938; 18.02.1939.

⁶³ Tallgren 1937, 18, рис. 5.

⁶⁴ Бадер 1976, 7.

⁶⁵ НМ РБ. ДФ. Ф. 314. Д. 2а, НВ 18962/1-2. Л. 1-2; Д. 1. ОФ 4012. Л. 1.

⁶⁶ Валиуллин 2014, 73–74.

А.М. Тагиров, нарком просвещения Г.К. Давлетшин, председатель археологической комиссии при ЦИК БАССР Г.С. Амантаев; члены комиссии – М.И. Касьянов, П.Ф. Ищериков, Б.А. Коишевский, директор музея С.Г. Егоров⁶⁷. Именно в связи с необходимостью исследования уникального памятника в Уфу прямо из тюрьмы присылают археолога и поэта Б.А. Коишевского (1902–1945)⁶⁸, осужденного в 1936 г. в рамках «Академического дела» и разгрома краеведческого движения в Ленинграде. Он был принят в качестве научного сотрудника в подчинение М.И. Касьянова. Под их руководством были раскопаны богатые погребения. Материалы поступили в фонды археологии и драгметаллы. Археологи подробно описали находки, сопроводив их информацией о месте обнаружения⁶⁹.

С 1936 г. в музее работают два археолога – М.И. Касьянов и Б.А. Коишевский. В это время учреждение становится одним из ведущих научно-исследовательских центров: велась активная работа по охране объектов культурного наследия, ежегодно организовываются археологические и этнографические экспедиции, издаются работы Общества по изучению Башкирии. В 1936–1938 гг. Б.А. Коишевский вместе с краеведом П.Ф. Ищериковым активно выступают за сохранение Смоленского собора (Троицкой церкви), после закрытия которого они с архитектором Н.Ю. Лермонтовым (1867–1949) проводили исследование памятника, составив подробный план. Благодаря усилиям Б.А. Коишевского и П.Ф. Ищерикова в 1940 г. Башсовнарком вынес постановление о передаче здания собора краеведческому музею для устройства его филиала. Но в связи с началом Великой Отечественной войны музей не успел провести реставрацию здания, а в 1956 г. Смоленский собор был разрушен⁷⁰. В 1938 г. директор Музея А.Б. Валеев представил список памятников древности в БАССР на предмет их охраны для дальнейшего научного обследования. Этот список был подготовлен научными сотрудниками М.И. Касьяновым и Б.А. Коишевским⁷¹. В него входило 24 археологических объекта с подробным описанием. В первоначальном перечне памятников М.И. Касьянова и Б.А. Коишевского было 35 наименований⁷², часть из них удалена, вероятнее всего, директором музея.

В 1930-е гг. Б.А. Коишевский и М.И. Касьянов проводили раскопки курганных могильников у Дворца Культуры⁷³ и на Мусульманском кладбище на территории г. Уфы⁷⁴, Первомайской площади и усадьбы 6 Смоленского собора (территория Уфимского кремля, построенного в XVI в.)⁷⁵, Чубук-Каранского курганного могильника в Бижбулякском районе РБ и связанной с ним стоянки эпохи камня⁷⁶. Открытые листы на проведение работ были выданы музеем на имя Б.А. Коишевского⁷⁷. Раскопки Первомайской площади выявили целый ряд интересных дета-

⁶⁷ Валиуллин 2014, 74.

⁶⁸ См.: Воробьева 2018; Фешкин 2014.

⁶⁹ НМ РБ. ДФ. Ф. 314. Д.1. ОФ 20825. Л. 1–8.

⁷⁰ См.: Григорьев 2016; Захаров 2016.

⁷¹ НМ РБ. НА. Оп. 1. Д. 12. Л. 6–10.

⁷² НМ РБ. НА. Оп. 1. Д. 12. Л. 32–36.

⁷³ НМ РБ. ДФ. Ф. 314. Д.1. ОФ 20826. Л. 1–18; ОФ 22655/2-3. Л. 1–2.

⁷⁴ НМ РБ. ДФ. Ф. 314. Д.1. ОФ 21654/1.Л.1; ОФ 22655/1. Л. 1, ОФ 21654/2. Л. 1.

⁷⁵ Красная Башкирия 12.01.1941, 4; НМ РБ. ДФ. ОФ 23643/14. Л.1.

⁷⁶ Красная Башкирия 12.10.1938, 4; 18.02.1939, 4.

⁷⁷ НМ РБ. НА. Д. 41. Л. 56.

лей – остатки деревянных стен зданий, каменных фундаментов, выход в одном месте слоя битых стеклянных бутылок, где по плану г. Уфы конца XVIII в. были питейные дома, а также большое количество могил, обнаруженных в обвалах грунта со стороны Посадской улицы⁷⁸. В 1940 г. Б.А. Коишевский проводил консультации по археологической тематике: для Совнаркома БАССР об историческом значении Смоленского собора и Первомайской площади в связи с их принятием на государственную охрану, для зоотехника Чишминского района БАССР по вопросу происхождения и породности коз по археологическим данным⁷⁹. В начале 1941 г. Б.А. Коишевский едет в Москву, где делает доклад на заседании II Отделения ГИМ об археологических раскопках в Уфе в 1939 г.⁸⁰. Сохранилась переписка Б.А. Коишевского за 1941 г. с разными любителями старины из деревень и районных центров Башкортостана⁸¹, переписка с секретарем Нижне-Арметьевского сельсовета Макаровского района БАССР (ныне Ишимбайский район) о различных находках на территории сельсовета⁸².

В первые дни войны жизнь в музее шла в том же темпе – летом 1941 г., в разгар боевых действий на фронтах, на территории г. Уфы при прокладке трубопроводных труб была обнаружена удивительная находка – клад сасанидского времени (Иран, V–VI вв. н.э.), состоящий из двух серебряных блюдец и обломка горлышка медного кувшина⁸³. Обследование места находки, первая публикацияклада и описание в инвентарной книге исторического отдела было сделано Б.А. Коишевским⁸⁴. Еще с 1939 г. Б.А. Коишевский начал работу по инвентаризации и описанию коллекций исторического отдела (археология, нумизматика, бонистика, фалеристика, предметы изобразительного искусства, документы)⁸⁵. Археологические работы, запланированные на лето 1941 г., были отменены⁸⁶.

Но такое вполне привычное для музея течение дел было прервано в октябре 1941 г., когда здание забрали под эвакуогоспиталь. Все экспонаты буквально за одну ночь свалили во дворе музея, потом разместили в деревянном ветхом сарае Медицинского института, находящемся в одном дворе с музеем. В этот же год в Уфу были эвакуированы сотрудники Академии наук Украинской ССР, включая президиум. Внимание украинских археологов Д.И. Блифельда⁸⁷ (1908–1966), Л.Д. Дмитрова (1885–1965)⁸⁸ и Е.Ф. Лаговойской⁸⁹ (1899–1958) привлекают фонды музея. Они совместно с Б.А. Коишевским составляют «Список памятников древностей в Башкирской АССР на предмет их охраны для дальнейшего научного обследования» из 138 пунктов⁹⁰. Он лег в основу так называемой «Картотеки

⁷⁸ Красная Башкирия 12.01.1941, 4.

⁷⁹ НМ РБ. НА. Д. 41. Л. 5об.

⁸⁰ НМ РБ. НА. Д. 41. Л. 38, 82 об.

⁸¹ НМ РБ. НА. Д. 41. Л. 59.

⁸² НМ РБ. НА. Д. 41. Л. 1.

⁸³ Красная Башкирия 20.10.1941, 4.

⁸⁴ НМ РБ. НА. Д. 41. Л. 13, 16.

⁸⁵ НМ РБ. НА. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–130; Д. 50. Л. 1–141.

⁸⁶ НМ РБ. НА. Д. 41. Л. 82 об.

⁸⁷ Довженок 1967, 324.

⁸⁸ Славин 1966, 233–234.

⁸⁹ Телегин 1959, 329.

⁹⁰ НМ РБ. НА. Д. 41. Л. 9–16.

Коишевского», состоящей из 363 карточек-описаний⁹¹. Б.А. Коишевский в годы войны продолжил инвентаризацию музейных предметов с упором на археологический материал. Для атрибутирования экспонатов он обращался за помощью к Е.Ф. Лаговойской и к Л.Д. Дмитрову, которые на тот момент имели огромный опыт полевой работы. Д.И. Блительд в 1941 г. закончил аспирантуру и собирался приступить к написанию кандидатской диссертации. Е.Ф. Лаговойская, в свою очередь, изучив археологические экспонаты музея, написала рукопись «Археологические памятники Башкирии от древнейших времен до начала нашей эры»⁹², которая не была опубликована. Эта работа явилась первым обобщением археологических материалов с территории Башкирии от эпохи камня до начала нашей эры. Д.И. Блительд занялся изучением коллекций музея. Он написал и защитил в 1943 г. в Москве кандидатскую диссертацию на тему «Археологические памятники Башкирии с середины I тыс. до н.э.»⁹³.

По материалам музея Е.Ф. Лаговойской и Д.И. Блительдом в 1941–1943 гг. были сделаны доклады на сессии Академии наук о памятниках археологии РБ⁹⁴. Е.Ф. Лаговойская подготовила несколько печатных обобщающих работ⁹⁵. В 1943 г. украинские археологи были переведены из Уфы в Москву⁹⁶.

Археологические фонды практически не пополнялись в годы войны, но имеющиеся экспонаты описывались Б.А. Коишевским, проводившим постоянную инвентаризацию предметов⁹⁷. Б.А. Коишевский работал над созданием обобщающего исследования по археологии Башкирии «Итоги археологического изучения Башкирской АССР», изданного после его смерти, в 1948 г., в Москве⁹⁸. Автором проделана огромная работа по систематизации и оценке 363 археологических объектов и всех известных архивных и литературных источников по ним.

Б.А. Коишевский умер в 1945 г. в Уфе от туберкулеза, М.И. Касьянов не вернулся с фронта. Пережил военные годы только П.Ф. Ищериков, находившийся в трудовой армии. В послевоенные годы полноценная археологическая работа возобновилась в регионе только в 1953 г., когда был образован отдел археологии в составе Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (в настоящее время ИИЯЛ УФИЦ РАН).

Таким образом, в середине XIX – середине XX в. НМ РБ был единственным научно-исследовательским археологическим центром в Башкирии. Он выполнял функцию по координации археологической работы, поиску, систематизации и сохранению не только предметов археологии как экспонатов, но и в целом всех памятников древности. После войны и до сегодняшнего дня музей больше не становился ведущим научным центром – поменялась и его функция как учреждения. Сейчас в его задачи, прежде всего, входит сохранение и популяризация археологических коллекций из собрания. На сегодняшний день коллекция археологии, куда входит и часть фонда драгметаллы, насчитывает более 200 тысяч предметов,

⁹¹ Коишевский 1948, 161.

⁹² НА УФИЦ РАН. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1. 135 л.

⁹³ Лебедев 2012, 55, 201–202.

⁹⁴ Онищенко 2007б, 488.

⁹⁵ УФИЦ РАН. Ф. 34. Оп. 1. Д. 15. 120 л.; Ф. 3, Оп. 39. Д. 12. 17 л.

⁹⁶ Онищенко 2007а, 214.

⁹⁷ НМ РБ. НА. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–130; Д. 50. Л. 1–141.

⁹⁸ Коишевский 1948.

что составляет 1/3 всего музейного фонда НМ РБ. Значительная часть коллекций, полученных в XIX – первой половине XX в., сохранилась до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер, О.Н. 1976: *Археологическая карта Башкирии*. М.
- Булычев, Н.И. 1902: *Краткий каталог монет Золотой Орды Уфимского губернского музея*. СПб.
- Булычев, Н.И. 1904: *Древности из Восточной Руси*. Вып. II. СПб.
- Валиуллин, Г.Ф. 2014: *Национальный музей Республики Башкортостан: история создания и развития*. Уфа.
- Васюткин, С.М. 1968: История изучения археологических памятников юго-западного Приуралья I тысячелетия н.э. *Вестник МГУ* 1, 66–82.
- Васюткин, С.М. 1973: Археологические исследования в Башкирии в советское время (1917–1945 гг.). В сб.: Р.В. Филиппов (отв. ред.), *Очерки истории дореволюционной России* 3. Уфа, 169–178.
- Вахрушев, Г.В. 1926: Памятники природы, старины и искусства Башкирии. В сб.: Ш.Х. Сюнчелей (ред.), *Башкирский краеведческий сборник. Материалы общества по изучению Башкирии*. 1. Уфа, 40–50.
- Воробьева, С.Л. 2015: История отдела археологии Национального музея Республики Башкортостан: от момента создания до сегодняшних дней. *Вопросы музеологии* 2 (12), 131–141.
- Воробьева, С.Л. 2018: Коишевский Борис Андреевич (1902–1945 гг.) – первый профессиональный археолог Национального музея Республики Башкортостан. В сб.: Р.Р. Русланова (ред.), *АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди* 3. Уфа, 145–153.
- Гарустович, Г.Н. 2003: Начало археологического изучения Башкортостана в советское время (экспедиционные работы М.С. Смирнова). *УАВ* 4, 6–15.
- Гарустович, Г.Н. (автор-составитель) 2008: *Каталог археологических коллекций Национального музея Республики Башкортостан*. Уфа.
- Гарустович, Г.Н., Минеева, И.М. 2003: Из истории археологических исследований в Башкортостане: Вера Владимировна Гольмстен. *УАВ* 4, 6–15.
- Гольмстен, В.В. 1912а: Археологические раскопки в Уфимской губернии. *Известия ИАК* 44, 147.
- Гольмстен, В.В. 1912б: Раскопки могильника близ Чертова городища под г. Уфой летом 1911 г. *Вестник Оренбургского учебного округа* 3, 9–36.
- Гольмстен, В.В. 1913: *Могильник близ г. Уфы*. Уфа.
- Гольмстен, В.В. 1914а: *Могильник близ г. Уфы*. М.
- Гольмстен, В.В. 1914б: Археологические исследования в Уфимской губернии. *Труды МАО* 24, 313–317.
- Гольмстен, В.В. 1914в: Могильник близ г. Уфы. В кн.: *Отчет о состоянии Императорского Московского археологического института в 1912-1913 гг.* М., 1–24.
- Григорьев, Н.Н. 2016: Об итогах проведения археологической разведки на территории Уфимского края. В кн.: М.И. Роднов (ред.), *Река времени*. Уфа, 8–15.
- Гурвич, Н.А. (ред.) 1868: *Сборник исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранные и разработанные в течение 1866 и 1867 гг. С хроно-литографированной картой Уфимской и новой Оренбургской губерний и планами городов Уфы и Оренбурга*. Уфа.
- Гурвич, Н.А. 1881: *Журнал Уфимского Статистического Комитета от 9 января 1881*. Уфа.
- Гурвич, Н.И. (ред.) 1891: *Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год*. Уфа.

- Довженко, В.И. 1967: Д.И. Блитель (некролог). *СА* 3, 324.
- Завьялов, П. 1926: Краткий обзор деятельности Общества по изучению Башкирии за 5 лет. В сб.: *Бюллетень Башкирского областного бюро краеведения* 2. Уфа, 22–28.
- Захаров, В.Н. 2016: Документы П.Ф. Ищеринова как основа для историко-архитектурных исследований Уфимского Смоленского собора. В кн.: М.И. Роднов (ред.), *Река времени*. Уфа, 16–24.
- Игнатьев, Р.Г. 1871: Курганы и городища Оренбургского края. В сб.: А.С. Уваров (ред.), *Труды Первого археологического съезда в Москве. Приложения* I. М., 153–158.
- Игнатьев, Р.Г. 1873а: Памятники доисторических древностей Уфимской губернии. В кн.: Н.А. Гурвич (ред.), *Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картою губернии*. Уфа, 167–186.
- Игнатьев, Р.Г. 1873б: Хроника достопамятных событий Уфимской губернии. В кн.: Н.А. Гурвич (ред.), *Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картою губернии*. Часть II. Уфа, 1–18.
- Коишевский, Б.А. 1948: Итоги археологического изучения Башкирской АССР. В сб.: А.П. Смирнов (ред.), *Историко-археологический сборник НИИ краеведческой и музейной работы*. М., 161–170.
- Кузьминых, С.В., Сафонов, И.Е., Сташенков, Д.А. 2007: *Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии*. Самара.
- Кульшарипов, М.М. (ред.) 2011: *История башкирского народа*: в 7 т. Т. VI. М.
- Лебедев, А.И. 2012: *Становление и развитие органов государственной охраны памятников истории и культуры в 1917–2010 годах (по материалам Башкирии)*: Научное издание. Уфа.
- Минеева, И.М. 1995: Отдел археологии в краеведческом музее: проблемы и задачи. *Музееведение* 1, 32–42.
- Минеева, И.М. 2000: Музейная археология и особенности развития археологических исследований в краеведческом музее. В сб.: Л.И. Скрипкина (ред.), *Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев: современные концепции первобытной истории. Труды Государственного исторического музея* 113. М., 49–53.
- Минеева, И.М. 2004: *Археологические исследования в музеях Башкортостана: опыт истории и проблемы современности*. Уфа.
- Мосин, В.С., Григорьев, С.А., Таиров, А.Д., Боталов, С.Г., Самигулов, Г.Х. 2002: *История археологии Южного Зауралья*. Челябинск.
- Нефедов, Ф.Д. 1879: Поездка в Башкирию. В кн.: Н.Ю. Зограф, А.А. Тихомиров (сост.), *Антропологическая выставка*. Т.3. Ч.2. Вып. 1. *Описание предметов выставки: отдел геолого-палеонтологический*. М., 6.
- Нефедов, Ф.Д. 1889а: Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. В сб.: Д.Н. Анучин (ред.), *Материалы по археологии восточных губерний, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом* III. М., 1–41.
- Нефедов, Ф.Д. 1889б: Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1897 гг. В сб.: Д.Н. Анучин (ред.), *Материалы по археологии восточных губерний, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом* III. М., 42–74.
- Обыденнов, М.Ф., Саватеева, Г.Н. 2012: *История изучения древней истории и археологии Урала. XVII–XX вв.* Уфа.
- Обыденнов, М.Ф. 2019: Забытая дата, или 155 лет археологии Башкортостана. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан* 31, 2(94), 87–92.
- Обыденнова, Г.Т. 2002: *Очерк истории развития Урало-Поволжской археологии первой половины XX столетия*. Уфа.

- Овсянников, В.В., Яминов, А.Ф. 2003: Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912). *УАВ* 4, 16–57.
- Пекер, А.А. 1891: *Исторический очерк Уфимского губернского музея, с подробным описанием его коллекций*. Уфа.
- Роднов, М.И. 2008: Археологическая информация на страницах «Уфимских губернских ведомостей» (1865–1895 годы). *УАВ* 8, 130–133.
- Смирнов, М.С. 2004: Отчет научной экспедиции Башнаркомпросса по итогам раскопок и разведок в 1920 году. *УАВ* 4, 64–72.
- Телегин, Д.Я. 1959: Е.Ф. Лагодовская (некролог). *СА* 4, 329.
- Фешкин, В.Н. 2014: Оценка научной деятельности ученых, находящихся в политической ссылке. *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук* 4, 250–257.
- ЦИА РБ. Ф. Р–4423. Оп. 1. Фонд личного происхождения (П.Ф. Ищерилов).
- Tallgren, A.M. 1937: The Arctic Bronze in Europe. *Eurasia Septentrionalis Antiqua* XI, 13–42.
- Онищенко, О.С. (ред.) 2007а: *Історія Національної академії наук України (1941–1945): Частина 1. Документи і матеріали*. К.
- Онищенко, О.С. (ред.) 2007б: *Історія Національної академії наук України (1941–1945): Частина 2. Додатки*. К.
- Славин, Л.М. 1966а: Л.Д. Дмитров (некролог). *Археологія* XX, 233–234.
- Славин, Л.М. 1966б: Д.И. Блительд (некролог). *Археологія* XX, 235.

REFERENCES

- Bader, O.N. 1976: *Arkheologicheskaya karta Bashkirii* [Archaeological map of Bashkiria]. Moscow.
- Bulychev, N.I. 1902: *Kratkiy katalog monet Zolotoy Ordyy Ufimskogo gubernskogo muzeya* [Short catalogue of the Golden Horde coins in the Ufa Provincial Museum]. Saint Petersburg.
- Bulychev, N.I. 1904: *Drevnosti iz Vostochnoy Rusi* [Antiquities from Eastern Russia]. Iss. II. Saint Petersburg.
- Dovzhenok, V.I. 1967: D. I. Blifel'd (nekrolog) [D.I. Blifeld (the necrology)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] 3, 324.
- Feshkin, V.N. 2014: Otsenka nauchnoy deyatel'nosti uchenykh, nakhodyashchikhsya v politicheskoy ssylke [Assessment of the scientific activities of scientists in political exile]. *Sovremennyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk* [Modern problems of the humanities and social sciences] 4, 250–257.
- Garustovich, G.N. (author) 2008: *Katalog arxeologicheskikh kolektsiy Nacional'nogo muzeya Respubliki Bashkortostan* [Catalogue of archaeological collections of the National Museum of the Republic of Bashkortostan]. Ufa.
- Garustovich, G.N. 2003: Nachalo arxeologicheskogo izucheniya Bashkortostana v sovetskoe vremya (ekspeditsionnye raboty M.S. Smirnova) [Beginning of the archaeological study of Bashkortostan in Soviet times (expeditionary work of M.S. Smirnov)]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald] 4, 6–15.
- Garustovich, G.N., Mineeva, I.M. 2003: Iz istorii arkheologicheskikh issledovaniy v Bashkortostane: Vera Vladimirovna Gol'msten [From the history of archaeological research in Bashkortostan: Vera Vladimirovna Golmsten]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald] 4, 6–15.
- Golmsten, V.V. 1912a: Arkheologicheskie raskopki v Ufimskoy gubernii [Archaeological excavations in the Ufa province]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 44, 147.
- Golmsten, V.V. 1912b: Raskopki mogil'nika bliz Chertova gorodishha pod g. Ufoj letom 1911 g. [Excavations of a burial ground near the Chertovo settlement near Ufa in the summer of 1911].

- 1911]. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga* [Bulletin of the Orenburg educational district] 3, 9–36.
- Golmsten, V.V. 1913: *Mogil'nik bliz g. Ufy* [Burial ground near Ufa]. Ufa.
- Golmsten, V.V. 1914b: Arkheologicheskie issledovaniya v Ufimskoy gubernii [Archaeological research in the Ufa province]. *Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshhestva* [Proceedings of the Moscow Archaeological Society] 24, 313–317.
- Golmsten, V.V. 1914c: *Mogil'nik bliz g. Ufy* [Burial ground near Ufa]. In: *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo instituta v 1912–1913 gg.* [Report on the status of the Imperial Moscow Archaeological Institute in 1912–1913]. Moscow, 1–24.
- Golmsten, V.V. 1914a: *Mogil'nik bliz g. Ufy* [Burial ground near Ufa]. Moscow.
- Grigoriev, N.N. 2016: Ob itogakh provedeniya arkheologicheskoy razvedki na territorii Ufimskogo kraya [On results of archaeological exploration in the Ufa Region]. In: M.I. Rodnov (ed.), *Reka vremeni. 2016* [The River of Time. 2016]. Ufa, 8–15.
- Gurvich, N.A. (ed.) 1868: *Sbornik istoricheskikh i arkheologicheskikh svedeniy po byvsheymu Orenburgskoy i nyneshney Ufimskoy guberniyam, sobrannye i razrabotannye v techenie 1866 i 1867 gg. S khrono-litografirovannoy kartoy Ufimskoy i novoy Orenburgskoy guberniyam i planami gorodov Ufy i Orenburga* [A collection of historical and archaeological information on the former Orenburg and present Ufa provinces, collected and developed during 1866 and 1867. With a chromolithographed map of the Ufa and the new Orenburg provinces and plans of the cities of Ufa and Orenburg]. Ufa.
- Gurvich, N.A. 1881: *Zhurnal Ufimskogo Statisticheskogo Komiteta ot 9 yanvarya 1881* [Journal of the Ufa Statistical Committee of January 9, 1881]. Ufa.
- Gurvich, N.I. (ed.) 1891: *Pamyatnaya knizhka Ufimskoy gubernii na 1891 god* [Commemorative book of the Ufa province for 1891]. Ufa.
- Ignatiev, R.G. 1871: Kurgany i gorodishha Orenburgskogo kraya [Kurgans and settlements of the Orenburg Province]. In: A.S. Uvarov (ed.), *Trudy Pervogo arkheologicheskogo s'ezda v Moskve. Prilozheniya* [Proceedings of the First Archaeological Congress in Moscow. Appendices] I. Moscow, 153–158.
- Ignatiev, R.G. 1873b: *Khronika dostopamyatnykh sobytiy Ufimskoy gubernii* [Chronicle of memorial events of the Ufa Province]. In: N.A. Gurvich (ed.), *Pamyatnaya knizhka Ufimskoy gubernii s statisticheskoy kartoy gubernii. Chast' II* [Memorial book of the Ufa province with a statistical map of the province]. Pt II. Ufa, 1–18.
- Ignatiev, R.G. 1873a: *Pamyatniki doistoricheskix drevnostey Ufimskoy gubernii* [Pre-historical sites of the Ufa Province]. In: N.A. Gurvich (ed.), *Pamyatnaya knizhka Ufimskoy gubernii s statisticheskoy kartoy gubernii* [Memorial book of the Ufa province with a statistical map of the province]. Ufa, 167–186.
- Koishevskiy, B.A. 1948: Itogi arkheologicheskogo izucheniya Bashkirskoy ASSR [Results of Bashkir ASSR archaeological study]. In: A.P. Smirnov (red.), *Istoriko-arkheologicheskii sbornik NII kraevedcheskoy i muzeynoy raboty* [Historical and archaeological collection of the Research Institute of Local Lore and Museum work]. Moscow, 161–170.
- Kulsharipov, M.M. (ed.) 2011: *Istoriya bashkirskogo naroda: v 7 t. T. VI*. [History of the Bashkir people]: in 7 vol. Vol. VI. Moscow.
- Kuzminykh, S.V., Safonov, I.E., Stashenkov, D.A. 2007: *Vera Vladimirovna Golmsten: materialy k biografii* [Vera Vladimirovna Golmsten: materials for the biography]. Samara.
- Lebedev, A.I. 2012: *Stanovlenie i razvitie organov gosudarstvennoy okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury v 1917–2010 godax (po materialam Bashkirii)* [Formation and development of bodies of state protection of historical and cultural monuments in 1917–2010 (based on materials from Bashkiria)]. Ufa.
- Mineeva, I.M. 1995: Otdel arkheologii v kraevedcheskom muzee: problemy i zadachi [Archaeological department of the regional museum]. *Muzeevedenie* [Museology] 1, 32–42.

- Mineeva, I.M. 2000: Muzeynaya arkheologiya i osobennosti razvitiya arkheologicheskikh issledovaniy v kraevedcheskom muzee [Museum archaeology and features of the development of archaeological research in the local history museum]. In: L.I. Skripkina (ed.), *Problemy interpretatsii pamyatnikov arkheologii v e'kspozitsiyakh istoricheskikh, kraevedcheskikh i arkheologicheskikh muzeev: sovremennye kontseptsii pervobytnoy istorii. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Problems of interpretation of archaeological artifacts in the expositions of historical, local history and archaeological museums: modern concepts of primitive history. Proceedings of the State Historical Museum] 113. Moscow, 49–53.
- Mineeva, I.M. 2004: *Arkheologicheskie issledovaniya v muzeyax Bashkortostana: opyt istorii i problemy sovremennosti* [Archaeological research in the museums of Bashkortostan: the experience of history and the problems of our time]. Ufa.
- Mosin, V.S., Grigoriev, S.A., Tairov, A.D., Botalov, S.G., Samigulov, G.Kh. 2002: *Istoriya arkheologii Yuzhnogo Zaural'ya* [History of Archaeology of the South Trans-Urals]. Chelyabinsk.
- Nefedov, F.D. 1889a: Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Yuzhnom Priural'e, proizvedennykh letom 1887 i 1888 gg. [Report on archaeological research in the Southern Urals in the summer of 1887 and 1888]. In: D.N. Anuchin (ed.), *Materialy po arkheologii vostochnykh guberniy, izdavaemye Imperatorskim Moskovskim Arkheologicheskim Obshchestvom* [Materials on the archaeology of the eastern provinces, published by the Imperial Moscow Archaeological Society]. III. Moscow, 1–41.
- Nefedov, F.D. 1979: Poezdka v Bashkiriyu [The voyage in Bashkiria]. In: N.Yu. Zograph, A.A. Tikhomirov (eds.), *Antropologicheskaya vystavka. T. 3. Ch. 2. Vyp. 1. Opisanie predmetov vystavki: otdel geologo-paleontologicheskoy* [Anthropological exhibition. Vol. 3. Pt 2. Iss. 1. Description of the subjects of the exhibition: Geological and Paleontological Department]. Moscow, 6.
- Nefedov, F.D. 1989b: Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Prikam'e, proizvedennykh letom 1893 i 1897 gg. [Report on archaeological research in the Kama Region in the summer of 1893 and 1897]. In: D.N. Anuchin (ed.), *Materialy po arkheologii vostochnykh guberniy, izdavaemye Imperatorskim Moskovskim Arkheologicheskim Obshchestvom* [Materials on the archaeology of the eastern provinces, published by the Imperial Moscow Archaeological Society]. III. Moscow, 42–74.
- Obydenov, M.F. 2019: Zabytaya data, ili 155 let arkheologii Bashkortostana [Forgotten date, or 155th anniversary of archaeology in Bashkortostan] *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*. T.31 [Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan]. Vol. 31. 2 (94), 87.
- Obydenov, M.F., Savateeva, G.N. 2012: *Istoriya izucheniya drevney istorii i arkheologii Urala* [The history of the study of the ancient history and archaeology of the Urals. 17th–20th centuries]. Ufa.
- Obydenova, G.T. 2002: *Ocherk istorii razvitiya Uralo-Povolzhskoy arkheologii pervoy poloviny XX stoletiya* [A sketch of the history of the development of the Ural-Volga archaeology of the first half of the 20th century]. Ufa.
- Onishchenko, O.S. (ed.) 2007a: *Istoriya Natsional'noy akademii nauk Ukraini (1941–1945): Chastina 1. Dokumenty i materialy* [History of the National Academy of Sciences of Ukraine (1941–1945): Pt 1. Documents and materials]. Kiev.
- Onishchenko, O.S. (ed.) 2007b: *Istoriya Natsional'noy akademii nauk Ukraini (1941–1945): Chastina 2. Dodatki* [History of the National Academy of Sciences of Ukraine (1941–1945): Pt 2. Appendices]. Kiev.
- Ovsyannikov, V.V., Yaminov, A.F. 2003: Issledovaniya mogil'nika u Chertova gorodishha v Ufe (1911–1912) [Investigations of the burial ground near the Chertovo Settlement in Ufa (1911–1912)]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [The Ufa Archaeological Herald] 4. Ufa, 16–57.

- Peker, A.A. 1891: *Istoricheskiy ocherk Ufimskogo gubernskogo muzeya, s podrobnym opisaniem ego kolleksii* [Historical sketch of the Ufa Provincial Museum, with a detailed description of its collections]. Ufa.
- Rodnov, M.I. 2008: Arkheologicheskaya informatsiya na stranitsax "Ufimskikh gubernskikh vedomostey" (1865–1895 gody) [Archaeological information on the pages of the "Ufa Provincial Gazette" (1865–1895)]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald] 8, 130–133.
- Slavin, L.M. 1966a: L.D. Dmitrov (nekrolog) [L.D. Dmitrov (the necrology)]. *Arkheologiya* [Archaeology] XX, 233–234.
- Slavin, L.M. 1966b: D.I. Blifel'd (nekrolog) [D.I. Blifeld (the necrology)]. *Arkheologiya* [Archaeology] XX, 235.
- Smirnov, M.S. 2004: Otchet nauchnoy e'kspeditsii Bashnarkomprosssa po itogam raskopok i razvedok v 1920 godu [Report of the scientific expedition of Bashnarkompross following the results of excavations and explorations in 1920]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald] 4, 64–72.
- Tallgren, A.M. 1937: Arkticheskaya bronza v Evrope [The Arctic Bronze in Europe]. *Evraziya Septentrionalis Antikva* [Eurasia Septentrionalis Antiqua] XI, 13–42.
- Telegin, D.Ya. 1959: E.F. Lagodovskaya (nekrolog) [E.F. Lagodovskaya (the necrology)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 329.
- Vakhrushev, G.V. 1926: Pamyatniki prirody, stariny i iskusstva Bashkirii [Nature, Antiquities and Art of Bashkiria]. In: Sh.Kh. Syuncheley (ed.), *Bashkirskiy kraevedcheskiy sbornik. Materialy obshchestvo po izucheniyu Bashkirii* [Bashkir local history collection. Materials Society for the Study of Bashkiria]. 1. Ufa, 40–50.
- Valiullin, G.F. 2014: *Natsional'nyy muzey Respubliki Bashkortostan: istoriya sozdaniya i razvitiya* [National Museum of the Republic of Bashkortostan: the history of creation and development]. Ufa.
- Vasyutkin, S.M. 1968: Istoriya izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov yugo-zapadnogo Priural'ya I tysyacheletiya n.e. [The history of the study of archaeological sites in the Southwestern Urals of the 1st millennium A.D.]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Moscow State University] 1, 66–82.
- Vasyutkin, S.M. 1973: Arkheologicheskie issledovaniya v Bashkirii v sovetskoe vremya (1917–1945 gg.). In: R.V. Filippov (ed.), *Ocherki istorii dorevolutsionnoy Rossii* [Essays on the history of pre-revolutionary Russia] 3. Ufa, 169–178.
- Vorobyova, S.L. 2015: Istoriya otdela arkheologii Natsional'nogo muzeya Respubliki Bashkortostan: ot momenta sozdaniya do segodnyashnikh dney [History of Archaeological Department of the National Museum of the Republic of Bashkortostan: from the time of foundation to the present day]. *Voprosy muzeologii* [Issues of Museology] 2 (12), 131–141.
- Vorobyova, S.L. 2018: Koishevskiy Boris Andreevich (1902–1945 gg.) – pervyy professional'nyy arkheolog Natsional'nogo muzeya Respubliki Bashkortostan [Koishevskiy Boris Andreevich (1902–1945), the first professional archaeologist in the of National Museum of the Republic of Bashkortostan]. In: R.R. Ruslanova (ed.), *ArkLab. Arkheologiya Urala: vremya, pamyatniki, lyudi* [Archaeology of the Urals: time, sites, people] 3. Ufa, 145–153.
- Zakharov, V.N. 2016: Dokumenty P.F. Ishcherikova kak osnova dlya istoriko-arkhitekturnykh issledovaniy Ufimskogo Smolenskogo sobora [P.F. Ishcherikov's archive as the base for historical and architectural studies of the Smolensk Cathedral in Ufa]. In: M.I. Rodnov (ed.), *Reka vremeni* [The River of Time]. Ufa, 16–24.
- Zavyalov, P. 1926: Kratkiy obzor deyatelnosti Obshchestva po izucheniyu Bashkirii za 5 let [Brief review of five-years activity of the Society for study of Bashkiria]. In: *Byulleten' Bashkirskogo oblastnogo byuro kraevedeniya* [Bulletin of the Bashkir Regional Bureau of Local Lore] 2. Ufa, 22–28.

“HOW THIS ALL BEGAN...”: THE 100th ANNIVERSARY OF
ARCHAEOLOGICAL DEPARTMENT OF THE BASHKORTOSTAN NATIONAL
MUSEUM AND THE 125th ANNIVERSARY OF MIKHAIL KASYANOV

Svetlana L. Vorobyeva

Bashkortostan National Museum, Ufa, Russia
sveta_legion@mail.ru

Abstract. The article overviews the history of archaeology in Bashkortostan from the mid-19th century until the mid-20th century. At this time, the Bashkortostan National Museum, that was created as the Ufa Provincial Museum, was the regional scientific center. The first archaeological explorations in Bashkiria were carried out by R.G. Ignatiev, who was invited by the Ufa Statistical Committee members to Ufa to replenish the museum's funds with archaeological artifacts. The very first archaeological collections came from K.D. Romanovskiy. At the end of the 19th century, the Museum funds were replenished with random finds arrived from the excavations of lovers of antiquity. At the beginning of the 20th century, the first professional excavations were conducted under the guidance of V.V. Golmsten, the Moscow archaeologist, on the territory of Ufa. The materials of her excavations of the Chertovo Settlement and the Ufa necropolis are stored in the Museum. In 1920, the Archaeological Department appeared in the Museum and it was headed by M.I. Kasyanov. The scholar organized a continuous archaeological survey of the territory of Bashkortostan, discovered more than 30 new archaeological sites, and excavated some identified settlements. In 1936, B.A. Koishchevskiy began to work in the Museum. He was a Leningrad archaeologist repressed in Ufa. Together with M.I. Kasyanov he conducted archaeological excavations in the territory of Ufa and was involved in compiling a list of famous archaeological sites. In the 1930s, supported by the Museum A.V. Schmidt, the Leningrad archaeologist, worked in the territory of Bashkiria. P.F. Ishcherikov, the local historian, was also involved in archaeological excavations and explorations of Ufa. During the World War II, M.I. Kasyanov went to the front. B.A. Koishchevskiy conducted an inventory of archaeological funds. He was assisted by the D.I. Blifeld, L.D. Dmitrov and E.F. Lagodovskaya, evacuated researchers of the Ukrainian Academy of Sciences. Thanks to these efforts, B.A. Koishchevskiy compiled a description of 363 archaeological sites and analyzed all materials with archaeology in Bashkiria. The war years completed the formation of archaeological science in Bashkortostan, when the Bashkortostan National Museum played a leading role in this process.

Keywords: history of archaeology, Bashkortostan National Museum, Statistical Committee, Ufa Province, Archaeological Department

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВИМ – Аксайский военно-исторический музей
АИАПМЗ – Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник
АМЗ – Археологический музей-заповедник. Танаис
БИКАМЗ – Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ГЛИАМЗ – Государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник. Таганрог.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИДУ – Музей исторических драгоценностей Украины
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА – Российская археология. Москва
САИ Г1–11 – Кобылина, М.М. (ред.), Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья. Ч. 1–2: Терракоты Северного Причерноморья (1970); Ч. 3: Пантикапей (1974); Ч. 4: Придонье и Таманский п-ов (1974).
СА – Советская археология. Москва
ТБЛ – Лопухин, А.П. (ред.) 1904–1913: *Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета*: в 10 т. Петербург.
ЭКМ – Энгельский краеведческий музей
ЮФУ – Южный Федеральный университет
AJN – American Journal of Archaeology
Archäologie zwischen Römern und Barbaren – H.-U. Voß/N. Müller-Schneeßel (Hrsg.), *Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)*. Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Bd. 1. Bonn, 2016
AYBD – Freedman, D.N. (ed.) 1992: *The Anchor Yale Bible Dictionary*. 6 vols. New York.
BAR IS – British Archaeological Reports International Series. Oxford.
BAR – *Biblical Archaeology Review*. Washington.
BAR – British Archaeological Reports
BASOR – *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. Chicago.
BBC – Walton, H.J., Matthews, V.H., Chavalas M.W. (eds.) 2000: *The IVP Bible Background Commentary. Old Testament*. Downers Grove.
BerRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
BE – Bulletin épigraphique. Paris
BKC – Walvoord J.F., Zuck R.B. (eds.) 1983: *The Bible Knowledge Commentary. An Exposition of the Scriptures by Dallas Seminary Faculty. Old Testament*. Colorado Springs.
DFG – Deutsche Forschungsgemeinschaft
DSH – Clines, D.J.A. (ed.) 1993–2011: *The Dictionary of Classical Hebrew*. 8 vols. Sheffield.
EAM – Ριζάκης Θ., Τουράτσογλου Γ. Επιγραφές 'Ανω Μακεδονίας. Τ. Α'. Αθήνα, 1985
IG – Inscriptiones Graecae. Berlin
ISE – Iscrizioni storiche ellenistiche / Testo critico, traduzione e commento a cura di L. Moretti, F. Canali De Rossi. Vol. 1–3. Firenze–Roma, 1967–2006
JbRGZM – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz
JBL – *Journal of Biblical Literature*. Atlanta.
JSOT – *Journal for the Study of the Old Testament*. Sheffield.
NBC – Gordon, J., Wenham, J.A., Motyer, D.A., Carson, R.T., (eds.) 1994: *New Bible Commentary*. Leicester.

-
<i>Roman Imports</i>	B.A. Raev, <i>Roman Imports in the Lower Don Basin</i> (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 1986
SEG	– Supplementum Epigraphicum Graecum. Amsterdam–Leiden
STR	– Strong, J. 1999: <i>Strong's Hebrew Dictionary</i> . Albany.TDOT – Botterweck, G.J., Ringgren H., Fabry H.-J. (eds.) 1997–2006: <i>Theological Dictionary of the Old Testament</i> . 15 vols. Grand Rapids.
TAPA	– Transactions of the American Philological Association
ZPE	– Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphi

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Трейстер М.Ю.</i> (Берлин) – Римские бронзовые тазы Eggers 99–106 в Восточной Европе	5
<i>Корженков А.М., Масленников А.А., Овсяченко А.Н., Ларьков А.С., Родина С.Н.</i> (Москва) – Следы сейсмических катастроф в руинах усадебных комплексов IV–III вв. до н.э. в Крымском Приазовье	49
<i>Терещенко А.Е.</i> (Санкт-Петербург) – Свастичная символика на пантикапейских монетах V в. до н. э.	77
<i>Смекалова Т.Н.</i> (Москва) – Результаты археолого-геофизических исследований городища Кострырино	89
<i>Астахов И.А.</i> (Тула) – Защитное вооружение на Боспоре в эпоху поздней античности .	104
<i>Мамедзаде С.</i> (Баку) – Об идентификации трех городов Маньи и Антропенны	114
<i>Кочергин С.С.</i> (Тула) – Ашера, Кедеши и представления о «святости» у древних евреев в доплеменной период	120
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Пространственные категории у древнейших греческих историков. II «Азия» Гекатея и другие релевантные тексты	131
<i>Ленская В.С.</i> (Москва) – Филы в системе религиозной жизни Афин	157
<i>Кузьмин Ю.Н.</i> (Самара) – ΠΥΡΟΚΑΥΣΙΣ: гражданская и военная организация македонского общества в эпоху эллинизма	174
<i>Мехамедиев Е.А.</i> (Санкт-Петербург) – Рейнская граница поздней Римской империи в IV в.: к вопросу о взаимодействии пограничной и экспедиционной армий	181
<i>Костенецкий А.Л.</i> (Москва) – Соборные правила и «Апостольские постановления»: кто имел право голоса при выборе епископов христианской Церкви IV–V вв.?	193

Круглый стол «Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии»

<i>Дружинина И.А.</i> (Москва) – Население низовий Кубани XIII–XIV вв. по археологическим и антропологическим материалам: продолжение дискуссии	206
<i>Атнагулов И.Р.</i> (Екатеринбург) – Новая этническая карта Среднего Поволжья и Южного Приуралья как результат государственной политики в XVI–XIX веках	227

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Квашнин В.А.</i> (Вологда) – Как выглядели законы XII таблиц? Некоторые наблюдения над учебной литературой по римскому праву	237
<i>Быковская А.В.</i> (Москва) – Изучение культа Кибелы на Боспоре в контексте мировой историографии	247

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Воробьева С.Л.</i> (Уфа) – «Как все начиналось...»: к 100-летию Отдела Археологии национального музея Республики Башкортостан и 125-летию М.И. Касьянова	269
---	-----

CONTENTS

<i>M.Yu. Treister</i> (Berlin) – Eggers 99–106 Roman Bronze Basins in Eastern Europe.....	5
<i>A.M. Korzhenkov, A. A. Maslennikov, A.N. Ovsyuchenko, A.S. Larkov, S.N. Rodina</i> (Moscow) – Trace of Seismic Disasters in the Ruins of Manor Complexes 4 th – 3 rd Centuries BC in the Crimean Azov Region.....	49
<i>A.E. Teresschenko</i> (Saint Petersburg) – Swastika Symbols in the Coinage of Panticapaeum in the 5 th Century BC	77
<i>T.N. Smekalova</i> (Simferopol) – The Kostyrino Settlement: Results of Archaeological and Geophysical Study.....	89
<i>I.A. Astakhov</i> (Tula) – The Late Bosporan Defensive Weapons	104
<i>S. Mamadzadeh</i> (Baku) – The Identification of Three Cities Mannes and Atropathens.....	114
<i>S.S. Kochergin</i> (Tula) – Ashera, Qedeshot and the Idea of “Holiness” of the Ancient Jews Before the Babylonian Exile	120
<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – Spatial Categories in the Earliest Greek Historians. II. Hecataeus’ “Asia” and other Relevant Texts	131
<i>V.S. Lenskaya</i> (Moscow) – Phylai in the System of Religious Life in the Athens	157
<i>Y.N. Kuzmin</i> (Samara) – ΠΥΡΟΚΑΥΣΙΣ: Civic and Military Organization of the Macedonian Society in the Hellenistic Epoch	174
<i>E.A. Mekhamadiev</i> (Saint Petersburg) – The Late Roman Empire Rhine Limes During the Fifth Century: on the Way of Interaction Between Frontier and Mobile Troops	181
<i>A.L. Kostenetskiy</i> (Moscow) – Council Rules and «Apostolic decrees»: Who had the Right to Vote When Choosing Bishops of the Christian Church in the Fourth and Fifth Centuries?	193

Round Table “Current Research in Ethnoarchaeology and Historical Ethnology”

<i>I.A. Druzhinina</i> (Moscow) – Population of the Lower Kuban of the 13 th – 14 th Centuries on Archaeological and Anthropological Materials: Continuation of the Discussion	206
<i>I.R. Atnagulov</i> (Yekaterinburg) – New Ethnic Map of the Middle Volga and Southern Urals as a Result of State Policy in the 16 th –19 th Centuries.....	227

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>V.A. Kvashnin</i> (Vologda) – What did the Laws of the XII Tables look like? Some Observations on the Educational Literature on the Roman Law	237
<i>A.V. Bykovskaya</i> (Moscow) – Historiography of Studying in the Cybele Cult in the Cimmerian Bosphorus.....	247

FROM SCIENCE HISTORY

<i>S.L. Vorobyeva</i> (Ufa) – “How this all Began...”. The 100 th Anniversary of Archaeological Department of the Bashkortostan National Museum and the 125 th Anniversary of Mikhail Kasyanov	269
--	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в **References** указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2020

Сдано в набор 11.09.2020. Подписано в печать 15.09.2020.

Дата выхода 30.09.2020.

Формат 70х100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.